АКАДЕМИЯ НАУК СССР

А. В. ФАДЕЕВ

РОССИЯ И КАВКАЗ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

Отсканировано
19 декабря 2012 года
специально для эл. библиотеки
паблика «Бæрзæфцæг»
(«Крестовый перевал»).

Скангонд æрцыд
2012 азы 19 декабры
сæрмагондæй паблик «Бæрзæфцæг»-ы
чиныгдонæн.

http://vk.com/barzafcag

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

А. В. ФАДЕЕВ

РОССИЯ И КАВКАЗ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВВЕДЕНИЕ

Для зарубежной буржуазной историографии характерно стремление представить в ложном свете роль России в истории международных отношений XIX в., изобразив ее единственной или по крайней мере главной виновницей всех политических и военных конфликтов, имевших место в Европе и Азии. Подчеркивая агрессивные замыслы русского царизма, а порой и преднамеренно преувеличивая их, фальсификаторы истории пытаются замолчать неоценимый вклад русского народа в общее дело борьбы всех народов против врагов мира и прогресса.

Советские историки неустанно разоблачают эти и им подобные извращения. Однако надо признать, что в области изучения истории внешней политики России первой половины XIX в. сделано еще мало. Капитальных работ на эту тему почти нет. Наиболее значительным исследованием является двухтомная монография Е. В. Тарле «Крымская война», хотя в ней уделяется главное внимание дипломатической истории и недостаточно освещен вопрос о социально-экономических предпосылках внешнеполитических акций.

В то же время за последние годы отдельными авторами допускалась известная лакировка фактов при освещении международных событий прошлого, а именно некоторая идеализация военных и политических деятелей царской России, приводившая к односторонней оценке внешней политики царизма. С другой стороны, имела место тенденция к отрицанию каких бы то ни было объективно прогрессивных последствий выступлений России на

международной арене, что вело к принижению подлинной роли России в исторических судьбах народов Европы и Азии. Разумеется, следует избегать обеих крайностей и добиваться глубокого и всестороннего анализа внешнеполитических проблем, какими бы сложными они ни являлись.

При изучении истории международных отношений необходимо прежде всего не забывать марксистско-ленинского положения о генетической связи внешней и внутренней политики, о зависимости внешней политики любого государства от расстановки классовых сил и классовой борьбы внутри страны. В. И. Ленин подчеркивал: «Нет более ошибочной и более вредной идеи, чем отрывание внешней от внутренней политики» [1].

Однако при этом следует помнить, что наряду с классовыми интересами во внешней политике могут иногда отражаться и общенациональные интересы. Тот факт, что правящие классы Российской империи не раз спекулировали на лозунге «защиты отечества», не может служить основанием для отрицания того, что бывали моменты, когда русскому народу действительно приходилось защищать свое отечество от иноземных завоевателей. При этом именно народные массы проявляли подлинный патриотизм и доказывали преданность своей Родине. Любовь к отечеству росла и крепла в сердцах трудящихся веками. «Патриотизм — одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств»,— писал В. И. Ленин [2].

Не раз поднимались на защиту Родины и другие народы нашей страны. Трудящимся массам не могли быть безразличны судьбы их отечества. От их отношения к тем или иным внешнеполитическим событиям во многом зависел исход международных конфликтов. Активность народных масс, как правило, ускоряла развитие событий, оказывая определенное влияние на дипломатическую борьбу соперничавших держав.

Конечно, внешняя политика царской России направлялась правительством, которое рассматривало национальные задачи сквозь призму классовых интересов помещиков и капиталистов. Кроме того, нельзя забывать, что соотно-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 67.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 167.

шение классового и национального в истории внешней политики не было постоянным. До тех пор, пока феодальные отношения не препятствовали развитию производительных сил страны, в политике правящего феодального класса могли полнее выражаться национальные чаяния. Нет сомнения, например, что борьба московских князей против золотоордынских ханов отвечала интересам национального развития русского народа. Однако с разложением феодально-крепостнической системы русское дворянство все более утрачивало способность к решению актуальных задач общенационального значения, политическая идеология его становилась все более реакционной, а деятельность царских дипломатов отличалась все большей отсталостью.

При оценке характера войн надо исходить из того, что он определяется характером предвоенной политики воюющих держав. «Ту самую политику, — указывал В. И. Ленин,— которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот самый класс продолжает во время войны, переменив только форму действия» [3].

Нельзя оценивать характер войны, исходя из ее объективно-исторических последствий, но в то же время неправильно игнорировать эти последствия, памятуя, что далеко не все результаты войны находят отражение в мирном договоре. Объективные последствия военных конфликтов иногда выявляются значительно позднее, независимо от политических устремлений победившей стороны и даже вопреки им.

Говоря о внешней политике царизма дореформенного периода, следует исходить из того, что она отражала интересы крепостников, заинтересованных в развитии феодализма вширь, в распространении крепостного права на новые территории, в освоении степных окраин империи и овладении наиболее удобными торговыми путями к внешним рынкам. Это и обусловило усиление во внешней политике царизма завоевательных тенденций, особенно по отношению к территориям, лежавшим на южных и юго-восточных границах государства. Это же и предрешило

---

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 364.

активность царской дипломатии в направлении Черномор-ского бассейна, Кавказа и Средней Азии.

Но, помимо экономических интересов, следует учитывать и политические мотивы. Во-первых, активная внешняя политика отвлекала до известной степени внимание народных масс от насущных вопросов их социальной жизни, а победоносные войны укрепляли престиж государственной власти и личный авторитет монарха. Во-вторых, активность царской дипломатии стимулировалась в то время необходимостью противодействовать международному революционному движению. В этом особенно проявлялась связь внешней и внутренней политики царизма. Политика «жандарма Европы» была естественным продолжением политики укрепления дворянской диктатуры и беспощадного подавления антифеодальных массовых движений внутри страны. Цель была одна и та же: спасти, отстоять, упрочить отживший феодальный порядок у себя дома, в России, и за рубежом, в других странах Европы. Реакционная сущность и контрреволюционная направленность внешней политики царизма выступала в данном случае со всей очевидностью.

Советские историки всегда неустанно разоблачали агрессивность и реакционность внешней политики царизма. Выдающийся представитель старшего поколения советских историков М. Н. Покровский нанес смертельный удар многим апологетическим построениям дворянских и буржуазных историков, пытавшихся оправдать экспансионистские замыслы царской дипломатии ссылками на исторические традиции, общность религиозных верований, предначертанную свыше «освободительную миссию» русских царей в отношении зарубежных православных народов и т. п.

Будучи революционером, Покровский страстно ненавидел общественный и политический строй старой дворянской России. Он всегда подчеркивал, что русские помещики представляли собой реакционный класс, а русский царизм являлся оплотом европейской реакции. Однако, резко акцентируя это, он упускал из виду реакционные силы других стран и забывал, что завоевательная политика не являлась монополией русского царизма. Между тем, если даже говорить о первой половине XIX в., царизм был главным, но не единственным оплотом европейской реакции.

Достаточно вспомнить деятельность его партнеров по «Священному союзу» и организующую роль английской буржуазии в создании контрреволюционных коалиций. Что же касается агрессивности, то она была присуща и реваншистским устремлениям турецких султанов и иранских шахов, и британской политике в районе Средиземного моря и на Среднем Востоке, и экспансионистским замыслам французской буржуазии, и намерениям австрийских Габсбургов и прусских Гогенцоллернов поживиться за счет более слабых соседей. Дипломатические акции царизма имели отнюдь не всегда наступательный характер. Нередко ему приходилось и обороняться, противодействуя агрессивным планам своих соперников. При этом в ряде случаев царская дипломатия обнаруживала неспособность отстоять государственные интересы России, уступая натиску дипломатов, представлявших более сильные и могущественные в отношении военно-экономического потенциала державы.

В своей внешней политике царская дипломатия нередко делала ставку на религиозную и культурную общность некоторых зарубежных народов с русским народом, используя их естественное тяготение к России, порожденное стремлением к освобождению от ига завоевателей. Конечно, сама по себя идея национального самоопределения народов всегда оставалась чуждой царскому самодержавию. Оно использовало национально-освободительные устремления народов лишь постольку, поскольку это могло способствовать реализации его собственных агрессивных внешнеполитических замыслов.

Однако некоторые внешнеполитические акции царской России объективно содействовали освобождению зарубежных народов от гнета иноземных феодалов. Процесс национальной консолидации этих народов происходил, разумеется, независимо от воли русских политических деятелей. Этот процесс был обусловлен в конечном счете развитием капитализма в недрах экономики отсталых феодальных государств. Но нельзя отрицать того, что поражения, которые терпели эти государства в борьбе с Россией, стимулировали рост национально-освободительного движения угнетенных ими народов. Так, успехи русского оружия вдохновляли на борьбу за национальную независимость христианские народы, подвластные шаху и султану.

* * *

Исторические предпосылки дружбы народов нашей страны подготовлялись в течение длительного времени в процессе общения их в рамках единого централизованного государства и постепенно формировавшейся единой экономической системы всероссийского рынка, в ходе совместной борьбы против иноземных захватчиков и особенно против общих классовых врагов. Долг советских историков — показывать не только то, что в прошлом разделяло народы, но и то, что сближало их в борьбе за лучшее будущее.

Каждый народ нашей многонациональной страны внес свой вклад в ее историю. Советские историки решительно осуждают малейшие попытки умалить национальное достоинство или принизить прогрессивные национальные традиции любого народа. Отмечая ведущую роль русского народа в хозяйственном освоении территории нашей страны, в ее социальной и политической истории, в ее культурном развитии, они одновременно подчеркивают активное участие в этих процессах и других народов.

Известно, что, в отличие от многих стран Западной Европы, Россия издавна являлась многонациональным государством. Это объясняется тем, что Русское государство сложилось еще при господстве феодализма, когда народности Восточной Европы в силу своей исторической отсталости не успели еще консолидироваться в нации. В результате в составе этого государства оказались многие нерусские народы. Как правило, это были народы, которые жили по соседству с русскими. Одни из них были родственными русским по языку и культуре славянскими народами. Другие издавна общались с русскими, поддерживая с ними торговые сношения и развивая культурные связи, а также являясь их союзниками в борьбе против иноземных завоевателей.

Включение нерусских народов Восточной Европы и некоторых народов Азии в состав Русского централизованного государства имело для них определенные объективно прогрессивные последствия. Многие из этих народов в результате присоединения к России избавлялись от угрозы порабощения более отсталыми, чем царская Россия, восточными деспотиями или от господства более реакционных политических режимов, установленных средневековыми

завоевателями. Это относится, в частности, к народам Закавказья, которые благодаря присоединению к России были избавлены от тормозившей их развитие военно-феодальной экспансии Ирана и Турции. Большинство нерусских народов оказались в составе Русского государства уже после того, как Россия вступила в новый период своей истории, ознаменованный развитием товарного производства, возникновением мануфактурной промышленности и слиянием небольших местных рынков в один огромный всероссийский рынок. Зарождение в России капиталистических элементов и расширение ее связей с более передовыми в экономическом отношении странами Западной Европы способствовали экономическому прогрессу не только великорусского центра, но и в какой-то мере окраинных областей империи. Начавшийся в России процесс разложения крепостного хозяйства ускорял изживание феодальной ограниченности и патриархальной замкнутости среди народов окраин.

Классовая борьба в России была более острой, чем в других, не только азиатских, но и некоторых европейских, странах. Поэтому русская революционная мысль созревала быстрее, оказывая благотворное влияние на общественную мысль и культуру других народов России. Пример русских революционеров вдохновлял прогрессивных деятелей национальных окраин, борьба русских трудящихся против эксплуататорских классов помогала борьбе всех народов России за национальное и социальное освобождение.

Исторически прогрессивное содержание присоединения нерусских народов к России проявилось ярче всего именно в приобщении их к революционной борьбе русского народа. Особенностью исторического процесса в России являлось то, что в русском народе в силу ряда обстоятельств накапливалась огромная революционная энергия. К исходу XIX столетия Россия стала центром мирового революционного движения. Разумеется, это имело важнейшее значение и для исторических судеб других народов, населявших Россию, а не только для русского народа.

В середине XIX в. не было среди революционных деятелей более последовательных и непримиримых противников русского царизма, чем основоположники марксизма. Неустанно разоблачали они агрессивную сущность царской

внешней политики. Но Маркс и Энгельс признавали объективно прогрессивную роль России в исторических судьбах восточных народов. Энгельс писал: «...Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку» [4].

Однако, подчеркивая объективно-историческую прогрессивность присоединения народов к России, нельзя забывать и о другой стороне дела. В ряде случаев это присоединение происходило в форме завоевания. Но даже тогда, когда акт присоединения совершался на основе договора или добровольного соглашения, население присоединенной территории все равно оказывалось под властью русского царизма с характерными для него военно-феодальными методами управления.

Советские историки не могут забывать о мрачных сторонах данного процесса. Догматическое восприятие тезиса о прогрессивном значении присоединения нерусских народов к России может привести к затушевыванию жестокостей и мерзостей национально-колониальной политики царизма, к забвению того, что царская Россия была тюрьмой народов. Замалчивание того, что формы процесса сближения народов не соответствовали его исторически прогрессивному содержанию, будет означать умаление роли национально-освободительной борьбы народов в истории нашей Родины и принижение значения Великой Октябрьской социалистической революции, освободившей эти народы от национального и колониального угнетения.

Не следует при этом ударяться и в другую крайность, подчеркивая только жестокость царского колониализма и не желая видеть ничего положительного в процессе сближения народов. Это ведет к ревизии известных высказываний основоположников марксизма о прогрессивной роли России по отношению к Востоку и ленинских положений об исторической прогрессивности вовлечения окраин России в сферу единого всероссийского рынка под влиянием развития капитализма вширь. Отрицание объективно прогрессивных последствий присоединения к России нерусских народов также порочно в методологическом отношении, как замалчивание реакционной сущности национально-колониальной политики царизма.

---

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 211.

Напрасно зарубежные буржуазные историки пытаются обвинить в данном случае советских историков в том, что они якобы запутались в неразрешимом противоречии. Такие необоснованные заявления делаются, например, авторами некоторых статей, посвященных советской историографии и напечатанных в сборнике «Переписывание русской истории», изданном в 1957 г. в Нью-Йорке под редакцией С. Блэка [5].

На самом деле здесь нет никакого противоречия. Советские историки отмечают две стороны процесса присоединения народов к России: 1) исторически прогрессивное содержание экономического, политического и культурного сближения народов в рамках единого централизованного Российского государства; 2) не соответствовавшие объективно прогрессивному содержанию формы и методы этого процесса, обусловленные в первую очередь военно-феодальным характером царского режима и эксплуататорской сущностью связанного с ним общественного строя.

* * *

Кавказ всегда играл существенную роль во внешних сношениях Русского государства.

Представляя собой перешеек между Черным и Каспийским морями, Кавказ соединял Европу и Азию. Это способствовало тому, что его обитатели постоянно общались как с населением соседних азиатских, так и с народами ближайших европейских стран. Но самой близкой к Кавказу страной европейского континента неизменно являлась Россия.

Географы и теперь признают, что «равнинное Предкавказье очень близко по своей природе к южнорусским степям» и что «их влияние ощущается и на северных горных склонах Большого Кавказа» [6]. Это сходство природных условий Предкавказья и Южной России на ранних ступенях культуры имело особенно большое значение для установления широких контактов между обитателями Северного Кавказа и населением Подонья и Нижнего Поволжья.

---

[5] Рецензию на этот сборник см. «История СССР», 1959, № 6, стр. 193.

[6] Н. А. Гвоздецкий. Физическая география Кавказа. М., 1954, стр. 5.

Первый этап в развитии русско-кавказских связей относится к X—XII вв., когда Древнерусское государство соперничало с Византийской империей, Черное море называлось Русским морем, и никто, кроме русских, не смел бороздить своими ладьями синие волны Каспия [7]. Именно тогда в результате победоносных походов киевского князя Святослава против хазар и разгрома Хазарского каганата возникли русские поселения на Дону и в низовьях Кубани.

Не следует изображать в идиллических тонах отношения жителей этих русских порубежных городов с коренными обитателями Предкавказья. Конечно, зарево войны нередко вставало над степью, и летописи тех времен пестрят сообщениями о набегах кочевников, об ответных походах русских дружин в предкавказские степи, в земли касогов и ясов (предков современных адыгов и осетин).

Но не надо забывать и о другом. Как ни часты бывали военные тревоги, но периоды мирного затишья были более длительными. Простые люди разных племен и наречий, земледельцы и скотоводы, испытывали потребность в общении друг с другом, в обмене продуктов своего труда, освоении производственного опыта соседей. На степных просторах протаптывались новые дороги. Это были пути мира и дружбы.

Построенный в X в. на месте бывшей хазарской крепости Саркел [8] русский город Белая Вежа до 1117 г. вел оживленную торговлю с Кавказом. Сюда прибывали купцы из дальних стран Закавказья и Передней Азии. Отсюда снаряжались торговые караваны в Киев и другие русские города. Осевшие на берегах Нижнего Дона русские люди не только снабжали своих кавказских соседей высококачественными ремесленными изделиями. Они принесли в донские степи более высокую сельскохозяйственную культуру. Занимаясь земледелием, русские хлебопашцы сеяли в степях мягкую пшеницу, коноплю, лён, шестиряд-

---

[7] Арабский географ X в. Абуль-Хасан-Али аль-Мас'уди писал, что в период русских походов к берегам Кавказа никто не мог проехать по Каспийскому морю, так как русские безраздельно господствовали на нем (см. выдержки из его книги «Луга золота и рудники драгоценных камней». «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 38. Тифлис, 1908, стр. 48).

[8] Ныне это место затоплено Цимлянским морем.

ный ячмень. Кувшинчики с зернами этих растений были найдены при раскопках Белой Вежи наряду с тиглями для плавки металла, горнами и литейными формами [9].

Тем временем к юго-западу от Белой Вежи росло и крепло русское княжество, сложившееся к концу X в. на Таманском полуострове и известное в источниках под именем Тмутаракани. По крайней мере в течение ста лет существовали русские поселения по обоим берегам Керченского пролива, у азовских лиманов, в кубанских степях и предгорьях Черноморского Кавказа. Восточные границы этого русского княжества простирались до реки Большой Егорлык, т. е. включали почти всю равнинную зону современного Краснодарского края. Конечно, и местные племена, обитавшие в предгорьях Большого Кавказа, в какой-то мере находились в сфере влияния Тмутаракани.

В 1022 г. тмутараканский князь Мстислав одолел касожского князя Редедю и «взял все имущество его, и жену его, и детей его, и дань возложил на касогов...». Но в том же году «пойде Мстислав с козары и касоги на великого князя Ярослава» [10]. Это значит, что русские и касоги не являлись закоренелыми врагами и, как только смолкал звон мечей, легко становились союзниками.

Раскроем трактат арабского географа XII в. Абу-Абдаллаха-Мухаммеда аль-Идриси, имеющий, согласно восточной традиции, пышное название «Нузхат аль-муштак» («Развлечение того, кто пламенно жаждет»). Там говорится, что Тмутаракань — это цветущий город, окруженный возделанными полями и виноградниками. «В нем бывают ярмарки, на которые стекается народ из всех близких и дальних краев» [11].

Конечно, на этих тмутараканских ярмарках русские люди встречались с ближайшими соседями — касогами и более отдаленными — ясами. Приезжали сюда и обезы, под которыми русские понимали тогда не только абхазов, но и

---

[9] М. И. Артамонов. Новые раскопки Саркела-Белой Вежи. «Вопросы истории», 1949, № 10.

[10] «Повесть временных лет». М.— Л., 1950, стр. 229. См. также «Полное собрание русских летописей», т. II, стр. 265 («Ипатьевская летопись»); т. V, стр. 134; т. VII, стр. 328 и др.

[11] А. Я. Гаркави. Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе. «Труды Казанского археологического съезда», т. II. Казань, 1891, отд. VII, стр. 244.

грузин, поскольку в то время значительная часть грузинских земель входила в состав Абхазского («Обезского») царства [12]. Бывали здесь и армяне — купцы, ремесленники, врачи, направлявшиеся по торговым и иным делам в Киев [13].

Взаимоотношения русского населения с аборигенами Кавказа не ограничивались, разумеется, меновой торговлей и совместным участием в общих военных походах. Дабы закрепить свое влияние среди соседних племен, русские князья спешили породниться с кавказской знатью. То «Ярополк приведе собе жену, красну велми, Яського князя дщерь» [т. е. очень красивую дочь ясского (осетинского) князя] [14]. То Изяслав «женился... другою женою, привед ю из обез» (т. е. вторично вступил в брак с абхазкой или грузинкой) [15]. Подобных сообщений немало можно встретить, читая летописи.

Нельзя упускать из виду и встречное стремление к заключению династических браков со стороны кавказских владетелей. Известно, что грузинская царица Тамара по совету своих родных и вельмож решилась выйти замуж за русского князя Юрия, сына Андрея Боголюбского, несмотря на то, что он был изгнанником, лишенным наследственного удела [16]. А сколько еще титулованных кавказских невест мечтали о русских женихах? Мы не знаем этого, быть может, просто потому, что многие народы Кавказа не имели письменности и не оставили письменных источников. Но в обстановке нараставшей опасности опустошительных нашествий кочевников, появлявшихся подобно грозным тучам откуда-то из бесплодных равнин внутренней Азии, для кавказских правителей очень важно было заручиться таким союзником, как могущественное Русское государство. Курс на сближение с северным европейским соседом в борьбе против военно-феодальной экспансии азиатских

---

[12] Г. Г. Сулава. Что понимали в Древней Руси под названием «Обез». «История СССР», 1957, № 2.

[13] Л. М. Меликсет-бек. Древняя Русь и Армения. «Сборник трудов Ин-та языка АН Арм. ССР». Ереван, 1946, стр. 142.

[14] «Полное собрание русских летописей», т. II. СПб., 1843, стр. 8.

[15] Там же, т. I, стр. 146.

[16] См. грузинскую летопись «Картлис Цховреба», ч. I, вып. 2, изд. М. Броссе. СПб., 1850, стр. 284—285.

завоевателей был для кавказской дипломатии своего рода исторической традицией.

Ураган монголо-татарского нашествия порвал все узы дружбы и мира, которые связывали Русь с Кавказом. Русские поселения на степных рубежах Предкавказья исчезли. Адыгов и осетин оттеснили в горы. Пашни и сады на равнине, вытоптанные конями кочевников, превратились в пастбища.

Налицо было прямое разрушение производительных сил, упадок и регресс по всем линиям. Может быть, нигде это не ощущалось столь резко, как на Кавказе.

Прошло двести с лишним лет, пока открылась возможность восстановления сношений Кавказа с Европейской Россией. Только с конца XV в. наступил второй этап в развитии русско-кавказских связей. Он был обусловлен распадом Золотой Орды и созданием Русского централизованного государства с центром в Москве.

Видя в молодом Русском государстве силу, способную противостоять турецко-татарской экспансии в бассейне Черного моря, кавказские владетели искали покровительства русских царей. Выражением этого служило посольство, направленное в 1492 г. в Москву грузинским царем Александром I [17], а позднее — многократными обращениями к русскому правительству черкесских, кабардинских, дагестанских владетелей.

В дальнейшем усиление агрессивных устремлений Кизилбашской державы и Османской империи в районе Кавказа совпало с выходом России к Каспийскому морю и выдвижением ее порубежных кордонов к низовьям Терека. Принятие в середине XVI в. под покровительство России кабардинского князя Темрюка, закрепленное женитьбой на его дочери «государя всея Руси» Ивана IV, укрепляло русское влияние на Северном Кавказе не менее, чем сооружение русских «городков» на Тереке и Сунже. Обладая стратегически важными позициями в Предкавказье и пользуясь поддержкой местных владетелей, русское правительство могло серьезно противодействовать распространению турецко-татарской экспансии на Северном Кавказе и даже до некоторой степени ослаблять натиск турок на Закавказье.

---

[17] «Очерки истории СССР. XIV—XV вв.» М., 1953, стр. 331.

А то, что экспансия Турецкой империи и зависимого от нее Крымского ханства в сторону Кавказа представляла собой опасность не только для одних кавказских народов, подтверждается многими фактами.

Проникнув в конце XV в. в устье Дона и закрепившись в Азове, турецкие завоеватели угрожали не только Предкавказью, но в равной степени и Нижнему Поволжью, поскольку вверх по Дону шел старинный караванный путь в пределы бывших владений Золотой Орды. Вскоре турецкие паши превратили в свой плацдарм Таманский полуостров, а крымские ханы установили контроль над всей территорией между реками Кубанью и Еей. Отсюда шли степные дороги через Сал и Маныч все к тем же берегам Волги.

В 1569 г. султан Селим II предпринял поход из Азова на Астрахань, но потерпел неудачу. Около 80 тыс. турок и крымских татар прошли Подоньем до Волги, но на подступах к Астрахани были разбиты русскими войсками и отброшены в предкавказские степи, где понесли немалый урон от союзных России черкесов и кабардинцев [18]. Таким образом, Северный Кавказ был театром первой в истории войны между Россией и Турцией.

В этих настойчивых попытках турецких султанов проложить себе путь через Подонье и Предкавказье на Волгу не трудно заметить определенную политическую тенденцию — овладеть наследством золотоордынских ханов. Спекулируя на религиозной общности турок и народов Поволжья, властители османов мечтали о восстановлении мусульманской империи в Восточной Европе.

Вполне понятно, что русские дипломаты старались всячески противодействовать этому.

Правда, Ливонская война 1558—1583 гг., а затем внутренний политический кризис начала XVII в. и напряженная борьба с польско-шведской интервенцией отвлекали внимание русской дипломатии от кавказских дел. Закрепившись в низовьях Терека, Русское государство надолго ограничилось здесь обороной достигнутых рубежей. Активные действия предпринимались терскими воеводами лишь против владетелей Северного Дагестана — шамхалов тар-

---

[18] Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв. М., 1946, стр. 100.

ковских, враждовавших с кабардинскими князьями и придерживавшихся протурецкой ориентации.

Заботясь о расширении своих владений в Прикаспье и Восточном Предкавказье, русские цари, конечно, имели в виду укрепление экономического и политического могущества своего феодального государства, а не защиту малых народов от турецкой и иранской экспансии. Но, страдая от жестоких репрессий султанских и шахских военачальников, эти народы видели в России свою избавительницу от ненавистного иноземного, а нередко и иноверного ига. Чем сильнее угнетали население Кавказа турецкие паши и персидские ханы, тем более усиливалось там влияние сторонников присоединения к России.

Когда по Константинопольскому миру 1590 г. шах Аббас I уступил Турецкой империи все свои кавказские владения и даже в Шемахе и Дербенте были поставлены турецкие гарнизоны, русские воеводы на Тереке получали сообщения, что «арменя и бусурманя, в тех во всех городах жилецкие люди, говорят и желают все, чтоб им быти за великим государем» всея Руси [19].

Когда же после 1612 г. турки были вытеснены из пределов Восточного Закавказья войсками шаха Аббаса и взор этого грозного завоевателя обратился на Дагестан, уже и «тарковские владельцы» стали просить заступничества у русского правительства, направляя в Москву одного посла за другим [20].

Но не только политические обстоятельства способствовали укреплению русско-кавказских связей. Были и другие причины, побуждавшие народы Кавказа к сближению с русским народом.

Построенный в конце XVI в. русскими Терский город являлся не только военным форпостом, но и центром меновой торговли. Он имел три гостиных двора, торговые ряды, лавки; дважды в неделю здесь устраивались базары. Кабардинцы, чеченцы, кумыки, аварцы, ингуши и другие горцы пригоняли сюда рогатый скот, лошадей, привозили

---

[19] Н. И. Веселовский. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. I. СПб., 1851, стр. 941—943.

[20] Е. Н. Кушева отмечает, что за 28 лет (1614—1642 гг.) в Москве побывало 13 тарковских послов (см. «Очерки истории Дагестана», т. I. Махачкала, 1957, стр. 135).

хлеб, овчины, ковры и прочие товары, выменивая их на металлические изделия тульских мастеров, сукна и «мягкую рухлядь», т. е. меха [21].

Возле Терского города вскоре после его основания стали селиться под защитой русских стрельцов кабардинцы, образовавшие многолюдную «Черкасскую слободу». Позднее ингуши из общества Акко создали здесь «Окоцкую», а кумыки «Татарскую» слободы [22].

Но этим еще не исчерпывался круг русско-кавказских связей. Он включал, помимо всего прочего, общение аборигенов Кавказа с порубежным русским казачеством.

Формирование казачества на степных окраинах России было прямым следствием образования Русского централизованного государства, поскольку процесс его создания сопровождался усилением закрепощения крестьян. «Чем больше возрастал гнёт, лежавший на низшем классе Московского государства, тем больше являлось побуждение для побега и тем многочисленнее становилось население по берегам казачьих рек» [23]. В XVI в. вслед за Доном и Яиком такой казачьей рекой стал и Терек.

Разные люди устремлялись на далекий Кавказ — и беглецы с Рязанской Украины, и выходцы с Дона и Волги, и другие «гулящие люди». Но общим для всех было желание избавиться от крепостной неволи, от барской опеки. Потому и называли их одним именем — «казаки», что значило «вольные люди».

Когда Терек стал государственной границей, а в Терском городке сели царские воеводы, казаки предпочитали селиться за Тереком, на склоне гор, на «гребнях». Эти-то «гребенские казаки» и становились непосредственными соседями кавказских горцев, вступая в повседневное общение с ними. Как и всякие соседи, они ссорились друг с другом и мирились, угоняли скот и дарили лихих скакунов, менялись оружием и торговали хлебом, похищали девушек и пировали на свадьбах, запоминали кровных врагов и братались с «кунаками».

Сообщая о положении в пограничной полосе, царские воеводы, как правило, фиксировали внимание на актах вражды и неприязни, нарушавших обычное течение жиз-

---

[21] Я. Я. Стрейс. Три путешествия. М., 1936, стр. 214.
[22] «Очерки истории Дагестана», т. I, стр. 124.
[23] Г. В. Плеханов. Соч., т. XX. М.— Л., 1925, стр. 125.

ии. И если изучать историю русско-кавказских отношений только по официальным источникам, то и впрямь может создаться впечатление, что война была нормальным состоянием для обеих сторон, соприкасавшихся между собой на берегах Терека. (Кстати, есть такие историки, которые именно так и представляют себе отношения русских и горцев того времени!)

Но в действительности не война, а мирное сосуществование было обычной формой международных отношений между «гребенцами» и горцами. Стоит лишь обратиться к источникам другого типа, например к свидетельствам путешественников.

Отмечая, что у кабардинцев много овец и коз, голландец Яков Стрейс пишет: «Московиты приходят и закупают шерсть для приготовления войлока» [24]. Ясно, что у врагов закупать бы шерсть не стали.

Рассказывая о том, что возле построенного русскими Терского города есть большой остров, московский купец Федот Котов сообщает: «И на том острове терские люди и тарковские кумычане и горские черкасы ловят рыбу...» [25]. Эта картина трудового сотрудничества русских, кумыков и кабардинцев на рыболовных промыслах не кажется современнику чем-то из ряда вон выходящим. Очевидно, это обычное явление.

И даже терские воеводы, между прочим, доносят, что хлеб для русских поселенцев на Тереке «идет из Черкасских гор» [26] и что в русские городки и станицы «приезжают многие горские мурзы и уздени и их люди многие и живут на Тереке вместе с русскими людьми, и опасенья от них и береженья к ним нет никоторого» [27].

Немало в источниках данных о том, что у русских казаков кабардинцы выменивали пищали и порох, что под влиянием русских стали разводить они овощи и фрукты [28]. В свете этих фактов не кажется удивительным и то, что, по мнению авторитетного исследователя, «уже в XVI в.

[24] Я. Я. Стрейс. Указ. соч., стр. 215.

[25] Ф. Котов. Хождение на Восток. «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 12. СПб., 1908, стр. 78.

[26] «Акты исторические», т. III. СПб., 1841, стр. 424.

[27] «Очерки истории Дагестана», т. I, стр. 125.

[28] Е. П. Алексеева. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI—XVII вв. Черкесск, 1957, стр. 52—53.

кабардинцы под влиянием быта русского казачества на Тереке кое-где стали складывать русские печи вместо традиционного очага с дымарем» [29].

Конечно, царское правительство старалось использовать гребенских казаков в качестве орудия своей завоевательной политики, поддерживая их иногда «денежным и хлебным жалованьем», снабжая оружием и боеприпасами. Хлеб и порох казаки брали охотно, но в походы с царскими воеводами ходили не всегда. Да и походы в горы предпринимались в те времена не так уж часто. Значительно чаще происходили тогда на границе ярмарки и меновые базары — «сатовки» (от тюркского «сатма» — продажа).

В итоге ярко проявлялась определенная историческая тенденция, о которой хорошо сказал один из современных кавказоведов, внимательно изучавший историю материальной культуры кавказских горцев: «Начиная с контакта, который установили между собой племена Северного Кавказа и племена катакомбной культуры южнорусских степей еще в эпоху бронзы, через сложные и противоречивые взаимоотношения древних кавказцев со скифо-сарматским ираноязычным миром, а позднее — адыгов и касогов с Тмутараканской Русью, и кончая тесными узами связей Кабарды с Московской Русью XVI века,— таков длительный, выдержавший испытание временем и обстоятельствами опыт развития связей одного из крупнейших этнических массивов Северного Кавказа с русским народом» [30].

На рубеже XVIII в. начинается третий этап в истории русско-кавказских связей, который проходит под знаком нараставшей политической и военной активности русского царизма на Кавказе и усиливавшегося тяготения кавказских народов к России.

Активность русской дипломатии в отношении Кавказа сначала была обусловлена преимущественно заботой о стратегическом обеспечении доступов к южным морям, а затем, со второй половины века, и стремлением русских помещиков к расширению сферы крепостнической эксплуатации путем освоения южных степей.

Как только Петр I овладел Азовом, ему уже пришлось заботиться о политическом и стратегическом обеспечении

---

[29] Е. П. Алексеева. Указ. соч., стр. 86.

[30] Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1947, стр. 174.

устья Дона со стороны Кавказа. Сообщая о том, что турецкие паши в Закавказье хотят «Иверскую землю (т. е. Грузию.— *А. Ф.*) ...в подданство себе привесть» и подчинить прикубанских черкесов, русский посол в Константинополе граф П. А. Толстой еще в 1704 г. предупреждал царя о необходимости «в Азове имети недрёманно в те страны отворенное око» [31].

В 1711 г., готовясь к Прутскому походу и считаясь с опасностью турецкого наступления со стороны Кавказа, Петр I направил девятитысячный отряд генерала Апраксина на Кубань, а князя Бековича-Черкасского в Кабарду, чтобы «развлечь турецкие силы».

И в дальнейшем, как ни отвлекала самого Петра длительная борьба со «свейским королем» на Балтике, он все-таки продолжал внимательно наблюдать за всем, что происходило на Кавказе, поддерживая сношения с грузинскими царями и горскими владетелями.

Как всегда, активность русской дипломатии еще более усиливалась под влиянием агрессивных акций соперничавших с Россией держав. Развал Сефевидской империи в Иране породил опасность поглощения всех ее кавказских владений султанской Турцией. Это превратило бы Кавказ в плацдарм турецкой экспансии, направленной в первую очередь против юго-восточных окраин России.

Русская дипломатия не хотела допустить такого усиления позиций Турции в районе Кавказа. «Нам крайняя нужда будет береги по Каспийскому морю овладеть, понеже... турок тут допустить нам невозможно» [32]. Из этого заявления Петра явствует, что не столько забота об интересах азиатской торговли России, сколько стремление захватить в свои руки стратегическую инициативу побуждало русское правительство спешить с организацией «Персидского похода», который по справедливости надо бы называть «Кавказским» или «Закавказским» походом. Недаром в тот момент, когда русские войска вступили в пределы Дагестана, русский резидент И. И. Неплюев, еще не зная этого, доносил из Константинополя, что султан

---

[31] Цит. по статье Т. К. Крыловой «Русско-турецкие отношения во время Северной войны» («Исторические записки АН СССР», вып. 10, 1941, стр. 264).

[32] «Очерки истории СССР. XVIII век, первая четверть». М., 1954, стр. 606.

приказал эрзерумскому паше собрать ополчение и «маршировать с тем войском в Дагестанскую землю».

Желание избежать новой войны с Турцией заставило Петра I ограничить свой «Персидский поход» 1722—1723 гг. только занятием Дербента, Баку и некоторых других пунктов на Каспийском побережье, хотя соглашения с грузинским царем Вахтангом VI и армянскими меликами предусматривали более широкие масштабы наступательных операций русских войск в Закавказье. Все же по Константинопольскому договору 1724 г. правительство султана признало занятую русскими войсками прибрежную полосу Дагестана и Азербайджана владением России [33].

Предвидя возможность новых конфликтов с Турцией в будущем, Петр I придавал большое значение своим завоеваниям на Кавказе. Овладев кавказским побережьем Каспия, он живо интересовался и Черноморским побережьем Кавказа, а также коммуникациями с Грузией. Уполномоченному для переговоров о демаркации границы бригадиру Александру Румянцеву было поручено «смотреть накрепко местоположение, а именно от Баки до Грузии какая дорога, сколь долго мочно с войском иттить...» Хотелось узнать Петру I, «возле Черного моря христиане последние далеко ль живут от Тамани или Кубани?» [34].

Первым из русских государственных деятелей Петр I оценил значение Кавказа, как одного из возможных театров военных действий против Турции. Он же учел, какое преимущество может дать России союз с борющимися против турецкой экспансии христианскими народами Закавказья.

Правда, в 1735 г. в результате дипломатических промахов А. И. Остермана, пытавшегося привлечь на сторону России нового властителя Ирана Надир-шаха, все приобретения Петра I на Восточном Кавказе были устрачены и русская граница вновь переиесена на Терек. Но с возникновением Восточного вопроса, с обострением борьбы

---

[33] Текст Константинопольского договора см. ПСЗ, т. VII, № 4531, стр. 303—309. Ему предшествовал Петербургский договор 1723 г., подписанный послом шаха Тахмаспа Измаил-беком, об уступке «его шаховым величеством» той же прибрежной полосы (ПСЗ, т. VII, № 4298, стр. 111).

[34] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. IV, т. XVIII, стр. 791.

европейских держав за преобладание на Ближнем и Среднем Востоке стратегическое значение Кавказа все более осознавалось дипломатами и военачальниками царской России. Во время Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. русский экспедиционный корпус действовал против турок в долине Риона совместно с грузинским ополчением. На Северном Кавказе при поддержке кабардинцев русские войска отразили вторжение крымского хана Девлет-Гирея.

По Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 г. были подтверждены права России на Кабарду и Азов с прилегающей к нему территорией (до реки Ея), а в 1783 г. с ликвидацией Крымского ханства к России отошли его прикубанские владения (между Ея и Кубанью). Тем самым был завершен длительный, растянувшийся на двести с лишним лет процесс присоединения к России Степного Предкавказья. С учреждением в 1785 г. особого Кавказского наместничества этот край был окончательно включен в административную систему Российской империи.

Таким образом, к концу XVIII в. границы России широким фронтом соприкасались с Кавказом. Русско-кавказские отношения имели к этому времени богатую историю. В Европе не было другой страны, которая являлась бы столь же заинтересованной в кавказских делах, как Россия. Уже одно это обстоятельство предрешало, что в XIX в. русская дипломатия должна будет уделять Кавказу значительное внимание, а русское общество живо откликаться на происходящие там события.

* * *

Литература, посвященная истории присоединения Кавказа к России, представлена многочисленными сочинениями как русских, так и иностранных авторов.

Русские дворянские и буржуазные историки дореволюционного времени освещали этот вопрос с великодержавно-монархических позиций. Такой подход был характерен для Н. Ф. Дубровина — автора шеститомного сочинения под названием «История войны и владычества русских на Кавказе», для В. А. Потто — редактора и одного из авторов многотомного сборника «Утверждение русского владычества на Кавказе», и др. Этим апологетам царского самодержавия было свойственно стремление оправдать захват-

ническую политику царизма и затушевать военно-феодальные методы его колонизаторской деятельности. Большое место в их сочинениях занимали описания военных действий, не отличавшиеся, однако, глубиной военно-теоретического анализа. Дипломатической деятельности царизма указанные авторы уделяли значительно меньше внимания.

Что касается концепции, которой придерживается в отношении истории Кавказа XIX в. большинство зарубежных буржуазных историков, то в основе ее лежит традиционная для них версия об извечном якобы стремлении русской нации к мировому господству.

Еще такие трубадуры британской колониальной экспансии, как Дэвид Уркуарт и Генри Раулинсон, утверждали, что присоединение Кавказа к России создает будто бы угрозу британским владениям в Индии. В действительности подобной угрозы со стороны России не существовало, и шумихой о «русской опасности» британская пропаганда лишь старалась отвлечь внимание мировой общественности от агрессивных акций английских колонизаторов в Азии. На это, в частности, справедливо указывает индийский историк К. Мэнон [35]. Но тем не менее миф о «русской опасности» получил распространение среди западноевропейских историков, чем и объясняются в значительной мере односторонность и предвзятость их заключений относительно кавказской проблемы.

Заведомо преувеличивая агрессивность внешней политики России, многие из этих историков вместе с тем стараются обелить западный колониализм и приписать ему самые бескорыстные и миролюбивые намерения. В этом нетрудно убедиться, ознакомившись с сочинениями П. Сайкса, У. Аллена, Р. Болларда [36] и других английских ориенталистов. С ними солидарны такие французские историки, как Р. Лакост, Э. Дрио [37] и др. Наконец, в том же направлении в последнее время активизируют свои усилия их заокеанские коллеги. Один из них, например, прямо за-

---

[35] K. S. Menon. The «Russian bogey» and British agression in India and beyond. Calcutta, 1957.

[36] P. Sykes. History of Persia. London, 1951; W. Allen. Caucasian battle-field. Cambridge, 1953; R. Bullard. Britain and the Middle East. London, 1951.

[37] R. Lacoste. La Russie sovietique et la Question d'Orient. Paris, 1946; M. Iheritier. La Russie. Paris, 1946; E. Driault. La Question d'Orient. Paris, 1917.

является, что «в противоположность России с ее территориальным продвижением, Британия... находилась исключительно в обороне», и «главной целью ее политики была защита Индии» [38].

Влияние подобных установок сказалось на иранской и турецкой историографии. Для примера можно сослаться на монографию Мо'эззи, посвященную истории внешнеполитических сношений Ирана. Некритически восприняв домыслы некоторых английских ориенталистов, автор приписывает русской дипломатии несвойственное ей стремление к «завоеванию Индии» и в этом плане излагает всю историю русско-иранских отношений, умалчивая о реваншистских притязаниях Каджаров. Одностороннее освещение кавказской проблемы дается и турецкими историками, прежде всего в их сводном коллективном труде по истории Турции («Тарих»).

Разумеется, все названные зарубежные историки категорически отрицают какие-либо объективно прогрессивные последствия присоединения кавказских народов к России. Впрочем, они не утруждают себя изучением социально-экономического и культурного развития этих народов, излагая историю международных отношений в полном отрыве от внутреннего положения заинтересованных стран и игнорируя роль народных масс в историческом процессе.

Нет нужды говорить, что прогрессивность присоединения к России отрицается и буржуазно-националистическими историками из лагеря меньшевистско-дашнакской эмиграции. Вопреки историческим фактам они пытаются доказать, что включение в состав России не ускорило, а, наоборот, замедлило экономическое и культурное развитие народов Кавказа. Отождествляя русский царизм и русский народ, они в то же время затушевывают классовые противоречия среди коренного населения края и всячески идеализируют сепаратистские выступления местных феодально-клерикальных элементов.

Разоблачая буржуазных фальсификаторов истории, советские ученые дали принципиально новую постановку основных проблем истории Кавказа XIX в. Не ограничиваясь описанием военных и дипломатических конфликтов, они постарались вскрыть классовую сущность внешней

[38] D. Lenscz o w s k y. Russia and the West in Iran. Ithaca, 1949, p. 2—4.

политики царской России и других держав, соперничавших с ней на Среднем Востоке. История русско-кавказских связей впервые стала изучаться ими как история отношений не только между правительствами, но и между народами. Усилиями советских исследователей была восстановлена подлинная картина народных антиколониальных движений и выяснена степень участия в них различных социальных групп, являвшихся носителями разных политических тенденций. Так, например, в монографии О. П. Марковой [39] было подвергнуто глубокому анализу восстание 1812 г. в Кахетии, которое, с одной стороны, являлось движением крестьянских масс против колониального и феодального гнета, а с другой,— выступлением реакционно настроенной местной знати за восстановление прежних привилегий.

Событиям, происходившим на Кавказе в первой трети XIX в., посвящены монографические исследования З. Т. Григоряна, М. К. Думбадзе, М. С. Тотоева, В. П. Невской, Т. Х. Кумыкова, а также коллективный труд азербайджанских историков о присоединении Азербайджана к России [40]. Все эти и некоторые другие работы советских историков в основном правильно ставят вопрос о характере русско-кавказских отношений, оценивая исторические факты в свете марксистско-ленинской методологии. Их положительной стороной является также то, что авторы старались возможно полнее использовать фонды кавказских архивов и другие источники местного происхождения. Благодаря этому в научный оборот было введено много ранее неизвестных данных по истории Кавказа изучаемой эпохи.

К сожалению, локальный характер этих работ не позволял их авторам осветить с необходимой полнотой и всесторонностью сложный процесс присоединения к России Кавказа в целом. Ограничивая круг своих научных наблюдений современными границами национальных республик, они лишали себя возможности делать широкие обобщения и тем самым искажали подчас историческую перспективу. В этом сказывалось влияние неизжитой еще до конца тенденции местных историков к изолированному

---

[39] О. Маркова. Восстание в Кахетии в 1812 г. М., 1951.

[40] «Присоединение Азербайджана к России и его прогрессивные последствия в области экономики и культуры». Баку, 1955.

изучению истории своего народа в отрыве от исторического развития соседних народов.

Более общий характер имеют труды Н. А. Смирнова и А. Р. Иоаннисяна [41]. Однако первый, прослеживая развитие русско-кавказских отношений на протяжении трех столетий, излагает материал в форме краткого очерка, а второй уделяет главное внимание дипломатической борьбе европейских держав вокруг кавказской проблемы, не вскрывая ее экономической подоплеки и не углубляясь в изучение внутренней политической жизни края. Привлекая иностранные источники, особенно переписку и мемуары английских и французских дипломатов, А. Р. Иоаннисян внес серьезный вклад в дело разоблачения апологетов западного колониализма, показав его агрессивную сущность. Можно лишь пожалеть, что, рассматривая события, имевшие место в Закавказье, он почти совершенно исключал из поля зрения Северный Кавказ. Между тем реальная обстановка начала XIX в. была такова, что политические события, происходившие в одной части Кавказа, неизбежно влияли на другие его области. Кавказ уже представлял собой в то время не только географический, но также определенный историко-политический комплекс. Наконец, почти совсем незатронутым остался вопрос об отношении русского общества к кавказской проблеме.

Таким образом, советскими историками накоплен значительный фактический материал и сделаны интересные наблюдения по ряду частных вопросов, связанных с изучением русско-кавказских связей XIX в. Однако возникает необходимость научного обобщения материала, накопленного в результате исследования отдельных сторон единой по существу проблемы.

Среди задач, которые встают при этом перед историком, можно выделить в первую очередь следующие.

1. Значение кавказской проблемы в целом в системе внешней политики России.

2. Отношение народов Кавказа к борьбе соперничавших на Среднем Востоке держав.

---

[41] Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М., 1958; А. Р. Иоаннисян. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван, 1958.

3. Отношение различных слоев русского общества к кавказской проблеме.

Исследованию этих вопросов и посвящена главным образом настоящая монография. Можно предполагать, что решение их поможет составить более полное представление о событиях, происходивших на Кавказе в период присоединения его к России, а значит, более правильно и глубоко оценить их историческое значение.

Хронологически монография ограничена рамками первой трети XIX в. Правомерность выделения данного этапа в истории русско-кавказских отношений вполне оправдана тем, что в это время в основном завершается присоединение к России Закавказья и вступает в решающую фазу сложный и противоречивый процесс включения в состав России Северного Кавказа. Два исторических акта — манифест о присоединении Грузии к России и Адрианопольский трактат — позволяют достаточно точно датировать начало и конец указанного этапа.

В качестве источников привлечены материалы, содержащиеся в различных публикациях и повременных изданиях, особенно в I—VI томах Актов Кавказской археографической комиссии. Несмотря на известные недочеты археографического характера и примитивность публикаторских приемов, Акты являются ценным источником, облегчающим труд исследователя. Значение этой публикации еще более повышается, если учесть, что некоторые важные фонды кавказских архивов не сохранились. Воспроизводя утраченные ныне подлинные исторические документы, Акты как бы компенсируют эту потерю для кавказоведческой науки, дополняя материалы, уцелевшие в архивохранилищах.

Ряд интересных документов, проливающих свет на дипломатическую борьбу вокруг кавказской проблемы, содержится в первом томе новой публикации, подготовленной Комиссией по изданию дипломатических документов при МИД СССР («Внешняя политика России XIX и начала XX века». М., 1960).

Немалое значение имеют также свидетельства современников, являвшихся участниками или по крайней мере очевидцами изучаемых событий. Помимо воспоминаний служивших на Кавказе военачальников (А. П. Ермолова, Н. Н. Муравьева и др.), особую группу мемуарных источ-

ников составляют записки сосланных на Кавказ декабристов (М. И. Пущина, А. С. Гангеблова, Е. Е. Лачинова и др.). К ним примыкают не менее ценные материалы эпистолярного наследства А. С. Грибоедова и его публицистические сочинения.

Для изучения политической обстановки, сложившейся на Кавказе в начале XIX в., большое значение имеют сочинения передовых представителей местной национальной интеллигенции. Среди них обращает на себя внимание «Краткий исторический очерк Грузии», принадлежащий перу известного грузинского поэта и общественного деятеля А. Г. Чавчавадзе. В этом ярком публицистическом произведении отмечается положительное значение присоединения Грузии к России, но подвергаются резкой критике методы колониального управления, обличаются произвол и лихоимство царской администрации. Под непосредственным впечатлением событий, происходивших в Закавказье в первые десятилетия XIX в., написаны труды азербайджанских историков того времени — «Гюлистан-Ирам» («Райский цветок») Аббас-Кули-Бакиханова и «Карабах-Намэ» Мирза-Адигезаль-бека. Отношение современников к этим событиям нашло отражение в художественных произведениях А. Чавчавадзе, Н. Бараташвили, М. Ф. Ахундова, Х. Абовяна и других выдающихся кавказских писателей.

Из периодических изданий того времени представляют интерес не только столичные газеты и журналы, в которых печатались сообщения с Кавказа и различные кавказоведческие материалы («Северная почта», «Вестник Европы», «Русский инвалид» и т. п.), но и органы местной прессы. С 1819 по 1821 г. в Тифлисе выходила первая в истории кавказской журналистики газета, печатавшаяся на русском и грузинском языках. Она носила название «Грузинская газета» («Картули газети»). В 1828—1832 гг. там же печатались на русском и грузинском языках «Тифлисские ведомости» («Тбилисис уцхебани»). Являясь официозными, эти газеты, разумеется, отражали точку зрения царской администрации на происходившие события. Однако они публиковали различные сведения об экономической жизни края, а иногда печатали корреспонденции, позволявшие судить об отношении местной общественности к международным конфликтам и мероприятиям правительства.

Из иностранных источников к теме настоящего исследования более всего имеют отношение материалы, содержащиеся в опубликованной переписке английских и французских дипломатов, а также в записках и воспоминаниях агентов и эмиссаров западных держав, побывавших на Кавказе или в пограничных с ним районах Ирана и Турции [42]. Некоторый интерес представляют персидские хроники, в которых, хотя и очень тенденциозно, освещались события того времени. Они дают возможность ознакомиться с внешнеполитическими устремлениями правящих кругов империи Каджаров [43].

Дополнительные сведения были получены в результате изучения фондов местных и центральных архивов, причем наиболее ценными оказались документальные материалы Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА) и Центрального государственного исторического архива Грузинской ССР (ЦГИАГ).

Помимо официальной переписки военного и дипломатического характера, среди этих материалов встречаются пространные описания различных областей Кавказа, сделанные непосредственными наблюдателями и содержащие интересные сведения о социальном устройстве и политической жизни края изучаемой эпохи. В частности, заслуживают быть отмеченными записки служивших на Кавказе офицеров — капитана Энсгольма, поручиков Торнау, Новицкого и др. Среди находящихся в ЦГИА Грузинской ССР материалов, собранных в свое время сотрудниками военно-исторического отдела Кавказского округа, имеется рукопись Н. И. Гизетти «О милициях», представляющая собой сводку фактических данных о формировании на Кавказе местных национальных ополчений и их участии в обороне внешних границ Закавказья. В богатейших фондах Краснодарского и Ставропольского краевых архивов обращают на себя внимание документы, характеризующие процесс колонизации Северного Кавказа, освоения его природных богатств и экономического общения русских переселенцев с горцами. Там же имеются материалы о формах

---

[42] См. библиографический указатель в конце книги.

[43] Наиболее ценной для исследуемой темы является персидская хроника, опубликованная Харфордом Джонсом, бывшим британским послом при дворе Фехт-Али-шаха (H. B. Jones. The dynasty of the Kajar. London, 1833).

и методах колониальной эксплуатации трудящихся масс коренного населения и их освободительной борьбе против царизма и местных феодалов.

Следует иметь в виду, что в первые десятилетия XIX в. в руках главнокомандующего на Кавказе сосредоточивалась не только вся полнота военной и административной власти. Ему принадлежало также руководство дипломатическими сношениями с кавказскими владетелями и соседними державами. Поэтому почти все документы, отражающие деятельность русской дипломатии на Кавказе и в прилегающих к нему районах, сохранились (в подлинниках или копиях) в архивных фондах канцелярии главнокомандующего на Кавказе, не говоря уже о том, что значительное число этих документов было опубликовано в свое время в собрании Актов Кавказской археографической комиссии.

Нет нужды говорить о том, что в процессе критического изучения источников и литературы вопроса автор руководствовался теоретическими положениями и принципиальными указаниями классиков марксизма-ленинизма о зависимости внешней политики от расстановки классовых сил и классовой борьбы внутри страны, о реакционной сущности колониализма и социальной природе антиколониальных движений. Автором учтены также имеющие конкретно-исторический характер высказывания основоположников марксизма о происхождении восточного вопроса, англо-русских противоречиях в Азии и объективно прогрессивной роли России по отношению к Востоку.

Глава первая

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ АКТИВИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ЦАРИЗМА НА КАВКАЗЕ

1. КОЛОНИЗАЦИЯ ПРЕДКАВКАЗСКИХ СТЕПЕЙ

Значение кавказской проблемы в развитии международных отношений заметно возрастало по мере обострения восточного вопроса.

Как известно, возникновение этого вопроса относится еще к XVIII веку. Оно было обусловлено многими факторами, среди которых первостепенное значение имели:

1) упадок когда-то могущественной Османской империи;

2) рост национально-освободительного движения порабощенных ею народов, экономически более развитых, чем завоеватели;

3) борьба европейских держав за преобладающее влияние на рынках Ближнего и Среднего Востока.

В конечном счете в основе всех трех этих факторов лежало развитие капитализма. Именно под влиянием развивавшегося капитализма разлагалась турецкая феодальная система, усиливался процесс национальной консолидации среди угнетенных турецкими феодалами греков, армян, балканских славян и других народов, обострялась борьба за колониальные рынки между европейскими государствами.

Активность русского царизма в восточном вопросе была обусловлена стремлением русских помещиков к расширению своих владений, освоению южных окраин империи, обеспечению экспорта товарной продукции своих имений на европейские рынки через черноморские порты. Это стремление усиливалось под влиянием разложения крепостного хозяйства и развития товарно-денежных отношений.

Продвижение в сторону Черного моря неизбежно усиливало заинтересованность царской дипломатии в кавказских делах.

Однако прежде чем говорить о стратегических замыслах и дипломатических маневрах царизма в отношении Кавказа, необходимо выяснить те социально-экономические предпосылки, которые лежали в основе его внешнеполитических устремлений в этом районе. Одной из них, несомненно, являлась колонизация предкавказских степей, простиравшихся за Доном и Манычем вплоть до подножия Кавказских гор.

Известно, что для буржуазных историков характерна тенденция к преувеличению роли миграций населения в историческом процессе. Среди русских историков особенно увлекался этим сюжетом В. О. Ключевский, который считал колонизацию «основным фактором русской истории» [1]. Эту же мысль развивали в своих трудах П. Н. Милюков и М. К. Любавский. Последний, в частности, пытался утверждать, что колонизационная деятельность русского народа и послужила якобы коренной причиной исторической отсталости России. Игнорируя тот очевидный факт, что освоение новых территорий обогащало производственный опыт народа и совершенствовало его трудовые навыки, этот историк писал: «Расселение по обширным диким странам... надолго парализовало развитие русской общественности» [2].

В современной зарубежной историографии мнение об определяющем влиянии колонизации на общественное развитие находит особенно много сторонников среди американских историков. Наиболее отчетливо оно выражено

---

[1] В. О. Ключевский. Сочинения, т. 1. М., 1956, стр. 30.
[2] М. К. Любавский. Историческая география в России. М., 1908, стр. 8—9.

в работах Ф. Тернера и Дж. Адамса [3], считающих колонизационное движение фермеров в направлении Дальнего Запада главной действующей пружиной истории США.

Всячески преувеличивают значение колонизационных движений в развитии общества западногерманские историки, стараясь обосновать этим агрессивные намерения боннских реваншистов.

Тезис В. О. Ключевского о колонизации как основном факторе русской истории пришелся по душе многим западным историкам. Почти дословно повторяя Ключевского, английский историк Б. Сампэр утверждает, что колонизация является «доминирующей темой русской истории» [4]. Этого же мнения придерживается и Гюнтер Штёкль — автор изданной в 1953 г. в Мюнхене книги о происхождении казачества [5].

В колонизационной деятельности русских переселенцев на южных степных окраинах России некоторые представители западной историографии пытаются найти обоснование для своей излюбленной версии о врожденном якобы стремлении русской нации к территориальной экспансии и господству над другими народами.

Антинаучность подобных измышлений обнаруживается без особого труда, если учесть, что всякое колонизационное движение вызывается не какими-либо идейными побуждениями или свойствами национального характера, а экономическими потребностями общественных классов и социальными условиями их существования. При этом государство поощряет те формы и направления колонизационного процесса, какие выгодны в данный момент господствующему классу.

Таким образом, не следует преувеличивать влияние миграционных процессов и преуменьшать значение социально-экономических факторов. Однако нельзя не считаться с тем, что, будучи вызвано к жизни определенными классовыми интересами, колонизационное движение может в свою очередь оказывать некоторое воздействие на политику правительства, заставляя его прибегать к дипломати-

---

[3] F. J. Terner. The Frontier in American History. New York, 1921; J. T. Adams. The Epic of America. New York, 1931.

[4] B. H. Sumner. Survey of Russian History. London, 1947, p. 135.

[5] G. Stökl. Die Entstehung des Kosakentums. München, 1953.

чоским и даже военным акциям. В частности, колонизация южных и юго-восточных окраин империи стимулировала активность царской дипломатии в восточном вопросе, требуя обеспечения широкого доступа к берегам Черного моря и безопасности открытых степных границ со стороны Приднестровья и Предкавказья.

Широкие планы колонизации южных степей стали разрабатываться в правительственных кругах Российской империи с 1764 г., сразу же после образования «Новороссийской губернии». За счет распространения вширь феодальных производственных отношений русские помещики пытались предотвратить начавшийся процесс разложения крепостного хозяйства и избежать связанного с ним дальнейшего обострения классовых противоречий в центральных районах страны.

Еще А. Т. Болотов в 1766 г. отмечал, что из Каширского уезда «многие помещики вывозят крестьян своих в Воронежскую и Белгородскую губернии и селят в степных уездах» [6]. Но освоением территории черноземного Центра дело не ограничилось. В следующем десятилетии помещики устремились в причерноморские степи. Всесильного генерал-губернатора Новороссии Григория Александровича Потемкина засыпали прошениями об отводе земель. Поощряя помещичью колонизацию степных окраин, Екатерина II щедро раздавала здесь огромные земельные массивы своим фаворитам, титулованным сановникам, генералам и чиновникам. После напугавшей их крестьянской войны 1773—1775 гг. русские дворяне стали проявлять особый интерес к освоению недавно завоеванных территорий на юге страны.

К 1787 г. из 13 млн. десятин, составлявших общую площадь Екатеринославского наместничества, в руках частных владельцев было сосредоточено уже около 6 млн. десятин. В Херсонском уезде помещикам принадлежало 974 тыс. десятин из общего земельного фонда размером 1921 тыс. десятин, т. е. более половины всей площади. Наряду с представителями дворянской аристократии — графом Безбородко, князем Вяземским, фельдмаршалом Румянцевым и другими среди землевладельцев встречались мелкие чиновники и младшие офицеры — писарь Лисицын, титулярный

[6] «Труды Вольного экономического общества», ч. II. СПб., 1766, стр. 197.

советник Пугачевский, коллежский регистратор Салогубов и др.[7] Однако мелкопоместные дворяне быстро теряли свои владения, продавая их купцам и мещанам. Типичными для «Новороссии» оставались крупные латифундии, принадлежавшие царским вельможам, занимавшим, как правило, высшие посты в государственном аппарате империи. В XIX в. помещики Скваржинские владели на юге Украины 70 тыс. десятин, Воронцовы — 40 тыс. десятин, Кочубей — 47 тыс. десятин, Потоцкие — 25 тыс. десятин и т. д.[8]

Одновременно сфера помещичьей колонизации расширялась и за счет предкавказских степей.

Раздача дворянам земельных владений в Предкавказье началась не в середине 80-х годов XVIII в., как полагают некоторые историки[9], а значительно раньше. Первым крупным землевладельцем здесь был переселившийся из Карабаха армянин Сафар Васильев, получивший в 1718 г. на Тереке в 60 верстах от Кизляра землю для разведения тутовых садов и виноградников. В 1735 г. для той же цели в районе Кизляра отведена земля Захарию Арешеву, получившему 6596 десятин[10].

Позднее, в 1765 г., в Кизлярском уезде было «пожаловано» 104 483 десятины генерал-прокурору В. В. Вяземскому. В 1778 г. получил 22 тыс. десятин генерал Савельев[11]. В 1775 г. в верховьях р. Калаус было отведено 6 тыс. десятин премьер-майору Конону Устинову[12].

Помимо «пожалований за службу», правительство отводило земли «под население крестьян». На этом условии

---

[7] Е. И. Дружинина. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М., 1959, стр. 163.

[8] А. Шмидт. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Херсонская губерния, ч. II, стр. 298—301.

[9] Так, В. П. Крикунов в работе «Крестьянская реформа 1861 г. в Ставропольской губернии» (Ставрополь, 1949 г., стр. 6) ошибочно считает, что первые помещичьи имения появились в Предкавказье только в 1784 г.

[10] И. Бентковский. Частное землевладение и крепостная колонизация на Сев. Кавказе («Ставропольские губернские ведомости», 1876 г., № 41).

[11] Там же.

[12] ГАСК, ф. 298, оп. 1, д. 1389, л. 8. Описание землям Кавказской области, помещиками владеемым.

в 1779 г. получил около 15 тыс. десятин близ Кизляра коллежский советник Андрей Тарумов [13].

Весной 1777 г. «новороссийский, азовский и астраханский генерал-губернатор» Г. А. Потемкин представил императрице Екатерине II докладную записку, в которой со свойственной ему широтой замысла наметил план колонизации и экономического освоения Предкавказья. Всегда отличаясь глубоким пониманием государственных интересов дворянской империи и насущных потребностей господствующего помещичьего класса, он правильно оценил значение присоединения Предкавказья к России.

Потемкин предложил сомкнуть русские форпосты в устье Дона и в низовьях Терека новой укрепленной линией, которая пересекла бы все предкавказские степи от Азова до Моздока. Обосновывая эту идею, он писал: «Опая линия прикрывает от набегов соседних (племен. — *А. Ф.*) границу между Астраханью и Доном..., отделит разного звания горских народов... от тех мест, коими нашим подданным пользоваться следует; положением же мест своих подает способ учредить виноградные, шелковые и бумажные заводы, размножить скотоводство, табуны, сады и хлебопашество... Сверх того, открывает способ войти в тамошние горы и жилище осетинское и со временем пользоваться их рудами и минералами...» [14].

Проект создания Азово-Моздокской линии был утвержден императрицей 24 апреля 1777 г. Летом того же года были развернуты строительные работы, которые велись силами солдат и казаков. Для сооружения укреплений и кордонной службы на новую линию переселили хоперских и волжских казаков, составивших два пятисотенных полка. Волжский полк был размещен по соседству с Моздокским (к западу от Моздока), а Хоперский — дальше на северо-запад, между реками Томузловка и Егорлык. Для волжских казаков переселение в Предкавказье являлось мерой наказания за их участие в Пугачевском движении [15].

В течение двух лет в предкавказских степях выросли восемь новых «крепостей»: Екатерининская, Павловская и Марьинская служили непосредственным продолжением

---

[13] Там же, л. 50.

[14] «Кубанский сборник», т. III. Екатеринодар, 1898, стр. 7.

[15] «Труды Ставропольской ученой комиссии», вып. II. Ставрополь, 1910, стр. 2.

старой Моздокской линии, Георгиевская господствовала в верховьях Кумы, Андреевская, Александровская, Северная, Ставропольская ограждали район Ставропольской возвышенности. В 1780 г. для защиты Ставрополья от набегов враждебных России ногайских мурз были сооружены еще две «крепости» — Московская и Донская. Они прикрывали «Черкасский тракт», т. е. дорогу, связывавшую Ставрополь с Черкасском — центром войска Донского.

Укрепления Азово-Моздокской линии, именовавшиеся в официальных документах «крепостями», были в военно-инженерном отношении весьма несовершенными. Их оборонительные сооружения состояли из турлучной ограды с присыпанным к ней земляным валом и отрытым перед ним рвом. Между укреплениями возводились редуты, а также расставлялись наблюдательные посты и заставы (пикеты). При укреплениях устраивались казачьи станицы и «солдатские слободки», населенные отставными солдатами. В 1779 г. возле Ставропольской крепости, например, существовали уже три таких слободки, населенные 332 отставными солдатами [16].

Под прикрытием кордонных линий помещики стали охотнее приобретать земли в отдаленных районах Предкавказья.

С образованием в 1785 г. Кавказского наместничества процесс насаждения дворянского землевладения в предкавказских степях еще более усилился. Так, в 1785 г. около 40 тыс. десятин получил на р. Куме князь Потемкин, в 1786 г. было пожаловано 12 тыс. десятин графу Чернышеву и... дополнительно отведено 25 тыс. десятин (близ руин древнего города Маджары) князю А. А. Вяземскому [17], в 1792 г. получил свыше 16 тыс. десятин президент Коммерц-коллегии, впоследствии государственный канцлер граф А. Р. Воронцов [18].

Помимо титулованных сановников и вельмож, земельные владения в предкавказских степях получили также офицеры и чиновники, служившие в этом крае. Так,

---

[16] Г. Краснов. Ставрополь на Кавказе. Ставрополь, 1953. стр. 17.

[17] ГАСК, ф. 298, оп. 1, д. 1389, л. 26.

[18] Там же, л. 24. Ср. ОПИ ГИМ, ф. Воронцовых, св. 42, л. 47. Всего Александру Воронцову и его брату Семену принадлежало тогда в 16 губерниях империи 271 363 десятины.

в 1785 г. было «пожаловано» 1100 десятин подпоручику Хвостикову, 5343 десятины коллежскому асессору Криворучкову и т. д. [19]

Всего до 1804 г. было роздано помещикам в предкавказских степях 623 306 десятин, из них свыше 160 тыс. десятин в период 1785—1804 гг. [20]

Однако ни магнаты, проживавшие в столице и даже не видевшие своих новых имений, ни мелкопоместные владельцы, селившиеся на пожалованных землях, не отваживались приступать к широкой распашке целинных предкавказских степей, а предпочитали использовать новоприобретенные земли почти исключительно как пастбища для скота. Число помещичьих крестьян росло крайне медленно, и надежды правительства на колонизацию Предкавказья путем раздачи дворянам земель «под население крестьян» явно не оправдывались.

Главным тормозом был острый недостаток рабочей силы. Приобрести крепостных в Предкавказье было негде, а переселение из внутренних губерний не давало необходимого эффекта. Переселяемые крепостные крестьяне разбегались по дороге, болели и умирали, не выдержав лишений тысячеверстного пути. Те из них, которых удавалось привести на новые места, не были знакомы с климатическими и почвенными особенностями края, не имели необходимого инвентаря, принуждены были жить в землянках и шалашах, голодали, погибая от холеры и дизентерии, а то и просто от истощения. Даже царские чиновники отмечали «исключительно бедственное состояние» переселенных в Ставрополье крепостных крестьян, считая необходимым «принять самые скорые меры, дабы они не подверглись большой смертности» [21].

Большинство помещиков, получивших огромные площади целинных степей, имели в своем распоряжении по несколько десятков крепостных крестьян. Только немногие титулованные владельцы вроде графа Воронцова располагали в своих новых ставропольских имениях несколькими

---

[19] ГАСК, ф. 298, оп. 1, д. 1389, л. 8—9.

[20] И. Бептковский. Указ. соч.; ср. В. П. Крикунов. Зарождение и развитие помещичьих имений в Ставропольской губернии в конце XVIII и первой половине XIX в. «Сборник научных трудов Пятигорского педагогического института», вып. IV. Пятигорск, 1949.

[21] ГАСК, ф. 79, д. 1373, л. 4.

сотнями крепостных. Некоторые из помещиков, как, например, Чернышев и Безбородко, так и не сумели заселить пожалованные им новые владения. Впоследствии они продали свои земли в казну [22].

Характерна история кавказского имения князя А. А. Вяземского. Генерал-прокурор Сената и один из ближайших политических советников императрицы Екатерины II, он за три года (1783—1786 гг.) получил в предкавказских степях свыше 70 тыс. десятин. Сначала Вяземский предполагал организовать здесь крупное хозяйство, имея в виду засеять большую площадь пшеницей, заняться скотоводством, завести обширные виноградники и рыбные промыслы. Центром его имения являлось небольшое село Черный рынок, расположенное близ устья Кумы на Прикаспийской низменности, недалеко от моря. Сюда новый хозяин переселил в 1786 г. из других своих имений, находившихся во внутренних губерниях, первую партию крепостных крестьян (146 душ), в 1789 г. перевел 100 чел., а в 1792 г. еще 563 чел. Кроме того, ему удалось добиться закрепощения ранее переселившихся сюда вольных крестьян общей численностью 225 чел.

Таким образом, к концу XVIII в. в кавказском имении Вяземского насчитывалось свыше тысячи крепостных крестьян [23].

Однако для того, чтобы вести хозяйство на площади в 70 тыс. десятин, этого было явно недостаточно. Кроме того, попытки приучить переведенных из внутренней России крестьян к морскому рыболовству, варению клея из рыбьих костей, виноградарству и виноделию, разумеется, успеха не имели. Распашка целины также не удалась — не хватало рабочего скота и земледельческих орудий. В результате Вяземский махнул на все рукой и продал свое новое имение помещикам Всеволожским за 100 тыс. рублей, т. е. в среднем по 1 руб. 40 коп. за десятину. Три года спустя и Всеволожские продали значительную часть бывших земель Вяземского своим соседям Скаржинским [24].

---

[22] ГАСК, ф. 128, д. 1341, л. 2 и сл.

[23] Данные, заимствованные из рукописи Ф. Редькина «Историческое описание Черноярского хозяйства». Автор был управляющим этого имения. Рукопись хранится в Астраханской областной библиотеке.

[24] ГАСК, ф. 128, д. 1920, лл. 23—26.

К началу XIX в. в селе Черный рынок, не считая господской усадьбы, было всего 50 крестьянских домов [25].

По примеру Вяземского продали свое кавказское имение и наследники князя Потемкина. Оно было приобретено камер-фурьером Захаром Зотовым, который в 1825 г. в свою очередь продал его армянским дворянам братьям Калантаровым [26].

Тем не менее правительство продолжало раздавать земли в предкавказских степях дворянам. В 1801—1821 гг. большие площади земель были пожалованы здесь майору Похвистневу, подполковнику Марковичу, поручику Столыпину, генералу князю Орбелиани и др. В 20—30-х годах XIX в. получили земельные владения генералы Эммануэль (2000 десятин), Гартунг (3380 десятин), Богданович (2410 десятин), Сысоев (4968 десятин), полковники Масловский (1513 десятин), Сохацкий (2019 десятин) и многие другие [27].

Общая численность крепостных крестьян в пределах Кавказской губернии к 1804 г. достигла 5998 чел.

При поддержке государственного аппарата дворянской империи русские помещики старались перенести на новые колонизуемые территории Юга и Юго-Востока старые феодальные институты. Они насаждали и укрепляли в Предкавказье феодальную собственность на землю, крепостное право, барщинную систему хозяйства, широко практикуя испытанные методы внеэкономического принуждения.

Но заселение предкавказских степей и их хозяйственное освоение в XVIII и первой половине XIX в. происходило в обстановке разложения феодально-крепостнической системы и развития в недрах ее новых, капиталистических отношений.

Даже в центральных, давно освоенных, районах России помещики в предреформенный период жаловались на низкую производительность труда своих крепостных. Еще более сложные условия были в степных мало заселенных окраинах страны, где стояла задача освоения целинных земель, где нужно было приспособляться к новым климати-

---

[25] «Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний», составл. И. В. Ровинским. СПб., 1809, стр. 451.

[26] ГАСК, ф. 79, оп. 1, д. 1268, л. 5.

[27] «Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний», стр. 6.

ческим условиям, где требовалось изучать заново календарь сельскохозяйственных работ и проявлять инициативу в выработке новых агротехнических правил. В рамках барщинного хозяйства с его рутинной техникой и беспощадной эксплуатацией лично зависимых и прикрепленных к земле крестьян невозможно было достигнуть быстрого расширения посевов и увеличения товарной массы зерна в неосвоенных еще степях Предкавказья. Недостаток рабочих рук, транспортные затруднения и частые засухи и неурожаи еще более усугубляли это положение. В результате многие помещики Предкавказья старались развивать свою предпринимательскую деятельность в других направлениях.

Они охотно использовали принадлежавшие им земли как пастбища для скота, хотя и не утруждали себя заботами о повышении его продуктивности. Как правило, их не интересовали ни организация племенного дела, ни создание прочной кормовой базы. И в области животноводства, как и в земледелии, они придерживались феодальных методов ведения хозяйства, не решаясь порвать с рутиной и отсталостью. Поэтому в конечном счете и животноводство не оправдывало их надежд на получение высоких доходов и быстрое обогащение.

Даже такая распространенная в то время на Юге отрасль животноводства, как разведение тонкорунных овец, не получила особого развития в помещичьих имениях Предкавказья.

Значительно больший интерес проявляли здесь помещики к развитию коневодства, которое сулило им большие выгоды в связи с повышенным спросом на лошадей со стороны армейских ремонтеров, приезжавших в Предкавказье для закупки их по вольным ценам преимущественно для конных частей Кавказского корпуса.

Еще в 1815 г. только у дворян одного Кизлярского уезда было 17 конных заводов, насчитывавших 2665 лошадей [28]. Особенно известны были в Предкавказье конные заводы помещиков Реброва, Скаржинского, Шан-Гирея. Ребров имел 900 лошадей, Скаржинский — 338 [29]. Одним из

---

[28] ГАСК, ф. 87, оп. 1, д. 594, л. 19.
[29] Там же, ф. 298, оп. 1, д. 1389, л. 26.

старейших в Предкавказье был конный завод графов Воронцовых, основанный еще в 1792 г.

Помимо коневодства, внимание помещиков Предкавказья привлекали такие высокодоходные отрасли сельского хозяйства, как виноградарство и шелководство. Более всего этим занимались владальцы имений, находившихся в долинах Кумы и Терека, а также дворяне, проживавшие в Кизляре. По данным 1815 г., кизлярские дворяне имели 63 виноградных и тутовых сада. В указанном году они изготовили и продали около 16 пудов шелка, 237 ведер виноградной водки и 21 820 ведер вина [30].

Для многих помещиков Кизлярского и Пятигорского округов виноделие было в первой половине XIX в. главным источником дохода. Так, например, помещик Кизлярского округа Тарумов в 30-х годах XIX в. продавал ежегодно 1800 ведер вина и тысячу ведер виноградной водки. Крупный помещик Пятигорского округа Скаржинский производил на продажу до двух пудов шелка и 1500 ведер вина [31].

По мере вовлечения в сферу товарного производства и товарно-денежного обращения помещики расширяли свою предпринимательскую деятельность. Не ограничиваясь сбытом зерна и различных видов сырья, некоторые из них пытались наладить в своих имениях первичную промышленную переработку сельскохозяйственных продуктов: сооружали мельницы, кожевенные, винокуренные, салотопенные заводы.

Наибольших успехов в своей предпринимательской деятельности достиг помещик Пятигорского округа А. Ф. Ребров. Он являлся одним из немногих в Предкавказье помещиков-рационализаторов, пытавшихся повысить агротехнический и зоотехнический уровень своего хозяйства. Ребров выписывал из центра усовершенствованные сельскохозяйственные орудия, следил за агрономической и экономической литературой, сам выступал со статьями и обзорами на страницах русских сельскохозяйственных журналов. Ставропольские помещики подчас иронизировали над его «затеями», но тем не менее вынуждены были

---

[30] ГАСК, ф. 87, оп. 1, д. 594, л. 17—18. Ведомость о количестве виноградных и тутовых садов в 1815 г. по г. Кизляру.

[31] Там же, ф. 298, оп. 1, д. 1389, лл. 26, 50. Описание землям Кавказской области, помещиками владеемым.

признавать его превосходство в области организации предпринимательского хозяйства. Недаром они неоднократно избирали Реброва на должность губернского предводителя дворянства [32].

Имение Реброва Владимировка было расположено на восточной окраине Пятигорского округа — «на самой оконечности оного», как выражался сам помещик [33]. Оно перешло к нему от его тестя — генерала Савельева. Во Владимировском имении значилось 22 038 десятин. Кроме того, в начале XIX в. Ребров приобрел покупкой еще 4898 десятин в Кизлярском округе [34].

Во Владимировке Ребров имел каменный дом, шесть водяных мельниц, конный завод (900 лошадей), 600 голов крупного рогатого скота и тысячу овец, в том числе 200 тонкорунных [35]. Сначала он уделял главное внимание зерновому земледелию и производству хлеба на продажу. В этом отношении представляет большой интерес прошение, поданное им в 1814 г. на имя кавказского гражданского губернатора. В нем говорилось:

«Получив от урожая, в прошлом 1813 году бывшего, и от заведенных мною мельниц такое количество пшеницы, что за продажею ее здесь осталось сверх потребности для обихода и запаса еще столько, что я, не имея случая продать оной по сходной для меня цене в здешней губернии, решился отправить пшеницу в зерне и муке до 400 четвертей на Дон и до 400 четвертей в Черноморию для продажи...» [36].

В заключение Ребров испрашивал «свидетельства на свободный провоз» своего хлеба в казачьи области, добавляя, что возы с зерном и мукой будут покрыты «150 воловьими кожами», и, таким образом, хлебопродукты не подвергнутся порче в случае ненастной погоды.

Приведенный документ убедительно доказывает, что еще в самом начале XIX в. отдельные помещики Предкавказья производили хлеб на продажу и вели торговлю им

---

[32] ГАСК, ф. 87, оп. 1, д. 756, л. 7.

[33] Там же, ф. 444, оп. 1, д. 1620, л. 9. Сведения о доходах, полученных помещиками.

[34] Там же. ф. 298, оп. 1, д. 1389, л. 26,

[35] Там же, л. 26 об.

[36] Там же, ф. 87, оп. 1, д. 528, л. 1. Прошение надворного советника Алексея Реброва от 14 апреля 1814 г.

не только на местных ярмарках и базарах, но и в соседних, достаточно удаленных районах. Если учесть, что расстояние от Владимировки до Ростова составляло по прямой около 600 верст, а от Владимировки до Екатеринодара — почти 500 верст, то станет понятным, какие трудности приходилось преодолевать при перевозке хлеба на Дон или в Прикубанье. Но даже эти транспортные затруднения не останавливали помещиков, вовлеченных в рыночные связи и стремившихся извлечь возможно больший денежный доход из своих имений.

С течением времени в хозяйстве Реброва все более значительное место стали занимать виноградарство и шелководство. К 1828 г. во Владимировке уже существовало небольшое «шелкомотальное заведение». Ежегодно Ребров продавал два-три пуда шелка. В 1846 г. в его имении было изготовлено более четырех пудов (175 фунтов) шелка [37].

Московские текстильные фабриканты дали положительный отзыв о качестве присланных Ребровым образцов шелка, заверив его, что «на такой товар всегда можно иметь покупщиков». Продажная цена шелка этого сорта колебалась от 400 до 450 рублей [38].

Виноградники Реброва давали ежегодно до 1500 ведер вина [39]. Первым из виноделов Предкавказья Ребров стал изготовлять шипучее вино, получившее известность под названием «Ребровского полушампанского». Оно продавалось по высоким ценам — от одного рубля до 1 руб. 50 коп. за бутылку [40].

Население растущих городов и курортных поселков предъявляло спрос на различные овощи. Это побуждало Реброва и некоторых других помещиков Предкавказья обращаться к огородничеству. В частности, Владимировка славилась своим репчатым луком. Привозимый оттуда ребровский лук охотно раскупали на местных базарах жители Георгиевска, Пятигорска, Ставрополя [41].

---

[37] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 2, д. 887, л. 29 об. Отчет о состоянии Ставропольской губернии за 1846 г.

[38] «Земледельческий журнал», 1828, № XXII, стр. 499—500.

[39] ГАСК, ф. 298, оп. 1, д. 1389, л. 26 об.

[40] «Москвитянин», 1851 г., ч. VI, стр. 154. Обыкновенное местное вино продавалось по цене от 70 коп. до 1 рубля 30 коп. за ведро (см. ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 2, д. 887, л. 29. Отчет о состоянии Ставропольской губернии за 1846 г.).

[41] «Москвитянин», 1851, ч. VI, стр. 154.

Таким образом, наиболее доходной отраслью хозяйства Реброва являлось в то время не хлебопашество, а виноделие, садоводство, огородничество. Но именно уход за виноградником, выращивание овощей, разведение тутовых садов и обработка коконов представляли собой весьма трудоемкие процессы и требовали работников, обладавших определенной квалификацией и производственной инициативой. Таких работников трудно было найти среди крепостных крестьян, отбывавших барщину. Никакая интенсификация барщины не могла создать той производительности труда, какая была необходима для организации рационального хозяйства, рассчитанного на производство продуктов для продажи на рынке.

Вот почему тот же Ребров, слывший передовым среди помещиков Предкавказья, вынужден был, хотя и в завуалированной форме, признать бесплодность всех усилий, направленных на эффективное экономическое использование богатейших природных возможностей края в рамках барщинного хозяйства. Констатируя, что «образ хозяйства» в предказвказских имениях дворян-крепостников «остается еще в первобытном состоянии и улучшение во всех отношениях частных заведений не подвинулось вперед», он подчеркивал, что сами по себе природные условия не могут обеспечить экономического прогресса: «...климат многому благоприятствует, но ничто еще не улучшилось в хозяйстве...» [42].

Правда, Ребров не указывал, какая же причина мешает улучшению помещичьего хозяйства в степях Предкавказья. Но, по-видимому, и ему приходилось на практике убеждаться в невозможности рационализации помещичьего хозяйства в условиях сохранения крепостного права.

Крепостничество являлось величайшим тормозом общественно-экономического развития по всем линиям. И хозяйство крепостников-помещиков, и хозяйство крепостных крестьян находились в состоянии затяжного и мучительного кризиса. Искусственно насаждавшиеся царизмом и дворянами феодальные институты не могли обеспечить успешного экономического освоения Предкавказья. Все попытки русских помещиков приспособить свои кав-

---

[42] А. Ребров. О состоянии сельского хозяйства Кавказскоїі области. «Земледельческиї журнал», 1828, № XXII, стр. 496.

казские имения к новым хозяйственным условиям, к потребностям рынка, не имели серьезного успеха именно потому, что они придерживались феодальных методов ведения хозяйства.

В итоге крепостное хозяйство так и не получило развития в Предкавказье. Не только мелкопоместные дворяне, но и владельцы крупных имений, испытывали растущие экономические затруднения. По мере разорения и обнищания крепостного крестьянства доходность помещичьих имений падала, а предпринимательская деятельность помещиков угасала. Отягощенные долговыми обязательствами, они не в состоянии были производить новые капитальные затраты.

Курс царского самодержавия на крепостническую колонизацию предкавказских степей путем насаждения здесь дворянского землевладения в конечном счете потерпел неудачу. Накануне реформы 1861 г. на долю дворянских имений в пределах Степного Предкавказья приходилось менее 2% земельной площади и общего сбора хлебов, 2,8% поголовья скота. Крепостные помещичьи крестьяне составляли только 2% всего населения края [43]. Барщинное хозяйство с его рутинной техникой и малопроизводительным подневольным трудом обнаружило свою полную несостоятельность в деле экономического освоения обширных степных пространств. Это было одним из частных проявлений общего кризиса феодального способа производства, уже исчерпавшего свои внутренние возможности.

Убеждаясь в том, что крепостническая помещичья колонизация не может обеспечить достаточно быстрого экономического освоения края, представители местной администрации еще в конце XVIII в. ставили вопрос о широком заселении Предкавказья государственными крестьянами.

Главнокомандующий русскими войсками на Кавказской линии генерал И. В. Гудович в январе 1792 г. просил императрицу сделать распоряжение о переселении в Предкавказье 10 тыс. душ государственных крестьян «для умножения хлебопашества». Деятель военной админи-

---

[43] См. подробнее об этом: А. В. Фадеев. Очерки экономического развития Степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957.

страции аргументировал свое предложение следующим образом. «Доселе,— писал он,— для войск кавказских доставляется провиант и овес из внутри России, и обходилась четверть муки 7 руб. 25 коп., крупы 8 рублей и овса 3 руб. 50 коп., а иногда и выше, быв сей хлеб доставляем на правый фланг линии из крепости св. Димитрия (Ростова-на-Дону. — *А. Ф.)* сухопутно, а на левый из Астрахани морем на Кизляр. Но ежели бы число хлебопашцев (в Кавказской области.— *А. Ф.*) увеличилось до того, что можно бы было покупать у них жизненные припасы, хотя и не в полной годовой пропорции, то казна сохранила бы ежегодно до полумиллиона рублей».

Однако Екатерина II отклонила это предложение, указав, что, «когда строением крепостей по линии земли сии закрыты будут и хлебопашцам доставится безопасность и спокойствие, тогда сами собою, без убытков казне и помещикам и казенные крестьяне мало-помалу станут переносить жительства свои в сию привольную страну...» [44].

За лицемерными фразами о «безопасности и спокойствии» для «хлебопашцев» здесь отчетливо проглядывает забота об интересах помещиков и некоторое недовольство, что военная администрация на Кавказской линии не способна обеспечить необходимые условия для развития помещичьего хозяйства в предкавказских степях.

По существу в этой директиве императрицы — прикрыть «земли сии» со стороны Кавказских гор «строением крепостей» — заключалась целая политическая программа.

Сооружение новых кордонных линий, ограждавших с юга колонизуемые пространства предкавказских степей, было неразрывно связано с расширением сферы военно-казачьей колонизации, а следовательно, преследовало не только оборонительные, но и наступательные цели.

Кроме волжских и хоперских казаков, переселенных ранее в междуречье Терека и Кубани, в 1792 г. были переведены с Украины для расселения в Прикубанье черноморские казаки. Позднее, уже в XIX в., размещенное на Кавказской линии казачество пополнялось новыми контингентами украинских и донских казаков, а также госу-

---

[44] П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа, т. II. СПб., 1869, стр. 255—256.

дарственных крестьян, которых «перечисляли в казачье сословие».

В 1832 г. все расселенные на Кавказской линии казаки, кроме черноморских (кубанских), составили особое Кавказское линейное казачье войско.

Сфера военно-казачьей колонизации неуклонно расширялась в южном направлении, захватывая все более предгорные районы Северного Кавказа. Появление новых казачьих станиц в верховьях Кумы, по Лабе и Урупу, Малке и Сунже сопровождалось дальнейшим оттеснением в горы коренного населения — кабардинцев, черкесов, чеченцев. Поэтому неправильно было бы считать, что, заселяя берега Терека и Кубани казаками, царизм имел в виду лишь обеспечить безопасность своих владений в Предкавказье. Царские колонизаторы еще в XVIII в. прочно усвоили идею, которая позднее столь четко была выражена в словах наместника царя — фельдмаршала князя А. И. Барятинского: «Единственное надежное средство для прочного утверждения нашего владычества на Западном Кавказе есть занятие горного и предгорного пространств нашим вооруженным казачьим населением» [45]. Можно лишь добавить, что в практике царской военной администрации эта установка применялась не только к Западному, но и к Восточному Кавказу.

Отсюда следует, что всемерно поощрявшаяся царизмом военно-казачья колонизация предкавказских степей являлась одним из рычагов его завоевательной политики на Кавказе.

Однако тяготы военной службы и сословно-феодальная организация казачества настолько ограничивали его хозяйственную деятельность, что решающей роли в экономическом освоении степного Предкавказья оно не играло. Первостепенное значение имела в этом деле крестьянская колонизация.

Заинтересованное в создании в пределах предкавказских степей экономической базы для завоевания Кавказа, царское правительство вынуждено было разрешать переселение туда государственных крестьян, хотя и старалось строго регламентировать и регулировать это колонизационное движение. Несмотря на то, что к середине XIX в.

---

[45] АКАК, XII, № 583.

казаки составляли 58% всего населения Предкавказья, а государственные крестьяне — только 23%, именно последние являлись здесь основными двигателями экономического прогресса. Они по преимуществу занимались распашкой целинных земель, развитием степного животноводства, освоением южных сельскохозяйственных культур. К концу дореформенного периода на их долю приходилось 60% общего сбора зерновых хлебов в пределах степной части края [46].

В общем потоке крестьянской колонизации необходимо выделить особо движение самовольных переселенцев, в большинстве своем беглых помещичьих крестьян, искавших спасения от крепостного гнета. Растворяясь в общей массе трудового крестьянского населения степного Предкавказья, они также принимали активное участие в хозяйственном освоении края.

Нельзя не отметить объективного исторического значения крестьянской колонизации предкавказских степей. Со времен монгольского нашествия они представляли собой почти не населенное пространство, не знавшее ни оседлых поселений, ни земледельческой культуры, ни городской жизни. Только благодаря труду русских и украинских крестьян эти целинные степи оказались на рубеже XVIII и XIX веков включены в сферу современной цивилизации. К 1804 г. оседлое население Предкавказья достигло почти 100 тыс. человек.

Однако исторически прогрессивное содержание крестьянской колонизации степного Предкавказья не должно ни в какой мере заслонять собой того факта, что плодами трудовых усилий переселенцев по экономическому освоению этого края пользовались эксплуатировавшие и угнетавшие их правящие круги дворянской империи, для которых эта территория была только плацдармом для дальнейшей военно-феодальной экспансии. Разумеется, нелепо было бы на этом основании отождествлять мирных русских и украинских земледельцев с царскими колонизаторами, но помнить о том, что колонизация Предкавказья и его хозяйственное освоение были прологом завоевания Кавказа царизмом, необходимо.

---

[46] А. В. Фадеев. Очерки..., стр. 62, 174.

2. ЗНАЧЕНИЕ КАВКАЗА ДЛЯ РУССКОЙ ТОРГОВЛИ

Торговые сношения с Кавказом Россия поддерживала издавна. Особенно расширились они с тех пор, как в распоряжении Русского государства оказался весь Волжский водный путь и выход в Каспийское море. Спускаясь по Волге, русские купцы направляли свои груженные медью, оловом, мехами и кожами ладьи в синие просторы Каспия к берегам Дагестана и Азербайджана. Из Дербента и Баку они с попутными караванами уходили степными дорогами в глубь Закавказья, достигая Шемахи и Ганджи. А от берегов Кавказа в Астрахань плыли армянские и азербайджанские купцы, поднимавшиеся вверх по Волге до самой Москвы.

Еще в 1667 г. представитель армянского купечества Григор Лусикян заключил с русским правительством выгодный торговый договор. Царь Алексей Михайлович предоставил армянам монопольное право на торговлю шелком с Россией [47].

Армянские и азербайджанские купцы торговали в русских городах не только изделиями кавказских ремесленников, но и привозили шелковые и хлопчатобумажные ткани, красители, пряности, жемчуг из Ирана и Индии. Таким образом, они выступали посредниками в развитии торговли России с отдаленными азиатскими странами, куда русские купцы, если не считать отдельных смельчаков вроде Федота Котова, еще не проникали.

Приезжали в Россию также индийские купцы. В Астрахани, помимо армянской, существовала также особая индийская колония [48].

Значение Кавказа для транзитных торговых путей в Иран и Индию высоко оценил Петр I. Его очень увлекала идея перехвата торговых путей из Европы в страны внутренней Азии. Он хотел добиться того, чтобы Европа торговала с этими странами не через Средиземное море и Турцию, а через Россию и Каспийское море. Французский дипломат Кампредон правильно уловил сущность намерений Петра I, когда сообщал своему правительству, что

---

[47] «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа», ч. II. М., 1833, стр. 287—288.

[48] А. И. Юхт. Индийская колония в Астрахани. «Вопросы истории», 1957, № 3, стр. 135.

русский царь «желает, чтобы шелка, которые посылались, обыкновенно, в Европу через Смирну, шли отныне на Астрахань и Петербург» [49]. А один из соотечественников Петра I — автор анонимной рукописи о «Персидском походе» 1722—1723 гг.— объяснял его цели тем, что царь «имел всегдашнее старание» о «распространении и безопасности российской торговли» и учитывал, что «Персия и Индия... могли оную привести в цветущее состояние». Понимая, какие выгоды может принести «сей великий торг», он хотел «обратить оный в свое государство» [50].

Естественно, что в этих планах Петра I большое место отводилось Кавказу. По свидетельству Ф. И. Соймонова, царь «хотел при устье реки Куры заложить большой купеческий город, в котором бы торги грузинцев, армян, персиян, яко в центре, соединялись и оттуда бы продолжались до Астрахани» [51].

Этим замыслам Петра I не дано было осуществиться, но переход под власть России по Петербургскому договору 1723 г. приморской полосы Дагестана и Азербайджана способствовал, разумеется, расширению торговых сношений с Кавказом. Они несколько сузились, но не были прерваны и после того, как, согласно Ганджинскому трактату 1735 г., Россия лишилась своих прав на Кавказское побережье Каспийского моря. Русские купцы продолжали посещать берега Кавказа. По данным одной из описей, датированной 1766 г., они привозили туда армяки, башмаки, писчую бумагу, белила, зеркала, павловские замки, иголки, мыло, хрусталь, фарфор, холст, сермяжное сукно, а также «немецкие» (т. е. западноевропейского происхождения) товары — сукна, фарфоровую посуду, парчу, бархат и т. п. С Кавказа отправлялись в Астрахань шелк-сырец, шелковые и хлопчатобумажные изделия. Комментируя эти сведения, А. П. Новосельцев пишет, что в данном случае «замечается изменение в сторону увеличения вывоза готовой продукции из России» [52].

---

[49] В. П. Лысцов. Персидский поход Петра I. М., 1951, стр. 87.
[50] «Русский архив», 1899, кн. III, стр. 481.
[51] Ф. И. Соймонов. Описание Каспийского моря. СПб., 1763, стр. 99—100.
[52] А. П. Новосельцев. Города Азербайджана и Восточной Армении в XVII—XVIII вв. «История СССР», 1959, № 1, стр. 99.

Эту тенденцию можно проследить и по материалам, относящимся к исходу XVIII столетия. Майор А. Г. Серебров в 1796 г. доносил русскому командованию на Кавказе, что в Баку «из внутрь Персии отвсюду привозят товаров и припасов: шелк и разные шелковые, бумажные и шерстяные материи, мариону (марену.— *А. Ф.*), шафран, пшено сарачинское, фрукты сушеные, и тем всем в городе происходит преобширная торговля...» При этом Серебров подчеркивал, что «в город... Баку привозимый товар почти весь отправляется в Астрахань» в обмен на получаемые оттуда «сукна, семя канцелярское, кубовую краску, железо, олово, холст...» [53]

Убеждая царских администраторов оказывать покровительство купцам, торгующим с Кавказом, Серебров в другой своей записке писал, что благодаря расширению русско-кавказских связей «мы приближаемся для открытия торговли с Индостаном и с двух сторон — через Персию и Бухарию» [54].

Следует отметить, что и в Петербурге тогда еще не оставляли мысль о том, чтобы сделать Россию посредницей в торговле между Европой и Азией. Назначая в 1796 г. графа Валерьяна Зубова главнокомандующим русскими войсками на Кавказе, Екатерина II внушала ему: «Быть может, восстановленное спокойствие и порядок в Персии откроют нам богатый торг не только при берегах моря Каспийского, но и внутри передовых персидских областей. Посредством сих последних удобовозможно будет открыть путь в Индию и, привлекая к нам богатейший торг сей кратчайшими путями, чем тот, кому следуют все народы, все выгоды, приобретаемые европейцами, обратить возможно будет в пользу нашу» [55].

Новым явлением в истории русско-кавказской торговли во второй половине XVIII в. было расширение непосредственных торговых сношений Россией с Грузией через Осетию. В связи с этим возросло значение древнего торгового пути, соединявшего Северный Кавказ с Закавказьем и известного прежде у грузин под названием «Осетинской дороги». Этот путь проходил по ущельям Терека и Арагвы

---

[53] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18474, ч. 2, л. 48.
[54] Там же, д. 2801, л. 10.
[55] Цит. по кн.: З. Т. Григорян. Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX века. М., 1959, стр. 44.

(примерно там, где потом была сооружена «Военно-Грузинская дорога»). К концу XVIII в. он стал чаще называться жителями Грузии «Русской дорогой». Недаром грузинский царь Ираклий II назвал стоявший на этом пути городок Ананури «вратами из Грузии в Россию». Называли эту дорогу также «Астраханской», так как купеческие караваны двигались по ней вдоль Терека до Кизляра, а потом прикаспийскими степями на Астрахань. Отдельные грузинские купцы отправлялись дальше по Волге до Макарьевской ярмарки [56].

После присоединения Грузии к России значительно расширились не только русско-грузинские коммерческие связи, но и торговые сношения России с другими областями Кавказа. Так, по данным, относящимся к 1806 г., в Дербент привозились из Астрахани сукна, краски, сахар, юфть, железные и другие металлические изделия, писчая бумага, а также «мягкая рухлядь, съестные припасы и всякий домашний скарб». Часть этих товаров местными купцами отправлялась в Шемаху, Шеку и приморские города Гиляна. В Астрахань морем и в Кизляр по суше из Дербента вывозились, помимо шелка, фрукты, бурки и некоторые другие товары, «марены до шести тысяч пудов» [57].

Включение в состав России Северного Азербайджана открыло новые, более широкие перспективы и для русско-персидской торговли. Большим спросом пользовались на персидских рынках русские железные изделия и красители. Первых в начале XIX в. отправлялось ежегодно в Персию на сумму до 300 тыс. руб., а вторых — на 150 тыс. руб. Неуклонно возрастал и вывоз в Персию русских текстильных, преимущественно хлопчатобумажных, изделий. Главной статьей персидского экспорта был шелк-сырец. Экспорт его в Россию достигал 9 тыс. пудов, что составляло почти одну треть всего количества шелка, вывозимого за пределы Персии.

Весь оборот русско-персидской торговли в 1815—1816 гг. оценивался в 1800 тыс. руб., а в 1820—1821 гг.— в 4250 тыс. руб., что составляло примерно одну пятую об-

---

[56] Ш. А. Месхиа. Города и городской строй феодальной Грузии XVII—XVIII вв. Тбилиси, 1959, стр. 133.

[57] А. А. Кремский. Выдержки из описания Дагестана и Ширвана. См. сборник архивных материалов «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.» М., 1958, стр. 234.

щего внешнеторгового оборота Персии [58]. Как отмечал современник, «многие русские товары по дешевизне и доброте» вошли «во всеобщее употребление по всей Северной Персии» [59]. Другой автор подчеркивал, что до середины 20-х годов XIX в. «Россия имела почти монополию на продажу ситцев в Персии, и выгоды, получаемые русскими и армянскими купцами, были весьма значительными» [60].

Одновременно возрастали и обороты торговли России с Азиатской Турцией. Купеческие караваны, направлявшиеся из Тифлиса через Карс в Эрзерум, встречались там с караванами, двигавшимися из Трапезунда. Товары русского происхождения все в большем количестве и ассортименте появлялись на базарах Турецкой Армении и Анатолии.

В 1802 г. вывоз русских товаров в Персию и Азиатскую Турцию составлял всего 3,3% русского экспорта в Азию, а в 1827 г. уже 30,4% [61], т. е. в девять раз больше. Это наглядно показывает, какое огромное значение имело присоединение Закавказья к России для развития русской торговли с Персией и Турцией.

Издавна существовавшие торговые связи Закавказья с Передней Азией оказались включены в общую систему торговых сношений России с Востоком. Посредническая роль закавказского купечества стала еще более заметной. По официальным данным, в 1819 г. местные купцы «употребили звонкой монеты» на торговлю с Россией 80 тыс. руб., с Персией — 75 тыс. руб. и с Турцией — 15 тыс. руб. серебром [62].

В правительственных кругах царской империи и в XIX в. не оставляли надежды изменить в пользу России направление европейской торговли со странами внутренней Азии. Присоединение Закавказья к России открывало

---

[58] Л. С. Семенов. К истории русско-персидских экономических отношений первой трети XIX века. См. «Научные доклады высшей школы. Исторические науки». М., 1958, № 1, стр. 55.

[59] В. Григорьев. Статистическое описание Нахичеванской провинции. СПб., 1833, стр. 240, 254.

[60] И. Блярамберг. Статистическое описание Персии. СПб., 1853, стр. 88.

[61] М. К. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М., 1949, стр. 37, 66.

[62] АКАК, VI, ч. 1, № 201.

в этом отношении новые перспективы. Товары из Западной Европы в Персию перевозились караванными путями через Эрзерум — Карс — Тавриз. Царские министры рассчитывали направить этот поток через Закавказье. Кроме того, они хотели оживить в интересах казны экономическую жизнь в своих новых закавказских владениях. В результате в 1821 г. последовал указ императора Александра I, которым устанавливался для Закавказья льготный таможенный тариф с уплатой всего пятипроцентной пошлины на ввозимые иностранные товары и разрешался беспошлинный транзит их по территории Грузии от черноморского порта Редут-Кале (Кулеви) до персидской границы.

Министр иностранных дел К. В. Нессельроде писал по этому поводу, что цель такого мероприятия заключалась «единственно в оживлении торга в Грузии, Имеретии и в областях закавказских, и чтобы тем привлечь к себе торговлю верхней Азии, производимую через Карс и Эрзерум» [63]. Позднее тот же Нессельроде в секретной инструкции назначенному посланником в Персию А. С. Грибоедову ссылался на существование «давнего плана нашего правительства..., обещающего значительные для нас выгоды обращением индийской торговли к берегам Каспийского моря» [64].

Именно в этом и следует искать одну из причин того, что царизм так настойчиво стремился к расширению своих новых закавказских владений.

Льготный тариф 1821 г. действительно послужил толчком для развития торговой жизни в Закавказье и особенно для расширения его коммерческих связей с зарубежным европейским рынком. Пользуясь разрешенным с этого времени беспошлинным транзитом товаров в Персию через Закавказье, агенты французских и английских торговых фирм стали все чаще посещать Грузию. «Через Тифлис за последнее время проезжает много англичан, едущих обыкновенно этим путем из Индии в Европу...»,— писал в 1822 г. французский консул в Грузии Гамба. По его словам, в Тифлисе встречались «негоцианты из Парижа, курьеры из Петербурга, купцы из Константинополя, ан-

---

[63] Цит. по указ. соч. М. К. Рожковой, стр. 51.
[64] АКАК, VII, № 591.

гличане из Калькутты и Мадраса, армяне из Смирны, узбеки из Бухары». Будучи склонен к преувеличениям, темпераментный француз называл Тифлис «главным узловым пунктом между Европой и Азией» [65].

В свою очередь тифлисские купцы стали путешествовать в страны Центральной и Западной Европы. «Не зная никаких языков европейских и не имея в Европе никаких торговых связей, они при всем том начали отправляться для покупки товаров на Лейпцигские ярмарки, в Триест, Марсель и другие европейские города. Часть покупаемых ими товаров находила быстрый сбыт в самом крае, другую же часть они отправляли в Персию» [66].

В 1825 г. на Лейпцигской ярмарке побывало 10 купцов из Закавказья, закупивших товаров на сумму 1600 тыс. руб. ассигнациями, а в 1829 г. уже 17 купцов, приобретших товаров на 2800 тыс. руб. ассигнациями [67].

Однако посредническая деятельность местного купечества не оказала существенного влияния на сельское хозяйство и промышленное производство Закавказья. Это отмечал, в частности, А. С. Грибоедов, подчеркивавший, что закавказский транзит не явился мерой «поощрения внутренней промышленности: не возникло ни одной фабрики, не процвело ни земледелие, ни садоводство...». Он указывал на слабость внутреннего товарообмена: «Между тем как базар Тифлисский пестреет привозными товарами, взор наблюдателя напрасно будет искать домашних изделий или продуктов, на которые их можно бы обменивать» [68].

Вместе с тем опасность подчинения кавказского рынка западноевропейскому капиталу вызывала растущую тревогу в среде русской буржуазии.

К двадцатым годам XIX в. заметных успехов достигло развитие русской текстильной промышленности, особенно хлопчатобумажной, представленной по преимуществу

---

[65] C. Gamba. Voyage dans la Russie Méridionale, t. I. Paris, 1826. Цит. по кн.: Ш. Чхетия. Тбилиси в XIX столетии. Тбилиси, 1942, стр. 81.

[66] И. Дюкруаси. О заграничной торговле Закавказского края. «Кавказский календарь на 1853 г.». Тифлис, 1852, стр. 411.

[67] М. Рожкова. Указ. соч., стр. 75.

[68] Цит. по кн.: И. Епикопосов. Грибоедов и Восток. Ереван, 1954, стр. 146.

капиталистической мануфактурой с вольнонаемными рабочими. В связи с этим для русской промышленной буржуазии обострилась проблема рынков.

Рамки внутреннего рынка были крайне ограничены и стеснены господством в стране крепостного права. В этом наглядно сказывалось несоответствие производственных отношений характеру производительных сил. Уже на рубеже второго и третьего десятилетий XIX в. в текстильной промышленности наблюдаются признаки застоя.

После восстановления в 1822 г. запретительной таможенной системы положение в русской промышленности несколько улучшилось, но рамки внутреннего рынка все же оставались тесными. Поэтому русская буржуазия, несмотря на слабость промышленного развития России, вынуждена была искать новых рынков сбыта за рубежом, преимущественно в отсталых азиатских странах. Увеличение русского экспорта в Азию происходило главным образом за счет расширения вывоза промышленных изделий, которые к 1827 г. составляли 35,3% всего экспорта [69]. Более половины экспортируемых изделий было представлено хлопчатобумажными тканями. В частности, Персия и Азиатская Турция к середине 20-х годов XIX в. выдвинулись на первое место в качестве рынков сбыта для русских хлопчатобумажных фабрикантов, обогнав Китай и Среднюю Азию [70].

Не случайно в это время Тифлис и Баку усиленно стали посещать представители шуйских, ивановских и московских фирм — Болотовых, Посылиных, Горелиных, Прохоровых и других. Все они жаловались на введенный в 1821 г. для Закавказья льготный таможенный тариф, в результате которого «соперничеством иностранных товаров подрывался сбыт в Закавказье и даже в Персию российских изделий» [71].

Притязания русских мануфактуристов поддерживал министр финансов граф Е. Ф. Канкрин, который докладывал царю, что «Закавказские провинции» должны стать для Российской империи сырьевой колонией, приносящей «весьма важные выгоды произведениями южных клима-

---

[69] М. Рожкова. Указ. соч., стр. 68.

[70] Там же, стр. 71.

[71] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 2, д. 355, л. 102. Материалы о закавказской торговле.

тов». На этом основании Канкрин добивался защиты интересов русского купечества на закавказском рынке и отмены льготного тарифа, установленного для Закавказья в 1821 г. Канкрин указывал, что если положение, создавшееся на Кавказе в результате открытия беспошлинного завкавказского транзита, сохранится, то «Россия допущением иностранцев должна лишиться той части восточной торговли, которую, владея Грузией и знатной частью Каспийского и Черного морей, могла бы сделать исключительно своим достоянием к поощрению внутренней промышленности» [72].

Министр финансов ссылался при этом на прошение, поданное правительству тридцатью текстильными фабрикантами, в котором говорилось, что «предоставленная ныне свобода провозить транзитом из-за границы иностранные товары... в Грузию и Персию почти совершенно прекратила сбыт наших мануфактурных изделий в той стране». Русские капиталисты жаловались, что «армяне и персияне, покупавшие прежде на большие суммы для торговли в Грузию и Персию сукна и прочие российские изделия в Москве и на Нижегородской ярмонке, ныне нисколько оных у нас не требуют, а провозят все количество из Лейпцига и вообще из чужих краев транзитом». Подписавшие прошение представители русской буржуазии уверяли правительство, что «сим самым причиняется не только для наших фабрик, но и для внутренней нашей торговли неисчислимый вред» [73].

В результате длительного обсуждения этого вопроса в правительственных сферах точка зрения Канкрина взяла верх. В 1831 г. закавказский транзит был закрыт, а таможенные пошлины на ввозимые в Закавказье европейские товары, особенно на текстильные изделия, значительно повышены. Тем самым русской промышленной буржуазии было обеспечено монопольное положение на кавказском рынке.

Конечно, русский царизм еще не выражал в то время интересов буржуазии. Но его тревожило обострявшееся противоречие между развитием промышленности и узостью внутреннего рынка. Поэтому царское правительство

---

[72] ЛКАК, VI, ч. 1, № 295.
[73] М. Рожкова. Указ. соч., стр. 84.

уже тогда поощряло в какой-то мере развитие капитализма «вширь», содействуя русской буржуазии в деле освоения колониальных окраин и завоевания внешних рынков. В конечном счете в основе такой политики лежало стремление отстоять старый, феодальный экономический базис.

Кроме того, царизм рассматривал внешнюю торговлю с азиатскими странами как средство для распространения своего политического влияния в этих странах. В одном из официальных источников того времени по этому поводу говорилось: «Взяв в уважение существенное различие не только торговли, Россиею производимой с Азиею, от торга ее с Европою, но и политических ее отношений к сим странам света, Департамент убедился, что первая как сама по себе, так и по сильному ее влиянию на последние для нас несравненно важнее... Торговлю нашу с Азиею не должно принимать единственно в виде обыкновенного обмена взаимных народных потребностей и обыкновенных торговых спекуляций, но паче как орудие надежнейшее и даже единственное для достижения важной цели ограждения границ наших и их совершенного успокоения...» [74]

В качестве орудия своей политики царизм стремился использовать и торговлю с горцами на Северном Кавказе, развивавшуюся по мере колонизации предкавказских степей и установления контактов между переселенцами и коренными жителями края.

Начало торговых сношений между русскими переселенцами и коренными обитателями Кавказа относится еще к XVI в., когда появились первые русские поселения на Тереке. Первые акты обмена были результатом случайных встреч горцев с их новыми соседями — гребенскими казаками. Потом обмен товаров стал для тех и других в известной степени потребностью и приобрел характер более регулярных сношений.

В первой половине XVIII в. главными пунктами торговли с горцами были новые русские города на Тереке — Кизляр и Моздок, где казаки выменивали у горцев пшено, воск, мед, черкески, бурки, папахи и прочее на соль, рыбу, икру, а русские и армянские купцы сбывали горцам приве-

---

[74] Резолюция Департамента государственной экономии Государственного совета по вопросу об Азиатском тарифе (1816). Цит. по указ. соч. М. Рожковой, стр. 43—44.

зенные из внутренней России хлопчатобумажные ткани, железо, чугун, свинец и т. д.

В 1765 г. кабардинцы и кумыки были освобождены от уплаты пошлин «при продаже собственных произведений и скота», а также «при покупке товаров в Кизляре». Однако, с другой стороны, царизм стремился взять под свой контроль развивавшуюся торговлю с горцами и извлечь из нее максимальную выгоду. С этой целью в 1780 г. были указаны только три пункта для меновой торговли с кабардинцами — Екатериноград, Георгиевск и Ставрополь.

Специальные пункты для торговли с закубанскими черкесами были указаны и черноморским казакам после переселения их в 1792 г. на Кубань. В этих пунктах затем оборудовали так называемые «меновые дворы».

Испытывая острый недостаток в хлебе и лесоматериалах, новоселы, осевшие в Прикубанье, охотно приобретали то и другое у соседних черкесов. Отчеты Екатеринодарского менового двора за 1797—1798 гг. свидетельствуют, что в обмен на соль и рогатый скот черкесы доставляли черноморским казакам хлеб, яблоки и груши, деревянные колья, бревна, доски, сохи, лопаты, вилы и пр.[75] Кроме того, казаки предъявляли спрос на горские башлыки, бурки, кинжалы, конскую сбрую.

Стремление царского правительства к регламентации торговых сношений русских переселенцев с коренным населением Кавказа нашло яркое выражение в особом Положении о торговле с горцами, утвержденном в 1810 г.[76] В порядке реализации этого Положения в 1811 г. на «Кавказской линии» (к востоку от Черноморской кордонной линии) были открыты пять меновых дворов (в Усть-Лабинской, Овечьем броде, Константиногорской, Прохладной и Наурской) и соляной магазин во Владикавказе[77].

За первое десятилетие (1811—1820 гг.) существования этих меновых дворов и Владикавказского соляного магазина от обмена и продажи горцам соли и проса было

---

[75] «Русско-адыгейские торговые связи». Сборник документов. Майкоп, 1957, стр. 12—32.

[76] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 782-а, лл. 106—112. Справка о меновой торговле.

[77] ГАСК, ф. 87, д. 695, л. 5. Ведомость о состоянии меновых дворов в 1816 г.

выручено 348 641 руб. 31 коп., из которых отправлено кавказскому губернатору, т. е. сдано в доход казны, 299 461 руб. 79 коп. Остальная сумма, за исключением 3814 руб. 14 коп., находившихся в кассах меновых дворов к моменту ревизии, была «употреблена на местные издержки» [78]. Фактически же значительная часть этой суммы была расхищена чиновниками.

Помимо названных выше меновых дворов, находившихся в пределах Кавказской области (Ставропольской губернии), существовало еще пять «войсковых» меновых дворов на Кубани, в земле Черноморского казачьего войска: Екатеринодарский, Малолагерный, Редутский, Великолагерный и Новоекатерининский.

Поощряя до некоторой степени торговые сношения русских новоселов с коренным населением края, царское правительство имело в виду «посредством оных приобрести доверие горцев» [79] и обеспечить «прочное спокойствие на линии Кавказской» [80].

Право свободной торговли в кордонных укреплениях и казачьих станицах царская администрация предоставляла горцам как своеобразную привилегию, стараясь этим привлечь на свою сторону симпатии горской знати. Так, например, кабардинским князьям Безруко Хамурзину, Кучуку Касаеву и Темрюку Казанищеву, приезжавшим в Петербург в 1811 г., была вручена особая грамота, позволявшая им «невозбранно ездить для торга в Кизляр и Астрахань» [81].

Наоборот, закрытие меновых дворов и запрещение торговли на Кавказской линии использовалось царскими администраторами как средство политического давления на «непокорные» горские племена, служило репрессивной мерой. Многое в этих случаях зависело от произвола отдельных военачальников или чиновников.

Время от времени отдельные купцы обращались к кавказскому начальству с просьбой разрешить им вести непосредственную торговлю с горцами. Как правило, такие просьбы не встречали сочувствия со стороны царских

---

[78] ГАСК, ф. 79, оп. 1, д. 81, л. 348.
[79] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 782-а, л. 106.
[80] ГАСК, ф. 87, оп. 1, д. 233, л. 1.
[81] ПСЗ, т. XXXII, стр. 16, № 24959.

чиновников и генералов, придерживавшихся того мнения, что торговля на Кавказской линии «не имеет целью выгоды русских промышленников, но... должна служить единственно способом к укрощению нрава горцев» [82].

Торговля с горцами на Кавказской линии носила ярко выраженный колониальный характер. И царские чиновники на меновых дворах, и русские купцы на ярмарках и базарах всячески старались обмануть неискушенных в коммерческой деятельности горских крестьян, сбыть им недоброкачественный товар, продать его по явно завышенной цене или выменять с выгодой для себя. Отдаленность Кавказа от промышленных центров России, изоляция кавказских горцев от экономически развитых европейских стран, большие различия в технике производства и производительности труда между российской фабричной промышленностью и местными кустарными промыслами, громадная разница цен между центральными районами империи и ее окраинами — все это создавало благоприятные возможности для неэквивалентного обмена. Неравноправное положение сторон, обусловленное национальным угнетением кавказских народов и великодержавной направленностью политики царизма на Кавказе, усиливало колониальный характер торговли с горцами.

Даже некоторые чины высшей военной администрации Предкавказья, характеризуя торговлю с горцами, признавали отсутствие «справедливости в удовлетворении их интересов» [83] и «спекуляцию со стороны смотрителей меновых дворов» [84]. В 1811 г. решением Комитета министров было учреждено особое «попечительство торговли с черкесами и абазинцами» (абхазами.— *А. Ф.*) на Кавказском побережье Черного моря [85].

В должности «попечителя» был утвержден предприимчивый генуэзский коммерсант Скасси. Его резиденцией была Керчь, откуда отправлялись купеческие корабли к берегам Кавказа, груженные солью, текстильными и металлическими изделиями. Главная торговая фактория

---

[82] АКАК, IX, ч. II, № 662.

[83] ГАСК, ф. 324. д. 46, л. 2. Предписание генерала Эммануэля от 5 января 1827 г.

[84] Там же, ф. 261, д. 736, л. 33. Рапорт генерала Рашпиля от 2 июля 1845 г.

[85] Архив МИД, оп. II-3, 1819, № 13, л. 153.

«попечительства» была устроена в устье реки Пшада в земле шапсугов.

Скасси не скупился на краски, описывая в своих докладных записках, направляемых в Петербург, природные богатства Западного Кавказа, торговля с обитателями которого непременно «обогатит Россию, открыв ей новые места сбыта», и даст ей возможность «извлечь выгоды из продуктов плодородного края, богатого лесами и рудами...» [86]. Однако в действительности руководимое им «попечительство» влачило жалкое существование, служа в конечном счете лишь источником спекулятивных махинаций самого Скасси и его компаньонов.

Русская буржуазия в Причерноморье и Приазовье была тогда еще очень слаба. К освоению кавказских рынков русские мануфактуристы центрального промышленного района приступали с другой стороны, используя старинный и более удобный торговый путь по Волге и Каспийскому морю (через Астрахань — Баку — Тифлис). Скасси жаловался, что ему «стоило чрезмерных трудов убедить промышленников наших» принять участие в торговле с черкесами и абхазами. Да и что это были за промышленники!? В 1822 г., например, «попечительством» были отправлены к берегам Кавказа три корабля; из них только один принадлежал «феодосийскому купцу 3-й гильдии» Лагорио и имел на борту, помимо соли, промышленные изделия, а два других были снаряжены «отставным капитаном» греком Кумани и «бахчисарайским мещанином» Моше Калфе и загружены только одной солью [87]. Это доказывает, что широко афишированная Скасси торговля «с черкесами и абазинцами» в действительности имела весьма скромные обороты и участниками ее были по преимуществу небогатые крымские торговцы, а то и вовсе случайные люди, мечтавшие о легкой наживе.

Русская торговля с горцами на Кубани и на Кавказском побережье не имела необходимых условий для своего развития не только из-за слабости русского капитала в южных районах, удаленных от центра империи, но и вследствие того, что царизм видел в ней не средство эко-

---

[86] Архив МИД, оп. I-9, 1818, № 4. Записка Скасси, л. 2.

[87] Там же, оп. II-3, 1824, № 6, л. 7—8. Генеральная ведомость о торговле с черкесами и абазинцами за 1822 год.

номического прогресса, а один из рычагов своей завоевательной политики.

Не удивительно, что и предприятие Скасси потерпело полный крах. Его торговые операции прекратились еще до 1828 г., а окончательно оно было ликвидировано в 1835 г. [88]

Конечно, меновые дворы были не единственным каналом, по которому развивалась торговля с горцами на Северном Кавказе. По мнению весьма осведомленных авторов, обороты контрабандной торговли с горцами по меньшей мере втрое превышали сумму, которой определялись размеры этой торговли в официальных источниках [89].

Появляясь на казачьих хуторах, станичных ярмарках и сельских базарах, горцы вопреки запретам царских чиновников вступали в непосредственные торговые сношения с русскими переселенцами. Такие сношения, не стесненные никакими официальными «правилами» и бюрократическими инструкциями, способствовали взаимопониманию и сближению коренных обитателей края и новоселов, оказавшихся их соседями. Это сближение представляло собой прогрессивное явление, оказавшее большое влияние на дальнейшее развитие русско-кавказских отношений. Однако оно не было вызвано к жизни политикой царизма и по существу противоречило ей.

3. КАВКАЗ КАК СЫРЬЕВАЯ БАЗА ДЛЯ РУССКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Когда Г. А. Потемкин писал императрице Екатерине II, что завоевание Кавказа «откроет способ войти в тамошние горы и... со временем воспользоваться их рудами и минералами», он исходил не из предположений, а из тех реальных данных, какими тогда уже располагала русская наука относительно природных богатств этого края.

Еще Петр I, рассылавший во все концы империи пытливых рудознатцев «искать, копать, плавить, варить и чистить всякие металлы», интересовался горными богатствами Кавказа. Князь Александр Бекович-Черкасский сообщил ему, что в Кавказских горах «много обретается разных руд», и даже предложил построить в «кумыкских

---

[88] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 782-а, л. 110.

[89] С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. II. М., 1823, стр. 145.

землях», т. е. в Северном Дагестане, городок для организации поисковых работ. Городок не построили, Бекович погиб в хивинских песках, но спустя шесть лет царь вспомнил рассказы о богатстве недр Кавказа и поручил астраханскому губернатору А. П. Волынскому узнать «о серебряной руде, что Бекович сказывал» [90].

Не забыл Петр и слов шамхала Тарковского, который в 1720 г. писал, что имеется в его владениях «металл свинцовый». Высадившись через два года на побережье Дагестана, царь срочно вытребовал из Астрахани «рудокопного мастера». Позднее, двигаясь с войсками на юг вдоль берега моря, он лично осмотрел во владениях уцмия Кайтагского два нефтяных колодца, а после занятия русскими войсками Баку приказал генералу Матюшкину выслать в Петербург «тысячу пуд или сколько возможно белой нефти» [91]. Тогда же Петр запрашивал терского коменданта, «возможно ль на Терках или в Гребенях сыскать коренья пуд 10 или 30, что называетца марена?» [92].

Очень интересовало Петра на Кавказе хлопководство и шелководство. Он удивлялся «нерадению» терских казаков, не занимавшихся возделыванием хлопчатника и изготовлением шелка. По его распоряжению армянскому купцу Сафару Васильеву была отведена в 1718 г. земля в долине Терека для разведения «хлопчатой бумаги» и устройства «шелкового завода» [93].

Четверть века спустя о природных богатствах поведал медик и натуралист И. Я. Лерх, сопровождавший в 1745 г. ехавшего в Персию русского посла князя М. М. Голицына [94]. А в 70-х годах XVIII в. Кавказ стал одним из объектов научных исследований со стороны участников известных комплексных экспедиций Петербургской Академии наук. Ботаник С. Г. Гмелин обследовал в 1768—1774 гг. Кавказское побережье Каспийского моря, но был захвачен в плен горцами и умер пленником уцмия Кайтагского. Натуралист И. А. Гильденштедт был счастливее: в 1770—

---

[90] В. Лысцов. Указ. соч., стр. 19.

[91] В. Комаров. Персидская война 1722—1725 гг. М., 1867, стр. 59.

[92] В. Лысцов. Указ. соч., стр. 33.

[93] Там же, стр. 29.

[94] «Известие о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию от 1745 до 1747 года». «Новые ежемесячные сочинения», 1790—1791.

1773 гг. ему удалось проехать от Астрахани до Кизляра, а затем побывать в Кабарде, Осетии и Грузии. Его дневники и путевые записки были уже после его смерти изданы академиком П. С. Палласом и частично переизданы Ю. Клапротом, а в переводе на русский язык (в извлечениях) академиком К. Ф. Германом [95].

В связи с обсуждением в правительственных кругах царской России вопроса о принятии в подданство некоторых осетинских феодалов в 1768—1774 гг. в Осетию были направлены три экспедиции для сбора различных сведений политического и экономического характера. Горный мастер Степан Вонявин занес на карту ряд рудных месторождений и наметил удобные места для постройки серебро-свинцового завода. Александр Кирхнер и ротмистр Батырев привезли образцы руд, найденных в Алагирском и Куртатинском ущельях [96].

В 1793 г. район Кавказских Минеральных вод посетил академик П. С. Паллас. В то время здесь уже существовала Константиногорская крепость, сооруженная в 1780 г. у подножья Горячей горы, и больные солдаты и казаки пользовались лечебной водой из теплых серных источников.

Таким образом, к исходу XVIII в. русской наукой было накоплено немало данных о естественных ресурсах Кавказа, и эти данные учитывались русскими дипломатами при подготовке тех или иных политических акций, относящихся к Кавказу.

Тема горных богатств Кавказа нередко затрагивалась, в частности, в ходе переговоров о присоединении Грузии к России. Возможностью развития горной промышленности в Грузии пытался заинтересовать русскую императрицу приезжавший в 1769 г. в Петербург грузинский митрополит Максим. О наличии в Грузии «таких мест, которые имеют в себе золотые, серебряные и другие металлы», говорил посол царя Ираклия II князь А. Андроникашвили [97].

---

[95] И. А. Гильденштедт. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809.

[96] «История Северо-Осетинской АССР». М., 1959, стр. 134—135.

[97] А. А. Цагарели. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии, т. I. СПб., 1891, стр. 92.

Не случайно к участию в этих переговорах с грузинскими деятелями был привлечен вице-президент Берг-коллегии и почетный член Академии наук граф А. А. Мусин-Пушкин. В 1799 г. он был командирован в Грузию для «изыскания рудников», а в 1801 г. возглавил созданную там «Грузинскую горную экспедицию». В ведение этой экспедиции были переданы в 1803 г. Алавердский медеплавильный и Ахтальский серебряный заводы, находившиеся до того времени на откупе у князя Бектабекова и купца Иосифа Картвелишвили.

В своих донесениях императору Павлу I из Тифлиса Мусин-Пушкин характеризовал Грузию как «землю, изобилием и физическим положением своим многие выгоды обещающую» [98]. До него, пожалуй, никто из царских сановников так резко не подчеркивал экономической стороны проблемы присоединения Грузии. Обычно на первый план выдвигались политические мотивы и стратегические соображения.

Руководимая Мусиным-Пушкиным «Грузинская горная экспедиция» энергично приступила к изучению горных богатств Закавказья.

В различных районах Грузии и Азербайджана русскими инженерами были открыты залежи полезных ископаемых, в том числе месторождения меди, свинца, литографского камня и пр.

Большое внимание вопросам освоения минеральных богатств Кавказа уделяла русская пресса. Так, в 1825 г. в «Горном журнале» был помещен обзор под названием «Некоторые минерало-статистические известия о Грузинском крае». Сообщения о горных разведках на Кавказе публиковались на страницах этого журнала и в последующие годы. Инженер Воскобойников выступил в 1826 г. со статьей «Описание горных промыслов и полезных минералов в округах Имеретинском, Раче, Мингрельском, Лечгуме и Суанетах». Инженер Эйхфельд напечатал в 1827 г. «Геогностическое описание гор Грузинского края... с показанием заключающихся в них полезных минералов и состояния горного производства, в сем крае существующего».

В 12-й книге «Горного журнала» за 1827 г. был опуб-

---

[98] П. Бутков. Указ. соч., ч. II, стр. 464.

ликован обзор деятельности графа А. А. Мусина-Пушкина по развитию горного дела в Закавказье [99].

С конца XVIII в. в России быстрыми темпами стала развиваться текстильная промышленность. Поскольку хлопчатобумажные и шелковые ткани могли изготовляться на русских предприятиях только из привозного сырья, вопрос о сырьевой базе для русской текстильной промышленности приобрел весьма актуальное значение. В этой связи и Кавказ в правительственных кругах начали рассматривать как возможный источник снабжения русских текстильных предприятий хлопком, мареной и шелком.

В 1799 г. специальным указом Павла I местным администраторам было предписано «оказывать всякое вспомоществование и поощрение казакам к распространению шелководства» [100]. Тогда же многим переселенцам из государственных крестьян вменялось в обязанность ежегодно высаживать по 10 тутовых деревьев на двор. При этом за каждое непосаженное дерево взыскивалось по 10 копеек. Наоборот, отличившихся крестьян-шелководов награждали медалями «за усердие». Бывали даже случаи, когда таких переселенцев освобождали от рекрутской повинности.

За каждый фунт изготовленного в своем хозяйстве шелка крестьянину выплачивался из казны один рубль, но если крестьянин представлял пуд (40 фунтов) шелка, то получал уже не 40, а 50 рублей. Эта прогрессивная система оплаты должна была стимулировать развитие крестьянского шелководства.

Указом от 5 мая 1808 г. Александр I требовал строго взыскивать с «нерадивых» крестьян Кавказской губернии числившиеся за ними в недоимке за 1800—1801 гг. штрафы за непосадку тутовых деревьев.

Попытки склонить крестьян-новоселов к занятию шелководством с помощью административного воздействия имели место и позднее. В 1828 г. Георгиевский земский суд оштрафовал жителей селения Покойного на 12 рублей 40 копеек за «нерадивое отношение к шелководству» [101].

---

[99] См. «Горный журнал», 1825, № 3; 1826, № 2; 1827, № 7, 8, 12.

[100] И. Попко. Терские казаки с стародавних времен. СПб., 1880, стр. 185.

[101] Г. Н. Прозрителев. Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношениях. Ставрополь, 1925, стр. 30.

Но, несмотря на эти меры, на постоянное пребывание в Кизляре особого «кавказского инспектора над шелководством», на бдительный контроль местной администрации, эта отрасль сельского хозяйства не получила в Предкавказье широкого распространения. «Русские мало о сем радят...», — жаловался современник [102]. Шелководством занимались больше армяне и грузины, проживавшие в Кизлярском уезде.

Всемерно поощряло царское правительство внедрение южных субтропических культур и в экономику Закавказья. Назначенный в 1802 г. «главноуправляющим Грузией» князь П. Д. Цицианов вскоре же по прибытии в Тифлис предложил оборудовать там бумагопрядильню для снабжения хлопковой пряжей Петербургской Александровской мануфактуры. Пять лет спустя в правительственных кругах обсуждался проект устройства хлопчатобумажных и шелкоткацких фабрик в Баку. Для этого предполагалось привлечь капиталы зарубежного персидского купечества [103].

Через некоторое время была сделана попытка заинтересовать развитием шелководства в Закавказье западноевропейских капиталистов. С 1823 г. велись переговоры с французским купцом Кастелла об открытии в Тифлисе шелкомотального предприятия. В 1826 г. ему была выдана привилегия сроком на 10 лет на обработку местного шелка, а в следующем году — казенная ссуда в размере 300 тыс. руб. ассигнациями. Кастелла старался привлечь компаньонов из числа французских капиталистов и русских помещиков. Однако созданная им в Тифлисе шелкомотальная фабрика с самого начала испытывала серьезные затруднения. Недостаток капитала и необеспеченность рабочей силой были главными их причинами. Из 30 наемных рабочих, занятых на фабрике, 16 являлись приглашенными из-за границы иностранцами. В 1828 г. Кастелла умер, а его предприятие перешло в казну [104].

Еще раньше другой французский коммерсант Трибодино выступил с проектом создания акционерной компа-

---

[102] А. Ребров. О состоянии сельского хозяйства в Кавказской области. «Земледельческий журнал», 1828, № XXII, стр. 498.

[103] АКАК, II, № 457; III, № 1.

[104] М. Рожкова. Указ. соч., стр. 133—139.

нии для развития шелководства в России. В частности, он просил предоставить ему все казенные тутовые сады Азербайджана с работавшими там государственными крестьянами (ранджбарами) сроком на 10 лет для организации промышленной размотки шелка. После длительных переговоров в 1836 г. правительство согласилось передать Трибодино казенные тутовые сады Шекинской провинции на срок до пяти лет вместе с находившимся в городе Нухе казенным «шелкомотальным заведением», известным под названием «Царь-Абадской фабрики» [105].

Под влиянием растущего спроса на шелк-сырец со стороны русской текстильной промышленности шелководство на Кавказе сделало в течение первой трети XIX в. заметные успехи. Так, вывоз шелка-сырца из одной только Шекинской провинции увеличился с 1760 пудов в 1822 г. до 8170 пудов в 1827 г. [106]. Всего же из Закавказья в 1829 г. было вывезено в Россию около 15 тыс. пудов шелка-сырца, тогда как импорт шелка из зарубежных стран (Италии, Франции, Персии и др.) составил лишь 12,5 тыс. пудов [107]. Отсюда видно, что к этому времени Закавказье уже стало основной сырьевой базой для русской шелкоткацкой промышленности.

В связи с развитием в Центральной России хлопчатобумажной и шелкоткацкой промышленности повышался спрос на различные красящие вещества. Красная краска, содержащаяся в корнях марены, вплоть до появления в 1869 г. синтетического ализарина с успехом использовалась при окрашивании шелка и хлопчатобумажной пряжи. Поэтому терские казаки продолжали и в первой половине XIX в. заниматься собиранием корней дикорастущей марены, а некоторые и возделывать это ценное растение. Примеру казаков следовали и отдельные переселенцы из крестьян, осевшие в низовьях Терека.

В 1839 г. сбор корня марены в Предкавказье достиг 1065 пудов [108]. По другим данным, в 1827 г. жители терских станиц добыли более 3 тыс. пудов сырого корня

---

[105] Там же, стр. 142—144.

[106] «Обозрение российских владений за Кавказом», ч. III. СПб., 1836, стр. 378—379.

[107] М. Рожкова. Указ. соч., стр. 129—130.

[108] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 839. Статистические сведения о Кавказской области, л. 8.

марены, что составило после сушки около 700 пудов готового к продаже товара [109].

Со времени включения в состав России Приморского Дагестана и Северного Азербайджана марену начали разводить и в этих областях. Особенно успешно возделыванием садовой марены занимались жители Дербентского округа. К началу 30-х годов XIX в. здесь ежегодно собирали до 35 тыс. пудов марены. Тогда же в Ленкоранском уезде были заложены первые плантации индиго, причем семена этого растения раздавались плантаторам по поручению правительства чинами местной администрации.

Правда, в изучаемый период Кавказ так и не смог еще обеспечить полностью потребности быстро растущей русской текстильной промышленности в красителях. Импорт зарубежной, преимущественно голландской, марены в Россию, составляя в те годы около 100 тыс. пудов, вдвое превышал количество красителей, которое давал Кавказ [110]. Тем не менее в правительственных сферах царской России продолжали обсуждать вопрос о создании на Кавказе сырьевой базы для развивавшейся русской промышленности. Яснее всего высказался по этому поводу министр финансов граф Е. Ф. Канкрин, известный своей приверженностью к протекционистской политике. В 1827 г. он писал: «Не без основания Закавказские провинции могут быть названы нашею колониею, которая должна приносить государству весьма важные выгоды произведениями южных климатов». Развивая эту мысль, царский министр советовал обратить внимание «на умножение сельского хозяйства этого края, как-то: усиление земледелия и сельской промышленности, умножение шелководства, разведение хлопчатой бумаги, рису, масличных дерев и других предметов, климату свойственных; усовершенствование фабричных промыслов разного рода и распространение потребных для него сведений», а также «на горную часть» [111].

Мнение Канкрина разделял и возглавлявший царскую администрацию на Кавказе фельдмаршал граф И. Ф. Паскевич, который, высказываясь против создания в Закав-

---

[109] И. Попко. Указ. соч., стр. 186.

[110] М. Рожкова. Указ. соч., стр. 113—114.

[111] «Обозрение российских владений за Кавказом», ч. 1, стр. 12—13.

казье промышленных предприятий, ставил вопрос: «Не должно ли смотреть на Грузию как на колонию, которая доставляла бы грубые материалы (шелк, хлопчатую бумагу и пр.) для наших фабрик, заимствуясь от России мануфактурными изделиями?» [112].

О путях колониального освоения Кавказа в те годы немало писали в русских журналах. Типичной в этом отношении была большая статья П. Вышеславцева «Взгляд на Закавказ в хозяйственном и торговом отношениях его к России», помещенная в 1834 г. в издававшемся Н. И. Гречем журнале «Сын отечества». Указывая на то, что освоение природных ресурсов Кавказа будет способствовать «процветанию мануфактур целой России», автор ратовал за привлечение к участию в этом деле «русских владельцев и капиталистов». Вместе с тем он подчеркивал, что, «как колония России, Закавказ не должен иметь мануфактур..., одни сырые произведения сего климата могут обогатить край, где появятся произведения всех частей света». Автор объяснял при этом, что основанные на Кавказе мануфактуры «с большей выгодой могут войти в скорое соперничество с заведениями сего рода в России и тем подорвать благосостояние оных». Исключение, по его словам, могло быть сделано лишь для «шелкомотальных фабрик, бумагопрядильных машин, стеклянных заводов, выработки красок из красильных растений...», т. е. для предприятий по первичной переработке промышленного сырья [113].

Если учесть, что «Сын отечества» пользовался особой благосклонностью со стороны начальника Третьего отделения императорской канцелярии графа А. Х. Бенкендорфа, то можно с уверенностью сказать, что названная статья отражала точку зрения правящих кругов империи.

Превратить Кавказ в сырьевую базу для русской промышленности и рынок сбыта ее продукции — к этому и сводилась экономическая политика царизма в этом крае в изучаемый период. Колониальный характер такой политики не подлежит сомнению.

Но всякая колониальная политика обычно порождает стремление к территориальной экспансии. Царский

---

[112] АКАК, VII, № 108.
[113] «Сын отечества», т. X. СПб., 1834, стр. 25—52.

колониализм не составлял исключения. Так, тот же Канкрин считал совершенно необходимым включение в состав России «Эриванской провинции», т. е. Восточной Армении, которая, по его словам, должна была вместе со всем Закавказьем стать «полезнейшей для торговли и промышленности России колонией». Восточная Армения представляла, по мнению Канкрина, особую ценность не только как рынок сбыта, но и как источник сырья для русской хлопчатобумажной промышленности. Он подчеркивал, что следует «обратить особое внимание на усиление производения хлопчатой бумаги и на улучшение оной» в Армении [114].

Следует отметить, что ввоз иностранного хлопка в Россию в то время не превышал 100 тыс. пудов, а из пределов Ереванского и Нахичеванского ханств ежегодно вывозилось в Турцию и Грузию до 150 тыс. пудов хлопка-сырца. Отсюда ясно, что присоединение этих ханств к России действительно могло в тот момент полностью удовлетворить потребность в сырье русской хлопчатобумажной промышленности.

Мнение Канкрина и в этом случае нашло поддержку со стороны царских военачальников. Считая вопрос о присоединении Восточной Армении уже предрешенным, начальник Главного штаба барон И. И. Дибич также обращал «особое внимание на усиление и улучшение хлопчатой бумаги, яко составляющую в том крае весьма важную ветвь промышленности» [115].

Это показывает, что активизация политики царизма на Кавказе имела определенные социально-экономические предпосылки. Стремясь предотвратить разложение крепостнической системы, царизм форсировал развитие вширь феодальных отношений, а также старался обеспечить развитие отечественной промышленности и торговли за счет расширения рынков сбыта и освоения источников сырья на окраинах империи. Кавказская проблема приобретала в этом плане весьма существенное значение.

---

[114] М. Рожкова. Указ. соч., стр. 94.
[115] Там же, стр. 111.

Глава вторая

БОРЬБА ЗА ПЛАЦДАРМ В ЗАКАВКАЗЬЕ

1. ПРИСОЕДИНЕНИЕ К РОССИИ — ОСНОВНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ЗАКАВКАЗЬЯ НА РУБЕЖЕ XVIII—XIX вв.

Новый этап в развитии русско-кавказских отношений, начавшийся на рубеже XVIII—XIX вв., был ознаменован прежде всего включением в состав России ряда территорий, расположенных к югу от Кавказского хребта. Решающее значение имело при этом взаимодействие двух политических тенденций. Одной из них была возросшая активность царской дипломатии в делах, касающихся восточного вопроса, а с другой, растущее тяготение к союзу с Россией местных владетелей и рост числа сторонников русской ориентации среди самых различных слоев коренного населения.

Вполне понятно, что историк обязан учитывать обе эти тенденции. Забвение хотя бы одной из них неизбежно искажает историческую перспективу, приводя либо к ненужному и вредному приукрашиванию завоевательной политики царизма, либо к неправильному толкованию процесса присоединения Закавказья к России как аннексии, имевшей лишь одни отрицательные последствия для населявших его народов.

В первой главе настоящей монографии были разобраны причины социально-экономического характера, определившие активность царизма в отношении Кавказа. Для уяснения политических мотивов, которыми руководст-

вовалась в данном случае царская дипломатия, важно установить, в какой обстановке ей приходилось действовать в этом районе, а также какие тенденции внутренней политической жизни края способствовали или препятствовали осуществлению ее замыслов. Однако, учитывая, что «*корни* без исключения всех идей и всех различных тенденций» следует искать «в состоянии материальных производительных сил» [1], необходимо прежде всего ознакомиться с некоторыми особенностями экономики и общественного строя Закавказья в изучаемую эпоху.

Для Кавказа всегда была характерна крайняя неравномерность социально-экономического развития. Причиной этой неравномерности являлось различие исторических и естественно-географических условий жизни отдельных народов.

Одни этнические коллективы ранее сформировались как народности, другие дольше задержались на стадии племенного быта. Одни были ближе к очагам древних цивилизаций Передней Азии и европейского Средиземноморья и меньше понесли ущерба от иноземных нашествий, другие же оказались удалены от мировых культурных центров античности и средневековья и сильнее пострадали от жестокости завоевателей.

Некоторые конкретные особенности исторического развития кавказских народов были уже отмечены во введении. Что же касается природных условий, то о них следует сказать особо, памятуя, что географическая среда является одним из важных условий материальной жизни общества.

На хозяйственную деятельность населения Закавказья прежде всего влияли особенности сложного рельефа этого края.

Две горные системы отчетливо выделяются на физической карте Кавказа: «Большой Кавказ», образованный мощным кряжем Главного хребта, протянувшегося по диагонали с северо-запада на юго-восток от Черного до Каспийского моря, и «Малый Кавказ», основу которого составляют хребты, пересекающие южную часть Закавказья от Батуми до Астары.

Эти две системы соединяются поперечным Сурамским хребтом, разделяющим Восточную и Западную Грузию,

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 21, стр. 40.

Высокие горы способствовали обособленности отдельных географических областей края, а значит, и их экономической разобщенности.

Сплошная каменная стена Главного Кавказского хребта отгораживала от Прикубанских степей побережье Черкесии и Абхазии. Сурамский и Ахалцихский хребты ограничивали с востока и юго-востока Рионскую равнину, Арсианский и Шавшетский прочно замыкали горную Аджарию. Наконец, высокая гряда Понтийского Тавра (Тороса) изолировала от Армянского нагорья побережье Лазистана.

Уже к востоку от Сочинского меридиана вершины Главного Кавказского хребта увенчаны вечными снегами. В полосе «Абхазских Альп» скалистый гребень гор, одетый в ледяной панцирь, достигает высоты более 3000 м с перевалами выше 2000 м, открытыми только в летнее время года.

Регулируя воздушные течения, горы оказывали влияние на климатические условия местности.

Так, например, горные хребты защищали Рионскую низменность от северных и северо-восточных ветров, но в то же время не давали широко распространяться теплому и влажному дыханию моря. В результате здесь создавались атмосферные условия теплицы. Средняя годовая температура достигала почти 15 градусов, а количество выпадающих за год осадков приближалось к 2000 мм. Следствием обилия тепла и влаги являлось быстрое заболачивание местности и необычайная густота и сила растительности. Леса отличались мощно развитым подлеском и наличием вьющихся и лазящих растений. Колючие и цепкие лианы (сарсапарель, ломонос, хмель и др.), создавая непроницаемую завесу, превращали лесные заросли в непроходимую чащу, напоминающую дебри тропических стран. Беспрерывные зимние дожди сменялись трудно переносимой летней жарой. Бесчисленные озерки, лагуны, болота становились рассадниками свирепствующей здесь малярии.

Такую картину представляли 150 лет назад приморские районы Колхиды, той самой, где теперь благодаря грандиозным осушительным работам и расчистке зарослей созданы условия для расцвета субтропического хозяйства и курортного строительства.

«Воздух здесь сырой и туманный, часто бывают проливные дожди с сильным ударением грома... Народ тамошний без изъятия лицом смугловат, худощав и бледно-желтоватой», — так характеризовал климат побережья Западной Грузии лейтенант Скирневский в 1807 г.[2]

В то же время Восточное Закавказье страдало от недостатка влаги, и в сухих степях Азербайджана и Армении земледелие уже требовало искусственного орошения. Там, где не было воды, летом все выгорало. Широкие пространства нераспаханных земель даже под пастбища могли использоваться только зимой.

Высокое Армянское нагорье зажато между горными массивами Понтийского и Восточного Тавров (Торосов) и поднято в среднем почти на 2000 м над уровнем моря. Его естественным продолжением служили плоскогорья Малого Кавказа: Ахалкалакское плато (высота 1740 м) и полузамкнутые котловины Ахалцихе (1005 м) и Цалки (1525 м).

Окраинные хребты и прежде всего достигающий почти 4000 м гребень Понтийского Тавра закрывали Армянское нагорье от влажных черноморских ветров. Поэтому здесь господствовал резко выраженный континентальный климат с длительной суровой зимой и относительно жарким и сухим летом.

Кроме того, климат, почва, флора и фауна изменялись в Закавказье в зависимости от высоты над уровнем моря. По мере подъема природные условия в горах становились все более суровыми, как при передвижении с юга на север.

Еще свыше 120 лет назад автор одного из экономических обзоров подчеркивал, что «в Закавказском крае путешественник может в один день перейти от полярного климата до знойного». Он уподоблял климат Ахалкалаки и Цалки климату Петербурга, сравнивал в этом отношении Гори и Новочеркасск, Тифлис с Южным берегом Крыма и т. д.[3]

В соответствии с вертикальными климатическими зонами изменялась и роль тех или иных отраслей сельского

---

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 18490, л. 3. О сведениях, полученных об Абазинскоїї провинции.

[3] И. Шопен. Обозрение Закавказского края в физическом, этнографическом и хозяйственном отношениях. Отдельный оттиск из Журнала Министерства внутренних дел за 1841 г., стр. 22.

хозяйства. В речных долинах Риони и Куры, Аракса и Алазани, а также в районах Прикаспийской низменности и Черноморского побережья с теплым субтропическим климатом наряду с хлебопашеством было распространено виноградарство, шелководство, хлопководство, табаководство. В полосе предгорий и нагорных равнинах с умеренным климатом среднеевропейского типа преобладало зерновое земледелие и садоводство. В горных районах (свыше 1600 м над уровнем моря) с их великолепными летними пастбищами главным занятием населения было скотоводство, а примитивное по своему характеру земледелие играло уже подсобную роль [4].

В результате средоточием земледельческой культуры и городской жизни в Закавказье являлись по преимуществу широкие долины Риони и Алазани, Куры и Аракса, а также побережья Черного и Каспийского морей, тогда как в периферийных горных районах, вроде Сванетии и Пшавии, господствовало скотоводческое хозяйство.

Казалось бы, эти зональные различия должны были способствовать общественному разделению труда и хозяйственной специализации отдельных районов, усиливая обмен продуктами между горцами и жителями равнин. Однако отсутствие удобных путей сообщения и гарантий имущественной и личной безопасности в обстановке племенной розни и феодальных междоусобиц тормозило развитие прогрессивных тенденций в экономической жизни края.

Напрасно буржуазно-националистические историки пытались создать легенду о «золотом веке», который якобы переживали до присоединения к России народы Закавказья. В действительности на рубеже XVIII и XIX веков

---

[4] Трехчленной схемы деления территории Закавказья по вертикальным зонам придерживаются многие авторы. Академик И. А. Джавахишвили устанавливал для Восточной Грузии вертикальные зоны риса и хлопка, винограда и фруктов и «безвиноградно-бесфруктовую» (см. И. Джавахишвили. Экономическая история Грузии, кн. I. Тифлис, 1930, стр. 311—317). В. Д. Мочалов выделяет для Закавказья «три полосы»: высокогорную, лесистых предгорий и небольших долин и низменную, подчеркивая, что «соответственно климату каждой из этих полос получают преобладание те или иные сельскохозяйственные культуры, меняется система сельского хозяйства, характер занятий сельского населения...» (см. В. Мочалов. Крестьянское хозяйство в Закавказье к концу XIX в. М., 1958, стр. 94).

последние переживали один из наиболее мрачных и трагических периодов своей истории.

Рост производительных сил происходил настолько медленно, что в ряде отраслей местной экономики производство носило, фактически, застойный характер.

В деревне господствовало натуральное хозяйство. Агротехника находилась на низком уровне. Правда, мотыжное земледелие сохранялось лишь в горных районах, но и пахотные орудия были весьма примитивными. Так, например, об абхазской сохе современник писал, что это «плохо обтесанная кривулина..., на которую в местах с тяжелым грунтом надевается конусообразный наконечник» [5]. Такими же громоздкими орудиями, требовавшими шести, семи и даже десяти пар волов, пахали в Грузии. Армянская соха («арор») также «представляла собой ствол дерева с толстым и сравнительно коротким суком» [6]. Боронили вспаханную землю нередко пучком хвороста, утяжеленным камнями.

Даже в долинах далеко не везде придерживались трехпольной системы земледелия, имея нередко два, а то и одно поле [7]. В лесной полосе применялась еще подсечная система.

Вот как описывал очевидец технический процесс распашки земель в лесистых предгорьях Западного Закавказья: «Занимают под пашню пространство земли, покрытое папоротником, и выжигают его; довольно тонкий слой наносной земли, удобренный золою папоротника, делается очень рыхлым; затем берут несколько сучьев с ветками до одного дюйма толщиною, заостривают толстые концы сучьев и связывают их один с другим в ряд; заостренным концом бороздят землю и сеют хлеб, потом, оборотив сучья так, чтобы они ветками касались земли, заволакивают маленькие борозды вспаханной земли...» [8]

---

[5] А. Пахомов. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. «Записки Кавказского общества сельского хозяйства», вып. 1—2. Тифлис, 1868, стр. 37.

[6] С. Д. Лисициан. Очерки этнографии дореволюционной Армении. «Кавказский этнографический сборник», т. I. М., 1955, стр. 183.

[7] А. Я. Панцхава. К вопросу о развитии аграрных отношений в дореформенной Восточной Грузии. М., 1957, стр. 10—11.

[8] Ив. Аверкиев. С северо-восточного прибрежья Черного моря. «Кавказ», 1866, № 76.

Подобные агротехнические приемы оставались неизменными на протяжении длительного времени. Как отмечалось впоследствии в официальном экономическом обзоре одной из областей Азербайджана, сельское хозяйство там «не восприняло заметного развития: орудия хозяйственные, способы культуры и вообще вся система хозяйственная идет в принятом однажды направлении и не обнаруживает никакого стремления к улучшению» [9].

Производство зерна, преимущественно для местного потребления, составляло главную отрасль сельского хозяйства. Субтропические культуры, несмотря на благоприятные климатические условия, не имели широкого распространения даже в речных долинах и прибрежных районах.

Скотоводство, как и земледелие, отличалось крайне экстенсивным характером. Близость горных пастбищ и возможность пасти скот в долинах в условиях теплой бесснежной зимы позволяли обходиться без искусственной кормовой базы, хотя иногда, в случае гололедицы или неожиданной снежной метели, овцы гибли от бескормицы.

В Восточном Закавказье сохраняли свое значение кочевые формы скотоводческого хозяйства. Еще в середине XIX в. кочевники составляли более одной трети сельского населения Азербайджана [10].

Домашние промыслы крестьян были тесно связаны с сельским хозяйством. Мебель, посуда, одежда, обувь, земледельческие орудия и многое другое производилось на месте, едва ли не в каждой крестьянской семье. Если продукты труда крестьянина не предназначались для личного потребления, то изготовлялись для приношения господину. Производство изделий на заказ или для обмена имело место в более редких случаях. Следовательно, процесс отделения промышленности от земледелия далеко еще не был завершен.

Крупных предприятий мануфактурного типа Закавказье тогда еще не знало. В рудниках и оружейных мастерских, принадлежавших грузинским царям, применялся принудительный труд крепостных людей. Вольнонаемных

---

[9] ЦГИА, ф. 12/68, д. 38 л, л. 6. Отчет бакинского губернатора за 1866 г.

[10] Д. И. Исмаил-заде. Из истории кочевого хозяйства Азербайджана первой половины XIX в. «Исторические записки АН СССР», т. 66, стр. 111.

рабочих не было. Купцы избегали вкладывать капиталы в промышленное производство. Как справедливо подчеркивает современный исследователь, специально занимавшийся этим вопросом, в Грузии того времени еще «не было соответствующих условий для возникновения и развития капиталистического производства» [11]. Не было подобных условий и в Азербайджане, и в Армении.

Рамки местных рынков были чрезвычайно узкими. Торговля имела преимущественно меновой характер. Развитию денежного обращения мешало отсутствие единой монетной системы. В ходу были самые различные денежные единицы: персидские золотые туманы, русские серебряные рубли, местные абазы бакинской, ширванской, кубинской чеканки и даже голландские червонцы. Расширению рыночных связей препятствовали также бездорожье и многочисленность внутренних торговых пошлин — «рахтаров». Даже в 20-х годах XIX в. в Закавказье сохранялось 17 таких пошлин, не считая 120 различных сборов, которыми облагались местные промыслы [12].

В целом к тому времени в Закавказье господствовал феодальный способ производства. Однако формы и степень развития феодальных отношений в различных районах края не были одинаковыми [13].

В долинах Грузии уже давно установилась феодальная собственность на землю и получило законодательное оформление крепостное право.

«Крестьянин как сам, так и то, что есть у него, принадлежит его господину...» — гласила 260-я статья кодекса карталинского царя Вахтанга VI [14]. Этот кодекс был составлен в начале XVIII в. Сто лет спустя феодальный гнет в Грузии не ослабел, а, наоборот, усилился.

---

[11] М. К. Думбадзе. Западная Грузия в первой половине XIX в. Автореферат докторской диссертации. Тбилиси, 1957, стр. 10.

[12] М. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке..., стр. 51.

[13] Обстоятельная характеристика феодального строя, сложившегося в Закавказье в дореформенный период, дана в вводной главе монографии В. Д. Мочалова «Крестьянское хозяйство в Закавказье к концу XIX в.», стр. 13—32.

[14] «Сборник грузинского царя Вахтанга VI». Под ред. Д. З. Бакрадзе. Тифлис, 1887, стр. 78.

Напрасно историки буржуазно-националистического направления, пытаясь затушевать социальные противоречия грузинского общества феодальной эпохи, утверждали, что никто якобы «не мог запретить крепостному переход от одного помещика к другому» [15]. В действительности грузинское феодальное законодательство предусматривало длительные (до 30 лет) сроки сыска беглых крепостных и насильственного возвращения их помещикам. Советский историк справедливо замечает по этому поводу, что «при таких законодательных условиях не может быть и речи о существовании свободы перехода».

Законы Вахтанга VI предусматривали продажу крестьян целыми деревнями с землей. Но в 1801 г. прибывшие в Петербург уполномоченные грузинского царя признавали как очевидный факт, что «в Грузии было обыкновенно, что тамошние помещики крестьян своих продавали, поскольку кто пожелает» [16].

Одновременно увеличивался размер и усиливалась дробность феодальных податей и повинностей. Только в законах Вахтанга VI перечислялось 120 различных повинностей и платежей.

Наиболее типичной формой феодальной ренты в Грузии, как и во всем Закавказье, была рента продуктами, взимаемая с полей, пастбищ, виноградников и садов. Но, кроме того, крестьяне были обязаны различными барщинными повинностями и всевозможными приношениями, обусловленными личной зависимостью от помещика. Крестьянин должен был одаривать своего господина по случаю праздников, свадьбы владельца, рождения у него сына, выхода замуж своей дочери и т. п. Все шире практиковалось взимание денежных податей, хотя к началу XIX в. они составляли не более 4% всего объема феодальной ренты [17].

Непрерывный рост феодальных повинностей приводил к тому, что крестьянское хозяйство начинало утрачивать возможность даже простого воспроизводства. Тем более обремененный этими повинностями крестьянин не был заинтересован в расширении и интенсификации своего хозяйст-

---

[15] А. Хаханашвили. Крепостное право в Грузии до присоединения к России. Кутаис, 1910, стр. 89.
[16] А. Панцхава. Указ. соч., стр. 22.
[17] М. Думбадзе. Указ. соч., стр. 9.

ва. У него не было стимула для повышения урожайности, улучшения пород скота, освоения новых культур. «Народ отягощен,— писал из Грузии в 1801 г. генерал Лазарев,— разными поборами как от царствующих, так и от князей и своих дворян, ибо каждый, кто б такой ни был, приезжая в деревню, все берет безденежно, отчего поселянин не имеет никакой охоты обрабатывать» [18]. Это же отмечал образованный и наблюдательный штабной офицер капитан Энсгольм, посетивший Грузию в начале XIX в. Он писал, что, «лишенный всех прав гражданина», грузинский крестьянин есть «невольник своего господина, и самое трудолюбие его ни к чему иному не служило бы, как к насыщению его господина, и при всем том оставляя его столь же несчастным, столь же бедным...» [19].

Преобладание продуктовой ренты являлось одной из причин экономической отсталости Закавказья, поскольку «эта форма как нельзя более пригодна для того, чтобы служить базисом застойных состояний общества, как это мы наблюдаем, например, в Азии» [20].

Однако не только крестьяне, но и большинство помещиков не стремилось к повышению производительности своего хозяйства. Равнодушию грузинских помещиков к предпринимательской деятельности немало способствовала характерная для Грузии фамильная форма феодальной собственности (сасахло), при которой земли и крепостные находились в общей собственности всех членов данной фамилии. Никто не был заинтересован заниматься хозяйственной деятельностью, если доходами от нее приходилось делиться со всеми многочисленными сородичами.

В Грузии вообще, а особенно в западной ее части, было распространено мелкое феодальное землевладение. В среднем на одного западногрузинского помещика приходилось шесть крестьянских дворов [21]. Будучи сами зависимы от крупных феодалов (тавадов), дворяне (азнауры) жестоко эксплуатировали подвластных крестьян, а то и просто занимались грабежом соседей. Капитан Энсгольм писал по этому поводу: «Несоразмерное число дворянства противу народонаселения сих владений, не находящего

---

[18] АКАК, I, № 129.
[19] ЦГВИА, ф. ВУА, № 18497, л. 36.
[20] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1935, стр. 574.
[21] М. Думбадзе. Указ. соч., стр. 9.

в бедности своей способов к удовлетворению возникающей роскоши, гордость оного, не позволяющая оному помышлять о способах к удовлетворению оной посредством собственного трудолюбия либо промышленностью, но заставляющая его в праздности ожидать от своего поселянина, либо удовлетвориться на счет слабейшего своего соседа, производит главные источники народного бедствия» [22].

Недаром крепостное право в Грузии приобретало порой исключительно уродливые формы. Положение грузинских дворовых крестьян (моджалабе) мало чем отличалось от положения рабов. По свидетельству грузинского историка Д. З. Бакрадзе, повествовавшего о быте дореформенной деревни, «моджалабе» считался «хуже, чем вещь», ибо «вещь всякий более или менее бережет, но к этим жалким созданиям владельцы не питают решительно никакого сострадания... Их кормят, как зверей, большая часть из них едва прикрыты рубищем» [23].

Похищая крестьян при набегах на соседей, грузинские дворяне обращали их в рабство, а затем в большинстве случаев продавали в Турцию и Персию. Называя этот худший вид работорговли «пленнопродавством», грузинский академик Н. Бердзенишвили отмечает, что последнее «никогда не принимало такой уродливой формы и такого опасного для развития общества характера, каким оно было в Грузии в XVI—XVIII веках» [24].

Дело доходило до того, что мальчик в пять-шесть четвертей ростом (по абхазски «худза-фыдза») становился в процессе обмена товаров своего рода всеобщим эквивалентом. Такого мальчика приравнивали по стоимости к одной верховой лошади или 10—15 волов. Прочие товары также расценивались, исходя из этой единицы измерения. Говорили, например, что «это ружье стоит два «худза-фыдза»» [25].

Разбои и набеги феодальных хищников достигали таких масштабов, что вели к разорению целых селений и

---

[22] ЦГВИА, ф. ВУА, № 18497, л. 36.

[23] Цит. по кн.: Г. Л. Дзидзария. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в. Сухуми, 1959, стр. 319.

[24] Н. Бердзенишвили. Очерк из истории феодальных отношений в Грузии. Тбилиси, 1938, стр. 24.

[25] См. подробнее об этом: Л. В. Фадеев. Меч и золото на берегах Абхазии. (Очерки по истории береговой торговли XVI—XVIII вв.). Сухум, 1933, стр. 19—20.

гибели тысяч семей. «Мщение князей и дворян,— констатировал официальный источник,— не ограничивалось личным вредом своим врагам, но распространялось на их подвластных. Целые аулы были уничтожаемы, жатвы истреблялись, народ оставался без крова и пищи и не был огражден против таких бедствий никакими условиями общественной жизни» [26].

Дело было не только в том, что производительным силам страны наносился страшный ущерб во время самих набегов: уводились наиболее работоспособные мужчины и женщины, уничтожались посевы, сады, жилища, запасы. Еще более тормозила экономический прогресс постоянная у г р о з а таких набегов. У непосредственного производителя не было уверенности в завтрашнем дне и никаких гарантий личной и имущественной безопасности. По словам очевидца, наблюдавшего за сельским бытом дореформенной Абхазии, «никто... сегодня не мог ручаться за то, что может с ним случиться завтра. Сегодня он выстроил себе хороший дом, обработал землю, завел скотину — завтра все это он теряет без всякой вины с своей стороны...» [27] Набег был одноактным событием, которое могло быть, а могло и не быть. Но угроза такого набега была постоянным явлением, от нее нельзя было избавиться. Именно поэтому феодальная анархия и сковывала развитие производительных сил, являясь тем самым одной из главных причин застойного состояния общества.

В горных районах Грузии (Сванетия, Хевсуретия, Пшавия и др.) феодальные отношения далеко еще не достигли полной зрелости. Здесь сохраняли свою силу остатки дофеодальных отношений, что выражалось в живучести родовых пережитков и общинных традиций. Основная масса горцев еще не была прикреплена к земле. Феодальная эксплуатация горских крестьян местной знатью прикрывалась всякого рода патриархальными обычаями. Особенно широко практиковалась система «усыновления», отдача сыновей феодала на воспитание в крестьянские семьи, молочное родство и т. д. Отношения личной зависимости приобретали в таком случае характер псевдород-

---

[26] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6597, л. 84. Рапорт начальника Черноморской береговой линии от 7 сентября 1846 г.

[27] А. П а х о м о в. Указ. соч., стр. 84.

ственных связей, а отбывание повинностей — характер исполнения долга по отношению к «родственнику».

Иногда различия в уровне развития феодальных отношений выявлялись очень резко на сравнительно небольшой территории. Так было, например, в Абхазии, где в приморской зоне уже господствовали феодальные отношения, в общем однотипные с феодальной структурой Западной Грузии, а в горной полосе процесс феодализации еще не был завершен. Это отмечал в 1810 г. один из первых русских кавказоведов С. Броневский, когда подразделял абхазские племена «по виду правления» на «аристократические», управляемые князьями, и «демократические», составляющие «абхазские вольные общества». О первых он говорил, что их «вид правления... правильнее можно назвать феодальным», а в отношении вторых утверждал, что они «подведомственны демократическому, или народному, правлению» [28].

Конечно, Броневский преувеличивал значение остатков патриархальной демократии у абхазских горцев. К началу XIX в. могущество ее было уже глубоко подорвано. Здесь уже имели место и частная собственность, и социальное неравенство, и эксплуатация трудящихся. Концентрируя в своих руках рабов и скот, захватывая общинные земли и узурпируя общинную власть, местная знать обеспечивала для себя привилегированное положение среди сопле менников и присваивала плоды их нелегкого труда. Тот же Броневский, повествуя о «вольных обществах» абхазских горцев, отмечал, что даже там «старшины..., будучи избираемы из богатейших родов и по причине частого повторения выборов из тех же семейств, обыкновенно присваивают себе права старшинские от отца к сыну наследственно» [29].

Но, как бы то ни было, переплетение феодальных и дофеодальных отношений в горных районах Закавказья в начале XIX в. было фактом и также способствовало прочности местного феодализма. Имея возможность расти вглубь и вширь за счет разрушения дофеодальных отношений, феодальный строй обнаруживал здесь значитель-

---

[28] С. Броневский. Новейшие... известия о Кавказе, ч. II, стр. 39—40.

[29] Там же, стр. 49.

ную устойчивость. Никаких реальных признаков его разложения накануне присоединения к России еще не существовало.

Живучими были и остатки патриархально-общинного уклада в районах с преобладанием кочевого скотоводческого хозяйства. В сочетании с азиатско-деспотическим характером господствовавшего здесь политического режима они в значительной мере определяли специфику феодальных отношений в Восточном Закавказье.

Среди историков-кавказоведов давно идут споры по этому вопросу. Некоторые из них во что бы то ни стало хотят доказать наличие здесь такого же крепостного права, какое имело место в России и других европейских странах [30]. Противники этого мнения не без основания указывают, что «крепостное состояние было характерной, но отнюдь не единственной и неизменной формой феодально-зависимых отношений» [31].

По-видимому, все же необходимо считаться с тем, что на аграрный строй Восточного Закавказья оказало влияние мусульманское право, возникшее в период средневековья в пустынях и сухих степях Среднего Востока, где максимальная концентрация земельной собственности являлась необходимой предпосылкой для сооружения и поддержания оросительных систем. Нельзя не учесть и того, что природные условия Куро-Араксинской низменности имели много сходного с естественными условиями великих речных долин Передней Азии. Достаточно напомнить, что там и здесь большое значение имело поливное земледелие.

Пожалуй, наиболее правильная общая оценка социального строя, сложившегося к началу XIX в. в Азербайджане и Армении, была дана советским востоковедом И. П. Петрушевским, который писал: «Итак, в ханствах Азербайджана и Армении мы находим господство одного способа производства (феодального), одни и те же уклады (патриархальный в стадии медленного разложения у горцев и многих кочевых племен, немногие пережитки ра-

---

[30] Сравнительно недавно эту точку зрения отстаивал Ц. П. Агаян в книге «Крестьянская реформа в Азербайджане» (Баку, 1956).

[31] См. рецензию Г. А. Дадашева на книгу Ц. П. Агаяна: «История СССР», 1958, № 6, стр. 168.

бовладельческого уклада), одни и те же феодальные институты — зависимую сельскую общину, мал у джихат, сойюргал, муафи, тиул, мульк и т. д. Везде существовало несвободное состояние для значительной части крестьян с разными степенями зависимости, приближавшейся для основной группы зависимых людей к крепостному состоянию» [32].

Неправильно было бы подобно представителям официальной или либеральной историографии отрицать наличие в Восточном Закавказье частного землевладения. В. Д. Мочалов совершенно прав, когда подчеркивает, что к началу XIX в. земля здесь только «формально считалась государственной», а фактически в распоряжении ханов находились лишь собственные земли и земли казны. Остальные же состояли в условном владении «тийюльдаров» (от «тийюль» — пожалование) или в частном наследственном владении «мюлькадаров» [33]. Особенностью аграрного строя Восточного Закавказья являлось также наличие крупного землевладения мечетей и монастырей.

Что касается крестьян, то все они находились в феодальной зависимости — и те, что были наделены землей и вели свое хозяйство (райяты), и те, что не имели надела и обслуживали хозяйство помещика (ранджбары). Действительно, крестьяне в Восточном Закавказье не подлежали отчуждению путем купли-продажи и не являлись, таким образом, объектом вещного права собственности ханов, беков и агаларов. Однако это вовсе не значит, что их положение было легче, чем крепостных в Грузии или России. Ранджбары, будучи прикреплены к своему владельцу, подвергались особенно жестокой эксплуатации. Тяжкой была доля и райятов. По свидетельству А. П. Ермолова, азербайджанские агалары «издавна присвоили себе такую степень власти над черным народом, что сей последний делается совершенно рабами. Не было повинности определенной, не было собственности, которую агалар не мог присвоить по произволу» [34].

---

[32] И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в. Л., 1949, стр. 320—321.

[33] В. Д. Мочалов. Указ. соч., стр. 15—16.

[34] А. П. Ермолов. Записки, ч. 2. М., 1868, стр. 39—40.

Гнет со стороны беков и агаларов дополнялся необузданным произволом ханских чиновников — наибов, управлявших отдельными магалами (округами), сборщиков податей и пр. Немало чинили насилий над крестьянами и представители сельской администрации — юзбаши, есаулы, кетхуды и приданные им нукеры. Нередко бывало так, что «хан призывал магального наиба, приказывал ему собрать 500, 1000 или более червонцев, магальный наиб удваивал требование хана: одну половину собранных денег оставлял у себя, другую представлял своему владыке...» [35]

В результате те труженики, которые возделывали поля золотистой пшеницы и ухаживали за цветущими фруктовыми садами, ходили в лохмотьях, ютились в тесных закопченных жилищах и нередко едва дотягивали до нового урожая, растирая на ручных мельницах последние зерна из своих скудных запасов.

Бо́льшая часть продовольственных и сырьевых ресурсов, изъятых у населения в виде бесчисленных податей и налогов, присваивалась ханами и беками, остальная — корыстолюбивым духовенством.

Армянские крестьяне, будучи христианами, подвергались еще и религиозным притеснениям со стороны мусульманских феодалов и их прислужников.

Большую роль в социальной жизни закавказской деревни играла сельская община, в пользовании которой находилась значительная часть пахотной земли, а также почти все пастбищные угодья. Значение общины в засушливых степях повышалось в связи с необходимостью поддерживать общими усилиями оросительную систему, а в горных районах — с организацией коллективной охраны стад на отдаленных пастбищах и по пути к ним. Однако существование сельских общин, представлявших замкнутые самодовлеющие хозяйственные мирки, усугубляло экономическую разобщенность отдельных групп населения.

Неравномерность социально-экономического развития и разнообразие форм землевладения, хозяйства и общественной жизни, равно как этнические и религиозные различия, служили причиной того, что в Закавказье особенно

---

[35] АКАК, VII, № 412.

ярко была выражена типичная для феодализма политическая раздробленность. На сравнительно небольшой территории Грузии размещались два царства (Картли-Кахетинское и Имеретинское) и четыре зависимых от имеретинских царей княжества (Гурия, Мегрелия, Сванетия, Абхазия). При этом для грузинских феодальных образований характерна была еще система сеньорий (сатавадо), предоставлявшая крупным феодалам (тавадам) такую степень иммунитета, которая позволяла им очень мало считаться со своими вассальными обязательствами по отношению к царю. Территория Восточного Закавказья была расчленена на восемь фактически независимых ханств [36] и одиннадцать более мелких владений, принадлежавших в большинстве своем зависимым от ханов султанам и меликам [37]. Кроме того, большая часть Армении и ряд районов Грузии (Месхетия, Аджария и др.) находились под владычеством турецких феодалов, а Южный Азербайджан входил в состав империи Каджаров.

Попытки некоторых местных правителей, как, например, картли-кахетинского царя Ираклия II или Фат-Али-хана Кубинского, преодолеть феодальную раздробленность и усилить политическую централизацию не имели серьезных успехов. Слишком сильным было сопротивление сепаратистски настроенных крупных феодалов: тавадов в Грузии, ханов в Азербайджане. Слишком слабыми были экономические связи между отдельными феодальными владениями. Это совершенно правильно было отмечено И. В. Сталиным: «Эфемерное и случайное объединение княжеств, которое иногда удавалось провести какому-нибудь удачнику-царю, в лучшем случае захватывало лишь поверхностно-административную сферу, быстро разбиваясь о капризы князей и равнодушие крестьян. Да иначе и не могло быть при экономической раздробленности Грузии» [38].

Между тем феодальная раздробленность не только порождала феодальную анархию, но и ослабляла силу

---

[36] Карабахское, Шекинское, Ширванское, Гянджинское, Бакинское, Талышское, Нахичеванское, Ереванское.

[37] Султанства: Илисуйское, Аресское, Куткашенское, Казахское, Шамшадильское, Шурагельское. Меликства: Варандинское, Джрабердское, Гюлистанское, Дизакское, Хаченское.

[38] И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 295.

сопротивления народов Закавказья перед лицом постоянно угрожавшей им внешней опасности со стороны соседних могущественных держав Востока.

Нашествия иноземных завоевателей приводили к опустошению целых областей, пресекая нормальное течение хозяйственной жизни и заставляя жителей тратить силы и средства не на дальнейшее развитие хозяйства, а на восстановление разрушенного. Это, естественно, замедляло рост производительных сил, задерживая экономический прогресс.

Деревни восстанавливались быстрее, города значительно медленнее. Потребительское зерновое хозяйство страдало от подобных потрясений меньше, торговля и промышленность сильнее. Недаром источники конца XVIII в. свидетельствуют об упадке городской жизни Закавказья.

Специфика закавказских городов заключалась в преобладающем влиянии феодальной знати и духовенства и значительном удельном весе феодально зависимых людей среди массы трудящихся жителей. В 1803 г. три четверти населения Тифлиса составляли крепостные [39]. Перефразируя известную немецкую поговорку, можно сказать, что воздух кавказских городов не делал человека свободным. Бюргерские элементы в них были очень слабы и редко осмеливались вступать в борьбу с феодальными господами.

В случае непосредственной опасности вражеского нашествия представители местной знати обычно покидали свои городские дворцы и спешили укрыться в отдаленных поместьях, расположенных в труднодоступных горных ущельях. Торговцы и ремесленники, оставаясь на месте, испытывали все ужасы погрома, учинявшегося захватчиками. Мастерские и лавки, амбары и караван-сараи превращались в развалины. Искусные мастера гибли под ударами меча или угонялись в рабство. Даже после ухода врагов пульс городской жизни надолго ослабевал, торговые обороты сокращались, промышленная деятельность долго не могла достигнуть прежнего уровня. Ремесленники опасались заново оборудовать свои мастерские, купцы не хотели вкладывать капитал в промышленные предприятия.

Как раз на исходе XVIII в. Закавказье постигло страшное бедствие: властитель Персии Ага-Мухаммед-хан Кад-

---

[39] Ш. Месхиа. Города и городской строй феодальной Грузии..., стр. 160.

жар прошел в 1795 г. с огнем и мечом по нагорным равнинам Карабаха, долинам Карталинии и степям Азербайджана. Столица Грузии и ряд других городов подверглись полному разгрому.

Современник (Артемий Араратский), посетивший Тифлис после этого нашествия, писал: «Бродя по городу до Ганджинских ворот, я не встретился ни с одним живым человеком, кроме некоторых измученных стариков, над которыми неприятели, допрашивая, где есть у них богатство или деньги, делали различные тиранства. Город почти был выжжен и еще дымился, и воздух от гниющих убитых тел по жаркому времени был совершенно несносен...» [40]

Результатом этой катастрофы был упадок торгово-промышленной жизни и городской культуры. В Тифлисе, по переписи 1783 г., насчитывалось 20 тыс., а в 1803 г. только 14 тыс. жителей. Обезлюдели и другие города края.

Одновременно вследствие участившихся вторжений иноземных захватчиков наблюдался отлив населения из порубежных районов Гурии и Имеретии, а также сокращение численности городских жителей. К началу XIX в. в столице Имеретинского царства Кутаисе насчитывалось всего 195 дворов, из них 90% крестьянских, и 44 лавки [41].

Ф. Энгельс указывал, что «восточное владычество несовместимо с капиталистическим строем», так как «нет налицо первого основного условия буржуазного приобретения — обеспеченности личности купца и его собственности» [42]. Именно это условие и отсутствовало тогда в городах и селениях Закавказья, а без него в недрах феодального строя не могли вызревать элементы нового, более прогрессивного, капиталистического способа производства.

Такое положение было чревато опасностью полного экономического застоя и консервации самых отсталых форм общественной жизни. В этом и заключалась суть того социально-экономического кризиса, какой переживали в то время народы Закавказья. Дальнейшее углубление этого кризиса грозило им полным истощением материальных ресурсов и людских резервов, а затем и поглощением

---

[40] Цит. по кн. Г. Кикодзе. Ираклий Второй. Тбилиси, 1945, стр. 74.

[41] М. Думбадзе. Указ. соч., стр. 9.

[42] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 22.

их соседними восточными державами. Но эти державы сами находились в состоянии затяжного кризиса, вызванного разложением господствовавшей в них военно-феодальной системы. Поэтому они не могли обеспечить народам Закавказья движения по пути экономического и социального прогресса.

Реальные политические условия и соотношение классовых сил внутри разобщенных феодальных владений Закавказья были таковы, что не позволяли надеяться народам этого края на преодоление обострявшегося кризиса своими силами. Осознание этого факта и порождало тенденцию к сближению с Россией — единственной соседней европейской страной, уже вступившей к началу XIX в. на путь разложения феодально-крепостнической системы и развития капиталистических отношений.

Передовые деятели Закавказья давно уже ориентировались в своих политических расчетах на покровительство и помощь России. Достаточно вспомнить о миссии Израэла Ори, просившего Петра I 25 тыс. казаков для освободительного похода в Закавказье, о переселении в 1724 г. в Россию 1200 грузин во главе с покинувшим престол и родину картлийским царем Вахтангом VI, о массовом переходе армян и грузин в занятые русскими войсками прикаспийские области в 1725—1735 гг.

Сближению грузин и русских способствовало и то, что многие из грузинских эмигрантов оказались затем на русской службе. Генералом русской армии был А. А. Багратиони, по ведомству коллегии иностранных дел служили Г. Хвабулов, А. Моуравов, С. Лашкарев. С Россией связали свою личную судьбу и свое творчество грузинские писатели и поэты Давид Гурамишвили, Мамука Бараташвили, Дмитрий Багратиони и др. Грузинская интеллигенция не могла не оценить по достоинству и того факта, что единственная грузинская типография существовала после 1724 г. на русской земле в подмосковном селе Всесвятском.

Усилению русской ориентации среди закавказских армян содействовали вести о расселении в России армянских эмигрантов из Крыма и балканских стран, о создании новых армянских колоний — Нахичевани на Дону и Григориополя на Днестре. Большое значение имело также путешествие в 60-х годах XVIII в. в Россию пламенного бор-

ца за национальную независимость армянского народа Иосифа Эмина [43].

Следующий этап в истории русско-армянских отношений был ознаменован возросшей политической активностью деятелей армянского освободительного движения. Переговоры лидеров армянской эмиграции Ивана Лазарева и архиепископа Иосифа Аргутинского с А. В. Суворовым и Г. А. Потемкиным, приезд в Россию представителя ереванских армян Степаноса Тер-Саакяна, основание в Петербурге Григором Халдаряном армянской типографии, записка Аргутинского о восстановлении под эгидой русской императрицы Армянского царства и проект Шаамиряна о создании пребывающей в вечном союзе с Россией Армянской республики — таковы лишь некоторые факты, свидетельствующие о популярности идеи присоединения к России среди передовой армянской интеллигенции в 80-х годах XVIII столетия.

Заключение в 1783 г. русско-грузинского Георгиевского трактата и признание турецким правительством русской границы по Кубани способствовали усилению русского влияния на Кавказе. Следуя примеру картли-кахетинского царя Ираклия II, имеретинский царь Соломон I и сильнейший из азербайджанских владетелей Фат-Али-хан Кубинский также обратились к русской императрице с просьбами о защите и покровительстве. Об этом же писали в своих посланиях ереванские армяне [44].

«Даруй, всемилостивейшая государыня,— писал Соломон I в послании Екатерине II,— мне и преемникам моим ту же самую защиту, которая дарована тобою карталинскому и кахетинскому царю Ираклию». «Всегда приятелям в сторону Российскую буду я приятелем, а врагам враг»,— обещал Фат-Али-хан.

Однако неправильно было бы думать, что сторонники русской ориентации не встречали сопротивления. У них были противники, предлагавшие искать покровительства

---

[43] А. Р. Иоаннисян. Иосиф Эмин. Ереван, 1945; его же. Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. Ереван, 1947.

[44] Л. А. Цагарели. Грамоты..., т. II, вып. II. СПб., 1902, стр. 44; «Присоединение Азербайджана к России...», стр. 22—23; ЦГАДА, Гос. архив, разр. XXIII, д. 13, ч. VII, л. 169. Письмо Степана Тер-Саакяна к П. С. Потомкину от 22 декабря 1783 г.

у западноевропейских монархов. Незадолго до заключения Георгиевского трактата Ираклий II «писал к римского исповедания государям, у которых просил на содержание войска денег» [45]. Католические миссионеры старались привлечь симпатии высшего армянского духовенства, выражая готовность посредничать между ними и римским папой.

Неодинаковым было отношение к вопросу о присоединении к России и различных социальных слоев коренного населения Закавказья.

Еще в 1770 г. русский резидент Андрей Филатов доносил из Азербайджана, что «здешние народы ожидают прихода русских войск с нетерпеливостью и все желают быть подданными России», но тут же добавлял: «А знатные, хотя слышат то с некоторым прискорбием, однако к сопротивлению никаких приготовлений не имеют» [46].

Очевидно местные феодалы опасались, что с переходом в подданство России им придется поступиться своим суверенитетом, и поэтому с тревогой ожидали дальнейшего развития событий. Недаром, когда русский корпус под командованием В. А. Зубова вступил в 1796 г. в пределы Азербайджана, местные ханы обнаружили известные колебания. Чувствуя себя между двух огней и боясь потерять свои владения, они не решались ни остаться союзниками шаха, ни перейти на сторону России. Шейх Али-хан Кубинский и Мустафа-хан Ширванский даже пытались оказать сопротивление продвижению русских войск. Только после перехода под протекторат России Ибрагим-Халил-хана Карабахского некоторые другие ханы отправили своих послов в лагерь Зубова.

То же самое можно было наблюдать и в Грузии. Нашествие Ага-Мухаммед-шаха и его угрозы «сделать из крови российских и грузинских народов реку текущую» заставили Ираклия II просить в 1797 г. более действенной военной помощи для обороны внешних границ Грузии. При этом грузинский царь выражал согласие на дальнейшее ограничение его суверенитета и усиление вассальной зависимости от Российской империи [47]. Преемник и сын Ираклия II Георгий XII, напуганный ультиматумом,

---

[45] А. Цагарели. Указ. соч., т. II, вып. II, стр. 27.
[46] «История Азербайджана», стр. 344.
[47] А. Цагарели. Указ. соч., т. II, вып. II, стр. 167.

предъявленным ему шахом в июне 1800 г., вынужден был сделать новый шаг по пути отказа от своих прав и привилегий. Он уже соглашался на включение своего царства в состав Русского государства «с теми правами, которыми пользуются находящиеся в России области» [48]. Единственное, о чем он заботился, это о сохранении за ним и его потомками царского звания.

После смерти Георгия XII вопрос о присоединении к России осложнился междоусобной борьбой грузинских царевичей. По свидетельству А. Г. Чавчавадзе, среди грузинских князей и дворян образовалось две группировки: одна поддерживала кандидатуру старшего сына Георгия XII царевича Давида, а другая дядю последнего, сводного брата умершего царя — царевича Юлона. При этом лидеры первой группировки соглашались на введение в Грузии русской администрации и русского законодательства, а представители второй настаивали на сохранении широкой внутренней автономии («своего царя» и «собственных своих законов»). Однако и среди тех, которые выражали готовность к переходу в подданство России, многие «стояли за постепенное установление российского гражданского порядка, опасаясь невыгодных последствий и для Грузии, и для России от его быстрого введения» [49]. К ним принадлежали такие авторитетные представители грузинской феодальной аристократии, как, например, князь Гарсеван Чавчавадзе — главный дипломатический советник Ираклия II. Наконец, были и открытые противники присоединения к России. Они группировались вокруг сына Ираклия II (от третьей его жены Дареджан) царевича Александра, который в 1800 г. бежал за границу, признал себя подданным шаха и нашел приют у его наследника Аббас-Мирзы в Тавризе. «Доколе я жив, не примирюсь с русскими и не похулю хлеба-соли шах-заде»,— заявлял Александр [50].

Характеристика политических настроений грузинского общества накануне присоединения Грузии к России, которую дал в цитированном выше обзоре А. Г. Чавчавадзе,

---

[48] Там же, стр. 287.

[49] А. Г. Чавчавадзе. Краткий исторический очерк положения Грузии с 1801 по 1831 г. «Кавказский сборник», т. 23. Тифлис, 1902, стр. 8.

[50] АКАК, V, № 444.

в основном совпадает с анализом внутриполитического положения Картли-Кахетинского царства, сделанным непосредственным участником событий генералом К. Ф. Кноррингом. Пространное донесение Кнорринга представляет собой его отчет о командировке в Грузию летом 1801 г., предпринятой по распоряжению императора Александра I.

Как известно, Павел I был убит раньше, чем успел осуществить присоединение Грузии к России, декларированное им в манифесте, подписанном за два с половиной месяца до смерти [51]. Его преемник, не отличавшийся от природы твердостью характера, не сразу решился ввести в Грузии новый порядок управления и поставить ее под контроль русской администрации. Через пять недель после дворцового переворота он направил в Грузию командующего на Кавказской линии генерала Кнорринга, поручив ему ознакомиться на месте с положением в Грузии и узнать, каково отношение к «преклонению царства сего под российскую державу» представителей «высшего состояния и народа». Не будучи талантливым военачальником и искусным дипломатом, Кнорринг был, однако, исполнительным и аккуратным администратором. Выполнив поручение царя с чисто немецкой педантичностью, он изложил свои впечатления о политическом положении Грузии в докладной записке, датированной 28 июля 1801 г.

По мнению Кнорринга, охваченная феодальной междоусобицей Грузия не могла «с едиными силами своими... противостать властолюбивым притязаниям Персии». Тем не менее он не скрывал того, что далеко не все «высшего состояния люди» желают присоединения к России. «В дворянстве грузинском,— писал он,— окажется половина желающих видеть над собою царя и образ прежнего своего направления, дабы только удержать права наследственно получать достоинства и сопряженные с тем доходы» [52].

Таким образом, повсюду в Закавказье феодальная знать в большинстве своем имела в виду заручиться покровительством России исключительно для обеспечения внешней безопасности, но не желала никаких перемен во

---

[51] Манифест был подписан Павлом I 22 декабря 1800 г. и объявлен в Петербурге 18 января, а в Тифлисе 16 февраля 1801 г. См. ПСЗ, т. XXVI, № 19721, стр. 502.

[52] АКАК, I, № 534 и 543.

внутреннем политическом режиме, предоставлявшем ей монопольное господство над трудящимися со всеми вытекающими отсюда эксплуататорскими правами и привилегиями.

Примерно такой же позиции придерживалось христианское духовенство, желавшее сохранить автокефалию местной церкви. Что касается мусульманского духовенства, то оно в массе своей отрицательно относилось к переходу в подданство христианского монарха, боясь утратить свои привилегии и доходы под властью «неверных».

Наоборот, широкие слои крестьян и ремесленников Закавказья, независимо от религиозной принадлежности, желали присоединения к России в надежде избавиться не только от опасности вражеских нашествий извне, но и от постоянных внутренних междоусобиц. Не без основания они ожидали, что сильная централизованная государственная власть в лице наместников русского царя сумеет положить конец изнурявшей страну феодальной анархии и произволу ханов, беков, тавадов, азнауров. Свойственные крестьянству той эпохи патриархальные представления о характере монархической власти играли при этом не последнюю роль. В отличие от своих господ, трудящиеся не боялись перехода в подданство России и не собирались отстаивать старый порядок феодальной раздробленности, обрекавший их на тяжкий подневольный труд, голод и лишения. Что принесет им новый режим, они еще не знали, но надеялись, что он будет лучше старого. Разумеется, замыслы царских колонизаторов были им тогда еще неизвестны.

Недаром все источники того времени свидетельствуют о том, что народные массы Закавказья с одобрением встретили весть о присоединении к России.

Еще в 80-х годах XVIII в. русский дипломат сообщал из Приморского Азербайджана, что «купечество и земледельцы (кроме тех, которые какую-либо власть имеют), все... говорят, что они с великою радостью ждут нетерпеливо российских войск, и как скоро вступят в пределы тамошние, то все выше писанные места без всякого супротивления будут покорными...» [53]. А когда В. А. Зубов начал со своим корпусом движение в глубь Азербайджана,

---

[53] «История Азербайджана», стр. 348.

оттуда доносили, что «черной народ от Дербента до Баки и Сальяна... радуется бытию в Персию российских войск, ждя чрез то тишины от междоусобий» [54].

То же самое наблюдалось и в Грузии. После объявления манифеста Павла I о присоединении Картли-Кахетинского царства к России генерал Лазарев писал из Тифлиса: «Все как снова переродились и ожили... Купечество же, городские жители и также многие поселяне в весьма большом восторге, что государь их в свои подданные причел, ибо видят, что их уже никто не грабит, а когда есаулы приезжают или приходят, то видят, что в деле их защищают и чувствуют уже монаршую милость» [55]. Можно вполне допустить, что в первое время после перехода Грузии под контроль русской администрации крестьяне действительно ожидали ограничения феодального произвола и облегчения своей участи, а их господа стали более сдержанными, не будучи еще уверены, каково будет отношение к ним новой власти.

Академик И. А. Джавахишвили, который отнюдь не был склонен переоценивать положительные последствия присоединения Грузии к России, признавал, комментируя вышеприведенные свидетельства очевидцев, что «грузинское крестьянство... в глубине души еще надеялось на улучшение своего положения благодаря русским» [56].

Особо следует отметить одобрение, с каким встретило присоединение к России закавказское купечество. Источники указывают, что после опустошения Тифлиса войсками Ага-Мухаммед-шаха «имущие горожане», скрывавшиеся в окрестностях, не хотели возвращаться в родной город, а стремились переселиться в пределы России. Оставшиеся же на месте настойчиво требовали от Ираклия II усилить оборону столицы или переселить их в безопасное место [57].

Отсюда следует, что местное купечество не только рассчитывало на расширение торговых связей с Россией, но и надеялось обрести в составе централизованного и могущественного Русского государства личную безопасность и

---

[54] А. Р. Иоаннисян. Присоединение Закавказья к России..., стр. 14.

[55] Цит. по указ. соч. О. Марковой, стр. 25.

[56] И. Джавахишвили. Политическое и социальное движение в Грузии в XIX в. СПб., 1906, стр. 12.

[57] Ш. Месхиа. Указ. соч., стр. 105—106.

неприкосновенность своей частной собственности. Кроме того, оно имело в виду, что ликвидация феодальной раздробленности обеспечит возможность слияния узких местных рынков в более обширный рынок в масштабе всей Грузии или даже всего Закавказья.

Таким образом, при всей противоречивости политических тенденций, обусловленных антагонистическими интересами различных классов, одна тенденция, направленная к присоединению в той или иной форме к России, являлась для Закавказья на рубеже XVIII—XIX веков ведущей и определяющей. Наличие такой тенденции и являлось причиной того, что в сложной международной обстановке начала XIX столетия русский царизм добился в этом отдаленном от жизненных центров России районе значительных дипломатических успехов без сосредоточения крупных вооруженных сил и широких военных операций.

2. ПЕРВЫЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ УСПЕХИ РОССИИ В ЗАКАВКАЗЬЕ

Помимо экономических выгод, которые сулило включение Закавказья в состав Российской империи, русские государственные деятели учитывали также его политическое и стратегическое значение.

Когда один из самых дальновидных советников Павла I по кавказским делам граф А. А. Мусин-Пушкин перечислял «пользы от присоединения Грузии к державе российской», то наряду с указанием на «многие выгоды» экономического характера он подчеркивал и другие важные последствия этого акта. Он видел их в том, что в результате приобретения Россией плацдарма за Кавказским хребтом «обеспечится Кавказская линия обузданием горских народов, с двух сторон войсками российскими заключенных», и «в случае разрыву с Портою Россия со стороны Грузии может соделаться сей державе толико же страшною для Анатолии». Он предупреждал, что если бы соперничавшие с Россией державы «предуспели бы занять Грузию», то тем самым создалась бы непосредственная опасность для Предкавказья и Крыма [58].

---

[58] П. Бутков. Материалы..., т. II, стр. 464.

Мнение Мусина-Пушкина разделяли многие царские сановники. По всей видимости, его аргументация казалась убедительной и для Павла I, и для Александра I. С его выводами в основном совпадало и заключение генерала Кнорринга, специально изучавшего политическую обстановку, сложившуюся в Грузии. И тем не менее вопрос о присоединении Грузии к России оказался предметом длительного обсуждения в правительственных учреждениях Российской империи. Некоторые из весьма влиятельных представителей петербургской сановной знати возражали против распространения владений России за Кавказские горы. Они ссылались на опасные международные последствия этого акта.

Сначала вопрос обсуждался в Негласном комитете, как называли тогда кружок «молодых друзей» нового императора. Двое из них — В. П. Кочубей и Н. Н. Новосильцев — высказывались против положительного решения данного вопроса, исходя из необходимости избегать всего, что может осложнить отношения России и Англии. Третий — Адам Чарторыйский — вообще не хотел, чтобы русское правительство отвлекалось восточными делами, ибо считал важнейшей международной проблемой вопрос о восстановлении Польского королевства. Таким образом, идея продвижения в Закавказье не получила поддержки со стороны самых близких к царю политических деятелей.

Были противники этой идеи и среди старых екатерининских вельмож, влияние которых в правительстве усилилось после дворцового переворота 1801 г. К ним принадлежали будущий государственный канцлер А. Р. Воронцов и его брат — русский посол в Лондоне С. Р. Воронцов. Оба они были известны своими англофильскими настроениями и являлись сторонниками сближения с Великобританией.

Ссылки на заинтересованность британской дипломатии в кавказских делах имели некоторое реальное основание. Еще в 1740 г. служивший в русской армии английский подданный капитан Джон Эльтон, выйдя в отставку, отправился через Астрахань в Азербайджан, а затем в глубь Персии. Добившись в Мешхеде от сына Надир-шаха Риза-Гули-Мирзы привилегий для английских купцов, он представил британскому посланнику в Петербурге Эдуарду Финчу обширный проект создания торговой компании для торговли с Персией через Россию. Переслав этот проект в

Лондон, Финч постарался со своей стороны еще более расширить благоприятные возможности для английской торговли в районе Каспийского моря. Он исходатайствовал у возглавлявшего тогда русское правительство временщика Бирона разрешение на постройку английскими купцами кораблей на Волге и создание английских факторий в Астрахани и Саратове [59].

Спустя пять лет компания Эльтона имела в Северном Иране постоянную контору и несколько комиссионеров, среди которых упоминаются в источниках Джемс Броун, Джон Ганвей, Вап-Мирон, Джон Британ, Шафтон и Грахам. Агентом компании в Астрахани являлся Джон Томпсон.

В письмах на родину Эльтон, стараясь привлечь новых компаньонов, упрекал соотечественников в том, что они «не пользуются выгодами здешней торговли в возможной мере». Он рисовал заманчивые перспективы завоевания прикаспийских рынков английским капиталом, особенно подчеркивая при этом богатства Гиляна и Азербайджана. По мнению Эльтона, англичане, обосновавшись в Шемахе, Реште и Мешхеде, могли бы захватить в свои руки торговлю с Кавказом, Бухарой и Афганистаном.

«Кто знает, какими большими и населенными городами усеяны эти земли..., не может не придти к заключению, что торговля в той стороне может расширяться почти бесконечно...»,— восклицал он и, захлебываясь от восторга, подробно излагал свою программу безудержной английской экспансии в Азии. «Британские купцы получат возможность распространить свою торговлю и сношения далеко внутрь вышеназванных стран... Торговля через Каспийское море уже через несколько лет может открыть нашим шерстяным фабрикам сбыт более лучший, чем где бы то ни было...»,— такими фразами пестрели его письма Финчу и сменившему последнего на посту английского посланника в Петербурге лорду Тироули [60].

Впрочем, Эльтон и его сообщники занимались не только коммерческими делами, но и политическими диверсия-

---

[59] Донесение Финча от 5 июля 1740 г. См. «Сборник Русского исторического общества» (далее — Сборник РИО), т. 85, стр. 69.

[60] Приложение к донесению Финча от 29 июля 1740 г. (Сборник РИО, т. 85, стр. 131), а также письмо Эльтона к лорду Тироули от 7 февраля 1745 г. (Сборник РИО, т. 102, стр. 407—408).

ми. Не случайно их активная деятельность в районе Каспийского моря совпала по времени с новой волной персидской экспансии на Восточном Кавказе.

Полагая, что переход Закавказья под власть благосклонного к англичанам Надир-шаха расширит сферу деятельности его компании, Эльтон предоставил свои корабли для перевозки шахских войск к берегам Кавказа и приступил даже к постройке 20-пушечного военного корабля на верфи, сооруженной в 14 км от Решта [61].

В 1745 г. правительство императрицы Елизаветы Петровны признало деятельность Эльтона и его компаньонов враждебной государственным интересам России и предложило им продать свои корабли русским купцам, а спустя два года вовсе запретило английскую транзитную торговлю с Персией по Волге и Каспийскому морю. В то же время смерть Надир-шаха и феодальные смуты в Персии привели к распаду компании Эльтона и гибели его самого.

Но то, чего не удалось достигнуть Эльтону, попытались несколько позднее осуществить деятели английской «Ост-Индской компании». В 1763 г. они добились от нового правителя Персии Керим-хана Зенда особого фирмана, разрешавшего английским купцам беспошлинно торговать и создавать свои фактории на всей территории, подвластной шахскому правительству. Крупная английская фактория была основана в Бушире [62].

На исходе XVIII в. активность английской буржуазии возросла еще более. Уже не отдельные авантюристы и прожектеры, а официальные посланники, снабженные королевскими грамотами, стали посещать столицы Передней Азии.

В 1799 г. в результате подчинения Майсора английские колонизаторы железом и кровью упрочили свое владычество во внутренних районах Индии. В связи с этим перед английским капиталом открылись заманчивые перспективы дальнейшего распространения своей колониальной экспансии в Азии. Окрыленные своими успехами и увлекаемые ненасытной жаждой прибыли, предприимчивые дельцы из «Ост-Индской компании» стали мечтать о завоева-

---

[61] Ю. Милютин. Наш новый путь в Среднюю Азию. «Русский вестник», т. 191, стр. 738.

[62] G. Curson. Persia and the Persian question. London, 1892, p. 552.

нии обширных рынков Среднего Востока и овладении кратчайшими путями из Индии в Европу через Персидский залив и Переднюю Азию.

В конце 1800 г. в Тегеран прибыл чрезвычайный уполномоченный британского генерал-губернатора Индии лорда Уэлсли — капитан Джон Малькольм. Маркс подчеркивал, что это чрезвычайное посольство «стоило бешеных денег», так как Малькольм, чтобы завоевать симпатии иранских правящих кругов, не скупился на богатые «подарки», покупая всех — «от шаха до погонщика верблюдов...» [63]

4 января 1801 г., т. е. за восемь месяцев до присоединения к России Восточной Грузии, этот английский эмиссар подписал с шахом договор, предусматривавший широкое политическое и военное сотрудничество между Персией и Англией.

Формально договор был направлен против возможной французской агрессии в районе Среднего Востока и против афганского эмира, но никто не мог помешать шаху использовать обещанное англичанами оружие и деньги для новых завоевательных походов в Закавказье. Больше того, финансовая и военная поддержка со стороны Англии, несомненно, толкала его к новым агрессивным актам в этом направлении.

Конечно, английским дипломатам были отлично известны захватнические намерения Каджаров в отношении Кавказа, и, укрепляя военную мощь их империи, они сознательно потворствовали реализации этих намерений.

Договор, заключенный в Тегеране Малькольмом, предоставлял английским купцам различные льготы и привилегии в отношении торговли на всей территории, подвластной шаху. Следовательно, если бы Грузия и Северный Азербайджан вновь подпали под его владычество, то английские купцы получили бы возможность проникновения и в Закавказье с целью завоевания местных рынков и торговых путей, ведущих от берегов Персидского залива к Черному морю (через Тавриз — Тбилиси — Поти). Таким образом, они могли рассчитывать на включение в сферу своей колониальной экспансии не только всех провинций

---

[63] К. Маркс. Хронологические выписки по истории Индии, М., 1947, стр. 105.

Персии, но впоследствии и Закавказья, а быть может, и всего Кавказа.

Насколько энергично взялись англичане за реализацию этих широких экспансионистских планов, видно из того, что Малькольм настойчиво добивался от шаха согласия на передачу «Ост-Индской компании» трех островов и ряда укрепленных пунктов на побережье Персидского залива, а также права постройки кораблей в районе Ленкорани для торговых сношений с Баку и другими приморскими городами.

Об этом сообщал из Баку русский консул Скибинев-ский. Позднее он доносил, что Малькольм обещал шаху прислать «триста человек мастеровых людей, не только в мануфактуре искусных, но и в построении морских судов и в приготовлении нужных для вооружения судов припасов» [64]. Как видно, англичане выразили готовность приступить к строительству на Каспийском море не только торговых, но и военных судов.

Таким образом, в Петербурге уже хорошо знали об активизации британской политики в странах Среднего Востока и деятельности английской агентуры в районах, непосредственно граничивших с Кавказом. Сторонники сближения с Англией поэтому советовали царю воздерживаться от новых территориальных приобретений в Закавказье. Однако их противники считали, что именно возросшее международное значение кавказской проблемы требует укрепления позиций России в этом районе.

Вопрос о присоединении Грузии дважды — 10 и 15 апреля 1801 г.— обсуждался в Государственном совете. После довольно длительных прений царские сановники пришли к заключению, что если Грузию оставить «своему жребию», то она «сделается необходимо жертвой соседей своих», и «сие одно уже угрожает границам российским пагубнейшими последствиями». Поглотив Грузию, мусульманские государи укрепят свое влияние среди кавказских горцев и будут еще сильнее подстрекать их к набегам на «Кавказскую линию», ограждавшую границу России на Северном Кавказе. «Что тогда должно будет противупоставить совокупным силам их в случае разрыва с Портою?.. Какими средствами оградить пространство более

[64] Цит. по кн.: А. Р. Иоаннисян. Присоединение Закавказья к России..., стр. 52.

восьми сот верст, где с российской стороны представляется неприятелю свободный вход в места равные, ничем не пресекаемые, с неприятельской же — при первом шаге встречаются неприступные горы?..» [65] Такие вопросы ставили участвовавшие в заседаниях Государственного совета князь Платон Зубов и граф Валерьян Зубов, князья Петр Лопухин, Гаврила Гагарин и другие представители титулованной дворянской знати. В многословных выступлениях этих ораторов явно звучала тревога за безопасность новых владений русских помещиков в предкавказских и приазовских степях, новых городов, воздвигнутых в колонизуемых районах Юга, новых торговых путей, проложенных в заморские страны.

В результате Государственный совет высказал мнение, что «удержание Грузии под владением российским сколько для самой той земли, столько и для пользы империи необходимо»...

После долгих колебаний Александр I решил следовать этой рекомендации и 12 сентября 1801 г. подписал манифест к грузинскому народу и утвердил «Постановление внутреннего в Грузии управления» [66]. Об упразднении Грузинского царства, отстранении от власти династии Багратионов и введении новой администрации в Тбилиси официально было объявлено только 12 апреля 1802 г.

Через месяц (8 мая) было учреждено так называемое «Верховное грузинское правительство» в составе четырех «экспедиций»: исполнительной, экономической, гражданских и уголовных дел. Вместе с русскими чиновниками на правах советников в «экспедициях» вершили дела и грузинские князья. Однако фактически «Верховное грузинское правительство» являлось лишь послушным орудием в руках «правителя Грузии» — действительного статского советника П. И. Коваленского, который непосредственно подчинялся главнокомандующему на Кавказе генералу К. Ф. Кнорррингу и являлся его помощником по «гражданской части».

Картлия (Карталиния) была разделена на три (Горийский, Лорийский и Душетский), а Кахетия на два (Телавский и Сигнахский) уезда, в которых были созданы уездные суды и управы.

---

[65] ВПР, стр. 25—26.
[66] ПСЗ, т. XXVI, № 20007; см. также АКАК, I, № 547.

«Упразднение грузинского престола» вызвало недовольство среди местной феодальной знати, опасавшейся лишиться своих сословных привилегий и возмущенной к тому же высокомерным и пренебрежительным отношением со стороны русских чиновников. Уже летом 1802 г. среди грузинских князей и дворян возникло оппозиционное движение за восстановление державных прав династии Багратионов. Лидерами этой дворянской оппозиции явились братья умершего царя Георгия XII — царевичи Юлон и Александр, а также его сын Давид.

В июле 69 кахетинских князей и дворян, собравшись в урочище Кельменчуро, изложили свою программу в петиции, поданной на имя Александра I. «Наше желание и просьба,— писали они,— состоит в том, чтобы... дан бы был нам царь, с которым оставались бы мы под высочайшим покровительством вашим...» [67] Иными словами, им хотелось сохранить в силе условия Георгиевского трактата 1783 г., предусматривавшие лишь протекторат России, но не включение в состав Русского государства. Кнорринг и Коваленский со своей стороны донесли в Петербург о «заговоре кахетинских князей» и произвели среди них многочисленные аресты.

Некоторые из лидеров феодальной оппозиции пытались продолжать борьбу в расчете на помощь извне, апеллируя к соседним державам. Новый властитель Персии Фатх-Али-шах откликнулся на их призыв, объявил о признании царевича Юлона Картли-Кахетинским царем и обещал послать ему в помощь свои войска. Действительно, на южных границах Грузии со стороны Ереванского ханства стали накапливаться персидские вооруженные силы. Говорили, что для похода на Тифлис собирается десятитысячное ополчение под начальством Пир-Кули-хана.

Это встревожило русское правительство. Убедившись, что Кнорринг не способен обеспечить «порядок и спокойствие» в Грузии, Александр I отозвал его и назначил главнокомандующим на Кавказе и «главноуправляющим» Грузией генерал-лейтенанта князя П. Д. Цицианова.

---

[67] АКАК, I, № 495. Возмущено было дворянство и необходимостью подчиняться русским властям. «Мы теперь все сравнены с мужиками»,— заявил князь Абашидзе генералу Лазареву (А. Е. Соколов. Путешествие в Имеретию» ,М., 1874, стр. 146).

Выбор этот не был случайным. Цицианов принадлежал к одной из старинных аристократических грузинских фамилий (его дед — Пата Цицишвили — в 1725 г. переселился в Россию вместе с карталинским царем Вахтангом VI). Таким образом, назначение Цицианова должно было до некоторой степени импонировать грузинской феодальной знати. С другой стороны, сам Цицианов родился и воспитывался в России, с 18 лет находился на русской службе, вращаясь среди гвардейского офицерства, занимал ряд высших командных должностей и, наконец, являлся владельцем крупного поместья в Минской губернии, подаренного ему Екатериной II. Следовательно, можно было не сомневаться, что он будет сохранять верность и преданность «самодержцу всероссийскому». Кроме того, Цицианов имел уже некоторый опыт военной и административной деятельности на Кавказе. В 1795 г. он являлся одним из ближайших помощников графа В. А. Зубова во время его «Персидского похода», а в 1796—1797 гг. был комендантом Бакинской крепости. Это позволяло надеяться, что ему удастся быстрее разобраться в политической обстановке, сложившейся в Закавказье, и «привести в ясность», как выражался Александр I, «запутанные дела края».

По пути в Тифлис Цицианов около месяца (в декабре 1802 г.) пробыл в Георгиевске, где вел переговоры с шамхалом Тарковским и другими дагестанскими ханами, стараясь обеспечить положение левого фланга «Кавказской линии» и одновременно подготовить почву для восстановления русских военно-морских баз на Кавказском побережье Каспийского моря.

По прибытии в Грузию Цицианов прежде всего принял меры к выселению в Россию членов бывшего грузинского «царского дома», которых насчитывалось до 90 человек, применяя по совету Александра I «убеждения, настояния и, наконец, самое понуждение». Однако одновременно он старался заверить грузинских князей и дворян в том, что они сохранят все свои права в отношении эксплуатации подвластных им крепостных крестьян.

В результате значительная часть грузинского дворянства стала на путь тесного сотрудничества с царизмом.

Основной задачей Цицианов считал, однако, расширение того стратегического плацдарма, который Россия приобрела в Закавказье.

Еще в то время, когда вопрос о присоединении Грузии находился в стадии обсуждения, было ясно, что включением в состав Российской империи небольшой территории Картли-Кахетинского царства дело не ограничится. Ненадежность коммуникаций, связывавших эту отдаленную от жизненных центров России территорию, вызывала серьезное беспокойство. По существу, для движения войск могла быть использована только единственная горная дорога, проходившая от Владикавказа до Тифлиса по ущельям Терека и Арагви, зимой почти непроходимая из-за снежных завалов и даже летом местами недоступная для колесного транспорта. Но и эта дорога могла быть в любой момент закрыта в случае враждебных России выступлений грузинских или осетинских феодалов.

Когда же присоединение Восточной Грузии осуществилось, вопрос о коммуникациях находившихся там русских войск приобрел еще бóльшую остроту. Граф А. А. Мусин-Пушкин в августе 1802 г. напоминал Александру I о необходимости установить сообщение Восточной Грузии «или чрез Имеретию, или чрез Дагестан с Россией занятием оных войсками нашими...» [68].

Действительно, существовало только два направления для установления дополнительных коммуникаций с Грузией — восточное и западное. Первое открывало возможность сообщения с Грузией через Каспийское море (Астрахань — Дербент или Астрахань — Баку), а второе — через Черное море (Ростов — Керчь — Сухум или Керчь — Поти).

Присоединение Восточной Грузии к России, естественно, укрепило влияние сторонников русской ориентации в соседних владениях. Имея в виду использовать это обстоятельство, Александр I писал главнокомандующему на Кавказе генералу Кнорррингу: «Содержа сношения с окрестными владельцами и народами, стараться приумножить число приверженных к России, особенно же привлекать ханов Эриванского, Ганджжинского, Шекинского, Ширванского, Бакинского и других, над коими власть Баба-хана (Фатх-Али-шаха.— *Л. Ф.*) еще не утвердилась» [69].

После переговоров русского командования с представителями Кубинского и Талышского ханов, шамхала Тар-

[68] АКАК, I, № 502.
[69] Там же, № 548.

ковского, уцмия Каракайтагского и других дагестанских феодалов 26 декабря 1802 г. в Георгиевске с ними был подписан договор о принятии этих владетелей под покровительство России. Однако остальные азербайджанские и дагестанские ханы занимали выжидательную позицию. Прибывший в Тифлис Цицианов решил сделать их более уступчивыми, оказав на них давление.

С этой целью в марте 1803 г. он предпринял «экспедицию» в соседнюю с Кахетией Джаро-Белаканскую область, а в ноябре выступил в поход против Ганджинского хана Джевада, требуя от него покорности на том основании, что в свое время Ганджа находилась в вассальной зависимости от грузинских царей. Операции в этом направлении не только обеспечивали безопасность восточных границ Грузии, но и открывали возможность дальнейшего продвижения в сторону Каспийского моря для установления морского сообщения с Астраханью через Баку.

Вместе с тем Цицианов уделял значительное внимание и другому, еще более важному направлению — через Западную Грузию к берегам Черного моря. В данном случае речь шла о крупнейшей стратегической задаче: обеспечить коммуникации Грузии с Крымом и приобрести военно-морские базы для русского флота на Черноморском побережье Кавказа.

Имеретинский царь Соломон II еще летом 1802 г. начал переговоры с Коваленским о вступлении в подданство России при условии сохранения за ним «царского достоинства» и полной автономии. Однако репрессии со стороны русской администрации в отношении оппозиционных элементов карталинской и кахетинской феодальной знати заставили его воздержаться от принятия на себя каких-либо определенных обязательств перед русским правительством

Вслед за тем он предоставил убежище бежавшим в Имеретию грузинским царевичам Юлону и Парнаозу, а также решил заручиться поддержкой со стороны ахалцихского паши Селима Химши-оглу.

В декабре 1802 г. в Тбилиси были получены сведения о том, что Соломон ведет переговоры с турками о совместных действиях с целью вторжения в Картлию [70]. Возможно, что эти сведения были преувеличены, но не подлежит

---

[70] АКАК, II, № 683.

сомнению, что, опасаясь открытого конфликта с русским командованием, «Соломон возлагал надежды на Турцию и ближайшего своего соседа — ахалцихского пашу...» [71]

В свою очередь и русское правительство проявляло известную осторожность в отношении Западной Грузии.

Дело в том, что, вопреки фактическому положению вещей, а также своим обязательствам, вытекавшим из 23-й статьи Кючук-Кайнарджийского трактата 1774 г., правящие круги Турции продолжали рассматривать феодальных владетелей Западной Грузии как вассалов турецкого султана [72].

Зная, что турки готовы упорно отстаивать подобную точку зрения, русские дипломаты не считали нужным в данный момент оспаривать подобное мнение, не желая обострять отношения с Турцией, которая в силу Константинопольского договора от 3 января 1799 г. являлась союзником России в борьбе «против пагубных намерений французских».

Еще Павел I в январе 1801 г. предупреждал Кнорринга: «Не наводите туркам страха...» [73] И Александр I восемь месяцев спустя писал ему: «С царем Имеретинским и с владельцем области Одишийской (Мегрельской.— *А. Ф.*) Дадианом долженствуете вы иметь приязненное сношение, не подавая, однако, тем повода к подозрениям чиновников Порты Оттоманской, в том краю начальствующим» [74], т. е. правителям пограничных с Имеретией пашалыков.

---

[71] А. Г. Пирцхалайшвили. Имеретия и Гурия в период 1804—1840 гг. «Материалы по истории Грузии и Кавказа», вып. I. Тбилиси, 1942, стр. 36. Участвовавший в переговорах с Соломоном русский дипломат А. Е. Соколов еще летом 1802 г. «приобрел много сведений о дурном расположении царя к России» (см. Л. Соколов. Указ. соч., стр. 50).

[72] Это ложное мнение о полной зависимости Западной Грузии от султанской Турции в начале XIX в. нашло отражение и в турецкой исторической литературе. В частности, его разделяют до сих пор современные турецкие буржуазные историки. Так, в изданном в 1933 г. третьем томе «Истории Турции» помещены исторические карты, согласно которым вся территория Западного Кавказа якобы даже в 1812 г. принадлежала Турции. (См. «Tarih», III, карта № 14).

[73] АКАК, I, № 522.

[74] П. Бутков. Указ. соч., т. II, стр. 503. Аналогичные инструкции были даны русскому посланнику в Константинополе А. Я. Италинскому. См. ВПР, стр. 287.

Именно поэтому император Александр I не хотел спешить с решением вопроса о присоединении Имеретии к России. 1 сентября 1802 г. он писал Кнорррингу: «Я никак не желаю дать сим поступком Порте Оттоманской повод к притязаниям или остуде и поручаю вам на будущее время в поведении вашем против царя (Соломона II.— *А. Ф.*) держаться сего правила...» [75]

Эту же мысль он внушал и Цицианову, заявляя, что «сохранение империи Турецкой в настоящем ее положении сходственно с пользой России» [76].

Однако это вовсе не значит, что данный вопрос не интересовал русское правительство. Уже 31 декабря 1802 г. Александр I напоминал Цицианову о необходимости «приобретения в подданство российское Имеретии с княжеством Дадиановским (Мегрельским.— *А. Ф.*) и Гуриельским, как только удобный случай к тому представится...» [77]

Таким «удобным случаем» вскоре явился конфликт между владетелем Мегрелии Григорием Дадиани и имеретинским царем Соломоном II. Последний потребовал возвращения захваченной ранее мегрельскими князьями области Лечхуми.

Расположенная в верховьях реки Цхенис-Цхали на стыке границ Имеретии, Сванетии и Мегрелии, эта область давно служила яблоком раздора между феодальными владетелями Западной Грузии.

Но на этот раз «Лечхумский вопрос» приобрел неожиданно крупное политическое значение.

Не желая уступать притязаниям царя Соломона II, Григорий Дадиани решил укрепить свои позиции, перейдя под покровительство России, и в марте 1803 г. вступил в переговоры с Цициановым. Вскоре его примеру последовал и владетель Абхазии Келеш-бек Шервашидзе [78].

Разумеется, Цицианов постарался использовать этот «удобный случай», рассчитывая, что переход Мегрелии и Абхазии под протекторат России сделает более уступчивым и Соломона II. Он уже разрабатывал обширные планы присоединения к России не только всей Западной Грузии,

---

[75] АКАК, I, № 743.
[76] АКАК, II, № 903.
[77] Там же, № 688.
[78] Там же, № 1045.

но и грузинской области Месхетии, входившей тогда в состав Ахалцихского пашалыка.

Правда, в Петербурге по-прежнему проявляли осторожность в этом вопросе, считая, что международная обстановка не позволяет немедленно приступить к полному осуществлению этих планов. Точка зрения русского правительства по этому поводу была изложена канцлером А. Р. Воронцовым в конфиденциальном письме на имя Цицианова от 17 августа 1803 г. Признавая «справедливость всех примечаний насчет польз от разных приобретений, в окрестностях Грузии и далее к югу... предполагаемых», Воронцов указывал, что имеются «препятствия, кои намерение такое встречает... относительно общей связи дел, долженствующей брать предпочтительное место над частными успехами...» Он подчеркивал, что «первый консул (Наполеон Бонапарт.— *А. Ф.*), не могши ввести нас в виды свои на подел империи Турецкой, ищет теперь отвлечь от нас доверенность Порты, чиня через посла своего внушения Министерству Турецкому на счет неискренности нашей...» «Поэтому,— продолжал Воронцов,— в настоящих обстоятельствах присоединение к России Ахалцихского пашалыка, хотя принесло бы существенную пользу краю, попечению вашему вверенному, было бы, однако же, противно общим интересам нашим, поелику французский в Константинополе посол не упустил бы сим случаем воспользоваться... и, устраша Порту на счет предприятий наших, заставить ее предаться в руки Первого консула...»

Рекомендуя «сохранять помышление... о приобретении Ахалциха... в непроницаемой тайне» и «оставить совершение оного течению времени», он советовал вместе с тем «заняться приведением в действо присоединения Имеретии и Мингрелии..., которые должны войти внутрь порубежной черты нашей...» [79]

При этом в отношении Имеретии Воронцов считал возможным действовать более энергично, поскольку А. Я. Италинский информировал его о том, что в Константинополь «прибыл от царя имеретинского посланец для исходатайствования покровительства от Порты Оттоманской», а допускать переход Соломона II в подданство султана в

---

[79] АКАК, II, № 1799.

Петербурге не хотели. 27 сентября 1803 г. Воронцов писал Цицианову: «Двоякость поведения царя Соломона, обнаруживающего замыслы и недоброжелательство к нам, соделывают более необходимым приобретение Имеретии, чрез которую и занятие Мингрелии легко учинится, а не менее нужно оно и к утверждению спокойного владения нашего в Грузии...» [80]

Точно так же и Александр I испытывал тревогу по поводу протурецких тенденций Соломона II, «искавшего предать себя и царство свое под покровительство и верховную власть России и в то же самое время просящего у Порты Оттоманской защиты».

На этом основании он приказывал «приостановить начатую негоциацию с... посланцем имеретинским» (князем Леонидзе.— *А. Ф.*) и разрешал Цицианову ввести русские войска в Имеретию, «если Соломон не исправит поведения своего...» [81].

Однако силы, которыми располагал Цицианов в Грузии, были недостаточны для того, чтобы развертывать активные действия одновременно в западном и восточном направлениях.

К концу 1803 г. в его распоряжении было всего восемь «некомплектных» пехотных полков, один драгунский и один казачий полк, что составляло менее 15 тыс. чел. пехоты и конницы при 24 орудиях [82].

Поэтому он решил сначала добиться определенных результатов в Восточном Закавказье, где очередной задачей, по его мнению, являлось присоединение Ганджинского ханства.

В начале декабря 1803 г. Цицианов с пятью батальонами пехоты и тремя эскадронами драгун при 11 орудиях двинулся к Шамхору, откуда направил ультиматум Джевад-хану, содержавший требование немедленной и безоговорочной капитуляции. Не получив положительного ответа, он подошел к Гандже, овладел предместьем и осадил крепость. Через месяц, 15 января 1804 г., Ганджа была взята штурмом, Джевад-хан при этом убит, а все его

---

[80] Там же, № 776. См. также ВПР, стр. 517.
[81] Рескрипт от 26 октября 1802 г. (см. там же, № 719—720).
[82] ЦГИАГ, ф. 4, оп. 1, № 969, л. 6. См. также «История русской армии и флота, вып. VI, стр. 38.

владения присоединены к России под именем «Елизаветпольского округа» [83].

Тем самым стратегический плацдарм, которым Россия обладала в Закавказье, был значительно расширен к востоку.

Однако, выражая благодарность Цицианову за «удовольствие, причиненное сим событием», Александр I настаивал на продвижении в западном направлении. «Я не сомневаюсь,— писал он,— что, обратясь теперь на Имеретию, не совершили бы вы с равным успехом присоединения царства сего к Российской империи. Устроив же чрез побережные владения Мингрелии сообщение с Тавридой, свяжете весь край крепчайшим узлом с метрополией...» [84]

Следуя этой директиве, Цицианов поспешил «обратиться на Имеретию». К этому времени переговоры с Григорием Дадиани уже были успешно завершены. Еще 14 декабря 1803 г. он подписал официальные «просительные пункты» и принес присягу «на верность престолу всероссийскому». На этом основании Цицианов в январе 1804 г. решил направить в Мегрелию Кавказский гренадерский полк. Однако Соломон II отказался пропустить его через свои владения.

Это послужило поводом для возобновления переговоров между Цициановым и царем Имеретии. Последний старался выиграть время, надеясь сохранить свой суверенитет и добиться более выгодных условий соглашения с русским правительством.

Следует отметить, что к этому времени среди имеретинской феодальной знати имелось немало сторонников присоединения к России. Одним из них был влиятельный князь Зураб Церетели.

В конце концов, после долгих колебаний Соломон II уступил и 7 мая 1804 г. подписал предъявленный ему Цицианом «присяжный лист» о переходе в «подданство России», согласившись тем самым на ввод русских войск в Имеретию и Мегрелию.

---

[83] ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 4258, лл. 52—60. Рапорт Цицианова от 22 января 1804 г.

[84] Рескрипт от 17 февраля 1804 г. Цит. по кн.: Н. Ф. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. IV, СПб., 1876, стр. 153.

Вслед за тем Цицианов поспешил «поздравить» как «нового верноподданного России» и владетеля Гурии Мамия Гуриели, мотивируя это ссылкой на то, что поскольку «царство Имеретинское имело счастье вступить в подданство... государя императора, то и провинция Гурия... долженствует по всегдашней зависимости своей от Имеретии... быть также в подданстве всероссийской державы...» [85].

Таким образом, весной 1804 г. почти вся Западная Грузия формально перешла под протекторат России. Не решен был вопрос лишь в отношении Абхазии.

Хотя Келеш-бек Шервашидзе и уверял, что он «никак не зависит от Блистательной Порты» [86], в русских дипломатических кругах учитывали, что в Стамбуле склонны были считать его вассалом султана более, чем кого-либо из других феодальных владетелей Западной Грузии. Во-первых, Келеш-бек был мусульманин, во-вторых, в свое время он утвердился в качестве владетеля Абхазии при поддержке Турции, в-третьих, его резиденцией была Сухумская крепость, где находился турецкий гарнизон.

Поэтому, несмотря «на выгоды приобретения его владения для России по местному оного положению», Воронцов советовал Цицианову «не спешить сим делом, которое предоставить можно до удобнейшего времени...». «Между тем,— добавлял он,— по опытности вашей в делах ожидаем мы, что если по вступлению войск наших в Мингрелию владелец Келеш-бек учинит вам формальное предложение поступить в подданство России, то в ответе вашем будете вы уметь согласить заботливость нашу не встревожить Порту и желание наше не лишить его всей надежности...» [87].

В итоге вопрос о присоединении к России Абхазии оставался пока открытым.

К тому же события, которые летом 1804 г. развернулись в Восточном Закавказье, отвлекли внимание Цицианова от «устроения дел» в Западной Грузии.

Обнадеженный военной помощью со стороны Англии, Фатх-Али-шах решился приступить к завоеванию Закавказья. Еще весной 1802 г. русским командованием в Гру-

---

[85] АКАК, II, № 1057.
[86] Там же, № 1045.
[87] Там же, № 2021.

зии были получены сведения о том, что шах «располагает непременно итти теперешнею весною на Грузию по усильному прошению грузинских царевичей, в Имеретии находящихся». Иметь Россию своим соседом в Закавказье Фетх-Али-шах не желал, рассматривая эту территорию как сферу своего влияния. Грузинских царей и князей он расценивал как своих вассалов. Присоединение Грузии к России он считал результатом «измены» Георгия XII. В послании к Соломону II шах заявлял: «Ведайте, что... земля грузинская есть часть самодержавного иранского владения..., а Георгий царь и его дети изменничеством и безумием привели малое количество войск российских для своей защиты и пособия и поставили в городе Тифлисе» [88].

Уверенный в поддержке местной феодальной знати, шах посылал фирманы Соломону II и грузинским царевичам и распространял через своих агентов воззвания к кавказским горцам с призывом «истребить русских гяуров».

В мае 1804 г. прибывший в Тифлис чрезвычайный посол шаха Якуб-бек предъявил Цицианову ультиматум с требованием немедленного вывода русских войск из Грузии. «Шахские области вы должны без малейшего предлога очистить...»,— говорилось в этом ультиматуме [89].

В мае 1804 г. сын и наследник шаха Аббас-Мирза во главе тридцатитысячного войска, состоявшего преимущественно из разношерстной иррегулярной конницы, переправился через Аракс и двинулся к Еревану, чтобы, присоединив ополчения ереванского и нахичеванского ханов, следовать дальше к границам Картлии (Карталинии).

Однако Цицианов успел опередить его. С отрядом, насчитывавшим до 4 тыс. чел. пехоты и конницы при 12 орудиях, он выступил навстречу противнику и 2 июля 1804 г. нанес первое поражение иранским войскам у стен Эчмиадзинского монастыря, а 11 июля, подступив к Еревану, овладел лагерем Аббас-Мирзы, заставив его поспешно отступить за Аракс.

Так началась русско-персидская война, еще более осложнившая военно-политическую обстановку на Кавказе.

В середине июля Цицианов приступил к осаде Еревана. Ему удалось отразить попытку иранских военачаль-

---

[88] АКАК, I, № 997. См. также ВПР, стр. 191.
[89] АКАК, II, № 1665.

ников деблокировать эту крепость, но взять ее он не смог. К концу месяца у него осталось под ружьем не более 2500 человек. Боеприпасы были на исходе. Солдаты голодали. Действующие в тылу русских войск на горных дорогах подвижные отряды персидской конницы нападали на транспортные колонны и захватывали обозы, направлявшиеся из Карталинии.

В своих донесениях и «всеподданнейших рапортах» Цицианов неоднократно жаловался, что при данной ситуации он не располагает силами для «занятия важнейших пунктов» в Имеретии и Мегрелии.

Между тем в Петербурге по-прежнему придавали большое значение «установлению безвозбранного сообщения Грузии с Тавридой». В результате для того, чтобы облегчить Цицианову решение этой важной задачи, император Александр I распорядился отправить из Крыма в Западную Грузию Белевский мушкетерский полк, который в октябре 1804 г. был перевезен на кораблях «Исидор» и «Михаил» из Севастополя к берегам Мегрелии и высажен в устье реки Хопи. Это была первая десантная операция русского флота на Черноморском побережье Кавказа.

Но, конечно, проблема обеспечения морских коммуникаций Грузии с Крымом еще не была этим решена в полной мере.

В распоряжении русского командования не имелось на берегах Западной Грузии ни одной удобной гавани. Батум и Поти находились в руках турок, а Сухум принадлежал владетелю Абхазии Келеш-беку Шервашидзе, который еще не состоял «в подданстве России».

Правда, при высадке Белевского полка в устье реки Хопи была сооружена пристань и наспех построено небольшое укрепление, получившее впоследствии название «Редут-Кале». Однако эта единственная русская «гавань» в Мегрелии не обладала необходимыми навигационными достоинствами. Открытый рейд не позволял задерживаться здесь парусным кораблям и не спасал их от непогоды. Так, 20 декабря 1804 г. здесь был разбит во время шторма корабль «Тобольская богородица», прибывший с грузом провианта и двумя ротами Белевского полка. Солдаты успели высадиться на берег, но 168 человек экипажа погибли. Потонуло и более тысячи пудов муки, находившейся в трюме.

Для того, чтобы прочно закрепиться на побережье Западной Грузии, надо было овладеть либо Поти, либо Сухумом.

Цицианов прямо заявлял: «Я нахожу пристань Поти столь нужною, что почитаю выгоднейшим приобретение сего одного пункта, нежели всей Мегрелии...» [90].

Александр I разделял это мнение, но требовал «изыскать для приобретения Поти такое средство, которое бы, не давая повода Порте к явному негодованию на нас, могло бы утвердить за нами место сие...» [91]. Следуя этому указанию, Цицианов пытался вступить в сепаратные переговоры с потийским пашой, но не добился никакого успеха.

Что касается Сухума, то судьба этой крепости зависела от дальнейшего развития отношений с владетелем Абхазии. Но как раз к концу 1804 г. эти отношения резко изменились в худшую сторону.

5 ноября 1804 г. умер владетель Мегрелии Григорий Дадиани. Его наследник и старший сын Леван, которому едва исполнилось десять лет, находился в это время в Абхазии, живя у Келеш-бека Шервашидзе в качестве «аманата» (заложника).

Вдова Григория Дадиани Нина потребовала его возвращения. Но Келеш-бек заявил, что он отпустит Левана только при условии, если вместо него Нина выдаст в заложники своего младшего сына и заплатит выкуп в размере 10 «кес» серебра, т. е. 1820 рублей [92].

Тогда «правительница» Мегрелии обратилась за помощью к Цицианову, который поручил статскому советнику Литвинову, выполнявшему роль русского резидента в Имеретии и Мегрелии, настоять на немедленном освобождении Левана. Однако Келеш-бек отклонил ходатайство Литвинова.

Узнав об этом, Цицианов в запальчивости забыл о рекомендованной ему осторожности в отношениях с владе-

---

[90] Н. Ф. Дубровин. Указ. соч., т. IV, стр. 168.

[91] Там же, стр. 279. Характерно, что царская дипломатия исходила при этом из того, что Поти «издревле составляя достояние княжества Мингрельского, не должна, кажется, числиться принадлежностью Порты». Так толковал данный вопрос министр иностранных дел А. А. Чарторыйский в письме к А. Я. Италинскому от 16 февраля 1804 г. (ВПР, стр. 617).

[92] АКАК, II, № 844.

телем Абхазии и направил последнему ультиматум следующего содержания: «Не могу верить дерзкому вашему поступку, а еще меньше предложениям вашим, чтоб за выдачу Левана, сына старшего и наследника Григория Дадиани, находящегося во всероссийском подданстве, вы требуете 10 кес и младшего его брата в аманаты. Или вы не знаете, что Мингрелия и дом Григория Дадиани вступили в вечное подданство е. и. в. всемилостивейшего государя государей и богом вознесенного императора Александра I, что оскорбление, причиняемое оному владетельному дому, относится на всемочную всероссийскую империю...

Итак, последний раз требую настоятельно от вас того, чтобы вы по получении сего тотчас в безвредном состоянии доставили Левана, сына покойного Григория Дадиани, или с. с. Литвинову, или ген. м. Рыкгофу, и тогда за содержание его получите 10 кес, в чем вас словом моим священным удостоверяю. Буде же того не сделаете или не скоро, то божусь богом, в которого верую, что камня на камне не оставлю, внесу огонь и пламень, и положу конец дерзаниям вашим...».

Характерно, что в заключение Цицианов все же счел нужным оговориться, что он не имеет целью нарушить нормальные отношения с Турцией, и даже обвинил Келеш-бека в том, что именно его поведение якобы противоречит «твердому союзу, между двумя высокославными империями существующему» [93].

Конечно, резкий и оскорбительный тон этого послания отнюдь не способствовал ни сближению владетеля Абхазии с Россией, ни укреплению русско-турецких отношений.

Кроме того, положение осложнилось еще и тем, что как раз в это время в Поти прибыл из Константинополя специальный эмиссар турецкого султана Сеид-Ахмед-Эриб-эфенди, которому было поручено выяснить на месте, в какой степени действия русского командования в Западной Грузии затрагивают интересы Турции.

Известие о приезде этого турецкого сановника сразу же охладило воинственный пыл Цицианова, опасавшегося

---

[93] АКАК, II, № 971. Письмо Цицианова Келеш-беку Шервашидзе от 2 февраля 1805 г.

теперь, что его грубый выпад против владетеля Абхазии явится поводом для дипломатического конфликта с Турцией. Он тотчас предписал Литвинову заверить нежданного гостя, что присоединение к России Имеретии и Мегрелии и пребывание русских войск в Западной Грузии ни в какой мере не угрожает турецким владениям на кавказском побережье Черного моря.

Встретившись с Эриб-эфенди, Литвинов постарался рассеять его сомнения по поводу намерений русского командования, а затем обратился к нему с просьбой повлиять на Келеш-бека Шервашидзе в отношении выдачи Левана Дадиани. Эта учтивая просьба, с одной стороны, как бы являлась выражением признания зависимости Абхазии от Турции, а с другой, несомненно, льстила личному самолюбию турецкого дипломата.

В результате Эриб-эфенди не только отказался от предъявленных было Литвинову претензий по поводу вступления русских войск в Западную Грузию, но даже оставил ему письмо на имя Келеш-бека, в котором рекомендовал последнему выполнить требование Цицианова. Письмо это было, конечно, немедленно отправлено в Сухум, причем, не дожидаясь ответа от Келеш-бека и не опасаясь теперь вмешательства со стороны Турции, Цицианов решил «подкрепить сие военною рукою», приказав командиру Белевского полка генерал-майору Рыкгофу «произвести диверсию» на границе Абхазии.

9 апреля 1805 г. Рыкгоф с тремя ротами своего полка подошел к расположенной в устье реки Ингур (Ингири) старинной крепости Анаклия, в которой находился небольшой гарнизон, состоявший из турок и абхазов.

Возникла перестрелка. Один русский солдат был убит. Не долго думая, Рыкгоф приказал атаковать крепость. В тот же день Анаклия была взята штурмом.

Чрезмерное усердие Рыкгофа обеспокоило Цицианова, тем более что 14 апреля Келеш-бек выдал Левана Дадиани, и, таким образом, захват Анаклии ничем не мог быть оправдан.

Докладывая царю об этом событии, Цицианов всячески старался доказать, что виновником «сего нечаянного происшествия» является генерал Рыкгоф, который якобы, «неизвестен будучи о политических наших обращениях с Портою..., взял пристань Анаклию, хотя и принадлежа-

щую Келеш-беку, но состоящую в зависимости от Порты и имеющую в себе турецкий гарнизон...» «Стараясь поправить сие дело, без воли моей случившееся,— писал Цицианов,— я предписал генерал-майору Рыкгофу... тотчас сдать крепость турецкому начальнику...» [94].

Инцидент с Анаклией вызвал тревогу в Петербурге. В этс время русский посланник в Константинополе А. Я. Италинский вел переговоры о возобновлении и расширении союзного договора с Турцией, и подобного рода инциденты были весьма нежелательны.

В рескрипте на имя Цицианова от 28 июня 1805 г. Александр I писал по этому поводу: «С прискорбием узнал я неприятное происшествие, при выручке мингрельских депутатов случившееся, за коим воспоследовало взятие г. Анаклии г.-м. Рыкгофом, который, вопреки ваших приказаний, поступил на сию меру строгости, несообразную с взаимным дружеством, между Россией и Портой существующим..., и по неосмотрительности своей взял Анаклию вооруженной рукой. В том же рапорте вы доносите, что дано от вас приказание ген.-м. Рыкгофу, чтобы он немедленно сдал упомянутому Келеш-беку нечаянно и по ошибке взятый им г. Анаклию. Но как из последних донесений ваших не видно, приведено ли в действо данное вами приказание..., повелел я отправить копию с сего рескрипта прямо к ген.-м. Рыкгофу с тем, чтобы, не дожидаясь по команде вашего повеления, тотчас возвратил Анаклию и вывел оттуда российские войска, буде сего еще не сделал...» [95].

Одновременно из Министерства иностранных дел было дано указание Италинскому «объясниться с Портой» по поводу инцидента с Анаклией и «успокоить ее», заверив, что «сие совершено нечаянно и по ошибке» [96]. В результате Анаклия была возвращена Келеш-беку Шервашидзе, а турецкое правительство удовлетворилось принесенными Италинским извинениями.

23 сентября 1805 г. между Россией и Турцией был заключен новый союзный договор сроком на девять лет,

---

[94] АКАК, II, № 995. Рапорт Цицианова от 24 апреля 1805 г.
[95] АКАК, II, № 525.
[96] Там же. Письмо Италинского к Литвинову от 30 июня 1805 г.

важнейшим пунктом которого являлось взаимное обязательство о совместной обороне черноморских проливов [97].

Заключение этого договора накануне войны с наполеоновской Францией, несомненно, являлось крупной победой русской дипломатии, хотя ради нее и пришлось пожертвовать тем, что А. Р. Воронцов называл в цитированном выше письме Цицианову «частными успехами».

Согласившись подписать этот договор, турецкое правительство признало де-факто присоединение к России Имеретии и Мегрелии, но зато и Александр I вынужден был отказаться от новых территориальных приобретений на Черноморском побережье Кавказа. Маленькое укрепление Редут-Кале с его размытым проливными дождями земляным бруствером и насыпях сколоченной, разрушаемой морским прибоем деревянной пристанью по-прежнему оставалось единственной отдушиной, через которую Грузия сообщалась с портами Крыма и Южной России.

Воспользовавшись некоторой стабилизацией положения в Западной Грузии, Цицианов решил добиться выхода к Каспийскому морю.

Еще в ходе летней кампании 1805 г., отразив новое наступление войск Аббас-Мирзы, он достиг значительных успехов в Восточном Закавказье, присоединив территорию Шурагельского султаната и добившись перехода в подданство России ханов Карабахского, Шекинского и Ширванского.

Шурагельская область находилась на стыке иранских и турецких владений, будучи расположена между Ереванским хребтом и Карсским пашалыком. Поэтому занятие ее русскими войсками имело большое стратегическое значение.

С одной стороны, Шурагельский плацдарм прикрывал южные подступы к Карталинии (Картлии), а с другой, мог быть использован для подготовки наступательных операций — как на ереванском направлении (в ходе войны с Персией), так и на карсском направлении (в случае войны с Турцией).

Что касается трех названных выше азербайджанских ханств, то через их территорию издавна проходили важ-

---

[97] К. В. Базилевич. О черноморских проливах. М., 1946, стр. 14.

нейшие караванные пути из Тифлиса к берегам Каспия, что и определяло их важную роль в стратегических замыслах Цицианова. В декабре 1805 г. он с отрядом в 1600 чел. при 10 орудиях выступил из Ганджи и, продвигаясь по долине Куры, подошел к Баку.

Десять лет назад ему пришлось быть комендантом этой крепости. Теперь он явился сюда в качестве «сардаря» — наместника царя, облеченного всей полнотой власти в пределах обширного только что завоеванного края.

Честолюбивый и падкий на низкую лесть, Цицианов охотно разыгрывал роль всесильного сатрапа, высокомерно и пренебрежительно обращаясь с раболепствующими перед ним местными феодалами. Именно так он вел себя и в переговорах с бакинским ханом, хотя последний держался с бóльшим достоинством, чем некоторые другие вассалы иранского шаха.

Ожидая от него «изъявления покорности» и безоговорочной капитуляции, Цицианов обнаружил чрезмерную самоуверенность, заставившую его пренебречь осторожностью. Выехав 18 февраля 1806 г. почти без конвоя для свидания с бакинским ханом и спешившись у самых крепостных ворот, он был убит одним из ханских нукеров, который выстрелил ему в затылок из пистолета, а затем отсек кинжалом его пробитую пулей голову.

Смерть Цицианова вызвала некоторое замешательство в кругах русского командования на Кавказе и послужила поводом для активизации враждебных России элементов среди местной феодальной знати.

Правда, спустя полгода Баку и Дербент были заняты русскими войсками, а попытки агентов шаха поднять восстание в Шекинском и Ширванском ханствах потерпели неудачу, но все же положение в Северном Азербайджане оставалось крайне напряженным, и новая коммуникация, связывающая Грузию с Россией через Каспийское море, отнюдь не могла считаться надежно обеспеченной. Русско-персидская война продолжалась, и Фатх-Али-шах по-прежнему не желал отказываться от своих притязаний на Восточное Закавказье и Дагестан.

В то же время изменилась к худшему и международная обстановка. Военные и политические неудачи, которые постигли русский царизм в 1805 г. в борьбе с Францией,

распад Третьей коалиции и победы Наполеона под Ульмом и Аустерлицем подорвали престиж России и в глазах властителей восточных стран. Под влиянием наполеоновской дипломатии правящие круги Турецкой империи решили использовать создавшуюся ситуацию для восстановления своей гегемонии в районе Черного моря и возвращения утраченных там ранее позиций.

С весны 1806 г. турецкие власти стали чинить препятствия проходу русских торговых судов через проливы. В августе султан Селим III сместил господарей Молдавии и Валахии, хотя, согласно русско-турецкому соглашению 1802 г., они назначались на семь лет и могли быть сменены только с ведома русского правительства. Правда, когда в ответ на это в Дунайские княжества были введены русские войска, султан отменил указ о смещении господарей, но дать заверения относительно свободы навигации в проливах отказался, ультимативно потребовав от Александра I очищения Молдавии и Валахии.

30 декабря 1806 г. Селим III официально объявил России войну.

Так Закавказье стало ареной новой войны, помимо той, зарево которой все еще стояло над Араксом.

Оценивая в 1854 г. Кавказский театр военных действий, Ф. Энгельс подчеркивал, что «Турецкая провинция Армения находится с одной стороны границы, русская провинция Грузия — с другой... Эрзерум — с турецкой стороны, Тифлис — с русской являются двумя непосредственными операционными базами, от обладания которыми зависит обладание всей прилегающей областью... Но что для одной стороны является операционной базой, для другой является прямой целью операции, и поэтому дороги, которые связывают Тифлис и Эрзерум, станут операционными линиями для обоих противников...» [98].

Действительно, основными операционными направлениями в Закавказье всегда являлись направления, выводившие русских к Эрзеруму, а турок к Тифлису.

Таких направлений было три. Самое с е в е р н о е вело к Эрзеруму через Ахалцихе, Артаани (Ардахан) и Олтиси (Ольты), ц е н т р а л ь н о е — через Карсскую и Пассин-

---

[98] Ф. Э н г е л ь с. Избранные военные произведения, т. II. М., 1936, стр. 30.

скую равнины и, наконец, ю ж н о е — через Баязет, Алашкерт и Кара-Дербентский проход.

Но решающее значение имели к а р с с к о е и а х а л ц и х с к о е направления. Оба они должны были привлечь к себе главные силы воюющих сторон и послужить ареной сражений, от исхода которых зависела на данном этапе судьба Грузии и соседних с ней областей Закавказья.

Первые сведения о военных приготовлениях турок на кавказской границе были получены в Тифлисе в июне 1806 г. Находившийся в укреплении Гюмри генерал Нечаев сообщал, что, по слухам, в пограничных пашалыках турецкие власти объявили сбор ополчений [99].

Спустя три месяца, подтверждая эти сведения, русский агент Аршаков (Аршакян) доносил, что 25 сентября из Эрзерума прибыло 65 повозок, нагруженных «бомбами» («на каждой по 16 бомб»), и 25 арб с порохом и свинцом, а также ожидается «250 палаток и 20 малых пушек». «Все то приуготовляется не в одном Карсе,— писал он,— но также в Баязете, в Муше и в Ахалцихе, и обо всем четырем пашам предписано быть в готовности секретно со всеми войсками». В этом же донесении Аршаков упоминал что турецкие чиновники рассказывают, будто «Наполеон обещал возвратить султану Крым» и другие земли. прежде ему принадлежавшие» [100].

Вскоре тот же Аршаков лично побывал в Карсе, где сам видел, как туда привезли 150 палаток для устройства лагеря и «множество пороху и свинцу». При этом он снова подчеркивал, что боеприпасы и снаряжение «заготовляются во всех городах, как здесь (т. е. в Карсе.— *А. Ф.*), так и в Эрзеруме и в других местах в знатном количестве» [101].

Весьма характерным являлось также и последовавшее в октябре 1806 г. распоряжение турецких властей о запрещении продавать хлеб русским провиантским комиссионерам, которые до сих пор пользовались этим правом на территории Карсского пашалыка.

Все эти факты говорят о том, что правительство султана развернуло подготовку к войне в районах,

---

[99] АКАК, III, № 917. Донесение Аршакова от 5 октября 1806 г.
[100] Там же, № 792. Донесение от 2 ноября 1806 г.
[101] Там же.

примыкавших к кавказской границе, почти за полгода до официального разрыва с Россией. При этом оно уделяло особое внимание вопросам боевого питания и артиллерийского снабжения, заботилось об устройстве лагерей для размещения войск, приводило в готовность полевую артиллерию. В отношении заготовки провианта оно особенно не беспокоилось, поскольку местные ресурсы пограничных пашалыков вполне обеспечивали потребности войск, и не только в крепостях, но почти в каждом большом селении имелись склады, где хранились неприкосновенные запасы [illegible] собранного в порядке хлебной подати — «бахры», или «десятины». Кроме того, турецкие паши рассчитывали вести войну на территории противника, где, по их представлениям, вопросы продовольственно-фуражного снабжения войск разрешались весьма просто — за счет неограниченного грабежа местного населения. По этой же причине они не слишком обременяли себя заботой об инженерной подготовке театра военных действий в пределах пограничных пашалыков. Только в конце 1806 г. они приступили к усовершенствованию оборонительных сооружений старых крепостей, запиравших главные операционные направления. Так, лазутчики доносили, что «турки спешат укрепить Ахалцих и вывозят на стены все орудия» [102]. Были также усилены крепостные гарнизоны [103]. Что же касается приведения в боевую готовность полевых войск, то в этом отношении было сделано очень мало.

Начатое летом формирование ополчений было затем приостановлено, поскольку официального объявления войны до наступления зимы не последовало, а держать до весны в лагерях значительные массы иррегулярных войск местные паши не считали возможным, равно как и начинать военные действия на Кавказе в зимних условиях. В результате фирман султана от 30 декабря 1806 г., провозгласивший «священную войну» против России, застал их почти врасплох.

Конечно, эрзерумский сераскир Зия-Юсуд-паша, который являлся одновременно главнокомандующим вооруженными силами Турции на Кавказском театре, немед-

---

[102] АКАК, III, № 242. Рапорт генерала Рыкгофа от 1 февраля 1807 г.

[103] Там же, № 333.

ленно обязал всех подчиненных ему пашей приступить вновь к формированию ополчений. Но он и сам, очевидно, понимал, что открытие военных действий в Закавказье придется отложить до весны, так как сбор ополчений и сосредоточение полевых войск, состоявших преимущественно из иррегулярной конницы, в условиях многоснежной и суровой зимы является делом почти немыслимым.

Поэтому не случайно в перехваченном русской разведкой его письме на имя Сурхай-хана Казикумыкского он извещал последнего, что выступит «в поход на Тифлис» в день Науруза, т. е. 22 марта [104].

К этому времени Юсуф-паша надеялся собрать в Эрзеруме до 25 тыс. иррегулярных войск и получить в свое распоряжение 4 тыс. янычар, которых он «испрашивал у султана» [105]. Всего же вместе с ополчениями, собранными карсским и баязетским пашами, он предполагал сосредоточить в пограничных районах «Турецкой Армении» до 50 тыс. чел. пехоты и конницы [106].

Как видно, главный удар турецкий главнокомандующий намечал нанести из района Карса через Шурагель и Борчало на Тифлис.

Правда, одно время распространились слухи о том, что он «с 45-тысячным корпусом собирается прибыть из Эрзерума в Ахалцих», чтобы оттуда предпринять вторжение в Картлию через Боржомское ущелье [107], но подобный вариант являлся трудновыполнимым и потому маловероятным.

Большего внимания заслуживали сообщения русских разведчиков о том, что «имея целью учинить на Грузию нападение, эрзерумский сераскир будет следовать с 50 000 к Тифлису, а ахалцихский паша через Триалети в Карталинию...» [108].

Ахалцихский плацдарм турецкое командование, очевидно, имело в виду использовать для подготовки вспомо-

---

[104] АКАК, III, № 921.

[105] Там же, № 1016. Донесение Аршакова от 12 февраля 1807 г.

[106] Там же, № 805. Отношение Гудовича к Будбергу от 16 февраля 1807 г.

[107] Там же, № 242. Рапорт генерала Рыкгофа от 13 февраля 1807 г.

[108] Там же, № 932. Рапорт полковника Штауде из Сурами от 25 февраля 1807 г.

гательного удара либо в направлении Боржоми, Сурами, чтобы отрезать Западную Грузию, либо в направлении Ахалкалаки, Цалка, Манглиси для соединения с главными своими силами на подступах к Тифлису.

В январе 1807 г. в районе Ахалцихе, Ацкури отмечено было сосредоточение турецких войск численностью до 5 тыс. человек [109].

Разработанного заранее единого стратегического плана предстоящей кампании на Кавказском театре у турецкого командования, конечно, не было. Однако в соответствии с политическими целями, которые преследовали правящие круги Турции, развязывая войну с Россией, они готовились одновременно с походом на Тифлис предпринять вторжение и в Западную Грузию. При этом наряду с формированием ополчений в Аджарии и Чанетии (Лазистане), а также усилением гарнизонов Батума и Поти принимались меры и в отношении политического обеспечения будущих операций.

По-видимому, до Константинополя дошли слухи о переговорах, которые велись в свое время между Цициановым и потийским пашой Мамед-ага, ибо в октябре 1806 г. последний был арестован по обвинению в «измене» прибывшим из Трапезунда с 40 янычарами Кючук-беем, который и вступил затем в обязанности коменданта Потийской крепости [110].

Кроме того, особое внимание уделяло в этот период турецкое правительство Абхазии. К этому времени когда-то признававший себя вассалом султана абхазский владетель Келеш-бек Шервашидзе давно уже фактически стал независимым и явно придерживался русской ориентации. Было очевидно, что протекторат султана над Абхазией является чистейшей фикцией и что в случае войны между Турцией и Россией Келеш-бек скорее откроет ворота Сухумской крепости русским войскам, чем предоставит ее в качестве базы для турецкого флота.

Поэтому накануне войны правительство султана решило устранить Келеш-бека и вновь захватить Сухум, использовав эту приморскую крепость с ее обширной бухтой как промежуточный опорный пункт, обеспечивающий

---

[109] АКАК, III, № 932.

[110] Там же, № 327. Рапорт полковника Попова из Редут-Кале от 11 ноября 1806 г.

сообщение между Поти и Анапой — двумя главными турецкими базами на Кавказском побережье Черного моря. Поводом для этого послужило то, что осенью 1805 г. Келеш-бек предоставил в Сухуми убежище бежавшему из Трапезунда Таяр-паше, поднявшему мятеж против султана.

Для того чтобы подготовить почву для вооруженного вмешательства, военачальники султана попытались разжечь в Абхазии феодальную междоусобицу, восстановив против Келеш-бека некоторых его вассалов. Об этом свидетельствует послание визиря Абдуррахмана к абхазским тавадам Маан и Дзяпш-ипа, в котором говорилось: «Перед сим отправлен будучи с фирманом моего государя государей к сухумскому владетелю Келеш-беку для отсечения и отвезения головы изменника Таяр-паши, я уведомил его о сей воле государя... А как высочайшее повеление не исполнено... от безумия Келеш-бека..., первый визирь изустно приказал объявить вам милость государя, что... если соберетесь вместе и того законопреступника достанете в руки и, не давая ему случая уйти, отрежете голову и доставите ко мне, то из трапезундской таможни отпускаемо будет вам ежегодно по 5 кес» (510 рублей серебром.— *А. Ф.*) [111]. Подстрекая таким образом абхазских феодалов против владетеля, визирь обнадеживал их, что «через короткое время имеют собраться войска..., и мы с большими кораблями и фрегатами отправимся... для наказания Келеш-бека».

Однако последний сумел потушить искры мятежа, которые пытались раздуть агенты султана, а когда 6 августа 1806 г. у берегов Абхазии появилась турецкая флотилия, он встретил интервентов во главе 25-тысячного ополчения, собранного в окрестностях Сухума. Об этом событии находившийся по соседству в Мегрелии русский генерал Рыкгоф рапортовал по начальству в следующих выражениях: «Флотилия турецкая, состоящая из трех военных и восьми гребных судов для наказания Келеш-бека мимо укрепления нашего, возведенного при устье р. Хопи, прошла к Сухуму... Келеш-бек себя к встрече с байкадаром совершенно успел приуготовить и, собравши 25 000-ный корпус, составленный из черкес и абазинцев, имел намерение

---

[111] АКАК, II, № 1796.

защищаться, доколе будет возможно, и есть надежда, что стены Сухума и знатное число войск его не выдадут...» [112].

Действительно, «байкадар», командовавший флотилией, не решился приступить к высадке десанта и «благородно ретировался», не сделав ни одного выстрела. Так, несмотря на все усилия, попытка военачальников султана захватить Сухумскую крепость и утвердиться на берегах Абхазии не увенчалась успехом.

Тем не менее Турция обладала на Кавказском театре значительными стретегическими преимуществами. Главным из них являлось то, что турецкие войска имели более короткие коммуникации и более широкую операционную базу. Наоборот, русские войска, имея растянутые и ненадежные коммуникации и ограниченную базу в Закавказье, вынуждены были действовать по расходящимся направлениям, что неминуемо приводило к раздроблению сил. В этих условиях оборонительные мероприятия не только не давали никакого эффекта, но могли привести к самым гибельным последствиям. Для наступательных же операций русские военачальники не располагали в Закавказье необходимым количеством дивизий. Занятое укреплением обороны западных границ империи в ожидании новой фазы борьбы с наполеоновской Францией в Европе, высшее русское командование могло выделить для защиты Грузии лишь самую незначительную часть своих сил. Хотя численность русских войск в Закавказье к 1806 г. и достигла 20 тыс. чел. [113], но этого было совершенно недостаточно для того, чтобы вести здесь одновременно войну с Персией и с Турцией.

Командиры дислоцированных на Кавказе полков постоянно жаловались на «некомплект в людях», достигавший 20—25 процентов штатной численности бойцов. Причиной этого «некомплекта» были, конечно, не только значительные потери в людях за счет убитых и умерших от ран и болезней, но и ограниченные возможности пополнения рекрутами.

Можно представить, какие трудности приходилось преодолевать рекрутам, «назначенным в полки, в Грузии рас-

---

[112] АКАК, III, № 355. Рапорт генерала Рыкгофа от 11 августа 1806 г.

[113] В 1800 г. здесь насчитывалось всего 3 тыс., а в 1804 г. 15 тыс. русских войск (ЦГИАГ, ф. 4, оп. 1, д. № 969, л. 6).

положенные», на пути от Воронежа или Тамбова до Тбилиси. Долгие месяцы брели они по пыльным степным дорогам или месили босыми ногами грязь на размытых осенними дождями «проселках», и, конечно, далеко не все из них добирались до того «погибельного Кавказа», ради которого «во субботу, день ненастный» их заставили покинуть родную деревню.

Так, летом 1804 г. после настойчивых просьб «главноуправляющего» Грузией князя Цицианова туда были направлены 1616 рекрутов. Однако 30 декабря того же года Цицианов жаловался, что «назначенные на укомплектование полков рекруты еще не достигли своих полков, оставив на тысячеверстном пути от Грузии 997 больных» [114].

Следовательно, только 40 процентов направляемых в Закавказье рекрутов прибывали к месту назначения.

Кроме того, несмотря на участившиеся рекрутские наборы, на доукомплектование кавказских полков выделялось с каждым годом все меньшее количество молодых солдат, ибо главное внимание правительство обращало на обеспечение резервами тех армий, которые прикрывали западную и юго-западную границу.

Поэтому не удивительно, что прибывавшие из России пополнения не могли возместить потери кавказских войск. Отмечая, что «некомплект в людях простирается до 4 тыс. человек», новый главнокомандующий на Кавказе генерал Гудович (сменивший убитого Цицианова) писал в 1806 г., что «войска в Грузии так затасканы, что едва ли из настоящего регулярства не вышли» [115].

Действительно, не получая своевременно свежих подкреплений, эти войска были крайне утомлены беспрерывными походами.

Отражая набеги на Грузию горцев, они уже третий год вели затяжную войну с Персией. Совершая изнурительные марши в безводных азербайджанских степях, преодолевая скалистые хребты Карабаха и Сомхетии, неся бессменно гарнизонную службу в маленьких крепостишках, фактически почти всегда блокированных противником, они не только не знали отдыха, но и не имели возможности привести себя в порядок, чтобы подготовиться должным

[114] Всеподданнейший рапорт князя Цицианова от 30 декабря 1804 г. Цит. по указ. соч. Н. Ф. Дубровина, т. IV, стр. 367.
[115] АКАК, III, № 423.

образом к очередной «экспедиции». Лишения, которые приходилось им испытывать в походах, и трудности, с которыми они встречались в боевой обстановке, усугублялись, кроме того, отсутствием регулярного снабжения. Кавказский солдат никогда не получал в срок нового обмундирования и нередко ходил в лохмотьях, тем более что тесный мундир и белые «панталоны» совсем не были пригодны для того, чтобы карабкаться в них по скалам или пробираться сквозь лесную чащу.

Постоянно испытывали кавказские войска недостаток в оружии и боеприпасах, не имея в достаточном количестве даже обыкновенных кремневых ружей. Не случайно на вооружении кавказской пехоты состояли ружья различных систем и калибров, включая английские и французские, захваченные в качестве трофеев у иранских сарбазов. Встречались здесь еще и старые «екатерининские» кремневки, которые в остальной русской армии уже давно были заменены ружьем образца 1798 г.

Но больше всего терпели русские войска в Закавказье от недостатка продовольствия. «Во все мое пребывание в Грузии,— писал Цицианов,— меньше я опасался неприятеля, нежели сего обстоятельства, до продовольствия относящегося...» [116]. В 1799 г. снабжение русских войск, вступивших в Грузию, было возложено на двух «комиссионеров», в ведении которых находились сначала два (в Гори и Тбилиси), а затем еще семь провиантских магазинов. В 1806 г. было создано «Грузинское провиантское комиссионерство», насчитывавшее 13 комиссионеров и несколько десятков других чиновников — смотрителей магазинов, счетчиков, вахтеров и пр.

Годовая потребность в продовольствии, разумеется, возрастала по мере увеличения численности русских войск в Закавказье: в 1800 г. она определялась в 6360 четвертей муки и 1192 четверти крупы, а в 1806 г.— в 60 тыс. четвертей муки и 12 тыс. четвертей крупы [117]. Но не более 20—25 процентов этой потребности удовлетворялось за счет хлебных грузов, доставляемых из Астрахани (через Баку),

---

[116] ЦГИАГ, ф. 4, оп. 1, д. № 964, л. 19. Отношение князя Цицианова к астраханскому губернатору князю Тинейшеву от 29 ноября 1805 г.

[117] Там же, л. 11—12. Отчет о деятельности интендантского ведомства на Кавказе за 1800—1812 гг.

а также из крымских и приазовских портов (через Редут-Кале). Основная же масса необходимого для снабжения войск продовольствия заготавливалась провиантскими комиссионерами на месте, преимущественно в Грузии, либо в порядке сбора натуральных («царских») податей, либо закупкой по твердым ценам [118], которые устанавливались «совершенно произвольно в половину и даже в четверть против местных (рыночных.— *А. Ф.*) цен», а «раскладка производилась в виде реквизиции без соображения средств и урожая» [119].

Подобная система заготовки провианта и снабжения войск продовольствием открывала безграничный простор для хищничества и лихоимства интендантов, которые не только самым беззастенчивым образом грабили грузинских крестьян, но и обкрадывали вверенных их «попечению» русских солдат.

В 1805 г. Цицианов писал: «К совершенному моему несчастью, в три года здешнего моего пребывания не могу иметь порядочного провиантского чиновника: один под судом умер, другой ныне под судом находится с двумя младшими его чиновниками, третий — управляющий, хотя и чище двух первых, но... недеятелен» [120]. А в 1808 г. назначенный старшим комиссионером чиновник Болецов доносил главнокомандующему генералу Гудовичу, что «дела Грузинского комиссионерства застал в полном запущении — денежной отчетности не представлялось с 1803 года» [121]. К концу 1805 г. в провиантских магазинах Закавказья недоставало 16 тыс. четвертей муки, что составляло 25 процентов годовой потребности, и Цицианов откровенно признавался, что «с 1 января (1806 г.— *А. Ф.*) пять полков пехоты и три конных должны с голоду умереть» [122]. После всего этого надо ли удивляться, что приехавшему в Грузию Гудовичу находившиеся там русские войска

---

[118] За период 1806—1809 гг. из Астрахани было доставлено 61 843 четверти муки и 5419 четвертей крупы, а через Редут-Кале 23 889 четвертей муки и 1620 четвертей крупы. В то же время в Грузии было закуплено 230 676 четвертей муки и 10 855 четвертей крупы и собрано податного хлеба 43 860 четвертей (там же, л. 28).

[119] А. Г. Чавчавадзе. Указ. соч., стр. 310.

[120] ЦГИАГ, ф. 4, оп. 1, д. № 964, л. 19.

[121] Там же, л. 28.

[122] Там же, л. 17. Письмо князя Цицианова полковнику Портнягину от 6 декабря 1805 г.

показались «затасканными» и утратившими внешний облик регулярной армии.

Когда Александр I после гибели Цицианова решил назначить главнокомандующим в Грузию графа Гудовича, он, несомненно, исходил из того, что этот семидесятилетний генерал уже имел в прошлом довольно солидный стаж боевой службы на Кавказе. Действительно, в послужном списке Ивана Васильевича Гудовича была отмечена и его деятельность на посту начальника «Кавказской линии», и руководство «Анапской экспедицией» 1791 г., и участие в «Персидском походе» 1796 г.

Однако, посылая вновь на Кавказ этого престарелого военачальника «екатерининских времен», царь несколько переоценил его личные достоинства [123] и не вполне учел, что политическая и стратегическая обстановка на Кавказском театре стала теперь гораздо более сложной, чем десять лет назад. И хотя Гудович считался «кавказским ветераном» и не прочь был сам при случае подчеркнуть, что «знает Кавказ лучше всех», ему пришлось сразу же по приезде в Тифлис (в июле 1806 г.) столкнуться с такими серьезными трудностями, для преодоления которых у него не хватало ни опыта, ни знания местных условий, ни военных и дипломатических способностей.

Едва успел он приступить к операциям против карабахского и шекинского ханов, чтобы закрепить успехи своего предшественника в Азербайджане, как получил письмо от управляющего Министерством иностранных дел барона Будберга, который предупреждал его, что «расположения к нам Порты Оттоманской час от часу становятся менее надежными, и с вероятностью ожидать должно, что решительность оной воспоследует от побуждений Французского правительства» [124]. Таким образом, почти сразу же по прибытии в Грузию Гудович был поставлен перед перспективой войны на два фронта — против Персии и Турции. Будберг от имени правительства требовал от него «не допустить турок соединиться с персиянами» и подчеркивал, что «достижение сей первоначальной цели

---

[123] Военный историк В. А. Потто писал о Гудовиче, что «преклонные годы... развили теневые стороны его характера — гордость, тщеславие и самонадеянность» («Утверждение русского владычества на Кавказе», т. I. Тифлис, 1904, стр. 251).

[124] АКАК, III, № 907. Отношение Будберга от 30 августа 1806 г.

весьма важно для дальнейших наших действий военных и политических». Он внушал новому главнокомандующему на Кавказе, что мир с Персией «весьма нужен, чтобы иметь развязанные руки на случай войны с Портой Оттоманской и чтобы самих персиян обратить против турок, буде сие возможно» [125].

Гудович и сам, конечно, понимал необходимость избежать войны на два фронта. «Желательно бы было,— писал он,— чтобы сделать мир с Персией, ибо с малым числом войск, что я имею, поворачиваться в две стороны противу вооружений сильных трудно мне будет...» [126]. Но «сделать мир с Персией», а тем более склонить Баба-хана на сторону России в случае русско-турецкой войны оказалось не так легко.

В октябре 1806 г. Гудович попытался вступить в переговоры с Фатх-Али-шахом, отправив в Тегеран своего адъютанта майора Степанова с предложением немедленно заключить перемирие, установив демаркационную линию по реке Аракс. При этом он поручил своему уполномоченному заверить шаха, что если тот примирится с Россией и окажет ей поддержку в борьбе с Турцией, то сможет компенсировать себя за счет «Турецкой Армении», присоединив к своим владениям Баязет, Карс и Эрзерум [127].

Однако, даже несмотря на эти заманчивые обещания, Фатх-Али-шах не захотел отказаться от своих притязаний на Северный Азербайджан и Грузию. Конечно, немалую роль сыграло здесь и влияние агентов Наполеона, усиленно трудившихся в это время над созданием ирано-турецкого блока. В результате к моменту разрыва с Турцией Россия продолжала находиться в состоянии войны с Ираном, и Гудовичу волей-неволей пришлось, как он выражался, «поворачиваться в две стороны», что, разумеется, не могло не отразиться на его стратегии.

Столь же неудачными оказались и другие дипломатические акции Гудовича, направленные к тому, чтобы привлечь на сторону России отдельных турецких пашей, использовав свойственные им сепаратистские тенденции.

---

[125] ЦГИАГ, ф. 4, оп. 1, д. № 446, л. 1. Отношение Будберга от 26 ноября 1806 г.

[126] АКАК, III, № 805. Отношение Гудовича от 28 февраля 1806 г.

[127] ЦГИАГ, ф. 4, оп. 1, д. № 446, л. 2.

Еще в августе 1806 г., извещая Гудовича, что «настает нужда держать в крайней осторожности границы наши, прилежащие к турецким владениям», Будберг писал ему: «Весьма бы полезно было сблизиться с турецкими пашами, сопредельными с Грузией. Судя по независимости, коей пользуются сии паши, от Порты отдаленные, не без основания надеяться можно, что даже в случае разрыва они не перестанут сохранять к нам некоторое дружественное расположение» [128].

Как видно, в Петербурге возлагали большие надежды на успех подобной политической акции, ибо через месяц Будберг снова напоминал, что «не менее нужно стараться проибрести доверенность и добрые расположения пограничных пашей турецких, которые, не взирая на повеления, от Порты получаемые, могут оказывать нам важные услуги, пользуясь независимостью, в коей они находятся, и своевольным образом управления пашалыками» [129].

Выполняя эту директиву, Гудович прежде всего постарался установить более тесный контакт с Карсским пашой Мамедом, который еще с 1803 г, находился в «тайных сношениях» с русским командованием в Грузии. Мамед-паша делал вид, что готов «вступить в покровительство великой империи всероссийской», но заявлял, что опасается репрессий со стороны эрзерумского сераскира, а поэтому требовал «письменных уверений» в том, что ему будет в случае необходимости оказана «помощь и защита» [130]. Однако, когда Гудович в свою очередь предложил «подать ему помощь вооруженной рукой, вступя с российскими войсками в Карс», Мамед-паша поспешил отклонить это предложение, уверяя, что и без того «наша дружба будет лучше прежней» [131].

Не трудно понять, что, желая на всякий случай заручиться «покровительством России», карсский паша не собирался связывать себя какими-либо определенными обязательствами перед русским командованием. Об этом, в частности, догадывался полковник Симонович, который по поручению главнокомандующего вел одно время переговоры с Мамед-пашой и его братом Карабеком. «О Кара-

[128] АКАК, III, № 907. Отношение Будберга от 30 августа 1806 г.
[129] Там же, № 918. Отношение Будберга от 7 октября 1806 г.
[130] Там же, № 1009.
[131] Там же, № 1011.

беке, брате карсского паши,— доносил Симонович,— утвердить могу, что он большой интересан и обманщик, а лучше сказать, что паша и он... нас только обманывают...» [132]

Столь же безуспешно старался Гудович «приобрести доверенность» ахалцихского паши Селима Химши-оглу, обещая ему, между прочим, предоставить «свободный торг ахалцихских купцов в Грузии» [133].

Таким образом, попытка «сблизиться» с турецкими пашами оказалась не менее бесплодной, чем переговоры о мире и союзе с Фатх-Али-шахом. Тем не менее в Петербурге по-прежнему придавали большое значение этим политическим акциям. Извещая Гудовича об окончательном разрыве с Турцией, Будберг писал ему: «Следуя высочайше предначертанному плану, внимание ваше обращается на следующие две статьи:

1) заключение мира или перемирия с Баба-ханом,

2) устремление всех сил ваших на турецкие области, с Грузией сопредельные, вооруженной рукою или привлечением оных под российское покровительство...» [134]

Очевидно, учитывая малочисленность русских войск на Кавказе, в правительственных кругах не надеялись на то, что Гудович сумеет добиться крупных успехов в борьбе с Турцией «вооруженной рукою» и в большей мере рассчитывали на его дипломатическую активность.

Но было бы неправильно делать отсюда вывод, что царь и его ближайшие советники имели в виду ограничиться на Кавказе лишь демонстративными, отвлекающими действиями или активной обороной ранее завоеванных позиций. Конечно, при данной международной ситуации Александр I вообще предпочитал бы воздержаться от дальнейших территориальных приобретений на юге, если бы это позволило сохранить союз с турецким султаном. Но поскольку война с Турцией стала неизбежной, он, разумеется, не прочь был воспользоваться ею для того, чтобы добиться радикального решения давно интересовавших его вопросов, относящихся к «черноморской проблеме».

---

[132] Там же, № 917. Донесение Симоновича от 29 сентября 1806 г.

[133] Там же, № 987. Письмо Гудовича Селим-паше от 19 декабря 1806 г.

[134] Там же, № 923. Отношение Будберга от 19 января 1806 г.

Наряду с вопросами о режиме проливов и судьбе Дунайских княжеств немаловажное значение имел в данном случае и вопрос о закреплении за Россией восточного берега Черного моря. Но это был кавказский берег, и потому нельзя было решить этот вопрос, не затрагивая другого — о будущей русско-турецкой границе на Кавказе.

Еще накануне войны Будберг писал Гудовичу: «Из положения границ наших с Портою около берегов Черного моря усматривается то неудобство, что от полуострова Тамани российское владение прерывается Анапою, Сухум-Кале, Изгауром [135], Анаклией, потом следует берег мингрельский, принадлежащий России до самого устья Риона, а по ту сторону реки опять начинаются турецкие поморские владения: Поти, Батум, Гоние, все издревле принадлежавшие к царству Грузинскому. Следовательно, нельзя не желать возможности присоединить все эти места под державу Российскую, дабы тем вяще обеспечить Грузию...» [136]

Тем самым реваншистским замыслам султана, мечтавшего об отторжении Грузии, царизм противопоставлял идею воссоединения всех грузинских земель под эгидой России.

Как известно, она была сама по себе не нова. Достаточно вспомнить тот «сепаратный артикул» Георгиевского трактата 1783 г., который гласил, что Екатерина II «в случае войны употребит всевозможное старание... о возвращении земель и мест, издавна к царству Карталинскому принадлежащих» [137]. Но теперь, накануне новой войны, эта идея приобрела более конкретное выражение и более реальный смысл.

Впоследствии, уже в ходе войны, политические цели царизма в Закавказье были сформулированы еще более отчетливо в «Записке» А. П. Тормасова [138], в марте 1809 г. сменившего Гудовича на посту главнокомандующего на Кавказе. Поскольку эта «Записка» была составлена в мае 1809 г., т. е. почти сразу же по прибытии Тормасова в

---

[135] Изгаур, или Скурча,— небольшая бухта близ устья р. Кодор.
[136] АКАК, III, № 918. Отношение Будберга от 7 октября 1806 г.
[137] А. Цагарели. Указ. соч., т. II, стр. 34.
[138] ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 332, лл. 9—12.

Грузию, можпо пе сомпеваться, что она отражала точку зрения самого Александра I, который лично инструктировал нового главнокомандующего перед отъездом его из Петербурга.

Новая война с Турцией, по словам Тормасова, давала возможность «присоединить навсегда к Грузии под державу государя императора Имеретию, Мингрелию, Авазгию (Абхазию.— *А. Ф.*), Гурию, со всеми к ним прикосновенными княжескими уделами, в горах и на плоскости находящимися... Присоединить к Российской державе оружием или трактатами от Турецкой пашалыкства Ахалцихское и Карсинское и от Персидской владение Ереванское... по реке Аракс и сею рекою чрез Арзрум к берегу Черного моря до Требизонда учредить российскую границу...»

Мотивировалось это по-прежнему тем, что «сии провинции издавна принадлежали Грузии, и большая часть жителей в них и поныне тайно хранят веру христианского исповедания...» (Заметим, что в действительности речь шла о воссоединении не только грузинских земель, но и значительной части территорий, населенных армянами, хотя это и не имело в данном случае особого значения, поскольку армяне, как и грузины, также являлись христианами.)

Характерно, что в «Записке» Тормасова, как и в цитированном выше письме Будберга, особое внимание уделялось кавказскому побережью Черного моря. В частности, прямо указывалось, что необходимо «в Поти сделать торговый порт, учредя в устье реки Риона укрепленную гавань..., при реке Сухуми находящуюся гавань того же названия укрепить и привесть в порядок, чтобы в ней военные суда строить можно было..., Требизонд на Черном море и Баку на Каспийском укрепить для утверждения флангов оборонительной линии...»

Кавказ уже раньше являлся театром военных действий между Россией и Турцией в 1768—1774 и 1787—1791 гг. Но впервые эти действия приобретали здесь такие крупные масштабы и такое самостоятельное значение.

Гудович решил сосредоточить главные усилия на Ахалцихском направлении, надеясь, что Карсский пашалык ему удастся присоединить и без «пособия оружием», убедив Мамед-пашу вступить под «российское покровительство». Это свое решение он мотивировал впоследствии

тем, что «Ахалцихский пашалык есть средина турецких владений, соседних Грузии» [139].

Конечно, нельзя отрицать того, что Ахалцихский плацдарм имел немаловажное стратегическое значение. В ходе войны турки могли использовать его как базу для подготовки вторжения в Картлию или Имеретию, но к моменту открытия военных действий они не располагали в этом районе значительными силами.

С другой стороны, и силы, которые мог выделить Гудович, были недостаточны для того, чтобы овладеть этим плацдармом, ибо противник, опираясь на ряд укрепленных пунктов и естественных оборонительных рубежей, имел возможность оказать здесь упорное сопротивление. Отсутствие разработанных перевальных дорог и наличие высоких горных хребтов, покрытых снегом до начала июня, еще более затрудняло выполнение этой задачи.

К тому же, углубляясь в пределы Ахалцихского пашалыка, Гудович все более отдалялся бы от центрального Карсского направления, где сосредоточивались главные силы противника.

Учитывая это, он не решился оставить без прикрытия южные подступы к Тифлису и расположил в Памбакской долине отряд генерал-майора Несветаева в составе пяти батальонов пехоты и двух казачьих полков.

Кроме того, ему пришлось выделить «обсервационный отряд» из трех с половиной батальонов пехоты и четырех казачьих сотен для «наблюдения за Персидской границей». Начальнику этого отряда генерал-майору Небольсину предписано было «занять позицию» на реке Тертер у развалин древнего города Берда. Наконец, в распоряжении командующего войсками в Мегрелии генерал-майора Рыкгофа были оставлены Белевский мушкетерский полк и батальон 9-го егерского полка. В качестве ближайшей задачи главнокомандующий ставил перед ним «в возможном случае овладеть крепостью Поти».

В итоге для действий на Ахалцыхском направлении осталось лишь девять батальонов пехоты, три эскадрона драгун и два казачьих полка, которые, будучи сосредоточены в Цалке, должны были выступить в поход к Ахалкалаки, «коль скоро удобность позволит итти чрез горы».

---

[139] АКАК, III, № 998. Рапорт Гудовича от 21 мая 1807 г.

Таким образом, Гудович разбросал свои войска вдоль пограничной линии протяжением более 800 км и сосредоточил на главном, по его мнению, направлении лишь немногим более одной трети всех сил (9 батальонов из 22). Это еще более усугубляло допущенную им ошибку в определении направления главного удара и в то же время отнюдь не обеспечивало его стратегические фланги.

Особенно угрожающим было положение на правом фланге, открытом со стороны Черного моря. Четыре батальона, которыми располагал здесь генерал Рыкгоф, конечно, не в состоянии были надежно прикрыть южные границы Имеретии и Гурии, а также побережье Мегрелии.

К тому же и политическая обстановка в Западной Грузии продолжала оставаться весьма напряженной. Русский резидент в Кутаиси Литвинов доносил Гудовичу, что «при малейшем разрыве с турками царь имеретинский воспользуется случаем и не оставит предаться неприятелю» [140]. Возможно, что Соломон II и не имел намерения открыто выступить против России, но в то же время не был заинтересован в ее победе. Более чем когда-либо он надеялся использовать русско-турецкие противоречия для того, чтобы укрепить свой суверенитет и избавиться от раздражавшей его опеки со стороны русского командования в Грузии.

Наконец, все еще не решена была «абхазская проблема». Отразив летом 1806 г. попытку турецких интервентов захватить Сухумскую крепость, Келеш-бек Шервашидзе вновь изъявил желание вступить в «российское подданство» при условии признания его «наследственным владетелем Абхазии». Учитывая, видимо, печальный опыт своих переговоров с Цициановым, он обратился на этот раз к херсонскому военному губернатору дюку де-Ришелье. Посредником в данном случае явился Таяр-паша, который в октябре 1806 г. с разрешения русского правительства поселился на южном берегу Крыма [141].

Исходя из того, что «при нынешних обстоятельствах с Портой представляется нужным ласкать всех тех,

---

[140] См. Н. Махарадзе. Восстание в Имеретии 1819—20 гг. «Материалы по истории Грузии и Кавказа», вып. III. Тбилиси, 1942, стр. 52.

[141] АКАК, III, № 357.

которые оказывают к нам наклонность» [142], Александр I «повелел» дюку де-Ришелье «заключить с Келеш-беком постановление сходно с учиненными от него предложениями» [143].

В январе 1807 г. в Сухуми из Одессы был направлен «посланный», которому было поручено заверить Келеш-бека «о принятии государем императором преданности его к России» [144]. Возможно, что этим «посланным» и был тот самый лейтенант Скирпевский, который составил впоследствии первое военно-географическое описание Абхазии под названием «Замечания об Абазинской провинции и владетеле ее».

В этой пространной «Записке» лейтенант Скирпевский рассказывает, что при посещении Сухуми он «был принят Келеш-беком с особенной учтивостью», причем, ознакомившись с содержанием переданного Скирневским «конверта», владетель Абхазии «объяснился, что нетерпеливо ожидает уведомления, когда будет принят в российское подданство...» Характерно, что Скирневский, «между прочим, спрашивал его позволения, могут ли суда наши, претерпевавшие во время плавания бедствия, входить на рейд Сухумский, и получил ответ, что если сие угодно будет главному командиру флота и о сем от него получит он предварительное отношение, то он охотно согласится на то...»

На прощанье Келеш-бек подарил Скирневскому часы и передал два «конверта» — один на имя таврического губернатора Мертваго, а другой — на имя Таяр-паши [145].

Таким образом, к моменту открытия военных действий между Россией и Турцией переговоры с владетелем Абхазии велись через Ришелье при активном участии командования Черноморского флота. Что касается Гудовича, то он со своей стороны, узнав об этих переговорах, ограничился лишь тем, что отправил Келеш-беку письмо, в котором «просил и требовал», чтобы «на случай появления турецких войск в Черном море» последний «собственными своими силами подавал помощь российским войскам» [146]. Как

---

[142] АКАК, III, № 356.
[143] Там же, № 358.
[144] Там же, № 361.
[145] ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 18490. О сведениях, полученных об Абазинской провинции, л. 2.
[146] АКАК, III, № 362.

видно, Гудович уже считал возможным обращаться с владетелем Абхазии, как с «верноподданным» русского императора.

Между тем, поскольку никакого официального договора с Келеш-беком еще подписано не было, вопрос о присоединении Абхазии к России не мог считаться окончательно решенным. Не исключена была возможность, что, не имея определенных гарантий со стороны русского правительства, Келеш-бек предпочтет остаться нейтральным в борьбе между Россией и Турцией.

Тот факт, что Гудович не счел нужным установить более тесный контакт с владетелем Абхазии, свидетельствует лишний раз о том, что этому престарелому военачальнику вообще была свойственна определенная недооценка сил и возможностей противника. Даже получив известие об официальном разрыве с Турцией, Гудович был уверен, что турецкие паши не смогут начать военные действия на Кавказском театре до следующей весны. Тем более неожиданным оказалось для него донесение Рыкгофа о том, что в ночь на 20 февраля 1807 г. турки предприняли внезапное нападение на Редут-Кале с целью захватить этот единственный опорный пункт, которым располагало русское командование на побережье Кавказа, и прервать сообщение Грузии с Крымом.

В этом небольшом приморском укреплении стоял батальон Белевского полка. Началась ожесточенная рукопашная схватка. Несколько десятков застигнутых врасплох, полуодетых солдат все же сумели прорваться к дежурной роте, находившейся внутри редута. Турки сожгли казармы и лазарет, истребив всех оставшихся в нем беззащитных больных, но взять укрепление не смогли. На рассвете сменивший «раненного сабельным ударом в плечо» майора Лыкошина капитан Денисьев предпринял контратаку и отбросил противника, «преследовав его версту по берегу» моря в направлении Поти. В итоге стойкость и мужество русских солдат не позволили Кючюк-бею осуществить свой план захвата Редут-Кале. Но при этом гарнизон укрепления все же понес значительные потери, не досчитавшись после ночного боя 166 человек [147].

---

[147] ЦГИАГ, ф. 4, оп. 1, № 446, л. 3.

Так, вопреки расчетам Гудовича, еще до наступления весны противник первым начал военные действия на Кавказском театре, причем именно там, где он меньше всего ожидал этого — на побережье Черного моря, т. е. на самом крайнем правом фланге Кавказского фронта.

В дальнейшем события в Закавказье также развивались не в пользу России. Вся первая половина кампании 1807 г. не принесла русскому командованию ожидаемых успехов. Наоборот, она была отмечена неудачными действиями русских войск под стенами Поти и Ахалкалаки.

Против Поти был направлен из Редут-Кале небольшой отряд под командованием генерал-майора Рыкгофа (два батальона пехоты и сотня казаков при четырех легких орудиях). Не располагая достаточными силами ни для штурма, ни для правильной осады этой приморской крепости, Рыкгоф напрасно простоял десять дней (с 21 по 31 мая) на болотистом берегу реки Рioни и вынужден был вернуться обратно в Редут-Кале [148].

К Ахалкалаки двинулся сам Гудович с отрядом в составе девяти батальонов пехоты, трех эскадронов драгун и двух казачьих полков при 16 легких орудиях. Выступив из Цалки 29 апреля, когда гребень Сомхетских гор был еще покрыт снегом, он только через 20 дней достиг Ахалкалакского плато, потеряв за время этого тяжелого горного марша до 30 процентов бойцов за счет обмороженных и заболевших. Решив овладеть крепостью ускоренной атакой, он предпринял 20 мая ночной штурм, совершенно не подготовив его ни в тактическом, ни в техническом отношениях. Осадной артиллерии у него не было вовсе. Легкие трехфунтовые пушки и единороги оказались беспомощны против каменных крепостных стен. Штурмовые лестницы были слишком короткими. Вследствие плохой разведки подступов к крепости начальники колонн во мраке сбились с пути, а сам главнокомандующий потерял управление войсками. В итоге штурм был отбит с большими потерями для русских [149].

Не оправдались и надежды Гудовича на успешное завершение тайных переговоров с Мамед-пашой, который ранее заявлял о своем намерении перейти под протекторат

---

[148] ЦГИАГ, ф. 4, оп. 1, д. 446, л. 6; АКАК, III, № 176—178.
[149] АКАК, III, № 997.

России, но встретил огнем приблизившийся к Карсу отряд генерал-майора Несветаева. Последний готов был уже штурмовать Карс, но в последний момент получил от главнокомандующего приказание возвратиться обратно в пограничное укрепление Гюмри (современный Ленинакан).

Естественно, что все эти события турки расценили, как результат слабости своего противника, и решили не откладывать задуманного ими похода на Тифлис. Сосредоточив в районе Карса до 20 тыс. пехоты и конницы и надеясь еще получить подкрепления за счет ополчений, собираемых в Баязетском и Ванском пашалыках, эрзерумский сераскир Юсуф-паша в конце мая 1807 г. двинулся на север в направлении Гюмри. Гарнизон этого небольшого русского укрепления насчитывал всего 1200 штыков и сабель при шести легких орудиях. Тем не менее ему удалось сначала отразить атаки турецкого авангарда, а затем сковать и главные силы противника. Это позволило Гудовичу собрать все наличные резервы и прибыть 17 июня в Гюмри, чтобы преградить врагу дорогу в Грузию. Имея в своем распоряжении вместе с мужественными защитниками Гюмри около 7 тыс. штыков и сабель, т. е. в три раза меньше, чем у противника, он опасался первым начинать крупное сражение, тем более что противник к этому времени отошел за реку Арпачай, где расположился в укрепленном лагере. Однако известия о подходе новых турецких подкреплений заставили Гудовича действовать.

Вечером 29 июня он выступил в поход с главными своими силами, рассчитывая в результате скрытого ночного марша обойти турецкий лагерь с востока и утром атаковать его с тыла в тот момент, когда генерал Несветаев со своим гюмринским отрядом предпримет демонстративную атаку с фронта.

Проливной дождь, размывший глинистую почву Арпачайской долины, помешал войскам Гудовича своевременно завершить этот обходный маневр. На рассвете 30 июня турки обнаружили движение русских походных колонн и стали массами переправляться на левый берег Арпачая, с хода завязывая бой. Остановившись, девять русских батальонов построились в четыре каре. Впереди рассыпались в цепь егеря. Позади каждого каре развернулись казаки и драгуны. В интервалах между каре артиллеристы установили заряженные картечью единороги. Сначала

турки устремились на среднее каре (генерала Титова), но его вовремя поддержало стоявшее позади резервное каре (майора Ушакова). Первая атака была отбита ружейным и картечным огнем. Тогда вражеская конница обрушилась на правофланговое каре (генерала Портнягина). Но его выручил Титов, который резко подался со своим каре вправо. Туда же поспешили выдвинутые вперед драгунские эскадроны. Отхлынув назад, турки открыли огонь из 20 орудий, которые они успели перевезти из лагеря на левый берег реки Арпачай.

В этот момент к турецкому лагерю приблизился со стороны Гюмри отряд генерала Несветаева. Согласно диспозиции, он должен был лишь отвлекать противника демонстративными атаками. Но, правильно оценив обстановку и заметив, что основные силы противника ведут бой на другом берегу, Несветаев по собственному почину предпринял не «фальшивую», а настоящую атаку.

Смелая инициатива этого военачальника, отвага и мужество его гренадер и егерей, ворвавшихся в неприятельский лагерь и овладевших им, решили исход сражения.

Неприятельские войска в беспорядке начали переправляться обратно на правый берег в надежде спасти свой лагерь. Но драгуны и казаки неотступно преследовали их. Артиллеристы, выкатив пушки почти к самой воде, открыли беглый огонь через реку. Оказавшись между двух огней, турки в панике бросились бежать по Карсской дороге [150].

Победа, одержанная русскими войсками в полевом сражении на реке Арпачай 30 июня 1807 г., предотвратила вторжение турецких войск в Грузию и выбила из рук турецкого командования стратегическую инициативу. Однако Гудович, опасаясь растянуть свои коммуникации, не решился использовать эту победу для немедленного перехода в контрнаступление на Карсском направлении и отошел к Гюмри. Заключенное же вскоре Слободзейское перемирие (24 августа 1807 г.) вообще лишило его этой возможности.

В период продолжавшегося более полутора лет перемирия обе стороны старались укрепить свои стратегические позиции. Русское командование упорно стремилось к пре-

---

[150] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2829, л. 25; АКАК, III, № 957.

кращению военных действий с Персией, чтобы обеспечить безопасность своего левого фланга. Турецкая сторона уделяла главное внимание Абхазии, стараясь помешать ее присоединению к России и создать здесь плацдарм для вторжения в Западную Грузию с севера.

Весной 1808 г. агентам султана удалось организовать новый заговор против владетеля Абхазии Келеш-бека Шервашидзе. Видную роль среди участников этого заговора играли родственники казненных в 1806 г. Келеш-беком тавадов Дзяпш-ипа и все тот же старший сын его Аслан-бей. Вечером 14 мая 1808 г. заговорщики убили Келеш-бека, изрубив его шашками и кинжалами на пороге его собственного дома в Сухуме.

Не надеясь удержать в своих руках Сухумскую крепость, Аслан-бей немедленно обратился за помощью к султану. Последний обещал Аслан-бею свое покровительство и утвердил его в звании «Абхазского бея», направив в Сухум военный корабль с подарками своему новому вассалу. Одновременно потийскому паше Кючюк-бею было дано распоряжение выделить отряд янычар с пушками и боеприпасами для занятия Сухумской крепости под видом оказания помощи Аслан-бею [151]. Таким образом, Турция снова приобрела важный опорный пункт на побережье Кавказа.

Широкие массы абхазского народа, не желавшие отторжения Абхазии от Грузии, были возмущены злодейским преступлением Аслан-бея. Источники прямо указывают, что «отцеубийца обратил на себя даже черни ненависть» [152].

Наследник Келеш-бека, его второй сын Сафар-бей (Георгий), решил изгнать турецких захватчиков. Он заручился поддержкой Манучара Шервашидзе и других самурзаканских тавадов, а также владетеля Мегрелии Левана Дадиани и его матери Нины. С последними Георгия связывали не только родственные узы [153], но и общие политические интересы, поскольку вторжение турецких интервентов в Абхазию непосредственно угрожало безопасности соседней Мегрелии.

---

[151] АКАК, IV, № 519.
[152] Там же, № 553.
[153] Георгий Шервашидзе был женат на тетке Левана Дадиани.

В июне 1808 г. Георгий Шервашидзе во главе абхазского и мегрельского ополчения двинулся из южной Абхазии к Сухуми, осадил захваченную турками крепость, но взять ее не мог и вынужден был возвратиться обратно. Один из участников этого похода — мегрельский князь Нико Дадиани — рассказывает: «Мы прибыли в Аку [154] и расположились на берегу Беслы, но не могли овладеть крепостью, так как не имели ни приготовленной артиллерии, ни других орудий для осады крепости..., и благополучно вернулись в Одиши...» [155]

Аслан-бей, удержав за собой Сухумскую крепость, в свою очередь перешел к активным действиям, развернув с помощью некоторых тавадов и мусульманского духовенства борьбу против сторонников Георгия. Последний по совету Левана Дадиани и его матери обратился за помощью к русскому командованию. «Известно вам,— писал он генералу Рыкгофу,— что покойный Келеш-бек при жизни своей передал вам (Абхазию), и теперь по его смерти, ежели вы хотите, даю сию землю вам, лишь бы отомстить упомянутому Аслан-бею...» [156]

Рыкгоф считал возможным поддержать Георгия Шервашидзе, предлагая (в своем донесении Гудовичу) выслать на побережье Абхазии десант и овладеть Сухумской крепостью. Но Гудович не дал согласия на подобное предложение и предписал Рыкгофу «под разными благовидными предлогами отклониться от вспоможения... войсками» Георгию Шервашидзе, «доколе не обнаружится окончательное решение продолжающегося перемирия» между Россией и Турцией [157].

Политическая линия Гудовича была одобрена в Петербурге. Руководивший в то время Министерством иностранных дел граф Н. П. Румянцев писал ему, что Александр I согласен принять Георгия Шервашидзе «под всесильную свою державу и в вечное подданство Российской империи», но при условии, чтобы «сие было без оглашения

---

[154] Аку — от абхазского «Лкуа» (Сухуми).

[155] Рукопись Нико Дадиани «Картвелта Цховреба» (по списку, хранящемуся в Зугдидском музее). См. также русский перевод Е. С. Такаишвили в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 31. Тифлис.

[156] АКАК, III, № 368.

[157] Там же.

на первый случай, пока с Портой переговоры не приведены будут к окончанию...»

Разумеется, такого рода «обещания» да еще к тому же «без оглашения» ни в какой мере не могли удовлетворить Георгия Шервашидзе, который продолжал просить «о даче ему войска для взятия крепости Сухума». В ноябре 1808 г. он направил Гудовичу «всеподданнейшее письмо» на имя Александра I с изложением семи «просительных пунктов», представлявших, по существу, проект договора с присоединением Абхазии к России. Препровождая в Петербург это письмо, Гудович со своей стороны обращал внимание на «выгоды, представлявшиеся от приобретения Абхазии под всероссийскую державу». Эти выгоды, по его мнению, состояли в том, что после присоединения Абхазии «лучшие приморские места Черного моря, богатые корабельным лесом, приобретутся под власть России» и «восстановится безвозбранное сообщение с Крымом...» «Наконец,— подчеркивал Гудович,— мы будем иметь в своей власти две крепости — Анакру [158] и Сухум-кале, следовательно, тогда с сей стороны Мингрелия будет совершенно обеспечена» [159].

Однако, пока «просительные пункты» Георгия Шервашидзе рассматривались в Петербурге, Аслан-бей продолжал хозяйничать в Сухумской крепости, а его клевреты разжигали в Абхазии междоусобную войну. Агенты султана действовали и в Имеретии, где они старались восстановить против России царя Соломона II. Летом 1808 г. последний получил от султана в подарок «саблю, коня и богатую шубу», а также заверения в том, что ему будет немедленно оказана военная помощь в случае разрыва с Россией.

Тем временем все попытки добиться мирного урегулирования конфликта с Персией терпели неудачу. Стремясь заставить шаха быть более сговорчивым, Гудович в октябре 1808 г. осадил Ереван, направив отряд генерал-майора Небольсина к Нахичевани. Разбив войска Аббас-Мирзы в долине Аракса, Небольсин занял Нахичевань. Но осада Еревана оказалась безуспешной. После неудачного штурма Гудович с большими потерями отступил в Грузию.

---

[158] Анакрия, или Анаклия,— небольшое укрепление, построенное в XVIII в. в устье р. Ингири.

[159] АКАК, III, № 375.

В феврале 1809 г. он был отозван с Кавказа. Его преемником был генерал-от-кавалерии А. П. Тормасов, до этого занимавший посты киевского, а затем рижского генерал-губернатора. Разумеется, ему трудно было освоиться и с новым своим положением, и с этим обширным, еще не завоеванным краем, с незнакомым для него горным театром войны, с большой протяженностью линии фронта и тысячеверстными коммуникациями. Аккуратный и педантичный, привыкший распоряжаться в губернаторской канцелярии, он никак не мог овладеть методами управления войсками, разбросанными от Баку до Анапы, и приходил в отчаянье, что нельзя часто вызывать для доклада подчиненных, находившихся за сотни километров от его штаба.

Конечно, Тормасов полностью разделял точку зрения правительства относительно политических целей войны на Кавказе. Но при этом он возлагал большие надежды на дипломатические акции, стараясь всячески ограничить размах военных операций. И хотя ему было хорошо известно, что противник еще не успел сосредоточить крупные силы в пограничных районах, он не собирался приступать к активным действиям на главных операционных направлениях. Все его усилия сводились к тому, чтобы обеспечить растянутые фланги. «Необходимо нужно,— писал он графу Румянцеву,— иметь мир или хотя бы перемирие с Персией на некоторое время, дабы тогда, занявшись внутренним устройством, обеспечить здесь навсегда правый фланг Грузии, начиная от Абхазии, отдающейся ныне в вечное покровительство и подданство Всероссийской империи, и завладеть крепостями Поти, Анаклией и другими, имеющими в себе турецкий гарнизон, чтобы через то освободить Мегрелию от неприятеля и не иметь более надобности содержать там большого числа войск» [160].

Однако время шло, мирные переговоры с шахом затягивались, и положение на левом фланге продолжало оставаться напряженным. Поэтому Тормасов решил одновременно принять меры к обеспечению правого фланга, рассчитывая и здесь в большей мере на политические факторы, а не на силу оружия, что видно из его предписания новому командующему русскими войсками в Западной

---

[160] Письмо Тормасова к графу Н. П. Румянцеву. АКАК, IV, № 1075.

Грузии генерал-майору Д. Орбелиани (сменившему умершего весной 1809 г. Рыкгофа). «Употребите при том все меры,— подчеркивал Тормасов,— чтобы каким-нибудь путем достать в наши руки крепость и пристань Поти... Затем не останавливайтесь также с окончанием дела с абхазским владельцем Сефер-Али-беем (Георгием Шервашидзе.— *А. Ф*) и старанием привлекать на его сторону других частных абхазских владельцев для поддержки его» [161].

Необходимость овладения Поти Тормасов обосновывал тем, что она представляет собой «превосходную крепость, которая весьма нам нужна как для того, что у берегов мингрельских мы не имеем своей пристани для подвозу из Таврической области (т. е. из Крыма.— *А. Ф.*) провианту, так и потому, что крепость сия, будучи близка весьма к устроенному нами на берегах мингрельских редуту Куле (т. е. Редут-Кале.— *А. Ф.*), всегда может наносить беспокойство...» [162]

Следуя инструкции главнокомандующего, Орбелиани пригласил в Редут-Кале Георгия Шервашидзе и официально объявил ему, что император Александр I «соизволил принять» его «в вечное покровительство и подданство Российской империи... с утверждением его законным владетелем Абхазии». При этом абхазскому князю был вручен орден «святой Анны» I степени и «пенсион в 2500 рублей» [163]. В то же время была сделана попытка «войти в сношения» с начальником Потийского гарнизона Кючюк-беем, чтобы склонить его к капитуляции и к переходу в подданство России. Однако последний отклонил это предложение.

Вскоре после возобновления в марте 1809 г. военных действий Потийская крепость была подвергнута осаде. В ноябре Орбелиани разбил на р. Молтаква десятитысячный корпус Шериф-паши, двигавшийся из Батума к Поти на выручку осажденному гарнизону. Эта победа решила участь Поти. Спустя две недели турецкий гарнизон этой

---

[161] Предписание Тормасова от 29 июня 1809 г. АКАК, IV, № 286.

[162] ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 4267, л. 6. Рапорт Тормасова военному министру Аракчееву от 22 сентября 1809 г.

[163] АКАК, IV, № 568. Окончательное присоединение Абхазии к России было оформлено указом Александра I от 1 марта 1810 г.

крепости капитулировал [164]. Еще до этого русский десантный отряд овладел Анапой, а восемь месяцев спустя, 10 июля 1810 г., высаженный на берег батальон морской пехоты взял штурмом Сухумскую крепость [165].

Таким образом, в течение второго периода войны (март 1809 г.— июль 1810 г.) турки потеряли все свои опорные пункты на Кавказском побережье Черного моря от устья р. Кубани до устья р. Риони. Это укрепило положение правого фланга русских войск в Закавказье, а также обусловило переход под протекторат России Гурии и Абхазии.

Только отсутствие необходимой согласованности между армейским и флотским командованием не позволило завершить эти крупные успехи занятием Батума и Трапезунда. Две экспедиции, предпринятые командованием Черноморского флота против Трапезунда, окончились неудачей именно потому, что действия военно-морских сил в обоих случаях не были координированы с операциями сухопутных войск.

Третий этап войны (август 1810 г.— май 1812 г.) характеризовался в основном упорной борьбой за Ахалцихский плацдарм, которому Тормасов и его преемники — Паулуччи и Ртищев — придавали, подобно Гудовичу, явно преувеличенное значение.

Летом 1810 г. при активном посредничестве английских дипломатов шах и султан пришли к соглашению о совместных действиях против России. Следуя приказам своих повелителей, Гуссейн-Кули-хан Ереванский и Шериф-паша Ахалцихский решили объединить свои силы и, сосредоточив их в районе Ахалкалаки, предпринять оттуда вторжение в Карталинию. В конце августа 1810 г. Гуссейн-Кули-хан прибыл из Еревана в Ахалкалаки во главе шеститысячного отряда персидской конницы, присоединив по пути ополчения турецких беков, собранные в Карсском пашалыке. Туда же двигался из Ахалцихе Шериф-паша, который обещал привести с собой 17-тысячный турецкий корпус.

Получив через агентурную разведку эти тревожные сведения, находившийся при Тормасове в качестве гене-

---

[164] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 406, лл. 20—23.
[165] Там же, д. 6187, л. 33.

рал-квартирмейстера молодой генерал Филипп Паулуччи убедил главнокомандующего в необходимости упредить противников, «дабы ниспровергнуть их предприятие».

Этот молодой тридцатилетний генерал, начавший свою военную карьеру в рядах пьемонтской армии, а затем служивший при французском генеральном штабе, был убежденным сторонником новых способов ведения войны и боя, превосходство которых обнаружилось на Западе в ходе революционных войн и первых походов Наполеона, а в России еще раньше было доказано победами Суворова. Не случайно, перейдя в 1807 г. на русскую службу, Паулуччи не сошелся с теми из александровских генералов, которые еще находились под влиянием реакционной немецко-австрийской военной доктрины, и поспешил уехать из Петербурга сначала на Дунай, а затем на Кавказ, где подвизались боевые сподвижники и ученики Суворова.

В III томе «Войны и мира» Л. Н. Толстой несколькими штрихами мастерски нарисовал портрет этого «смелого и решительного в речах сардинского выходца», который в начале кампании 1812 г. резко выступал на военном совете против «кабинетной стратегии» немецких советников, называя «западней» Дрисский лагерь и утверждая, что прусский генерал Пфуль, предлагавший загнать в эту «западню» русскую армию, должен быть отправлен «в желтый дом или на виселицу» [166].

Правда, это было позднее, когда Паулуччи уже был начальником штаба Первой армии, но и в 1810 г., находясь на Кавказе, он не стеснялся упрекать Тормасова в нерешительности и чрезмерной осторожности, высмеивая стратегию ограниченных целей, кордонную систему расположения войск и тактику пассивной обороны.

За три года пребывания в русской армии Паулуччи, по его словам, «научился уважать и любить» русского солдата [167], придя к выводу, что с таким солдатом можно совершать самые смелые маневры.

Не без колебаний согласившись с доводами Паулуччи, Тормасов поручил ему сформировать «легкий, без обоза, отряд из двух батальонов 9-го и 15-го егерских полков» и «тремя форсированными маршами следовать в обход

---

[166] Л. Н. Толстой. Война и мир, т. III, ч. 1, гл. IX, XI.

[167] Приказ Паулуччи от 22 сентября 1811 г. «Русская старина», 1876 г., т. XVII, № 11, стр. 630.

через снеговую гору», чтобы, «достигнув лагеря соединенных неприятелей, в ночь атаковать оный...» [168]

Подготовка к походу заняла всего три дня. 13 сентября из Думаниси выступил полковник Лисаневич с отрядом в составе одного батальона егерей, двух сотен донских казаков и 150 всадников азербайджанской «милиции». Выйдя налегке, без обоза, и имея лишь четыре легких орудия, размещенных на вьюках, отряд Лисаневича совершил труднейший переход через покрытый снегом гребень Сомхетских гор и 15 сентября спустился в долину Топоравани, где соединился с батальоном 15-го егерского полка, который привел сюда из Цалки полковник Печерский.

Последние 30 километров, отделявшие егерей Лисаневича и Печерского от Ахалкалаки, были пройдены за восемь часов, несмотря на то, что приходилось двигаться под проливным дождем, ночью, по труднопроходимой горной дороге, едва заметной во мраке ненастной сентябрьской ночи.

Приблизившись к Ахалкалаки, походная колонна обошла крепость с востока и оказалась непосредственно перед лагерем противника. Согласно заранее разработанному плану, решено было атаковать противника одновременно с обоих флангов. В третьем часу ночи, обойдя лагерь, батальон Печерского бросился в атаку с запада, в то время, как егеря Лисаневича ударили в штыки с востока. Ночная мгла, шум дождя и ветра, беспечность сторожевого охранения противника — все это обеспечило абсолютную внезапность атаки. Движение атакующих колонн было замечено лишь тогда, когда они находились в 200 метрах от крайних палаток.

В результате соединенные силы неприятеля подверглись полному разгрому. К рассвету огромный лагерь с большими запасами вооружения и военного имущества достался победителям. Тем самым был сорван неприятельский план вторжения в Грузию и предотвращено объединение сил двух противников России.

Ахалкалакская победа окрылила Тормасова. Он решился предпринять еще одну, более крупную, наступательную операцию. В середине ноября 1810 г. три отряда (общей численностью до 12 батальонов пехоты и 3 тыс.

---

[163] АКАК, IV, № 1242.

чел. конницы) выступили одновременно из Кутаиси, Сурами и Цалки. Только один из них имел колесный обоз. Остальные два отряда двигались «налегке», разместив орудия и боеприпасы на вьюках, а на перевальных участках укладывая их на специально приспособленные лыжи. Преодолевая высокие горные хребты Малого Кавказа, обходя укрепленные пункты противника, опрокидывая выдвинутые им заслоны, искусно разыгрывая встречные бои, все три отряда соединились под стенами Ахалцихе, проникнув за 10—12 дней почти на 150 километров в глубь Ахалцихского плацдарма [169].

Это была самая крупная по своим масштабам наступательная операция, предпринятая русским командованием на Кавказском театре в ходе войны 1806—1812 гг. Однако она осталась незавершенной в стратегическом отношении, ибо, сосредоточив в конечном счете все усилия на овладении Ахалцихе, Тормасов не сумел должным образом подготовить и организовать штурм этой крепости и оказался вынужден вследствие наступившей зимы снять осаду и отвести войска на исходные позиции. Характерное для того времени тяготение военачальников к действиям против крепостей свело на нет достигнутые в ходе этой операции тактические успехи.

В начале 1811 г. ввиду назревавшей новой войны с наполеоновской Францией Александр I приказал отвести за Днестр пять из девяти дивизий «Молдавской армии» и одновременно потребовал от Тормасова «незамедлительно отделить» с Кавказского театра «два полка драгунских и два пехотных», отправив их на Волынь для усиления 3-й («обсервационной») армии [170].

Будучи обескуражен этим обстоятельством, Тормасов пришел к выводу, что «нельзя иначе действовать в здешнем краю, как только оборонительно» [171], и даже стал просить «уволить» его от должности «по расстроенному здоровью».

В то же время и турецкое командование не сумело развернуть летом 1811 г. наступательных операций на Кавказском театре. Активные действия русского флота

---

[169] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6192, лл. 41—43.
[170] АКАК, IV, № 274.
[171] Там же, № 268.

у берегов Грузии помешали переброске турецких войск из Трапезунда к Батуму и сосредоточению их на границе Гурии. Между тем феодальная анархия, царившая в восточных пашалыках, а также сепаратистская деятельность карсского и ахалцихского пашей, не желавших подчиняться новому эрзерумскому сераскиру Эмин-паше, сорвали концентрацию турецких войск в Армении. В результате в течение летней кампании 1811 г. на Кавказском театре не происходило сколько-нибудь значительных событий.

Лишь глубокой осенью, узнав о победоносном исходе знаменитой Рущукской операции Кутузова на Дунае и начавшихся мирных переговорах с Турцией, сменивший Тормасова Паулуччи решил возобновить активные действия в районе Ахалцихского плацдарма.

Не рискуя предпринимать зимой новый поход к Ахалцихе, он поставил перед собой задачу овладеть в первую очередь пограничным с Карталинией Ахалкалакским санджаком. Обосновывая свое намерение «наиноспешнее покорить оружием крепость Ахалкалаки», Паулуччи указывал, что, «имея в наших руках сию крепость и область, с полной благонадежностью можно будет выговорить оную в уступку Грузии при установлении мирного трактата с Оттоманской Портой, который предполагается близким к заключению...» [172].

Это стремление действовать «наиноспешнее», а также отсутствие в данном районе перевальных дорог, доступных в зимнее время для движения артиллерии и обозов, заранее предопределило характер намеченной операции.

Для участия в предстоящей «экспедиции» были назначены два батальона Грузинского гренадерского полка, расквартированного в Гори, а также один батальон 46-го егерского полка, стоявший в Думаниси. Соединившись в районе Цалки, егеря и гренадеры в сопровождении сотни донских казаков должны были двинуться через снежные перевалы в пределы Ахалкалакского санджака, чтобы с хода овладеть крепостью Ахалкалаки и удержать ее до подхода подкреплений.

Руководство этой трудновыполнимой операцией было возложено на полковника П. С. Котляревского — одного из

---

[172] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2889, л. 64.

старых кавказских командиров, обладавшего многолетним опытом вождения войск в горных условиях.

Петр Степанович Котляревский, сын сельского священника, начал боевую службу на Кавказе простым солдатом в 1793 г., когда ему было всего 16 лет. Только спустя три года, во время «Персидского похода» Валерьяна Зубова (1796 г.), он получил звание сержанта и лишь на шестом году пребывания в армии (в 1799 г.) заслужил в боях первый офицерский чин. Таким образом, почти шесть лет Котляревский провел в солдатской среде, и это обстоятельство являлось такой же характерной чертой его биографии, как и его непрерывная боевая деятельность на Кавказе.

Выступив из Гори в ночь на 16 декабря и следуя с сотней казаков и двумя батальонами гренадер кратчайшим путем через Триалетский хребет, Котляревский прежде всего заботился о том, чтобы облегчить своему отряду марш по обледенелым и заваленным сугробами горным тропам. Поэтому он не только отказался от колесного обоза, но даже не взял с собой ни одной пушки. Однако он приказал захватить вьюки со складными лестницами, веревками, крючьями и другими приспособлениями для штурма крепости.

Несмотря на «ужасные метели», гренадеры и казаки в течение двух суток перевалили через Триалетские горы и спустились в долину реки Храми. Здесь Котляревский узнал, что выступивший из Думаниси батальон егерей «не мог пробиться через снега» и задержался в пути, не достигнув Цалки.

Находясь уже на самой границе Ахалкалакского санджака и опасаясь быть обнаруженным разведкой противника, а следовательно, лишиться преимущества внезапности, Котляревский решил, не ожидая егерей, двигаться дальше.

На рассвете 19 декабря, когда в горах бушевала снежная буря, он оказался со своим отрядом в 25 км от Ахалкалаки. Здесь его гренадеры и казаки провели целый день, укрывшись в пустынном ущелье, а вечером по глубокому снегу направились к цели своего похода.

Котляревский знал, что подступы к крепости были более удобными с юга, но, опасаясь, что обходное движение может быть замечено противником, решил нанести

главный удар с севера. Остановив свой отряд в двух километрах от крепостной ограды, он разделил его на три колонны, каждая из которых состояла из 200 гренадер и 20 стрелков. Одна рота была выделена для занятия предместья, а три команды по 30 человек для «фальшивых атак» против восточного фаса крепости. Рота гренадер и казачья сотня составили общий резерв.

Подчеркивая, что успех ночного штурма решается быстротой и внезапностью действий, Котляревский в своей диспозиции требовал, чтобы «колонны..., имея впереди стрелков, следовали к крепости с крайней тишиной и скоростью». Он предупреждал: «Если неприятель не откроет огня, то стрелки отнюдь не стреляют, когда же от неприятеля будет сильный огонь, то стрелки тотчас бьют по неприятелю, а колонны наиноспешнее ставят лестницы и взбегают на стены...» Эту же мысль он старался внушить каждому солдату, напоминая, что, «чем скорее идешь на штурм и чем шибче лезешь на лестницы, тем менее урону...» Стараясь укрепить в бойцах волю к победе, Котляревский обращался с призывом «взять крепость или умереть», указывая, что «отступления не будет». Не имея в своем распоряжении ни одной пушки, но в то же время хорошо понимая значение поддержки атакующей пехоты артиллерийским огнем, он настойчиво требовал, чтобы «каждая колонна, как скоро возьмет назначенную ей батарею, тотчас оборачивала неприятельские орудия и стреляла картечью в середину крепости, между тем очищая стены от себя вправо и влево» [173].

Наконец, беспокоясь о том, чтобы начальники колонн во мраке не сбились с указанного маршрута, Котляревский прикрепил к ним специальных проводников из окрестных грузинских крестьян, ранее бывавших в крепости.

В документе, представляющем собой «список отличившихся при взятии крепости Ахалкалаки», упоминается крестьянин Элиязашвили, который «указал проход к цитадели», а также князья Кайхосро, Захарий и Дмитрий Джавахишвили, «оказавшие усердие при проходе отряда и при штурме крепости» [174].

---

[173] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2416, л. 26.
[174] Там же, д. 2889, л. 72.

Обеспечив таким образом ночной штурм и достигнув полной тактической внезапности, Котляревский одержал блестящую победу.

Турецкий гарнизон был застигнут врасплох и почти полностью истреблен, несмотря на оказанное им отчаянное сопротивление.

К утру 20 декабря 1811 г. отряд Котляревского овладел крепостью, потеряв при этом всего 30 человек.

Ночной штурм Ахалкалаки представляет собой выдающийся пример воинской доблести и тактического мастерства. Это редкий в истории военного искусства случай, когда одна только пехота без поддержки своей артиллерии с хода овладела достаточно сильной для того времени крепостью, огражденной каменными стенами и располагавшей 20 пушками.

Можно лишь удивляться беспредельной выносливости, отваге и мужеству русского солдата, доказавшего, что Кавказские горы для него преодолимы в любое время года в такой же мере, как Швейцарские Альпы, и что его измаильский штык может сокрушить даже каменные стены. Но следует отдать должное и его непосредственным начальникам — ученикам великого Суворова, сумевшим провести всю эту операцию от начала до конца в нарастающем стремительном темпе, вплоть до завершившего ее ночного штурма, который прозвучал, как мощный заключительный аккорд мастерски исполненной симфонии.

Докладывая об этом событии военному министру Барклаю-де-Толли, Паулуччи с полным правом писал: «Гордая Ахалкалакская крепость, природой и искусством укрепленная..., после упорного защищения оной турецким гарнизоном понизила надменное чело свое от блеска победоносного российского оружия...» [175]

В феврале 1812 г. Шериф-паша Ахалцихский, собрав до 5 тыс. чел. пехоты и конницы, подошел к Ахалкалаки и попытался отбить захваченную Котляревским крепость. Однако после ожесточенного пятичасового боя турки прекратили штурм и, понеся большие потери, отошли на запад к Хертвиси.

Это был один из последних эпизодов войны 1806—1812 гг. На Дунае к этому времени военные

---

[175] Там же, д. 2889, л. 71.

действия давно прекратились, а мирные переговоры в Бухаресте уже достигли своей заключительной стадии.

Значение успехов, достигнутых русскими войсками в Закавказье, выявилось в полной мере на Бухарестской мирной конференции, где вопрос о кавказских границах играл весьма крупную роль.

К концу войны турки потеряли все свои опорные пункты на Черноморском побережье Кавказа (Анапу, Суджук-Кале, Сухуми, Анаклию, Поти), а также восточную часть Ахалцихского пашалыка с крепостью Ахалкалаки, что, бесспорно, изменило стратегическую обстановку на Кавказском театре в пользу России. Исходя из этого, Кутузов потребовал от турецких уполномоченных согласия на то, чтобы на Кавказе «граница осталась в том виде, в каком она находится по день заключения мира» [176]. Но глава турецкой мирной делегации Галиб-эфенди решительно отказался принять это условие, выдвинув в свою очередь встречное требование о немедленном очищении русскими войсками Кавказского побережья Черного моря и левого берега Риони, а также возвращении Турции Ахалкалакского санджака. Состоявший при нем драгоман Дмитрий Мурузи заметил при этом, что султан никогда не согласится уступить России ни пяди своих владений на Кавказе, ибо это... «противно Корану» [177].

Не трудно понять, что подобная мотивировка была пущена в ход лишь для того, чтобы скрыть истинные побуждения турецкого правительства, старавшегося во что бы то ни стало удержать свои стратегические позиции на Западном Кавказе.

30 апреля 1812 г. Кутузов предложил новый вариант решения спорного вопроса о кавказских границах: «оставить завоевания в Азии в нынешнем их положении впредь на пять лет, а по прошествии сего срока назначить с обеих сторон комиссаров для настоящего постановления границы...» [178]. Это давало России право временно удержать за собой территорию и пункты, занятые русскими войсками в период войны в Закавказье. Но Галиб-эфенди отверг и это предложение, заявив, что границы в Азии

---

[176] А. Н. Петров. Война России с Турцией в 1806—12 гг., т. III, СПб., 1885, стр. 362.

[177] Там же, стр. 370.

[178] Там же, стр. 377.

(т. е. на Кавказе) должны быть восстановлены по принципу «status quo ante bellum».

Тем временем международная обстановка диктовала необходимость скорейшего заключения мира с Турцией. Тучи на Западе сгущались. Полумиллионная армия Наполеона уже развертывалась на Висле, готовясь к нашествию на Россию. Будучи первоклассным стратегом и выдающимся государственным деятелем, умея ясно видеть главную цель и подчинять ей второстепенные задачи, Кутузов решился частично пожертвовать плодами побед русского оружия на Кавказе, чтобы обеспечить мир на южных границах России и лишить Наполеона его турецкого союзника. Но при этом он сделал все возможное, чтобы уменьшить эти жертвы, хорошо понимая жизненно важное для России значение ее приобретений на Кавказе и особенно на восточном берегу Черного моря.

Согласившись на применение принципа «status quo ante bellum» в вопросе о кавказских границах, Кутузов постарался, однако, обеспечить такую редакцию соответствующей статьи мирного договора, которая позволила России сохранить за собой некоторые позиции, завоеванные в Закавказье, а главное — удержать в своих руках морские коммуникации, связывающие Грузию с Крымом.

В окончательной редакции 6-я статья Бухарестского трактата гласила, что границы между Россией и Турцией на Кавказе «восстанавливаются совершенно так, как были прежде до войны, и потому Россия отдает и возвращает Порте в таком состоянии, в каком теперь находятся, крепости и замки, внутри сей границы лежащие и оружием е. в. завоеванные...» [179]

Кутузов имел при этом в виду, что «по смыслу оной статьи ясно разумеется, что она отнюдь не относится до владений и областей, кои прежде и в продолжении последней войны нашей с Портою добровольно присоединились к Российской империи...» [180] К таким владениям с полным основанием можно было отнести не только Имеретию и Мегрелию, но также Гурию и Абхазию, владетели которых — Мамия Гуриели и Георгий Шервашидзе —

---

[179] ПСЗ, I, т. XXXII, № 25.
[180] АКАК, V, № 917.

вступили в подданство России в период войны 1806—1812 гг.

Но этого мало. В последний момент перед подписанием Бухарестского трактата Кутузов особым приложенным к нему протоколом оговорил право России «пользоваться приморским берегом на расстоянии двух часов от устья Риона и четырех часов от Анакры (Анаклии)...»

В указанном пункте, расположенном примерно в 20 км севернее Поти, находилось береговое укрепление Редут-Кале, которое было сооружено русскими войсками в устье реки Хопи еще в 1804 г. Тем самым этот пункт официально признавался русской морской базой на Черноморском побережье Кавказа.

В результате после Бухарестского мира русские войска эвакуировали Апшу, Поти и Ахалкалаки, но остались, несмотря на протесты турок, в Сухуме и Редут-Кале, контролируя фактически все побережье Абхазии и Мегрелии.

Таким образом, по условиям Бухарестского трактата, подписанного 16 мая 1812 г., Россия приобрела всю прибрежную полосу от устья р. Бзыби до устья р. Рионн общим протяжением до 200 километров. Русский флаг был прочно утвержден на восточном берегу Черного моря. Тем самым надежно обеспечивалось присоединение к России Западной Грузии и укреплялась безопасность Крыма. Кроме того, окончание войны с Турцией позволило ускорить завершение войны с Персией.

Еще в марте 1812 г. Паулуччи сообщал: «Когда дошел до Персии слух о славной победе, одержанной в прошлом году российскими войсками на Дунае», и «что Порта Оттоманская вошла в мирные переговоры с нашим двором, то шах персидский обнаружил величайшее беспокойствие» [181].

Однако нашествие на Россию наполеоновской армии и оставление русскими Москвы пробудило в Тегеране новые надежды на продолжение войны. Осенью 1812 г. Аббас-Мирза сосредоточил у Асландузского брода на Араксе до 30 тыс. войск, в числе которых насчитывалось 22 тыс. иррегулярной конницы и 8 тыс. обученных «сарбазов», вооруженных английскими ружьями и состоявших под командованием английских офицеров.

---

[181] АКАК, V, № 248.

Сначала Аббас-Мирза намерен был опять наступать, как и раньше, через Карабах на Ганджу. Но находившийся при нем в качестве начальника штаба английский майор Кристи посоветовал ему двинуться с главными силами прямо на север в Шекинское ханство, с тем чтобы соединиться с отрядами Шейх-Али-хана Кубинского и Сурхай-хана Казикумыхского, которые действовали в тылу русских войск на границе Азербайджана и Дагестана.

Командовавший русскими войсками в Карабахе генерал Котляревский вовремя узнал о замыслах противника и решил, вопреки приказанию нового главнокомандующего генерала Ртищева, предлагавшего ограничиваться лишь пассивной обороной, немедленно приступить к активным действиям. Он сосредоточил свой отряд, состоявший из четырех батальонов пехоты и шести казачьих сотен (2260 бойцов), у замка Ах-оглы (юго-восточнее Шуши) и на рассвете 30 октября выступил в «легкий поход», приказав оставить на месте не только обозы, но даже шинели и ранцы и выдать солдатам лишь четырехдневный запас сухарей и по 40 патронов.

Подсаживая пехотинцев на казачьих лошадей, он прошел за сутки около 70 км, ночью форсировал р. Аракс (в 15 км выше Ленкоранского) и, совершив обходный маневр, утром 31 октября неожиданно появился на виду у лагеря Аббас-Мирзы.

Построив три батальонных каре, Котляревский решил одним из них нанести удар по левому флангу противника, а двумя другими при поддержке развернувшихся «лавой» казачьих сотен обойти неприятельский лагерь и атаковать его с тыла.

Заметив приближение малочисленного русского отряда, Аббас-Мирза сказал: «Поросята сами лезут на нож...» [182]

В то время как английские офицеры готовили к бою батальоны обученных ими «сарбазов», персидская конница густыми массами ринулась навстречу русским егерям и гренадерам. Отразив ее картечным огнем, Котляревский приказал выдвинуть орудия на ближайшие к лагерю высоты и бить по находившейся внизу пехоте противника.

---

[182] П. О. Бобровский. История 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка. СПб., 1895, т. III, стр. 297.

Меткий огонь русских артиллеристов вызвал в ее рядах замешательство. Вслед за тем стремительной штыковой атакой противник был отброшен на правый берег р. Дараут-чай и в беспорядке отошел к Асландузскому укреплению. По выражению официального персидского историографа, «воины ислама после трехчасовой кровавой схватки почли за лучшее отступить для отдохновения на другую позицию» [183].

Аббас-Мирза надеялся на другой день взять реванш, но Котляревский снова успел упредить его. Ночью, когда «зрачки счастья сарбазов находились во власти сна» [184], он разделил свой отряд на две колонны и внезапно атаковал противника, охватив его с обоих флангов. Егеря первыми ворвались в укрепление. Казаки бросились наперерез охваченным паникой сарбазам, бежавшим к Араксу.

К рассвету армия Аббас-Мирзы была полностью разгромлена. При этом сам он едва не попал в плен, так как в разгар боя, по свидетельству того же официального источника, «лошадь его внезапно споткнулась, отчего его высочество изволил свое благородство перенести с седла на землю...» [185] Все же ему удалось снова вскочить в седло и ускакать с 20 всадниками, бросив свои рассеявшиеся войска на произвол судьбы.

Английский майор Кристи был найден среди убитых, которых всего насчитывалось свыше 1200 чел.

Кроме 537 пленных, было захвачено 11 английских орудий и 36 фальконетов [186]. Русский отряд потерял всего 127 чел. убитыми и ранеными.

За победу при Асландузе Котляревский был произведен в генерал-лейтенанты и награжден орденом Георгия 3-й степени.

Он настойчиво просил Ртищева разрешить ему двинуться прямо на Тавриз, доказывая, что угроза этому крупному городу Южного Азербайджана заставит шаха немедленно просить мира. Но нерешительный Ртищев счел необходимым сначала обеспечить положение на левом фланге и обезопасить основные коммуникации, связы-

---

[183] Персидская хроника «Равзат уль Сафа», русский перевод в газете «Кавказ», 1866 г., № 21.

[184] Там же.

[185] Там же.

[186] АКАК, V, № 847.

завшие Тифлис и Баку, а потому приказал Котляревскому организовать экспедицию в Талыш с целью овладения Ленкоранью. Выполняя этот приказ, Котляревский в декабре 1812 г. через густые леса и болота прибрежной низменности подошел к Ленкорани и 13 января 1813 г. овладел этой крепостью.

Штурм Ленкорани обошелся дорого. Полуторатысячный отряд Котляревского потерял убитыми и ранеными 950 солдат и офицеров. Тяжело ранен был и сам Котляревский, которому пришлось после этого навсегда оставить по инвалидности военную службу.

Весной 1813 г. полковник Пестель с двумя батальонами Тифлисского мушкетерского полка нанес поражение ереванскому хану.

Летом возобновились мирные переговоры, а 12 октября 1813 г. в карабахском селении Гюлистан был подписан мирный договор, по которому Фатх-Али-шах не только отказался от своих притязаний на Грузию и Дагестан, но и на весь Северный Азербайджан, включая часть Талышского ханства (Ленкоранскую низменность) [187].

В ходе гюлистанских переговоров уполномоченные шаха пытались предъявить претензии на всю территорию Восточного Кавказа, настаивая на отводе русских войск за линию Терека. Они ссылались при этом на исторические границы владений государства Сефевидов и державы Надир-шаха, хотя известно, что фактически власть этих государей никогда не распространялась на весь Восточный Кавказ. Даже в результате четырехкратных походов Надир-шах так и не смог покорить народы Дагестана. Непрочным являлось его владычество и в ряде северных районов Азербайджана. В канун же присоединения к России северо-азербайджанские ханства вообще не находились в зависимости от персидских властителей, и все попытки основателя династии Каджаров Ага-Мухаммед-шаха навязать им такую зависимость ни к чему не привели. Следовательно, претензии шахских уполномоченных на гюлистанской мирной конференции столь же мало отвечали фактическому положению вещей, как и утверждения позднейших английских ориенталистов относительно того, что по Гюлистанскому миру от империи Каджаров якобы

---

[187] ЛКАК, V, № 877.

были отторгнуты «искони персидские земли» [188]. На самом деле это были исконные земли кавказских народов, упорно сопротивлявшихся на протяжении веков персидской военно-феодальной экспансии и угрозе иноземного порабощения.

Что касается русской делегации, то она руководствовалась директивами, полученными в разное время кавказским командованием от императора. Еще в 1808 г. Александр I указывал Гудовичу, что в переговорах с Фатх-Али-шахом следует добиваться установления границ по естественным водным рубежам Восточного Закавказья. Исходя из этого, Гудович писал тогда Аббас-Мирзе: «Главное основание, на коем может быть постановлен прочный мир между Россией и Персией, есть определение границ по рекам Кура, Аракс и Арпачай... с тем, чтобы все земли, лежащие на левом берегу течения сих рек, уступлены были в вечное владение России» [189]. Однако, поскольку военные действия были затем перенесены к югу от нижнего течения Куры в пределы Талышского ханства, царь весной 1812 г. разрешил Ртищеву «в отмену прежних предписаний заключить мир с персиянами на следующем основании: «...вместо границы по рекам Куре, Араксу и Арпачаю, которая предполагалась, поставить границу по межам тех владений и земель, которые ныне во власти нашей уже находятся» [190]. Это условие и было в конечном счете положено в основу Гюлистанского трактата.

Таким образом, было подтверждено включение в состав России всего кавказского побережья Каспийского моря от устья Терека до Астары и почти всей территории Северного Азербайджана до Аракса и Зангезурского хребта. На левом берегу Аракса вне границ России оставались лишь Нахичеванское и Ереванское ханства. Тем самым обеспечивалась дополнительная коммуникация с Грузией через Астрахань и Баку.

Бухарестский и Гюлистанский трактаты явились первыми дипломатическими актами, юридически оформившими ранее свершившийся факт присоединения к России значительной части Закавказья. В этих актах впервые

---

[188] G. Curson. Op. cit., p. 589.
[189] АКАК, III, № 831.
[190] АКАК, V, № 797. Рескрипт генералу Ртищеву от 7 апреля 1812 г.

нашло свое отражение международное признание крупных успехов, достигнутых в этом районе русской дипломатией.

От присоединения Восточной Грузии через целую серию сепаратных договоров с феодальными владетелями Имеретии, Мегрелии, Гурии, Абхазии и соглашений с азербайджанскими ханами к мирным трактатам с Турцией и Персией — таким сложным и извилистым путем шло здесь развитие внешней политики России в первые годы XIX в. Как никогда ранее, русско-кавказские отношения осложнялись в это время вмешательством не только соседних восточных государств, но и далеких от Кавказа западных держав.

3. СУДЬБЫ ЗАКАВКАЗЬЯ И ЗАПАДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Если в середине XVIII в. на Среднем Востоке действовала преимущественно агентура английского капитала, то на исходе этого столетия здесь начинают проявлять возрастающую активность разведчики французской буржуазии. Последняя, придя к власти внутри страны, тотчас стала мечтать о завоевании богатых восточных рынков. Генерал Бонапарт своими победоносными походами в Средиземноморье прокладывал ей дорогу в Азию.

В дипломатических кругах Парижа надеялись использовать султана и шаха как сателлитов Французской республики на Востоке. Ее посол в Стамбуле Верninак, комментируя известие о нашествии Ага-Мухаммед-хана на Закавказье, доносил своему правительству: «Мухаммед-хан может стать врагом России» [191]. Французские эмиссары Оливье и Брюгьер, прибывшие в 1796 г. в Персию, всячески подстрекали шаха к новому походу в Закавказье и «настойчиво призывали его поднять оружие против России» [192]. Можно полагать, что не без влияния со стороны этих французских эмиссаров Ага-Мухаммед-шах весной 1797 г. действительно предпринял новый поход на север, опустошив Карабах. Оттуда он с бирался снова вторгнуться в Грузию. Кинжал заговорщика оборвал его жизнь, а пребывание русских войск в Тифлисе охладило пыл его преемника. В то же время «египетская экспедиция» Бонапарта вызвала присоединение Турции

[191] А. Иоаннисян. Указ. соч., стр. 11.
[192] Там же, стр. 21.

к антифранцузской коалиции, в результате чего политические акции французской агентуры на Среднем Востоке пали.

Место французских эмиссаров при дворе шаха постарались занять их соперники — англичане. Главный английский резидент на Среднем Востоке Харфорд Джонс, имевший резиденцию в Багдаде, считал Россию главным противником Англии в этой части Азии [193].

Однако французская дипломатия не осталась в долгу. Сразу же после заключения мира с султаном (26 июня 1802 г.) Наполеон Бонапарт направил на Средний Восток полковника Себастиани, который должен был, помимо Египта, Сирии и других владений султана, посетить и Персию [194]. Связи с политическими деятелями империи Каджаров пытался со своей стороны наладить и назначенный французским консулом в Багдад Жан-Франсуа Руссо. Как свидетельствуют документы, обнаруженные А. Р. Иоаннисяном в архивохранилище Матенадарана, Руссо использовал в качестве агента армянского купца Давида Мелика-Шахназаряна [195].

Имея целью обострить англо-русские противоречия в восточном вопросе, Бонапарт в 1802 г. предложил Александру I приступить к переговорам о разделе владений турецкого султана, но не встретил сочувствия в Петербурге. Русское правительство предпочитало видеть своим соседом в районе Черного моря занятого внутренними преобразованиями султана Селима III, а не агрессивно настроенного Бонапарта. Оно дорожило союзом, заключенным с Турцией в 1798 г., и не собиралось нарушать его. Позицию русской дипломатии в этом вопросе хорошо выразил граф В. П. Кочубей, ближайший дипломатический советник императора. В секретной записке, поданной царю в 1802 г., он писал: «Россия в пространстве своем не имеет уже нужды в расширении, нет соседей покойнее турок, и сохранение сих естественных неприятелей наших должно действительно впредь быть коренным правилом нашей политики» [196]. Этого мнения придерживался и сам Александр I,

---

[193] А. Иоаннисян. Указ. соч., стр. 53.
[194] ЛКАК, II, № 5.
[195] А. Иоаннисян. Указ. соч., стр. 59.
[196] С. Жигарев. Русская политика в Восточном вопросе, т. I. М., 1896, стр. 256.

и канцлер А. Р. Воронцов, и многие другие государственные деятели царской России. «Одно из основных начал моей политической системы всегда будет состоять в том, чтобы всеми средствами содействовать сохранению этого государства...» — писал царь о Турции в секретной инструкции своему послу в Вене А. К. Разумовскому [197].

Потерпев неудачу в попытке осложнить англо-русские отношения на Востоке, Бонапарт стремился во что бы то ни стало разрушить русско-турецкий союз. Еще осенью 1803 г. канцлер А. Р. Воронцов предупреждал Цицианова: «Первый консул, не могши ввести нас в виды свои на подел империи Турецкой, ищет теперь отвлечь от нас доверенность Порты, чиня чрез посла своего внушения министерству турецкому на счет неискренности нашей» [198].

Между тем политическая атмосфера в Европе накалялась. Амьенский мир оказался недолговечным. Война между Англией и Францией возобновилась. Зона наполеоновской агрессии на континенте ширилась с каждым днем. Вильям Питт спешно искал союзников. Ему не трудно было найти их среди европейских монархов, встревоженных бесцеремонным хозяйничаньем Наполеона в Италии и Германии.

Канцлер А. Р. Воронцов решительно заявлял, что остановить «направление Французской республики ко всемирному владычеству могут токмо совокупные усилия России, Англии и Австрии» [199].

В этой обстановке Наполеон готов был использовать любое обстоятельство для того, чтобы отвлечь внимание своих противников и помешать им объединить свои силы Русско-персидская война была именно таким обстоятельством. Весной 1805 г. Наполеон направил в Тегеран одного за другим двух своих эмиссаров — Жобера и Ромье. По пути они имели свидание в Константинополе с турецкими политическими деятелями, побуждая их к разрыву союза с Россией и оказанию военной помощи Персии. Однако по пути в Тегеран Жобер был посажен баязетской пашой в тюрьму по обвинению в шпионаже, а Ромье скоропостижно

---

[197] «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами». Составил Ф. Мартенс (далее — Ф. Мартенс). Т. II. СПб., 1875, стр. 375.

[198] АКАК, II, № 1799.

[199] «Архив кн. Воронцова», книга 11. М., 1882, стр. 441.

скончался на другой день после первой же аудиенции у шаха. По словам А. Я. Италинского, «смерть г-на Ромье была приписана англичанам» [200]. Только в июне 1806 г. Жобер прибыл в Тегеран. К этому времени сюда уже дошли вести о победах Наполеона в Европе. Фатх-Али-шах выразил готовность заключить военный союз с могущественным императором французов. В Париж вслед за уехавшим Жобером отправился и шахский посол Мирза-Мохаммед-Риза-хан.

Тем временем Наполеон по Пресбургскому миру 1805 г. овладел принадлежавшими ранее Австрии областями Восточной Адриатики — Истрией и Далмацией, сделавшись непосредственным соседом турецкого султана на Балканском полуострове. Это произвело в Константинополе едва ли не более сильное впечатление, чем военные успехи наполеоновской армии на полях Центральной Европы. Французское посольство в Константинополе стало центром антирусской пропаганды.

Всячески афишируя успехи Наполеона в борьбе с «Третьей коалицией», французский посланник Рюффен внушал членам турецкого Дивана, что военное могущество России окончательно подорвано и что наступил самый благоприятный момент для того, чтобы раз и навсегда отбросить ее от берегов Черного моря и вытеснить ее из Крыма и Кавказа.

По свидетельству современника, весной 1806 г. сановники султана представляли собой «не более как органы внушений Франции, как эхо ложных слухов, хвастовства, угроз и ругательств» по адресу России [201].

Правда, султан Селим III еще колебался, сознавая неподготовленность Турции к войне и желая отсрочить выступление против России до завершения начатой им военной реформы.

Но это не мешало ему благосклонно выслушивать враждебные России заявления Рюффена и называть Наполеона «самым верным и самым необходимым союзником».

Между тем Наполеон, который готовился тогда к войне с Пруссией, был заинтересован в том, чтобы связать руки России на юге, отвлечь ее силы от западной границы и тем

---

[200] А. Иоаннисян. Указ. соч., стр. 99.
[201] А. Н. Петров. Указ. соч., т. I, стр. 32.

самым лишить ее возможности спасти пруссаков от разгрома.

«Он хотел охватить великую империю непрерывной цепью врагов и поднять их в целях диверсии на всем протяжении ее границ... Он замышлял перевести свою армию из Далмации к низовьям Дуная; по его мысли, тридцать пять тысяч французов должны были служить поддержкой мусульманским бандам во время их наступления... из долины Дуная к Днестру... Наполеон выражал желание, чтобы турецкий флот на Черном море тревожил берега России и нападал на Крым; он указывал на Севастополь как на уязвимую пяту колосса... Его агенты подкупали пашей Армении и убеждали их сделать нападение на Кавказ. Подготовлялся союз с Персией...» [202].

Он говорил своим маршалам, что в предстоящей борьбе с Россией *«Турция должна составлять наш правый, а Персия — крайний правый фланг»* [203].

В августе 1806 г. в Константинополь прибыл новый «чрезвычайный посол» Наполеона — генерал Себастиани, которому было поручено любой ценой склонить турецкое правительство к разрыву с Россией. С жаром, свойственным его гасконскому темпераменту, он стал уверять султана и его министров, что французская армия в Далмации готова к участию в походе за Днестр и что русские, конечно, не устоят перед натиском объединенных сил Французской и Турецкой империй.

Одновременно некий «комендант» Мерьяж был отправлен в Виддин, чтобы через голову султана установить непосредственные сношения с турецкими пашами в Болгарии и спровоцировать их на сепаратные выступления против России на Дунае, если Селим III будет еще медлить с официальным объявлением войны. С этой же целью Наполеон засылал своих агентов в пашалыки, примыкавшие к кавказской границе.

Капитан Бонтан, Жуаннен, племянник Талейрана Лабланш, Огюст-де-Нерсиа — все эти французские эмиссары один за другим спешили на Восток, являясь не столько дипломатами, сколько разведчиками и диверсантами. Их

---

[202] А. Вандаль. Наполеон и Александр I, т. I. СПб., 1910, стр. 25.

[203] Correspondance de Napoléon, t. XIV, 11651—69. Талейран к Себастиани, 20 января 1807 г.

конечной целью был Тегеран, но по пути некоторые из них задерживались в Эрзеруме и Баязете, вступая в переговоры с местными пашами.

Сначала им не удавалось завоевать доверие провинциальных пашей, которые не обладали достаточно широким политическим кругозором и слабо ориентировались в международной обстановке. Но постепенно агенты Наполеона (разумеется, не без помощи французского золота) наладили контакт и с представителями турецкой знати в пограничных пашалыках Восточной Анатолии, и с ближайшими советниками Фатх-Али-шаха.

Усиленно распространяя все ту же версию о падении военной мощи России, они подстрекали и тех, и других к новым актам агрессии на Кавказе, к изгнанию русских войск из Грузии и Северного Азербайджана. Они демонстрировали собственноручные письма Наполеона, в которых французский император выражал готовность поддержать притязания шаха и султана на Закавказье. «Поражения русских приблизили меня к тебе...— писал Наполеон шаху 17 января 1807 г.— Со своей стороны и ты атакуй с настойчивостью врагов, которых мои победы предоставляют тебе ослабевшими и обескураженными, возьми назад от них Грузию и все провинции, которые были в твоей империи, и закрой для них все каспийские порты...» [204]

Из этого видно, что исконные грузинские, армянские и азербайджанские земли были для Наполеона всего лишь разменной монетой. Подстрекая шаха и султана к войне с Россией, он хотел купить союз с ними, отдав в их распоряжение всю территорию Закавказья. Судьбы коренного населения этого края, оказавшегося бы в этом случае под гнетом турецких и персидских феодалов, не интересовали его ни в малейшей степени.

Весть о том, что султан Селим III решился объявить войну России, обнадежила Наполеона относительно возможности создания военного союза Персии и Турции под эгидой Франции. В том же послании он писал шаху: «Все трое мы должны согласиться и образовать вечный союз». А от находившегося в Константинополе Себастиани Наполеон требовал: «Необходимо, чтобы турецкая эскадра действовала в Черном море... Необходимо также расшевелить

---

[204] См. О. Маркова. Указ. соч., стр. 254.

Персию и направить ее усилия на Грузию. Добейтесь от Порты, чтобы она дала приказ эрзерумскому паше двинуться на эту провинцию со всеми своими силами. Поддерживайте доброе расположение абхазского князя (Келеш-бека.— *А. Ф.*) и побудите его принять участие в большой диверсии против общего врага. Пусть этот князь, эрзерумский паша, персы и Порта атакуют одновременно Грузию, Крым и Бессарабию» [205].

Хотя эта инструкция и была написана по поручению императора его министром иностранных дел Талейраном, ее стиль и отдельные формулировки напоминают язык боевых приказов и диспозиций. Наполеон-дипломат уступал место Наполеону-полководцу. Его дивизии вели тяжелые изнурительные бои против русских в лесах и болотах Восточной Пруссии. Он хотел нанести России новый внезапный удар, открыв против нее второй фронт в Молдавии и в Крыму и третий — по всей кавказской границе.

Как видно из этой инструкции, Наполеон неплохо был информирован о положении в Закавказье, о настроениях местной феодальной знати, о возможности использовать некоторых местных владетелей в качестве «пятой колонны» для диверсий в тылу малочисленных русских войск, оборонявших внешние границы Грузии. Ему было известно, в частности, о том, что абхазский владетель Келеш-бек еще не примкнул к России, а потому может быть привлечен к антирусскому блоку, который сколачивала на Среднем Востоке наполеоновская дипломатия. Наполеон учитывал, что именно на кавказской границе Россия менее всего подготовлена к серьезной войне, как в политическом, так и в стратегическом отношениях.

Конечно, недавно присоединенные грузинские и азербайджанские земли являлись, с точки зрения русского дворянства, всего лишь далекой окраиной, а Тифлис и Баку были еще слишком мало связаны с Москвой и Петербургом. Однако потеря этих новых закавказских владений, составлявших пока единственное территориальное приобретение молодого царя, несомненно, поколебала бы его престиж в глазах русского дворянства, не забывшего еще аустерлицкого поражения.

---

[205] J. de Testa. Recueil des Traités de la Porte Ottomane avec les puissances étrangères, t. II. Paris, 1865, p. 290—291.

Наполеон не без основания рассчитывал на то, что «диверсия», которую он предполагал осуществить руками своих сателлитов на Кавказе, может иметь значительный морально-политический эффект. Кроме того, отторжение от России Закавказья лишило бы ее важного плацдарма для дальнейшего продвижения в глубь Передней Азии, ослабило бы ее позиции в районе Черного моря и нанесло бы удар еще хилой, но постепенно развивающейся русской азиатской торговле. Этим, разумеется, немедленно воспользовалась бы французская буржуазия, мечтавшая о завоевании обширных восточных рынков. Недаром Наполеон призывал шаха закрыть для России каспийские порты.

К лету 1807 г., когда французская армия вплотную подошла к русской границе на Западе, замыслы Наполеона относительно координации стратегических усилий Персии и Турции с боевыми действиями «Великой армии» готовы были, казалось, осуществиться. 4 мая в прусском замке Финкенштейн шахский посол Мирза-Мохаммед-Риза-хан и французский министр Маре подписали договор о военном союзе. Статья 3-я этого договора гласила, что «император Франции... признает Грузию как законно принадлежащую императору Персии». Статья 4-я содержала обязательство Наполеона «приложить все усилия, чтобы принудить Россию к эвакуации Грузии и персидской территории». В статье говорилось, что «эта эвакуация будет постоянным предметом его политики и его требований» [206].

Таким образом, Наполеон официально заявил о своей поддержке завоевательной политики Каджаров, направленной на порабощение народов Закавказья. Он уже авансом признал законным установление над ними иноземного владычества.

Однако ни шах, ни султан не могли порадовать Наполеона своими военными успехами. Поражение турецких войск на Арпачае свидетельствовало о способности русских оборонять внешние границы Грузии.

До зимы было еще далеко, и неизвестно, чем завершилась бы летняя кампания 1807 г., если бы Наполеон не выручил своего незадачливого союзника, уговорив Александра I при свидании с ним в Тильзите прекратить воен-

---

[206] A. de Clercq. Recueil des Traités de la France, t. II, Paris 1864, p. 202.

ные действия против Турции и немедленно заключить с ней перемирие.

Разыгрывая роль «миротворца» и выступая в качестве посредника между царем и султаном, Наполеон руководствовался отнюдь не пацифистскими побуждениями. Он видел, что Турция, оставшись одна лицом к лицу с Россией, неминуемо проиграет войну и тогда надолго откажется от возобновления борьбы со своим могущественным северным соседом. Между тем он понимал, что турки еще могут понадобиться ему в недалеком будущем.

Несмотря на Фридлянд и Аустерлиц, Россия оставалась единственной великой континентальной державой, способной отстаивать свои интересы на международной арене, и французский император не мог не рассматривать ее как главное препятствие на своем пути к мировому господству.

Уже тогда, в Тильзите, обнимая молодого Александра и заверяя его в своих дружеских чувствах, он отдавал себе отчет в неизбежности нового столкновения с ним. Поэтому Наполеон и старался спасти Турцию от новых поражений и сберечь ее силы для того, чтобы впоследствии опять использовать ее в качестве сателлита в предстоящей решающей схватке с Россией. Конечно, он скрывал это от русского царя, обещая ему свое содействие в заключении выгодного и почетного мира с султаном, а также соблазняя его перспективой получения львиной доли в случае раздела турецких владений.

Александр I поверил этим обещаниям и согласился вывести русские войска из Валахии и Молдавии, а также начать при посредничестве Наполеона переговоры с Турцией о заключении мира. Эти обязательства русского императора были зафиксированы в соответствующих статьях (22-й и 23-й) Тильзитского договора, подписанного 8 июля 1807 г.

Турецкие министры не могли сразу понять дальновидной политики своего западного союзника, и наполеоновскому послу в Константинополе — генералу Себастиани — пришлось выслушать немало горьких упреков по адресу его императора. Однако продолжать войну без поддержки Франции турецкое правительство не решилось. 24 августа 1807 г. в румынском городке Слободзея было подписано соглашение о перемирии, предусматривавшее прекраще-

ние военных действий между Россией и Турцией до 15 апреля 1808 г.

Ни в тексте Тильзитского договора, ни в пунктах Слободзейского соглашения ничего конкретно не было сказано о Кавказском театре. На этом основании Юсуф-паша попытался добиться здесь более выгодных для себя условий перемирия. В качестве одного из них он выдвинул требование «возвращения крепостей и пушек», захваченных русскими войсками, а также предложил отвести последние из пограничных районов к Тифлису. При этом он ссылался на то, что, согласно условиям Слободзейского перемирия, русские войска были выведены из придунайских княжеств [207]. Но Гудович довольно резонно ответил турецкому главнокомандующему, что никаких крепостей он не брал, а пушки являются военными трофеями, которые никогда противнику не возвращаются. Что касается отвода русских войск от границы, то он категорически отверг это предложение, мотивируя тем, что Слободзейское соглашение для него не является обязательным, так как, во-первых, оно касается лишь Дунайского фронта, а во-вторых, подписано генералом Михельсоном [208], которому он, будучи фельдмаршалом, не подчиняется.

Юсуф-паша не решился слишком затягивать переговоры, опасаясь, конечно, не столько нарушить директиву своего правительства, сколько новых наступательных операций русских войск.

Слабодзейское перемирие не привело к заключению прочного и длительного мира между Россией и Турцией.

Наполеон не только не способствовал успеху начавшихся в Париже мирных переговоров, но, наоборот, всячески затягивал их, явно уклоняясь от выполнения обещаний, данных в Тильзите. Когда русский уполномоченный граф П. А. Толстой выдвинул требование об установлении русско-турецкой границы по Дунаю и присоединении к России восточного берега Черного моря от Кубани до Риони, Наполеон ответил ему, что согласен поддержать эти требования при условии, если Франция получит соответствующую компенсацию за счет Пруссии. «Если вы хоти-

---

[207] АКАК, III, № 963.

[208] Гудович ошибался: генерал Михельсон умер еще до подписания Слободзейского соглашения, которое утвердил его преемник — генерал Мейендорф.

те, чтобы я пожертвовал своим союзником, справедливость требует, чтобы и вы пожертвовали своим»,— заявил он Толстому [209].

Почти одновременно (2 февраля 1808 г.) Наполеон направил личное послание Александру I, в котором изложил свой пресловутый план похода на Индию, предлагая сформировать на Балканах 50-тысячную армию, составленную из русских, французских и, «может быть», австрийских войск, а затем двинуть ее на Константинополь и далее — через Малую Азию — в Месопотамию. Эта армия, по его словам, «не достигла бы еще Ефрата, как Англия задрожала бы и пала бы на колени...» [210]

Было очевидным, что подобную экспедицию нельзя осуществить без войны с Турцией. Но оставалось неясным, что же будет с Оттоманской империей, когда союзные войска оккупируют ее столицу. Какая судьба постигнет балканские народы? В чьих руках останутся проливы? Александр I, естественно, хотел уточнить эти вопросы, непосредственно затрагивавшие государственные интересы России. Тогда Наполеон немедленно предложил проект раздела турецких владений между союзниками, согласно которому Австрия должна была получить Сербию, Россия — Дунайские княжества и Босфор, а Франция — Дарданеллы. Это означало, что «ключи от Черного моря» перейдут из рук слабого султана в руки могущественного французского императора. Разумеется, Александр I не мог согласиться с этим и отклонил подобное предложение. С каждым днем он все более убеждался в том, что напрасно поверил в Тильзите словесным обещаниям Наполеона, не закрепив их официальным договором. И тем не менее он позволил обмануть себя еще раз, согласившись продлить срок Слободзейского перемирия и не возобновлять военных действий против Турции до окончания мирных переговоров в Париже.

Продление перемирия, конечно, было выгодно только Турции, а не России, которая, пользуясь относительной стабилизацией международных отношений в Европе, могла бы в этот момент выделить более крупные силы для быстрого завершения войны с Оттоманской империей

---

[209] «Отечественная война и русское общество» (юбилейное издание), т. II. М., 1911, стр. 108.

[210] Там же, стр. 107.

Именно поэтому Наполеон, все еще разыгрывавший роль «честного маклера», и затягивал мирные переговоры между царем и султаном, желая обеспечить последнему возможно более длительную передышку.

Правительство султана постаралось в свою очередь максимально использовать эту благоприятную ситуацию для подготовки к новому туру войны с Россией. В частности, значительно усилилась деятельность турецкой агентуры на Кавказе, направленная к политическому обеспечению предстоящих здесь военных операций.

Вопроса о русско-персидских отношениях Наполеон в беседах с Александром I старался избегать. Тем временем его новый посол генерал Гардан в сопровождении 70 французских офицеров направился в Тегеран, чтобы поощрить враждебные России действия персов в Закавказье. В инструкции Гардану подчеркивалось, что он должен «употребить все свои усилия, чтобы Персия и Оттоманская Порта сговорились, насколько это возможно, относительно их действий между Черным и Каспийским морями» [211].

Прибывшие с Гарданом французские офицеры взялись за обучение персидских сарбазов «на европейский манер», открыли в Тавризе офицерское училище, а в Исфагане — завод для литья пушек. Некоторые из французских военных специалистов предприняли рекогносцировки в пограничных и приморских районах, посетив, в частности, порт Энзели [212].

Стараясь обеспечить господство французской буржуазии на рынках Среднего Востока, Гардан добился предоставления французским купцам широких привилегий для торговли во всех владениях шаха [213].

Когда в 1808 г. Гудович осадил Ереван, Гардан направил к нему своего секретаря Лажара с требованием прекратить огонь и вывести русские войска из пределов Ереванского ханства [214].

Отказ русского командования выполнить это требование и посредничество Наполеона в русско-турецких переговорах подорвали престиж Гардана в глазах персидских политических деятелей. Немалое значение имели также

---

[211] «Mission du général Gardan en Perse». Paris, 1868, p. 84.
[212] АКАК, III, № 484, № 495.
[213] «Mission du général Gardan...», p. 106—107.
[214] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4265, л. 17—18.

вооруженные демонстрации британского флота в Персидском заливе и щедрые подарки, преподнесенные советникам шаха и ему самому прибывшим в Тегеран английским резидентом Харфордом Джонсом [215]. Наконец, большое впечатление произвело на шаха известие о заключении 5 января 1809 г. мирного договора между Турцией и Англией. Два месяца спустя, 12 марта 1809 г., шах также согласился заключить союзный договор с Англией, проект которого представил ему Джонс.

Карта Наполеона была бита. Гардану и членам его миссии ничего не оставалось, как покинуть пределы империи Каджаров. С этого времени шах стал получать от англичан ежегодную субсидию в размере 200 тыс. туманов (2 млн. руб. золотом), в персидские порты начали поступать крупные партии английского оружия, а британские офицеры заменили французских в качестве инструкторов боевой подготовки шахской армии.

Естественным следствием этого была активизация военных действий в Закавказье. «Вес английского золота, щедрою рукою рассыпаемого в Персии, произвел обыкновенное свое действие...» — сообщал Тормасов из Тифлиса, комментируя попытки персидских войск перейти в наступление [216].

Поскольку весной 1809 г. прекратилось также состояние перемирия между Россией и Турцией и возобновились военные действия на границах Западной Грузии, казалось, опять сложились благоприятные условия для координации стратегических усилий вооруженных сил шаха и султана. Но на этот раз идею создания персидско-турецкого блока против России выдвинули уже не французские, а британские дипломаты.

Харфорд Джонс в Тегеране и Роберт Эдер в Константинополе немало потрудились над тем, чтобы склонить двух восточных монархов «к соединенным действиям против России». Стратегический смысл подобной политической комбинации сводился к организации «решительных предприятий» против русских войск, оборонявших Грузию

---

[215] Достаточно сказать, что послание английского короля Джонс вручил шаху на золотом блюде, украшенном крупным бриллиантом стоимостью в 25 тыс. фунтов стерлингов (см. О. Маркова, Указ. соч., стр. 284).

[216] АКАК, IV, № 293.

и Северный Азербайджан. Предполагалось, что вооруженные силы обоих союзников одновременно вторгнутся в Закавказье и начнут движение к Тифлису с четырех направлений — через Карабах, Ганджу, Памоакскую долину и Имеретию [217].

Не трудно представить, каким страшным бедствием явилось бы для народов Закавказья такое иноземное нашествие, если бы английским дипломатам удалось реализовать свои замыслы. Подобно Наполеону, британский министр иностранных дел Роберт Кэстльри совершенно игнорировал национальные интересы и чаянья кавказских народов. Без малейших колебаний он готов был принести их в жертву завоевателям, если только эти завоеватели будут послушно следовать предначертаниям английских политических деятелей.

К счастью для многих тысяч мирных жителей Грузии и Азербайджана, которым грозило физическое истребление или угон в рабство, английским дипломатам не удалось осуществить свои намерения. Этому помешали давние споры персидских и турецких феодалов из-за Курдистана, религиозная вражда между суннитами и шиитами, а главное, решительные действия русских войск на стыке границ Персии и Турции. Разгром персидско-турецкой группировки у стен Ахалкалаки осенью 1810 г. является убедительным тому примером.

Однако, потерпев неудачу в отношении создания прочного военного союза между шахом и султаном, английские дипломаты делали все возможное для того, чтобы затянуть состояние войны на границах Закавказья, а английские офицеры принимали личное участие в боевых операциях персидских войск, вторгавшихся в Карабах. Майор британской службы Кристи исполнял при Аббас-Мирзе обязанности начальника штаба, а капитан Линдсей являлся начальником артиллерии.

Это стремление английской дипломатии помешать установлению мира в Закавказье и присоединению этого края к России было впоследствии отмечено В. И. Лениным. Конспектируя книгу Иегера «Персия и персидский вопрос», он отмечал: «Англия посылает в Персию особого посла; она помогает Персии в ее войне против России» [218].

---

[217] АКАК, IV, № 1150.
[218] «Ленинский сборник XXIX», стр. 351.

Даже когда в 1812 г. Россия и Англия вновь стали союзниками в борьбе против наполеоновской Франции, британская политика на Среднем Востоке по-прежнему сохраняла антирусскую направленность. Не изменилось и отношение английской дипломатии к судьбам кавказских народов. Она по-прежнему предпочитала видеть их под владычеством шаха и султана, чем в составе России.

Упорное нежелание султана пойти на уступки по вопросу о кавказских границах во время мирных переговоров в Бухаресте объяснялось сильным давлением, которое он испытывал со стороны английского посольства в Константинополе. Как ни заинтересована была Англия в этот момент в союзе с Россией против Наполеона, она всячески старалась помешать распространению русского влияния в районе Черного и Каспийского морей, ибо сама добивалась включения Закавказья и всей Передней Азии в сферу своей колониальной экспансии. Военные успехи русских войск на кавказском театре английская буржуазия рассматривала, как прямую угрозу своим колониальным интересам на Среднем Востоке.

Недаром впоследствии сменивший Кутузова на посту командующего Дунайской армией адмирал Чичагов жаловался Александру I, что в период Бухарестских переговоров английский посол в Константинополе Стрэтфорд Каннинг настойчиво рекомендовал султану ни в коем случае не уступать России ничего из своих кавказских владений, «забывая общую опасность и помышляя лишь о том, какой вред может быть для английской Индии, если Россия утвердится за Кавказом» [219].

Накануне подписания Бухарестского трактата английские дипломаты выступили с предложением привлечь к мирным переговорам и представителей Персии, чтобы одновременно с окончанием русско-турецкой войны добиться ликвидации и русско-персидского конфликта. Смысл этого дипломатического маневра заключался в том, чтобы, во-первых, максимально затянуть мирную конференцию, а во-вторых, заставить шаха и султана быть взаимно ответственными за выполнение условий будущего мира, т. е. все-таки сделать их союзниками, противостоящими России.

---

[219] «Отечественная война и русское общество», т. II, стр. 120.

Разгадав смысл этого маневра, русское правительство отвергло английское предложение. Канцлер Н. П. Румянцев категорически заявил, что нет необходимости, «чтобы о двух войнах, между которыми нет ничего общего, было сделано одно мирное постановление». Он подчеркнул, что не в интересах России допустить, чтобы «замирение с персиянами совершилось, так сказать, под сению Порты Оттоманской» [220].

Нет нужды говорить о том, что в затягивании Бухарестской мирной конференции была повинна и наполеоновская дипломатия. Стараясь сохранить Турцию как союзника накануне нашествия на Россию, Наполеон требовал от своего посла в Константинополе Латур-Мобура во что бы то ни стало «помешать заключить мир с Россией» [221].

Это стремление помешать мирному урегулированию международных проблем было весьма характерно для политики западных держав в отношении Кавказа.

Конечно, было бы ненужным приукрашиванием действительности изображать миролюбивой всю внешнюю политику русского царизма. Но в первые годы XIX столетия, озабоченная грозившей России опасностью с Запада, русская дипломатия настойчиво добивалась мира на южных границах. Объективно это отвечало интересам народов Кавказа, немало пострадавших в прошлом от войн и нашествий иноземных завоевателей.

Особенностью политической ситуации, сложившейся в районе Кавказа к 1812 г., было также то, что к миру склонялись и государственные деятели Персии и Турции, начинавшие осознавать бесплодность дальнейшей борьбы против России. Только дипломаты западных держав выступали против мира, за продолжение войны в Закавказье. Эта их позиция противоречила коренным национальным интересам кавказских народов.

Правда, когда поднявшийся на защиту Родины русский народ нанес сокрушительный удар наполеоновской империи и армия Кутузова, перейдя границу, начала свой победоносный поход в Западную Европу, английским дипломатам пришлось изменить свою тактику.

---

[220] АКАК, V, № 798.

[221] P. Coquelle. Latour-Maubourg, chargé d'Affaires à Constantinople. «Revue d'histoire diplomatique». Paris, 1905, p. 598.

Победа русских войск при Асландузе показала, что если они получат подкрепления (а теперь этого можно было ожидать), то ничто не сможет помешать им предпринять наступательное движение за Аракс. Асландузский разгром отборных войск Аббас-Мирзы служил явным доказательством несовершенства военной системы Каджаров и их неспособности противопоставить русским равную по морально-боевым качествам армию. Опасаясь полного поражения Фатх-Али-шаха, которое могло привести к значительным территориальным и политическим уступкам с его стороны в пользу России, английские дипломаты спешно накинули на плечи белоснежную тогу миротворцев.

В марте 1813 г. английский посол в Тегеране Хор-Аузли предложил русскому главнокомандующему на Кавказе генералу Ртищеву свое посредничество в переговорах с шахским правительством. Он просил при этом не слишком строго настаивать на применении принципа «status quo» при определении будущей русско-персидской границы, давая понять, что Россия не должна стремиться к расширению своего плацдарма в Закавказье [222].

Ртищев выдвинул в качестве предварительного условия переговоров о мире немедленное заключение соглашения о прекращении огня. Хор-Аузли согласился на заключение такого соглашения сроком на 50 дней, но в свою очередь предложил, чтобы после этого были начаты переговоры не о мире, а всего лишь о перемирии на один год. Таким образом, английская дипломатия все еще старалась не допустить установления прочного мира в Закавказье, надеясь использовать годичную передышку для реорганизации персидской армии и осуществления своих давних планов относительно создания военного союза между шахом и султаном. «Из всего обнаруживается, что столь продолжительное перемирие нужно персиянам только для того, дабы иметь время окончить дела свои с Турецкою державою и заключить с оною мирный союз, не благоприятствующий делам здешнего края»,— так расценивал это английское предложение Ртищев. Он добавлял при этом, что «англичане принимают великое участие

---

[222] См. подробнее об этом: А. Р. Иоаннисян. Указ. соч., стр 391—441.

в примирении сих двух держав» (Турции и Персии.— *А. Ф.*) [223].

Когда русское командование решительно отказалось подменять мирный договор соглашением о перемирии, Хор-Аузли выдвинул новое предложение: сначала подписать предварительный мирный договор, а окончательный трактат заключить позднее в Петербурге, пригласив туда полномочного представителя шаха. Неискушенный в области дипломатической борьбы, старик Ртищев не хотел называть предстоящий мирный договор предварительным, но дал согласие на то, чтобы одновременно с подписанием такого договора был составлен особый «сепаратный акт», позволявший шаху направить своего посла в Петербург «просить всероссийского государя императора о всех надобностях и желаниях, какие имеет персидское правительство». Ясно, что это в какой-то мере могло послужить основанием для ревизии мирного договора и осложнить проблему демаркации новых границ. Именно к этому и стремилась английская дипломатия. Недаром канцлер Н. П. Румянцев осуждал Ртищева за проявленную им слабость в отношении «сепаратного акта», предложенного англичанами в качестве дополнения к мирному трактату.

Тот факт, что ревизия Бухарестского и Гюлистанского трактатов являлась одной из главных задач английской дипломатии на Среднем Востоке, подтверждается многими обстоятельствами.

Прошло только четыре месяца с момента подписания Бухарестского трактата, а британский военный представитель в России Вильсон уже советовал русскому правительству возвратить султану «то, что по трактату... взяли», якобы для того, чтобы привлечь его в качестве союзника против Наполеона [224]. Речь шла, разумеется, в первую очередь о Западной Грузии, которую английские дипломаты рассматривали без всяких на то оснований как территорию, подвластную в прошлом турецкому султану.

Подобные демарши английской дипломатии, естественно, пробуждали ревизионистские устремления и со стороны правящих кругов Турецкой империи. Еще летом 1813 г. эрзерумский сераскер Ахмед-паша (тот самый.

---

[223] АКАК, V, № 869.

[224] «Архив кн. Воронцова», книга 23, стр. 170. Письмо Н. М. Лонгинова от 21 сентября 1812 г.

который был разбит Кутузовым под Рущуком, а затем начал мирные переговоры в Бухаресте) потребовал от русского командования на Кавказе вывода русских войск из Гурии, Мегрелии и Абхазии и передачи этих владений «под власть султана» [225].

В 1814 г. с такими же претензиями обратился к русскому правительству рейс-эфенди Галиб-паша, который возглавлял турецкую делегацию во время Бухарестских переговоров [226].

Наконец, в июне 1815 г. новый эрзерумский сераскер Пехлеван-паша, сосредоточив до 15 тыс. турецких войск в районе Ахалцихе, опять предъявил русскому главнокомандующему на Кавказе генералу Ртищеву «письменные требования о немедленной сдаче Имеретии, Мингрелии, Гурии и Абхазии под власть Порты Оттоманской...» [227]

Бряцая оружием на кавказской границе, наместники султана провоцировали пограничные инциденты и засылали в Грузию диверсантов для разжигания там феодальной междоусобицы, надеясь получить повод для вооруженной интервенции.

Так, в июле 1813 г. они перебросили в Абхазию Аслан-бея Шервашидзе, который за пять лет до того (в 1808 г.) убил выстрелом из-за угла своего отца — владетеля Абхазии Келеш-бека, сторонника русской ориентации, и объявил себя вассалом султана. Изгнанный в 1810 г. из Сухума, он продолжал вести междоусобную борьбу против своего брата Георгия Шервашидзе, который был признан русским правительством владетелем Абхазии и вступил в подданство России. Пробыв некоторое время в пограничных районах Турции, отцеубийца Аслан-бей в 1813 г. опять появился на побережье Абхазии. Правда, и на этот раз он не встретил сочувствия в абхазском народе. Ополчение, спешно собранное Георгием Шервашидзе и владетелем Мегрелии Леваном Дадиани и усиленное батальоном русской пехоты с двумя орудиями, без труда рассеяло банду Аслан-бея, который «сам только с десятью человеками спасся» и снова бежал в Турцию.

---

[225] АКАК, V, № 931. Отношение генерала Ртищева к русскому посланнику в Константинополе Италинскому от 19 июля 1813 г.

[226] Там же, № 949. Отношение Италинского от 29 мая 1814 г.

[227] ЦГИАГ, ф. ОВД, д. № 4, л. 417. Рапорт генерала Ртищева от 11 мая 1816 г.

В конце 1814 г. свыше 500 вооруженных людей перешли русско-турецкую границу и вторглись в пределы Гурии, разорив город Озургети и ряд других населенных пунктов [228].

Подобные грабительские набеги на пограничные райо ны Западной Грузии совершались и в последующие годы, сопровождаясь угоном скота и уводом пленных, обращаемых потом в рабство.

В 1817 г. новый главнокомандующий на Кавказе генерал А. П. Ермолов писал русскому посланнику в Константинополе графу Г. А. Строганову: «Начальствующие в Карском и Ахалцихском пашалыках чиновники, не менее и паша Трапезундский, поступками своими дают все право сомневаться в желании их удерживать связи дружества и доброго согласия, между обеими державами существующие, позволяют делать беспрерывные набеги на земли наши, производят хищничества, увлекают в плен поселян и их имущество и даже до того простирают дерзость свою, что нападают на солдат и их захватывают» [229].

Однако правительство султана упорно отклоняло все представления Строганова по поводу нарушения турками кавказских границ, утверждая, что Россия сама якобы не соблюдает условий Бухарестского мира, удерживая свои войска в Западной Грузии. Напрасно Строганов доказывал, что Россия выполнила обязательства, вытекавшие из 6-й статьи Бухарестского трактата, возвратив Турции пункты и районы, з а в о е в а н н ы е русским оружием в ходе войны с Турцией, например Анапу, Поти и Ахалкалакский санджак, оставив за собой только те области, владетели которых добровольно вступили в русское подданство. Министры султана не желали согласиться с ним и продолжали произвольно истолковывать смысл 6-й статьи Бухарестского трактата, требуя вывода русских войск из пределов в с е й территории Западной Грузии и передаче Турции в с е х занимаемых ими укрепленных пунктов, включая Кулеви (Редут-Кале) и Сухуми.

Даже когда в 1818 г. Строганов предложил начать официальные переговоры с целью достигнуть соглашения о «прибрежных владениях» на Кавказе, турецкое правительство категорически отказалось обсуждать этот вопрос,

---

[228] АКАК, V, № 956.

[229] АКАК, VI, ч. 2, № 722. Письмо Ермолова от 24 марта 1817 г.

требуя безусловного признания своих притязаний на Западную Грузию.

Сообщая об этом Ермолову, Строганов не без основания подчеркивал, что «внушения завистливых держав, особливо Англии, имели некоторое влияние на решительный отказ в негоциации...» [230]

Действительно, «внушения» английских дипломатов играли в данном случае немалую роль. Стремясь помешать утверждению России на Кавказском побережье Черного моря, они всецело поддерживали притязания Турции на Западную Грузию и также обвиняли Россию, что она не выполняет условий Бухарестского трактата. Хотя подобная версия и была воспринята впоследствии английской историографией, совершенно очевидно, что она отнюдь не соответствовала истинному положению вещей, ибо речь шла о землях, издревле заселенных грузинами и абхазами и не составлявших никогда части турецкой территории. Следует отметить, что демарши Строганова в Константинополе не получали должной поддержки со стороны царских министров в Петербурге. Не встречали «высочайшего одобрения» царя и неоднократные предложения Ермолова об усилении гарнизона Сухумской крепости и о сооружении нового русского укрепления в Гаграх для противодействия иностранным диверсиям на Кавказском побережье.

Не проявляя необходимой решительности в вопросе о кавказских границах, царское правительство обнаруживало даже известные колебания, будучи готово кое в чем уступить ревизионистским притязаниям турецкой реакции. Так, в 1820 г. управляющий Министерством иностранных дел К. В. Нессельроде высказал мнение о том, что, поскольку пребывание русского гарнизона в Сухуме является основанием для обвинений России в невыполнении Бухарестского трактата, лучше было бы совсем оставить эту крепость и вывести русские войска из Абхазии.

Только вследствие резкого протеста со стороны Ермолова это предложение не получило одобрения Александра I. «Если турки владеть будут какой-нибудь частью полуденной покатости Кавказских гор,— писал Ермолов,— всякая внешняя война повлечет за собой неисчетные

---

[230] Там же, № 736. Письмо Строганова от 14 декабря 1818 г.

неудобства и самые опасности. Трудно будет или паче невозможно удержаться в Мегрелии, Гурии и Имеретии...» [231] Ермолов категорически заявлял, что в случае принятия решения об эвакуации Сухумской крепости «исполнение того возложено было бы на другого», т. е. попросту угрожал отставкой.

Не менее активно поддерживала английская дипломатия и притязания Фатх-Али-шаха. На Гюлистанский мир 1813 г. с Россией британские дипломаты ответили заключением нового англо-иранского договора 1814 г. Обнадежив Фатх-Али-шаха крупной денежной субсидией и военной помощью «в случае войны с какой-либо европейской державой», англичане пробудили в нем стремление к ревизии только что подписанного Гюлистанского мира с Россией. Даже в самом тексте англо-персидского договора было сказано, что границы между Россией и Персией будут определены только с согласия Англии (статья 3-я). Таким образом, британское правительство брало на себя роль гаранта основных условий любого русско-персидского соглашения.

Основываясь на «сепаратном акте», сопутствовавшем Гюлистанскому договору, Фатх-Али-шах в 1815 г. направил в Петербург чрезвычайного посла для предъявления претензий на территории, отошедшие к России в Закавказье. Характерно, что этим послом был назначен Мирза-Абуль-Хасан-хан, ранее состоявший шахским послом в Лондоне и давно находившийся на содержании «Ост-Индской компании». Вслед за ним в Петербург выехал и английский посол в Тегеране Хор-Аузли.

По прибытии в Петербург Мирза-Абуль-Хасан-хан прямо поставил вопрос об отводе русских войск из пределов Закавказья. Это требование нашло поддержку со стороны английских дипломатов, которые, напрашиваясь на роль посредников в предстоящих русско-иранских переговорах, весьма недвусмысленно заявляли, что «естественной границей между Россией и Персией должна быть река Терек» [232].

Встретив со стороны русского правительства решительный отказ обсуждать подобные предложения, Абуль-

---

[231] АКАК, VI, ч. 1, № 932.

[232] Н. Ф. Дубровин. История войны... на Кавказе, т. VI, стр. 199.

Хасан сбавил тон, но, все еще надеясь на своих английских друзей, стал настаивать на том, чтобы «в крайнем случае» Россия возвратила под власть шаха Талышское и Карабахское ханства.

Настаивая на этом требовании, правительство Фатх-Али-шаха в течение многих лет упорно уклонялось от окончательной демаркации установленной этим трактатом русско-иранской границы. При этом, если до 1823 г. Аббас-Мирза в ходе переговоров с Ермоловым о демаркации границы выдвигал требование о возвращении под власть шаха только Талышского и Карабахского ханств, то в 1824 г. он предъявил еще претензию на территорию бывшего Шурагельского султаната.

Шурагельская область была присоединена к России еще в 1805 г., и отказываться от нее теперь, спустя двадцать лет, было, с точки зрения Ермолова, невозможно, хотя бы по соображениям, связанным с необходимостью поддержания политического престижа Русского государства в глазах кавказских народов. Кроме того, Шурагельская равнина, расстилавшаяся у подножья четырехглавого Арагаца (Алагеза), являлась одним из плодородных районов Восточной Армении. О тучных полях Ширака, как называли эту местность армяне, еще в древности слагали хвалебные песни седые ашуги.

Наконец, Шурагельская область находилась на стыке иранских и турецких владений, будучи врезана клином между Ереванским ханством и Карсским пашалыком. Поэтому она имела крупное стратегическое значение. С одной стороны, Шурагельский плацдарм прикрывал южные подступы к Грузии, а с другой, он мог быть использован для развертывания наступательных операций как на ереванском направлении (в ходе войны с Ираном), так и на карсском направлении (в случае войны с Турцией).

Этого было более чем достаточно, чтобы Ермолов наотрез отказался рассматривать вопрос о возможности возвращения Шурагели под власть шаха.

Таким образом, «Шурагельский угол» стал с 1824 г. главным «предлогом несогласия» между Россией и Ираном [233].

---

[233] «Дневник Ф. Ф. Бартоломея». «Русская старина», 1904, май, стр. 305.

Между тем, подстрекаемый своими английскими советниками, Фатх-Али-шах и его наследник Аббас-Мирза продолжали почти открыто готовиться к войне, муштеид Сеид-Мохаммед громко призывал «правоверных» под знамя «газавата», а ереванский хан Гуссейн то и дело засылал в пределы России вооруженные банды. Огибая синюю чашу озера Севан (Гокча), эти банды переваливали через гребень Шах-дага и по лесистым ущельям проникали в долины Казахской и Шамшадильской областей, нападая на русские посты и разоряя армянские и азербайджанские селения.

Сообщая об этом в Петербург, Ермолов предлагал решительно потребовать от шахского правительства безоговорочного признания и полного соблюдения всех условий Гюлистанского трактата. Обращая внимание царя на военные приготовления Аббас-Мирзы, он предупреждал, что война с Ираном неизбежна. По его мнению, лучше было бы немедленно дать отпор реваншистским притязаниям шаха, не ожидая пока он соберется с силами для вторжения в Закавказье [234].

Но Александр I по-прежнему надеялся избежать дальнейшего обострения русско-персидских отношений и уладить все разногласия мирным путем. «Я не могу, однако ж, разделить опасений ваших на счет военных замыслов персиян против России»,— писал он Ермолову и предписывал ему «принять непременным правилом охранение существующего с Персиею мира» [235].

Ермолов оказался более дальновидным. В обстановке, сложившейся на Среднем Востоке, надежд на улучшение русско-персидских отношений быть не могло. Склонность русской стороны к компромиссу расценивалась шахом и его советниками как признак слабости России, и они с каждым месяцем еще более усиливали свои приготовления к новой реваншистской войне с Россией. Находившиеся в Персии многочисленные английские агенты принимали в этих приготовлениях активное участие. Поддерживать напряженную обстановку в Закавказье и возбуждать общественное мнение Персии против России

---

[234] Всеподданнейшее письмо Ермолова от 12 июля 1825 г. «Чтения в Об-ве Ист. и Древн. Росс.», 1867, кн. 3, стр. 177.

[235] Рескрипт Александра I Ермолову от 31 августа 1825 г. Там же, стр. 190—192.

английская дипломатия считала одной из своих главных и непременных обязанностей.

Разумеется, такое поведение английских резидентов на Среднем Востоке объяснялось не только определенными политическими соображениями, но и глубокой заинтересованностью английской буржуазии в монопольном господстве на обширных азиатских рынках. Наблюдательный и остроумный А. П. Ермолов недаром называл британских дипломатов того времени «приказчиками купечествующей нации». Они действительно руководствовались в своей практике интересами английской буржуазии, которая в то время испытывала возрастающую потребность в расширении рынков сбыта, в дальнейшей колониальной экспансии. В погоне за прибылью английский капитал устремлялся в неизведанные районы, искал новых путей к природным богатствам и обширным рынкам Азии, пользовался слабостью и отсталостью одряхлевших феодальных деспотий Востока. Как отмечали еще Маркс и Энгельс, погоня за прибылью заставляла английских капиталистов «наступать на внутреннюю Азию одновременно с двух сторон: с Инда и с Черного моря...» [236]

Наряду с агрессивной войной английских колонизаторов против Бирмы и захватом ими Ассама (1824—1826 гг.) в это время наблюдается активная деятельность британских разведчиков в Афганистане и Средней Азии. В 1822 г. Фрейзер обследует Хорасан, в 1825 г. Муркрофт и Требек проникают в Афганистан и Бухару. Тогда же участились посещения англичанами Грузии, Армении и Азербайджана. Кстати, среди них были не только коммивояжеры английских торговых фирм, но и офицеры английской армии, которых привлекали сюда далеко не коммерческие интересы. Об одном из них, майоре Бэкоп, направлявшемся в Грузию «по случаю проезда чрез С.-Петербург в Персию», уведомляли А. П. Ермолова из Главного штаба, не забыв при этом «присовокупить», что необходимо иметь «наблюдения за всеми англичанами, проезжающими из Персии или в Персию...» [237] Проезжавший в обратном направлении через Кавказ Хор-Аузли удивил русских администраторов своей подозрительной

[236] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 383.

[237] ЦГИАГ, ф. 1025, оп. 1, д. № 110, л. 1. Отношение начальника Главного штаба Дибича от 5 января 1824 г.

любознательностью: в каждом укреплении или кордонном местечке он задерживался не менее, чем на два дня» [238].

Тогда же, в начале двадцатых годов XIX в., англичане приступили к освоению другого торгового пути, ведущего от побережья Черного моря в глубь Передней Азии. Это был известный с древних времен караванный путь Трапезунд — Эрзерум — Тавриз.

В 1823 г. английские товары впервые были завезены в Иран по этому пути [239]. С тех пор интерес к этому маршруту в английских кругах быстро растет. Позднее в Трапезунде и Эрзеруме были открыты постоянные представительства английских торговых фирм [240].

Как писал позднее один из русских обозревателей, «до этой эпохи товары были привозимы из чужих краев в Персию через Багдад и Персидский залив. Индостан снабжал тогда Персию своими произведениями в гораздо большем количестве, нежели теперь, оттуда же привозили и английские ситцы и кисею. Но пути эти были слишком отдаленны и чрез то убыточны, так что рано или поздно торговля должна была открыть себе другие дороги, близость которых должна была иметь и влияние на цену товаров» [241].

Правда, в первое время импорт английских товаров в Персию через Трапезунд — Эрзерум был еще весьма незначительным: ежегодно в Тавриз прибывало этим путем не более 300 вьюков, преимущественно с суконными и стеклянными изделиями [242]. Общая стоимость этих товаров составляла примерно 400—500 тыс. туманов, тогда как через один только Бендер-Бушир проходило товаров не менее, чем на миллион туманов, т. е. вдвое больше [243].

---

[238] ГАСК, ф. 87, д. № 75, л. 10.

[239] Ю. Гагемейстер. О европейской торговле в Турции и Персии. СПб., 1838, стр. 94.

[240] Burgess. A brief notice respecting the trade of the Norths provinces of Persia. «The Portfolio», vol. V. London, 1836, p. 357—359.

[241] И. Ф. Бларамберг. Статистическое обозрение Персии. СПб., 1853, стр. 87.

[242] «Коммерческая газета», 1826, № 62.

[243] С. В. Шостакович. Из истории английской экономической экспансии в Иране. «Труды Иркутского гос. университета», т. XII. Л, 1956, стр. 62.

Однако значение нового торгового пути было неоспоримо. Впоследствии Ф. Энгельс указывал, что «Константинополь и, в особенности, Трапезунд в Азиатской Турции являются главными центрами караванной торговли с внутренней Азией, с долинами Тигра и Евфрата, с Персией и Туркестаном... Трапезунд по своему местоположению приспособлен для этой торговли лучше всякого другого пункта. С тыла к нему примыкают армянские возвышенности, гораздо более проходимые, чем сирийская пустыня, и расположен он достаточно близко от Багдада, Шираза и Тегерана...» [244]

Именно этот караванный путь открывал английскому купечеству возможность для более успешной конкуренции с русскими купцами в тех провинциях, которые непосредственно граничили с Кавказом, а также для проникновения в пределы Грузии, Армении и Азербайджана.

Какое значение персидский рынок приобретал для английской торговли, видно хотя бы из того, что английский импорт в Персию только через порты Персидского залива составлял в 1815 г. шестую, а через десять лет уже четвертую часть вывоза из британских владений в Индии. При общем падении английского экспорта в связи с экономическим кризисом 1825 г. вывоз английских товаров в Персию и Турцию продолжал неуклонно увеличиваться [245].

Русские промышленные изделия были дешевле английских и пользовались большим спросом со стороны населения персидских городов. Это отмечал Ф. Энгельс, который в 1853 г. писал, что прежде «русские товары проникали вплоть до самого Инда и в некоторых случаях даже пользовались предпочтением перед английскими» [246].

Будучи не в состоянии одержать победу в конкурентной борьбе с русским купечеством, английская буржуазия прибегала к иным методам, используя политическое влияние британской дипломатии в правительственных кругах империи Каджаров, а также финансовую зависимость шахского правительства от «Ост-Индской компании».

---

[244] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 12.

[245] Л. С. Семенов. К истории русско-персидских... отношений..., стр. 61—62.

[246] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 12.

Денежная субсидия в размере 800 тыс. золотых рублей была предусмотрена англо-персидским договором 1814 г. только на случай войны Персии с какой-либо третьей державой. Но по мере усиления военных приготовлений к новой войне в Закавказье Фатх-Али-шах настойчиво добивался выплаты этой субсидии. Ради достижения этой цели он шел навстречу притязаниям английского купечества в сфере торговли. Так, в 1823 г. шах подтвердил предоставленные ранее английским коммерсантам торговые привилегии. Одновременно были повышены таможенные пошлины на ввозимые из Закавказья русские товары.

«Нет сомнения,— доносил русский генеральный консул из Тегерана,— что персидский двор по внушениям англичан притесняет российских купцов, а английская миссия старается возобновить несогласия между Россией и Персией в упования принудить персиян покупать их товары и тем уничтожить нашу торговлю» [247].

Британский посланник Джон Макдональд стал первым советником шаха. Он не скупился на деньги и еще более на обещания. Многие шахские сановники являлись фактически платными агентами английской миссии. Так, возглавлявший ведомство иностранных дел Абуль-Хасан-хан получал от англичан ежегодное жалованье в сумме 3 тыс. туманов [248]. Не менее щедро одаривали они и «первого министра» Аллаяр-хана, женатого на дочери шаха, и главу шиитского духовенства муштеида Сеид-Мохаммеда. Прав был Ермолов, который утверждал, что «англичан прикрепляют к персиянам деньги, кои они большими суммами расточают между корыстолюбивыми министрами и вельможами, а сии, во зло употребляя слабость шаха, наклоняют его в их пользу» [249].

Впрочем, денежные подарки от англичан получали не только сановники шаха, но и его наследник Аббас-Мирза. Британский посланник Макдональд писал правлению «Ост-Индской компании»: «Имею честь Вас уведомить, что я сего дня выставил тройной вексель на Ваше имя в пользу его королевского высочества принца Аббаса-Мир-

---

[247] АКАК, VI, ч. 2, № 573.

[248] Там же.

[249] А. П. Ермолов. Краткий очерк истории наших военных действий на Кавказе. См. «Чтения в Об-ве Ист. и Древн. Росс.», кн. 3, стр. 56.

зы или в его распоряжение на сумму 200 тыс. туманов, или 800 тыс. руб. серебром...» [250]

Особенно энергично развивали свою деятельность английские агенты в Южном Азербайджане, т. е. в пограничных с Россией районах Иранской империи.

Правитель Южного Азербайджана, сын и наследник шаха Аббас-Мирза окружил себя английскими военными и политическими советниками. Майор британской службы Гарт и другие английские офицеры руководили формированием и боевой подготовкой новых частей создаваемой Аббасом регулярной армии.

По словам очевидца, наблюдавшего строевые занятия одного из батальонов этой новой армии, происходившие перед дворцом Аббаса-Мирзы в Тавризе, «у каждой роты находился английский фельдфебель, замечавший и поправлявший ошибки». Тут же нередко присутствовал сам майор Гарт, который «с палкой в руке распоряжался ученьем», имея право «наказывать палками по пятам даже персидских полковников и офицеров». Тот же очевидец сообщает, что персидские сарбазы (солдаты) были чисто выбриты, одеты в мундиры из английского сукна, вооружены английскими ружьями. Музыканты в торжественных случаях играли английский гимн «Боже, храни короля». «Все делалось по английскому уставу. Ловкость ружейных приемов, плавность движений, чистота и правильность построений, полнота шага, тишина во фронте... все было соблюдено в точности» [251]. В Тавризский арсенал то и дело прибывали английские пушки. Артиллерийские склады пополнялись боеприпасами. Под руководством британского полковника Монтиса были развернуты широкие военно-инженерные работы по укреплению обороны пограничных с Закавказьем пунктов.

Тем временем в связи с восстанием греков против турецкого ига в 1821 г. возник новый восточный кризис. Под предлогом борьбы с греческой контрабандой правительство султана фактически закрыло черноморские проливы для русского экспорта. Это сильно ударило по экономическим интересам русских помещиков, энергично

---

[250] ЦГИАЛ, ф. 1018, д. 295, л. 2.

[251] Ф. Ф. Бартоломей. Посольство князя Меншикова в Персию. «Русская старина», 1904, апрель, стр. 83—84. См. также АКАК, VI, ч. 2, стр. 149—259.

осваивавших южные степи. Как один из руководящих деятелей реакционного «Священного Союза», Александр I немедленно осудил восставших греков, ибо считал их мятежниками, осмелившимися подняться против своего «законного» монарха — султана. Но как первый помещик Российской империи, царь обязан был обеспечить свободу навигации через проливы и воспользоваться событиями в Греции для усиления политического влияния России на Востоке. Поэтому после некоторых колебаний он ультимативно потребовал от султана восстановления прежнего режима в зоне проливов и прекращения репрессий против греческого населения. Отказ султана выполнить эти требования привел к разрыву дипломатических отношений между Россией и Турцией.

Правительства соперничавших с Россией европейских держав с удовлетворением отмечали возникшие для нее затруднения. В ограничении русской торговли и русского политического влияния в странах Востока были тогда особенно заинтересованы господствующие классы Англии и Австрии. К тому времени Англия владела отданными ей по решению Венского конгресса Ионическими островами, а под властью Австрии, помимо Трансильвании, находились славянские земли на побережье Адриатики (так называемые «Иллирийские провинции»). Поэтому ни та, ни другая держава не хотела расширения сферы влияния России в районе Балканского полуострова. Следуя этой политической линии, английские и австрийские дипломаты упорно саботировали любое начинание царя, направленное на «умиротворение Греции».

Александр I до конца своих дней так и не мог преодолеть этот саботаж и покончить с собственными колебаниями в данном вопросе. Его преемник Николай I, вступивший на престол в 1825 г., был решительнее — и не только в силу определенных свойств личного характера, но и вследствие того, что после событий, связанных с восстанием декабристов, ему очень хотелось завоевать симпатии русского дворянства, а дворяне были весьма недовольны затянувшимся восточным кризисом, наносившим чувствительный ущерб черноморской торговле и южнорусскому земледелию и животноводству. Шеф жандармов граф А. Х. Бенкендорф докладывал новому императору, что помещики жалуются на трудности «сбыта

продуктов земледелия», что наблюдается «общее обеднение в земледельческих губерниях», что «застой торговли в Одессе лишает и соседние губернии всяких доходов» [252].

Все это, вместе взятое, и было причиной того, что наряду с заверениями в неизменной преданности своим союзникам Николай I сразу же стал проявлять нежелательную для них заинтересованность, или, как деликатно выражается официозный историк, особую «заботливость», относительно Восточного вопроса.

Он не скрывал того, что намерен активизировать свою внешнюю политику в этом направлении и раз навсегда покончить со всеми колебаниями. Наиболее полно новый царь выразил эти намерения в беседе с чрезвычайным французским послом графом Сен-При. «Брат мой,— говорил Николай I,— завещал мне крайне важные дела и самое важное из всех: восточное дело. Я непременно должен положить конец этому делу» [253].

По словам царя, он был бы рад «условиться со всеми союзниками» насчет методов решения Восточного вопроса, но не питает уверенности в успехе подобного предприятия и готов в случае надобности действовать самостоятельно. «Если все мои союзники,— продолжал он,— не будут в единомыслии и добросовестно стремиться к одной и той же цели, скорейшему окончанию этого дела, то они вынудят меня приняться за него и совершить его одному» [254].

Подобные заявления Николая I, естественно, в равной мере тревожили и австрийского канцлера Меттерниха, и британского министра иностранных дел Каннинга.

Джордж Каннинг еще осенью 1825 г., в последние месяцы жизни Александра I, готовил новый дипломатический маневр, рассчитанный на то, чтобы связать Россию соглашением по греческому вопросу и тем самым лишить ее возможности единоличного выступления в защиту Греции. Теперь, когда новый русский император взял еще более решительный тон, руководитель британской внешней политики приступил к осуществлению своего замысла.

---

[252] «Красный архив», 1929, № 6 (37), стр. 164—165.

[253] С. С. Татищев. Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887, стр. 137—138.

[254] Там же, стр. 138.

В январе 1826 г. Каннинг уведомил русского посла графа Х. А. Ливена о том, что в ближайшее время в Петербург будет отправлен чрезвычайный посол английского короля с поручением поздравить императора Николая I с «благополучным восшествием на престол».

Ливен был достаточно опытным дипломатом, чтобы не улыбнуться, когда английский министр заявил при этом: «Те узы дружбы и доверия, которые соединяют оба наши государства, Англия старалась в последнее время еще более скрепить, и несчастье, постигшее Европу (т. е. смерть Александра I.— *А. Ф.*), нисколько не изменило эти намерения» [255].

Ответственную миссию ведения переговоров с новым русским императором Каннинг возложил на герцога Артура Веллингтона, полагая, что этот убежденный тори и по-солдатски грубоватый представитель британской военщины будет особенно приятным собеседником для Николая I.

Царь действительно принял Веллингтона очень любезно и согласился подписать протокол о сотрудничестве России и Англии по вопросу об «умиротворении Греции» на основе предоставления ей полной внутренней автономии.

Герцог Веллингтон был в восторге от параграфа 2-го этого протокола, который предусматривал согласие России на английское посредничество в греко-турецких переговорах. Однако он не придал значения параграфу 3-му, который гласил, что в случае отказа султана принять предложенное ему посредничество на него будет оказано со стороны России и Англии «общее или единоличное» воздействие. Между тем именно этот параграф Петербургского протокола, подписанного 4 апреля 1826 г., мог служить царю основанием для самостоятельных действий против султана.

Вместе с тем на другой же день после подписания этого англо-русского протокола турецкому правительству была вручена заранее отправленная русская нота с требованием выслать уполномоченных на границу России для переговоров по урегулированию всех спорных вопро-

---

[255] Ф. Мартенс, т. XI, стр. 339. Донесение Ливена от 21 января 1826 г.

сов, касающихся русско-турецких отношений. Естественно, что в Константинополе создалось впечатление, что эта нота находится в связи с переговорами, которые вел в Петербурге герцог Веллингтон, и что, следовательно, Англия поддерживает Россию в ее восточной политике.

В результате получилось, что не английская дипломатия связала руки царю, а, наоборот, царь вынудил британское правительство разделить с ним ответственность за дальнейшее развитие событий и санкционировать его самостоятельные действия в отношении султана.

Николай I сумел расчленить восточный вопрос, отделив греческую проблему от других спорных вопросов, составлявших предмет русско-турецких разногласий. В этом и заключался смысл его дипломатического маневра, который не сумел разгадать не слишком сообразительный английский герцог.

Каннингу пришлось признать, что Веллингтон дал себя провести. Он буквально так и выразился: «Если бы герцог был более тонок, он сыграл бы свою партию лучше настолько, чтобы не быть хотя бы одурачепным» [256].

С момента получения текста Петербургского протокола все усилия Каннинга были направлены к тому, чтобы как-нибудь затормозить реализацию его условий и особенно не позволить России воспользоваться третьим параграфом этого соглашения, т. е. возможностью единоличного выступления против султана. Всячески затягивая переговоры по греческому вопросу, он старался в то же время отвлечь Россию от ближневосточных проблем какими-либо другими вопросами, затрагивающими ее государственные интересы. Одним из таких вопросов являлись русско-персидские отношения.

От безопасности границы на Араксе во многом зависела политическая и стратегическая обстановка для России на Кавказе, который представлял собой один из театров возможной русско-турецкой войны. Без уверенности в нейтралитете шаха Николай I вряд ли мог решиться начать войну против султана.

Именно поэтому Каннинг и решил связать руки царю, спровоцировав новый русско-персидский конфликт. Все

---

[256] «The Unpublished Diary and Political Sketches of Princess Lieven». London, 1925, p. 134. Цит. по статье О. Шпаро («Вопросы истории», 1947, № 12, стр. 55).

рычаги, которыми располагала в Иране английская агентура, были пущены в ход, чтобы принудить Фатх-Али-шаха к разрыву с Россией.

Информируя нового императора о положении на Кавказе, Ермолов по-прежнему отстаивал мысль о том, что только решительное требование строгого соблюдения Гюлистанского трактата и безоговорочного признания установленной им пограничной линии может удержать Фатх-Али-шаха от войны против России. Всякие уступки его претензиям способны были, по мнению Ермолова, лишь ускорить эту войну.

Однако Николай I еще более, чем его предшественник, опасался, как бы резкий тон в отношении Каджаров не повлиял на развитие русско-английских отношений. Любая акция, направленная против Фатх-Али-шаха могла, по его мнению, вызвать «неудовольствие» английских дипломатов, с которыми он все-таки рассчитывал сотрудничать в восточном вопросе. Кроме того, сосредоточивая в тот момент главные свои усилия на решении ближневосточных проблем, царь хотел избежать осложнений на Среднем Востоке. И без того положение на Кавказе тревожило его. «Ныне,— писал он Ермолову,— когда почти все горские народы в явном против нас возмущении, когда дела в Европе, а особливо дела с Турцией, по важности своей заслуживают внимательнейшего наблюдения, неблагоразумно было бы помышлять о разрыве с персиянами или умножать взаимные неудовольствия» [257].

Ненавидевшие Ермолова царедворцы распускали в Петербурге слухи о том, что честолюбивый «проконсул Кавказа» из карьеристских побуждений преднамеренно старается развязать войну с шахом и поэтому якобы нарочно избегает мирного разрешения пограничных споров. Николай I, который и раньше неприязненно относился к Ермолову за его резкие суждения по поводу аракчеевского режима, теперь и вовсе перестал доверять ему.

Данные, полученные от следственной комиссии по делу декабристов, имели при этом немалое значение: Ермолов был слишком близок ко многим из участников восстания 14 декабря.

---

[257] АКАК, VI, ч. 2, № 593.

Весной 1826 г. царь фактически отстранил Ермолова от «дипломатической части», направив в Тегеран в качестве чрезвычайного и полномочного посла одного из своих фаворитов — князя А. С. Меншикова. Ему было поручено во что бы то ни стало достигнуть соглашения с шахом и обеспечить мир на Араксе, хотя бы ценой некоторых территориальных уступок. (Николай, в частности, допускал возможность возвращения под власть шаха южных районов Талышского ханства.)

Узнав о приезде Меншикова и желая воспрепятствовать возможному русско-иранскому соглашению, английские агенты в Иране еще более усилили свою антирусскую пропаганду. Они преднамеренно фальсифицировали сообщения о восстании декабристов, распространяя слухи о том, что в России происходят мятежи и разгорается междоусобная борьба, вспыхнувшая якобы после смерти Александра I между его братьями. Проживавший в то время в Иране сын бывшего ганджинского хана Джевада Угурлу-хан впоследствии свидетельствовал, что англичане в беседах с шахскими сановниками «отречение Константина от престола российского полагали междоусобием общим» [258].

Весной 1826 г. стало известно, что «Ост-Индская компания», наконец, выплатила шаху давно просимую им субсидию в сумме 728 тыс. руб., но одновременно предупредила его, что дальнейшая выплата денежной субсидии будет производиться только в случае его войны с Россией. Это было прямое финансовое давление на шахское правительство и явное поощрение его реваншистских притязаний на Закавказье [259].

Конечно, слабо знакомый не только с историей русско-персидских разногласий, но даже с политической географией Восточного Закавказья, высокомерный и самоуверенный Меншиков не мог преодолеть влияния опытных английских дипломатов, а потому и не выполнил возложенного на него поручения.

23 июня 1826 года глава шиитского духовенства муштеид Сеид-Мухаммед обнародовал фетву, призывающую к «священной войне».

---

[258] ОРБЛ, ф. М., 9686, л. 193. Показания Угурлу-хана, взятого в плен 15 сентября 1826 г. (копия).

[259] АКАК, VI, ч. 2, № 617.

Еще по пути в Тегеран Меншиков мог видеть тянувшиеся к границе отряды разношерстных ополчений и слышать заклинания шейхов и имамов, разжигавших среди «правоверных» мусульман ненависть к России [260].

Ермолов с тревогой доносил царю: «Явны советы иностранцев, окружающих Аббас-Мирзу... Между тем делаются персиянами приготовления к войне, собираются из отпусков войска, и уже на границах появились отряды оных, где прежде их не бывало» [261].

В подобной обстановке миссия Меншикова заведомо была обречена на провал. Бряцавшие оружием и обуреваемые жаждой реванша шахские военачальники усматривали в компромиссных предложениях Меншикова лишь новое доказательство слабости России и ее неспособности отстоять свои владения в Закавказье.

Прежде чем посол русского царя, убедившись в бесплодности своих усилий, успел вернуться на родину, Фатх-Али-шах, внимая английским советникам, решился начать войну против России.

Меншикову и его свите оставалось лишь благодарить судьбу за то, что им разрешили покинуть пределы Персии и не оставили в качестве заложников. Но на обратном пути в Грузию они уже наблюдали тлеющие руины сожженных армянских селений и встречали угоняемых в рабство русских подданных.

Разжигая войну на границах Закавказья, английские дипломаты имели в виду отвлечь Россию от ближневосточных проблем и тем самым предотвратить возможность ее единоличного выступления против Турции. Но напрасно было бы думать, что они руководствовались при этом стремлением к сохранению всеобщего мира. Заботясь о предотвращении русско-турецкой войны, английские дипломаты по существу лишь заботились о том, чтобы предоставить султану время, необходимое для начатых им военных реформ и реорганизации турецких вооруженных сил по образцу европейских армий.

Как и прежде, лондонские политики нисколько не считались с тем, что развязанная ими война грозит неисчис-

---

[260] ОРБЛ, ф. Кис., IV, п. 20, № 1. Личный дневник Н. Д. Киселева (советника посольства Меншикова).

[261] Там же, ф. 9686, д. 11. Рапорт от 12 июля 1826 г.

лимыми бедствиями народам Закавказья, только что начавшим преодолевать элементы застоя и деградации, порожденные вековой отсталостью и опустошительными нашествиями иноземных завоевателей. Колонизаторов поработивших Индию с ее многомиллионным населением и древней культурой, истребивших целые племена и народности в Америке и Австралии, конечно, не трогала судьба сравнительно небольших по численности кавказских народов, впервые за много столетий переживавших период некоторого экономического и культурного подъема и получивших благодаря присоединению к России более широкие возможности для развития своих творческих сил.

Политика западных держав, рассчитанная на поддержку завоевательных устремлений шаха и султана, неизбежно таила для народов Кавказа опасность иноземного порабощения, хозяйственного упадка, консервации самых грубых и отсталых форм общественной жизни, ассимиляции и утраты культурной самобытности. Только с Россией эти народы могли связывать надежды на внешнюю безопасность и постепенный переход на путь мира и прогресса.

4. ДАЛЬНЕЙШЕЕ УКРЕПЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ РОССИИ В ЗАКАВКАЗЬЕ

Для русского царизма война с Персией была полной неожиданностью. Она затормозила развитие того дипломатического наступления, которое царь предпринял было против султана. Она затянула русско-турецкие переговоры, начавшиеся в Аккерманс. Короче говоря, эта война в далеком Закавказье спутала карты царя и заставила его вести игру более осторожно. В этом смысле затея Каннинга удалась. Однако он переоценил военную мощь империи Каджаров и не предусмотрел всех опасностей, которые таила для нее война с Россией.

Прошло немного времени, и козырь, столь эффектно брошенный на стол Каннингом, оказался битым.

Военные действия на русско-персидской границе начали без объявления войны клевреты ереванского хана, напав 16 июля 1826 г. на русские пограничные посты в районе крепости Гюмри (современный Ленинакан).

Спустя неделю основные силы шахской армии под командованием Аббас-Мирзы перешли через Аракс и вторглись в пределы Карабаха. Захватить Тифлис и вытеснить русские войска из Закавказья, отбросив за Терек,— такова была конечная стратегическая цель персидских военачальников и их английских советников.

«Аббас-Мирза... в высокомерии своем полагает выгнать русских за Кавказ,— писал Ермолов,— он ослеплен своими регулярными войсками и артиллерией, и англичане, прислуживающие ему за деньги, хвалят все, как собственное свое создание» [262]. Эти регулярные войска, созданные незадолго до того с помощью английских инструкторов, насчитывали 29 батальонов общей численностью до 22 тыс. «сарбазов». Кроме того, по призыву шаха его вассалы собирали для войны с Россией многочисленные ополчения, которые в общем итоге должны были дать 40 тыс. пеших и около 140 тыс. конных воинов. Каковы бы ни были их боевые качества, войска шаха и его наследника представляли собой весьма внушительную силу.

Этой силе русское командование могло противопоставить всего 12 батальонов пехоты и несколько драгунских и казачьих полков общей численностью около 10 тыс. бойцов.

Однако как бы ни были малочисленны русские войска, оборонявшие Закавказье, они отразили во много раз превосходившие их силы противника.

На пути армии Аббас-Мирзы лежал маленький городок Шуша. В старинной крепости, воздвигнутой на высокой скале, находилось 1300 русских солдат при четырех орудиях. Начальник этого небольшого гарнизона полковник Реут решительно отклонил предложение о капитуляции. Сообщая об этом своим подчиненным, он писал в одном из приказов: «Остаюсь совершенно уверенным, что всякий из моих сотоварищей по долгу присяги, чести, любви к отечеству неизменно будет исполнять свою обязанность, не щадя себя до последней капли крови, имея в виду непременным правилом победить или умереть» [263].

Героическая оборона Шуши длилась 48 дней. Отчаявшись овладеть ею, Аббас-Мирза двинулся на Ганджу,

---

[262] ОРБЛ, ф. М., 9686, л. 25.
[263] «Кавказский сборник», т. 24. Тифлис, стр. 62.

занял ее и намерен был уже нанести решительный удар на Тифлис. Однако в ночь на 3 сентября 1826 г. его авангард был внезапно атакован у Шамхора русским отрядом, которым командовал ближайший соратник Ермолова — лихой кавалерийский генерал Ростом Мадатов. Через восемь дней произошло решающее сражение в окрестностях Ганджи. Несмотря на четырехкратное превосходство врага, русские войска одержали блестящую победу. Основные силы шахской армии, в том числе и батальоны сарбазов, выученных английскими инструкторами, подверглись полному разгрому. Аббас-Мирза бросил остатки своих войск и ускакал в Тавриз. Нестройные толпы его воинов в беспорядке отступали до самого Аракса.

Исход кампании 1826 г. был предрешен. Итоги ее были для России благоприятны. Враг получил сокрушительный отпор. Тифлис остался в безопасности. Коммуникация, связывавшая Грузию с Россией через Баку, восстановлена. Каспийское побережье удержано. Ганджа освобождена. Доблестный гарнизон Шуши избавлен от блокады. Вся территория Карабаха очищена от врага.

Этим закончился первый период войны, затеянной с реваншистской целью правящими кругами империи Каджаров, поощряемыми английской дипломатией.

Надежды на отторжение от России Восточного Закавказья не оправдались. Но до некоторой степени маневры лондонских политиков увенчались успехом. Война с шахом спутала расчеты русского императора и заставила его ослабить свою активность на Ближнем Востоке.

Естественно, что Николай I желал возможно скорее прекратить столь неожиданную и нежелательную для него войну в Закавказье. По-прежнему не доверяя Ермолову, он командировал на Кавказ своего фаворита И. Ф. Паскевича, а затем начальника Главного штаба барона Дибича, фактически отстранив Ермолова от руководства военными действиями. Одновременно на Кавказ были направлены сильные подкрепления.

Спеша выручить своих союзников, Каннинг стал настойчиво предлагать царю посредничество Англии в деле ликвидации русско-персидского конфликта. Английский посланник в Персии Макдональд предлагал русскому командованию свое посредничество для переговоров с Аббас-Мирзой еще 7 сентября 1826 г., т. е. сразу же после

первого поражения персидских войск под Шамхором [264]. Расчет был прост: взяв под свой контроль русско-иранские переговоры, английские дипломаты получили бы возможность затягивать их на неопределенный срок и тем самым искусственно поддерживать состояние войны между Россией и Персией.

Учтя это, Николай I отказался от английского посредничества, поручив Ливену объявить Каннингу, что «дела персидские касаются исключительных интересов России» и что вмешательство в эти дела какой-либо иностранной державы допущено быть не может» [265].

Кампания 1827 г. началась наступлением русских войск на Ереванском направлении. 13 апреля был освобожден древний культурный центр армян Эчмиадзин, 25 апреля блокирован Ереван.

К этому времени Ермолов был отозван с Кавказа, но заменивший его Паскевич воспользовался планом ведения войны, разработанным ранее Ермоловым. Сущность этого плана заключалась в том, чтобы, не задерживаясь под стенами крепостей, а блокируя их небольшими отрядами, неуклонно двигаться с главными силами вперед, стремясь подвергнуть разгрому полевые войска противника.

Продвигаясь по долине Аракса, русские войска овладели Нахичеванью и Аббас-Абадом и 5 июля наголову разбили главные силы шахской армии в сражении у ручья Джеван-Булак.

Вооруженные и обученные англичанами персидские сарбазы не оправдали надежд своих учителей. Несмотря на то, что члены английской дипломатической миссии, не исключая самого посланника Макдональда, постоянно находились в ставке Аббас-Мирзы и принимали личное участие в разработке стратегических планов, а британские офицеры непосредственно руководили боевыми действиями шахских войск, кампания 1827 г. окончилась для империи Каджаров еще более неудачно, чем предыдущая.

Овладев крепостью Сардар-Абад, русские войска осадили Ереван и 1 октября принудили его гарнизон к капитуляции.

---

[264] АКАК, VI, ч. 2, № 679.

[265] Ф. Мартенс, т. XI, стр. 351. Донесения князя Ливена от 26 декабря 1826 г. и 12 февраля 1827 г.

В то время, когда главные силы Кавказского корпуса еще осаждали Ереван, передовой русский отряд под командованием генерала Эристова перешел через Аракс и, почти не встречая сопротивления, стал продвигаться к югу. Через две недели русские войска вступили в Тавриз. Военное поражение Каджаров было очевидно. И снова, как пятнадцать лет назад, английские дипломаты поспешили выступить в роли посредников, сменив меч на пальмовую ветвь мира.

Прибывшего в Тавриз русского главнокомандующего Паскевича встретил советник английской миссии Кемпбелл, предложивший свои услуги для передачи Аббас-Мирзе мирных предложений. «Англичане,— доносил об этом Паскевич,— не скрывают своего опасения, что Азербайджан по всей справедливости может за нами остаться, и тогда могущество их истинного союзника рушится. Здесь в Тавризе, в корне их настоящего влияния, кроме Аббас-Мирзы, несмотря на расточительность их дипломатов, никто их не только покровительствовать, но и терпеть не будет; с утратою Азербайджана английские чиновники могут сесть на корабли в Бендер-Бушире и возвратиться в Индию» [266].

Паскевич отклонил предложение англичан о посредничестве, но согласился вступить в переговоры непосредственно с Аббас-Мирзой. Местом переговоров было избрано местечко Дех-Карган (в 60 км к западу от Тавриза), куда «шах-задэ» прибыл 6 ноября.

Дипломатическим советником Паскевича и официальным уполномоченным русского правительства для ведения переговоров с Ираном являлся А. С. Грибоедов. Ему и выпало на долю непосредственно договариваться с Аббас-Мирзой об условиях нового мирного трактата. Задача эта была нелегкой. Если в результате военного поражения Каджары и принуждены были отказаться от своих реваншистских претензий в отношении Грузии и Северного Азербайджана, то они отнюдь не собирались уступать земли Армении и Южного Азербайджана.

Еще при встрече с Грибоедовым в июле 1827 г., когда после падения Аббас-Абада шах-заде предложил заключить перемирие на десять месяцев, выяснилось, что

---

[266] АКАК, VII, № 528.

Каджары не желают уступать ни пяди из своих владений на левобережье Аракса.— «Так вот ваши условия! — воскликнул тогда Аббас-Мирза.— Вы их предписываете шаху иранскому, как своему подданному!»

На это Грибоедов ответил, что «и Персия имела свои дни счастья и славы», но они миновали. А затем многозначительно добавил: «Кто первый начинает войну, никогда не может сказать, чем она кончится» [267]. Однако Аббас-Мирза сделал вид, что не понимает глубокого содержания этого афоризма.

Прошло четыре месяца, и вновь Грибоедов встретился с персидским наследником. За это время звезда военного счастья совсем уже померкла для Каджаров. Но они по-прежнему упорствовали, надеясь как-нибудь затянуть переговоры и получить передышку для подготовки к новому туру войны. Английские дипломаты со своей стороны внушали шаху и его наследнику, чтобы они не соглашались ни на какие территориальные уступки.

Между тем, какой бы неожиданной ни была война с Персией для русского царизма, последний не мог не воспользоваться ею для расширения своих владений в Закавказье.

Еще в самом начале этой войны, в сентябре 1826 г., Ермолов высказал некоторые соображения по поводу «присоединения от Персии областей и свойства новых границ». Он предупреждал, что всякое расширение владений России в Закавказье неминуемо вызовет противодействие со стороны западных держав, и особенно Англии. «Издавна смотрящие с завистью на могущество России европейские державы,— писал Ермолов,— неравнодушно увидят столь значительное приобретение новых земель. Англичане, опасаясь, чтобы Персия не подпала господствующему влиянию нашему и тем не поколебалось бы счастливое их в Индии обладание, будут препятствовать тому всеми усилиями и стараться возбудить войну в Европе» [268].

Тем не менее Ермолов считал необходимым провести будущую границу между Персией и Россией на реке Аракс, присоединив к России не только территорию Нахи-

---

[267] И. Ениколопов. Грибоедов и Восток, стр. 80—81.

[268] ОРБЛ, ф. М., 9686, лл. 86—88. Рапорт Ермолова от 10 сентября 1826 г. (копия).

чеванского ханства и левобережную часть Ереванского ханства, но и принадлежавшие последнему «небольшие земли пространства по правую сторону Аракса», «включая окрестности горы Арарат, где богатейшие посевы хлопчатой бумаги и хлеба, и урочище Кульп, где неистощимые богатства каменной превосходной соли».

Помимо территориальных претензий, решено было потребовать от шахского правительства определенных гарантий и льгот для русской торговли на Каспийском море и в пределах Персии. Нессельроде писал по этому поводу Грибоедову: «Торговля с Персиею, как Вам известно, была издревле предметом особых попечений российского правительства. Главною целию оных поставлялось всегда, чтобы россияне принимали в сей торговле непосредственное участие и чтобы отечественные произведения наши составляли большую часть сбыта в обмен на товары персидские» [269].

Наконец, шаху было предъявлено требование об уплате военной контрибуции в сумме 20 млн. рублей.

В Петербурге понимали, что это требование встретит особенно резкое сопротивление со стороны шаха, казна которого была опустошена в результате неудачной войны, но тем не менее считали нужным добиться выполнения этого требования во что бы то ни стало.

Финансовое хозяйство Российской империи находилось в тот момент в тяжелом состоянии. Сумма выпущенных бумажных ассигнаций достигла к 1825 г. 595 млн. рублей, а ценность их упала до того, что за один серебряный рубль давали до четырех рублей ассигнациями. В предвидении новой войны с Турцией нужно было срочно укрепить резервы казны. Взыскание военной контрибуции с шахского правительства до некоторой степени способствовало решению этой задачи.

Таков был тот круг вопросов, которые стояли на повестке дня мирной конференции, открывшейся в Дех-Кагане.

Как и следовало ожидать, Аббас-Мирза не сразу принял предъявленные Грибоедовым требования и отступал шаг за шагом, оспаривая каждый пункт будущего трактата.

---

[269] АКАК, VII, № 591. Приложение.

Тем временем в Персии продолжали развивать активную деятельность английские дипломаты. Они по-прежнему последовательно отстаивали интересы капиталистов, объединявшихся вокруг «Ост-Индской компании». Один из руководящих деятелей этой компании лорд Элленборо весьма недвусмысленно высказал свои взгляды относительно англо-русских противоречий на Среднем Востоке: «В Персии, как и повсюду, я приложил бы старания к тому, чтобы найти средства поднять при первом удобном случае весь свет с оружием в руках против России» [270].

Английские дипломаты старались следовать этой директиве воинственно настроенного лорда. Теперь, когда военные действия были прекращены, они быстро сбросили тогу миротворцев и старались по возможности затянуть переговоры, которые вел с Аббас-Мирзой Грибоедов.

Правда, приехавший в Дех-Карган английский посланник Макдональд заверял Грибоедова, что не намерен «вмешиваться» в работу мирной конференции. Но в то же время секретарь английской миссии в Тегеране Макнил уговаривал Фатх-Али-шаха не заключать мира с Россией, пока русские войска не очистят территорию Южного Азербайджана и не будут отведены за Аракс. Обращая на это внимание Паскевича, Грибоедов осуждал петербургское «Министерство иностранных и престранных дел» за его бездеятельность [271].

В свою очередь Паскевич писал в Петербург: «Если бы со стороны Персии открылись против нас какие-либо неприязненные действия, то сие, без сомнения, должно будет приписать англичанам, которые в настоящее время при персидском дворе, в Тавризе и Тегеране, имеют величайшее влияние» [272].

Однако Нессельроде, как и прежде, закрывал глаза на происки английских дипломатов в Иране и утверждал, что

[270] «The Cambridge Historical Journal», 1929, vol. VIII, № 1, p. 49—50.

[271] А. С. Грибоедов. Сочинения. Ленинград, 1945, стр. 548.

[272] АКАК, VII, № 593. Приведенные выше факты опровергают распространяемую английскими буржуазными историками версию о якобы «миротворческой» миссии британской дипломатии в период русско-иранской войны. Эта версия нашла отражение и в старой работе П. Сайкса (P. Sykes. A history of Persia. London, 1915) и в новой книге Р. Болларда (R. Bullard. Britain and the Middle East. London, 1951).

не видит «повода подозревать лондонский кабинет в каких-либо враждебных против нас намерениях» [273].

Настойчиво преодолевая враждебное России влияние английской агентуры, Грибоедов к началу декабря добился согласия «шах-заде» на предъявленные ему условия мира.

Однако Фатх-Али-шах отказался утвердить предварительное соглашение, достигнутое в Дех-Кургане, лишил Аббас-Мирзу всех полномочий и направил для продолжения переговоров с русским командованием небезызвестного Абуль-Хасан-хана, состоявшего на жаловании у британской миссии. 21 декабря переговоры были прерваны.

Желая оказать давление на шахское правительство, Паскевич вынужден был возобновить военные действия, объявив «поход на Тегеран». Перейдя в наступление, русские войска заняли Урмию и Ардебиль, а также значительно продвинулись на юг по направлению к иранской столице.

Это заставило Фатх-Али-шаха быть более сговорчивым. Он снова уполномочил своего наследника вести переговоры о мире. Об этом сообщил Паскевичу встретивший его на тегеранской дороге возле Уджанского замка английский посол Макдональд. Видимо, быстрое продвижение русских войск к Тегерану привело в панику не только шахский двор и персидское правительство, но и английскую миссию.

6 февраля в маленькой деревушке Туркманчай, неподалеку от города Миане, возобновились мирные переговоры. На этот раз они не были затяжными. Каджары исчерпали все возможности для сопротивления — и военного, и дипломатического. 10 февраля 1828 г. трактат был подписан.

Статья 3-я этого трактата гласила, что шах «уступает Российской империи в совершенную собственность ханство Эриванское по сю и по ту сторону Аракса, и ханство Нахичеванское». Статья 6-я устанавливала право России на получение от шахского правительства 20 млн. руб. серебром контрибуции. Статья 8-я подтверждала свободу торгового мореплавания на Каспии и исключительное право России иметь здесь военный флот [274].

---

[273] АКАК, VII, № 646.
[274] ПСЗ, т. 3, № 1794, стр. 125—130.

Кроме того, одновременно с мирным договором был подписан особый трактат о торговле, предоставлявший ряд льгот и преимуществ русским купцам, а также закреплявший за ними право свободной торговли на всей территории империи Каджаров.

Таким образом, Туркманчайский мир значительно укреплял стратегические позиции русского царизма на Кавказе и способствовал дальнейшему расширению экономического и политического влияния России в странах, тяготевших к Каспийскому морю.

Поэтому с таким раздражением отзываются о нем английские буржуазные историки. Они вынуждены признать, что с заключением Туркманчайского мира «русское влияние в Персии возрастало, а английское падало» [275].

Разумеется, весть о Туркманчайском мире была враждебно встречена в кругах английской дипломатии того времени. Это отмечал Грибоедов, который писал тогда из Персии, что его британские партнеры «на нас смотрят злобно», хотя, добавлял он, им России уже «помешать нечем» [276].

В то же время Туркманчайский мир положил конец всем попыткам вернуть народы Кавказа под владычество Каджаров.

Особенно большое влияние оказал Туркманчайский мир на судьбы армянского народа, часть которого оказалась теперь в составе России.

Вполне понятно, что заключение Туркманчайского мира резко изменило политическую и стратегическую обстановку на Кавказе в пользу России и развязало царю руки для решительных действий против султана.

Еще 7 октября 1826 г. в Аккермане после длительных переговоров с уполномоченными султана была заключена русско-турецкая конвенция.

Статья 4-я Аккерманской конвенции окончательно закрепляла за Россией приобретенные ею в силу 6-й статьи Бухарестского трактата базы на Кавказском побережье

---

[275] W. A. Archbold. Afganistan, Russia and Persia. «The Cambridge History of the British Empire», vol. IV. Cambridge, 1929, p. 489.

[276] Неизданные письма А. С. Грибоедова. «Дела и дни», книга 2. Пг., 1921, стр. 73.

Черного моря, возвращения которых в течение 14 лет требовали правящие круги Османской империи. Тем самым Сухум и другие приморские пункты Абхазии окончательно признавались принадлежащими России.

В статьях 3-й и 5-й подтверждалось право на внутреннее самоуправление для Молдавии, Валахии и Сербии.

Наконец, статья 7-я обязывала турецкое правительство не чинить «никаких преград свободному плаванию купеческих судов под Российским флагом во всех морях и иных водах империи Оттоманской». Это обеспечивало, в частности, свободу навигации в зоне черноморских проливов.

Не подлежит сомнению, что Аккерманская конвенция была крупным успехом русской дипломатии. Она не только восстанавливала нормальные условия для русской черноморской торговли и укрепляла стратегические позиции России на Западном Кавказе, но и усиливала ее политическое влияние на Балканах. Народы Молдавии, Валахии и Сербии восприняли весть о заключении Аккерманской конвенции с радостью и надеждой. Мало того, что они получали ряд автономных прав, облегчавших их положение. Они расценивали эту конвенцию, как залог полного освобождения от иноземного ига и шаг по пути к достижению национальной независимости.

Однако в тексте Аккерманской конвенции ничего не было сказано о греческой проблеме, а она продолжала живо интересовать русскую дипломатию. Положение боровшихся за свое национальное освобождение греков ухудшалось с каждым днем. Карательные войска турецких и египетских пашей жестоко расправлялись с повстанцами и сочувствовавшими им мирными жителями. Им удалось овладеть городом Миссолунги, героическая оборона которого вызвала восхищение прогрессивной общественности всех европейских стран. Сжималось кольцо осады вокруг Афин.

При всем своем отрицательном отношении к восставшим грекам как к «мятежникам» Николай I понимал, что их поражение может сильно подорвать политический престиж русского царя в глазах всех балканских христиан. Поэтому он побуждал Каннинга к действиям, направленным к реализации условий Петербургского протокола. Опасаясь, что критическое положение греческих повстанцев

может послужить поводом для единоличного выступления России, Каннинг согласился на подписание новой конвенции по греческому вопросу с включением в нее особой секретной статьи, предусматривавшей применение «принудительных мер» против султана в случае неудачи коллективного посредничества европейских держав в деле «умиротворения Греции». Но, стараясь создать более внушительный противовес России в ходе дипломатической борьбы вокруг греческого вопроса, английский министр поспешил привлечь к новой конвенции Францию. Таким образом, подписанная в Лондоне 6 июля 1827 г. конвенция явилась трехсторонним соглашением. Уже не одна только Англия, но и Франция была теперь партнером царской России.

Поскольку правительство султана продолжало решительно отвергать посредничество держав и отказываться от заключения перемирия с греками, русский посол в Лондоне Х. Л. Ливен предложил установить блокаду берегов Греции, чтобы пресечь подвоз туда турецко-египетских войск и военных материалов. Правительства Англии и Франции с большой неохотой согласились с этим, боясь как бы Россия не предприняла самостоятельно каких-либо мер давления на Турцию.

В результате Россия, Англия и Франция направили к берегам Греции свои военные эскадры. Когда их корабли 20 октября 1827 г. вошли в Наваринскую бухту — место стоянки турецко-египетского флота, турки открыли огонь. Завязалось морское сражение, в итоге которого главные силы турецко-египетского флота были уничтожены. При этом командующие английской и французской эскадрами действовали крайне нерешительно. Наоборот, русские моряки, воодушевленные желанием помочь героически борющемуся греческому народу, сражались с беззаветной храбростью, чтобы до конца разгромить вражеские военно-морские силы.

В Лондоне и Париже весть о Наваринской битве была встречена с сожалением и досадой. Сменивший умершего Каннинга на посту министра иностранных дел Великобритании лорд Дэдлей пригласил к себе Ливена и в присутствии французского представителя объявил, что, по единодушному мнению правительств западных держав, «это неожиданное происшествие нисколько не повлияет

в принципе на отношения, в которые в настоящий момент поставлены союзные державы к Оттоманской Порте». Он подчеркнул, что это происшествие «не должно рассматриваться, как повод для обращения с настоящего времени дворов в положение воюющих держав в отношении султана» [277].

Наряду с этим Дэдлей постарался связать Россию обязательством, согласно которому она в случае войны с султаном не должна была стремиться к «территориальному расширению» или «торговым преимуществам». С этой целью английский министр уговорил Ливена подписать особый «протокол о бескорыстии», который гласил: «...Уполномоченные объявляют от имени своих Дворов, что если принятые турецким правительством меры получат, к несчастью, характер открыто неприязненный, то целью войны, в которую они были бы вовлечены, остается единственно та, которую они с самого начала пытались достигнуть посредством мирных переговоров..., что совершенное отречение от всяких своекорыстных расчетов... остается в полной силе..., что успехи, которых они вправе ожидать, вследствие превосходства их сил в настоящей борьбе, не послужат им побуждением к исканию в свою пользу какой-либо исключительной выгоды или торговых преимуществ или земельного приращения...» [278]

Ливен подписал этот протокол, хотя и считал его «бесплодным», утверждая, что «ничего нельзя предвидеть, если начнется война» [279].

Тем временем послы Англии и Франции в Константинополе старались успокоить негодующего султана Махмуда II. Австрийский посол в свою очередь убеждал его не уступать ни на шаг в греческом вопросе, обещая ему помощь оружием и военными материалами, которые уже давно выгружались с австрийских кораблей в турецких портах.

Все это делало султана еще более непримиримым. Он не только продолжал отказываться от посредничества держав, но и потребовал возмещения убытков, причиненных ему Наваринской битвой.

---

[277] Ф. Мартенс, т. XI, стр. 366.
[278] Там же, стр. 382. Протокол от 12 декабря 1827 г.
[279] Там же, стр. 368. Донесение Ливена от 20 декабря 1827 г.

Исчерпав все дипломатические возможности в переговорах с правительством султана, послы России, Англии и Франции 8 декабря 1827 г. покинули Константинополь. При этом представители Англии и Франции не упустили случая под видом прощального визита посетить рейс-эфенди, чтобы выразить ему свои дружеские чувства и заверить его, что их отъезд не означает объявления войны.

Подобное поведение представителей западных держав окончательно убедило султана в том, что Англия и Франция не станут воевать вместе с Россией, и более того, постараются всеми средствами удержать ее от единоличного выступления против султана. В результате последний занял откровенно враждебную к России позицию.

18 декабря 1827 г. султан официально объявил об одностороннем расторжении им Аккерманской конвенции и отказе от выполнения обязательств, вытекавших из всех ранее заключенных с Россией договоров. Называя Россию своим «главным врагом», султан призывал всех мусульман к «священной войне» против русских. Одновременно русские подданные были подвергнуты в Турции преследованию, многие из них были брошены в тюрьму, имущество их было захвачено и разграблено.

Когда содержание этого султанского «хатт-и-шерифа» стало известно в Петербурге, там его расценили, как настоящую «декларацию войны».

Николай I предложил Ливену уведомить правительство Великобритании, что его «умеренности и долготерпению» пришел конец и что не позднее 15 марта 1828 г. он двинет свои войска в Дунайские княжества [280]. Несколько раньше Татищеву было поручено заявить правительству Австрии, что русский император «готов вооруженною силою образумить» султана и что Меттерних «сильно ошибается, думая расстроить союз трех держав и убить непоколебимую энергию императора» [281].

Разумеется, Дэдлей и Веллингтон по-прежнему отрицательно отзывались о намерении царя оккупировать Дунайские княжества, а Меттерних по-прежнему не скупился на заверения в искренности своей политики по отношению к России. Но теперь все это уже не имело большого

[280] Ф. Мартенс, т. XI, стр. 370. Депеша Нессельроде от 6 января 1828 г.

[281] Ф. Мартенс, т. IV, ч. I, стр. 370.

значения. Теперь в центре русско-турецких отношений вновь оказалась не греческая проблема, а более важный для царского правительства вопрос о выполнении условий Аккерманской конвенции и ранее заключенных договоров.

Мирное разрешение нового восточного кризиса было уже невозможно. Новая русско-турецкая война стала неизбежной.

Характерно, что одновременно с царским манифестом о войне с Турцией Нессельроде в тот же день, 14 апреля 1828 г., разослал всем русским представителям за границей особую декларацию, в которой подчеркивалось, что, «прибегая с прискорбием» к войне как «к последнему средству удовлетворения», Россия «не умышляет разрушения» Османской империи.

В той же декларации царское правительство заявляло, что оно «не отступает от постановлений» Лондонской конвенции и готово по-прежнему сотрудничать с другими державами в деле реализации условий этой конвенции [282].

Подобными заверениями царь надеялся успокоить западные державы и обеспечить их нейтралитет.

Вместе с тем Нессельроде довел до сведения других европейских правительств те условия мира, на основе которых могут быть прекращены военные действия. Условия эти поражали своей умеренностью и никак не соответствовали решительности стратегических замыслов военных советников царя. Главными из условий были: присоединение к России Анапы и Поти, уточнение русско-турецкой границы в дельте Дуная, обеспечение автономии Дунайских княжеств и Сербии, восстановление прав русской торговли и свободы навигации в проливах и, наконец, «умиротворение Греции» с последующим предоставлением ей автономных прав [283].

Но никакими оговорками, обещаниями и заверениями не могли царские дипломаты приобрести симпатии правящих кругов Англии и Австрии. Ливен доносил, что когда он зачитал герцогу Веллингтону полученную из Петербурга декларацию относительно войны с Турцией, «черты последнего, видимо, исказились под впечатлением худо скрываемого гнева». При этом Веллингтон заявил, что

---

[282] «История военных действий в Азиатской Турции в 1828—1829 гг.», ч. I. СПб., 1836, стр. 385, 395.

[283] Ф. Мартенс, т. XI, стр. 378.

«отныне не может быть речи об общих действиях Англии и Франции с Россией» [284].

Руководствуясь правилом «Победителей не судят!», Николай I надеялся избежать внешнеполитических осложнений также и завершением войны в течение одной летней кампании. По плану, разработанному начальником Главного штаба и первым военным советником царя генералом Дибичем, к 1 августа русская армия уже должна была вступить в Константинополь.

Однако военная прогулка к турецкой столице, какой представлялась начавшаяся война кое-кому из петербургских гвардейских генералов, явно не удалась.

Осада крепости Браилов сковала главные силы русской армии на целых пять недель. Почти месяц они оставались в бездействии в болотах Добруджи, где тысячи солдат гибли от эпидемии тифа и малярии. Затем часть своей армии дряхлый фельдмаршал Витгенштейн выделил для осады Силистрии, другую часть направил к Шумле, а то, что осталось, сосредоточил под Варной. В результате ему нигде не удалось достигнуть успеха. Только поздней осенью ценой больших усилий была взята, наконец, Варна. Но до Константинополя оставалось еще далеко, а Балканские горы уже покрылись снегом. Оставив в районе Варны два корпуса, Витгенштейн отвел главные силы за Дунай, чтобы перезимовать в Валахии. Таков был итог первой кампании на Балканском театре.

На Кавказе военные действия начались блокированием с суши и с моря Анапы. Это был самый северный форпост Турецкой империи и главный очаг ее политического влияния на кавказских горцев. Падение этой крепости должно было, по мнению русского командования послужить «одним из чувствительных ударов, нанесенных Порте» [285]. Однако вследствие бездарного руководства осадой Анапы со стороны князя А. С. Меншикова ею удалось овладеть только через сорок дней (24 июня).

Тем временем 12-тысячный отряд, выделенный командиром Кавказского корпуса фельдмаршалом И. Ф. Паскевичем для действий в Западной Армении, подступил к Карсу. На рассвете 5 июля осадные батареи начали бом-

---

[284] Там же, стр. 379.
[285] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2591, л. 2.

бардировку крепости. Штурм Карса Паскевич наметил предпринять через два дня. Однако события развернулись совсем иначе.

Турецкая пехота атаковала прикрывавшую одну из осадных батарей егерскую роту. На выручку последней поспешили соседние подразделения. Противник был отброшен. Преследуя его, егеря ворвались в укрепленный турецкий лагерь на западной окраине Карса. С обеих сторон в бой вступали все новые и новые силы. Исполнявший должность «начальника траншей» один из сосланных на Кавказ декабристов полковник И. Г. Бурцов поддержал смелую инициативу егерей. Русские войска атаковали врага и на других участках. Вскоре он был выбит из Армянского предместья, отброшен на правый берег Карсчая. Бывалые кавказские артиллеристы, спеша на помощь своей пехоте, выкатили пушки к крепостным стенам. Под прикрытием их меткого огня атакующие ворвались в город и завязали уличный бой. К 10 часам утра 5 июля карсский вали (губернатор) Эмин-паша с остатками гарнизона капитулировал. Победителям достались богатые трофеи.

Этот штурм Карса отличался необычайной динамичностью и скоротечностью. Он продолжался всего шесть часов. И самое замечательное в этом было то, что все произошло «вдруг, без предварительного распоряжения и без приказания Паскевича» [286]. По словам очевидцев, командующий, увидев, какие масштабы стал приобретать завязавшийся на левом фланге бой, «пришел в бешенство и недоумение». Он не только не руководил боевыми действиями своих войск, но требовал установить, кто посмел начать их без его разрешения. Крайне самолюбивый, мнительный, он не терпел проявления инициативы и самостоятельности со стороны подчиненных. «Я подошел к нему,— вспоминал один из них,— и он разразил на меня гнев свой и с самым оскорбительным возвышением голоса, показывая на бой, спрашивал меня: «что это значит? Кто это приказал? С какого повода сие сделалось без приказания моего? Как смели?» [287]

---

[286] В. Андреев. Воспоминания. «Кавказский сборник», т. 1. Тифлис, 1876, стр. 147.

[287] Н. Н. Муравьев. Записки. «Русский архив», 1877, кн. I, стр. 339.

Победа у стен Карса была обусловлена высокими морально-боевыми качествами войск Отдельного Кавказского корпуса. Участник штурма, одетый в солдатскую шинель ссыльный декабрист Е. Е. Лачинов указывал, что «только со здешними, забывшими о мирной жизни войсками, приготовленными к победам, удаются подобные предприятия» [288].

Через месяц была взята крепость Ахалкалаки, причем исход боя был решен благодаря смелому почину командира Ширванского полка полковника Бородина, который использовал замешательство противника и нанес ему внезапный удар.

Перевалив через лесистый хребет Цихес-Джвари, русские войска вышли к Ахалцихе, на подступах к которому в ожесточенном сражении разбили наголову 25-тысячный конный корпус Киос-паши. Ахалцихскую крепость защищал 10-тысячный гарнизон. Усыпив бдительность противника, осаждающие в 16 часов 15 августа неожиданно бросились на штурм. Закаленные в боях и походах ширванские стрелки овладели ключевой позицией неприятельской обороны — Северным бастионом — и проникли в город. Уличный бой длился всю ночь. Только утром 16 августа над Ахалцихской цитаделью взвился русский флаг. И этим успехом Паскевич был целиком обязан боевой выучке войск Кавказского корпуса, воспитанных в духе наступательной активности и взаимной выручки.

Вскоре после взятия Ахалцихе были заняты крепость Ацхури, замыкавшая с юга Боржомское ущелье, а также важный узел дорог — Ардаган.

Занятие русскими войсками всех укрепленных пунктов Ахалцихского пашалыка надежно обеспечивало безопасность Восточной и Западной Грузии, а также расширяло операционную базу Кавказского корпуса.

Впечатление от успехов русского оружия в горах Малого Кавказа усиливалось тем, что на побережье Грузии русские войска в июле 1828 г. овладели крепостью Поти, а в Армении — Баязетом. При этом занявший Баязет отряд генерала Чавчавадзе в сентябре продвинулся далеко на запад по Алашкертской долине. Характерно, что вместо благодарности Паскевич хотел предать Чавчавадзе

[288] Е. Е. Лачинов. Исповедь. «Кавказский сборник, т. 1, стр. 142.

военному суду за «своевольство» [289]. Современники видели в этих несправедливых упреках по адресу Чавчавадзе «неудовольствие завистливого начальства, которое не могло простить ему сего подвига» [290].

К общему удивлению, Паскевич не использовал благоприятной обстановки, сложившейся к сентябрю 1828 г. для русских войск на Кавказском театре, и поспешил отвести их на «зимние квартиры» в Грузию, оставив небольшие гарнизоны в занятых крепостях. Эта странная поспешность не была обусловлена ни стратегическими соображениями, ни метеорологическими условиями. До зимы было еще далеко. Просто Паскевич, учитывая затяжной характер, который приобрели военные действия на главном, Балканском, театре, не желал спешить с развертыванием новых наступательных операций в Закавказье, чтобы не омрачить случайной неудачей блеск одержанных до того побед.

С наступлением зимнего затишья в ходе военных действий заметно активизировалась борьба на дипломатическом фронте.

Провал разработанного в Петербурге плана скоротечной войны и неудачи армии Витгенштейна за Дунаем с удовлетворением были отмечены в европейских столицах. В письмах к друзьям Меттерних откровенно злорадствовал по поводу того, что у русских дела на Балканах «обстоят очень плохо» [291]. Не ограничиваясь ролью нейтрального наблюдателя, он являлся инициатором и вдохновителем тех мероприятий австрийского правительства, которые имели целью оказание прямой военной помощи султану в его борьбе против России. Правительство Меттерниха снабжало войска султана продовольствием, оружием, боеприпасами, предоставляло им транспортные суда и сопровождало их своими вооруженными кораблями. Австрийское посольство в Константинополе составляло подробнейшие сводки о положении на Балканах и в Турции, регулярно отправляя их в Вену со специальными курьерами. Через Белград, по отзывам очевидцев, каждые

---

[289] ЦГИАГ, ф. 4, оп. 1, д. 448, л. 60.
[290] Н. Муравьев. Указ. соч., стр. 18.
[291] Письмо Меттерниха Генцу от 11 сентября 1828 г. (см. F. Gentz. Zur Geschichte der orientalischen Frage. Wien, 1877, S. 184).

шесть дней проезжали курьеры из Константинополя в Вену и обратно [292].

На восточной границе Австрии в широких масштабах развертывались военные приготовления. С тех пор слухи о военных приготовлениях Австрии не затухали. Характерно, что они усилились к концу лета 1828 г., после того как обнаружились неудачи русской армии за Дунаем. В штаб Витгенштейна систематически поступали сведения о передвижениях австрийских войск, «в Венгрии и Галиции расположенных», о формировании из них действующего корпуса численностью до 80 тыс. чел. [293]

Даже неизменный поклонник Меттерниха и всегда примирительно настроенный по отношению к австрийским происка Нессельроде не мог не признать, что политика Австрии приобретает все более враждебный России характер. В письме к графу Каподистрия он принужден был так охарактеризовать позицию Австрии: «Ее слова миролюбивы, но ее тайные стремления более чем подозрительны, она постоянно вооружается, рекрутские наборы следуют один за другим, ряды пехоты почти дополнены, кавалерия ремонтируется...». Нессельроде уверял греческого президента, что царская дипломатия «следит за Австрией со всевозможной осторожностью...» [294]

После отвода русских войск из-под Шумлы на левый берег Дуная австрийский император Франц подписал указ о новом рекрутском наборе, а Меттерних усилил политический зондаж в европейских столицах с целью создания широкой антирусской коалиции. Ядром такой коалиции он считал союз между Австрией и Англией.

Согласно его инструкции, австрийский посол в Лондоне Эстергази запугивал английские правящие круги перспективой «опасных потрясений», грозящих якобы Европе в том случае, если до начала новой кампании на Балканах не будет достигнуто соглашение между запад-

---

[292] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2596, л. 39. Письмо Пантелеймона Наджи Стойла к сербскому агенту в Бухаресте Дм. Мустакову от 9 сентября 1828 г.

[293] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2596, л. 227. Рапорт полковника Липранди от 2 сентября 1828 г.

[294] Г. Палеолог и М. Сиссинис. Исторический очерк народной войны за независимость Греции. СПб., 1867, Приложение № 35.

ными державами. Вместе с тем австрийские дипломаты заверяли англичан в искренности своих симпатий, ссылаясь на «старый и естественный союз», будто бы существующий между Лондоном и Веной [295].

Наконец, Меттерних указывал на военную слабость царской России и в льстивых выражениях восхвалял военную мощь Англии: «Россия оказалась слабее, чем о ней думали. Англия может причинить много зла России, а Россия не может отплатить Англии тем же...» [296]

В декабре 1828 г. Меттерних выступил с предложением созвать международный конгресс для обсуждения вопроса об «умиротворении Востока». Это было прямым и открытым призывом к коллективному вмешательству западных держав в русско-турецкую войну.

В Париже и Берлине предложение Меттерниха не встретило сочувствия. С переходом русской армии через Дунай дело греческой независимости было обеспечено. Чтобы не остаться в полном проигрыше, французскому правительству пришлось круто повернуть руль своей политики в восточном вопросе.

Посол Карла X в Лондоне принц Полиньяк заявил, что «его христианнейшее величество» готов послать французские войска в Морею для того, чтобы заставить силой войска Ибрагим-паши покинуть пределы Греции. Английский министр иностранных дел лорд Эбердин, хотя и без особого восторга, поддержал эту идею, рассчитывая создать тем самым известный противовес распространению русского влияния в Греции.

Нессельроде в письме графу Каподистрия от 14 августа 1828 г. довольно остроумно замечал по этому поводу: «Франция воспользовалась случаем..., чтобы играть главную роль в действии, в котором она до сих пор имела второстепенное влияние. Англия согласилась на желание Франции потому, что ей не хочется, чтобы этот вопрос был разрешен одной только Россией...» [297]

19 июля 1828 г. в Лондоне было заключено соглашение, предоставлявшее Франции право отправить экспеди-

---

[295] Cl. Metternich. Mémoires, documents et écrits divers, vol. IV. Paris, 1880, p. 501, 508.

[296] Ibid., p. 530.

[297] Г. Палеолог и М. Сивинис. Указ. соч., Приложение № 35.

ционный корпус в Морею, чтобы «подвергнуть армию Ибрагима полной блокаде». Подписывая от имени России это соглашение, Ливен заявил, что он готов поддержать любую меру, способную «ускорить исполнение Лондонского трактата» [298].

В августе 1828 г. 16-тысячный французский корпус высадился на побережье Греции. К этому времени войска Ибрагим-паши уже эвакуировались, и французским интервентам не стоило труда оккупировать Морею. Командир экспедиционного корпуса маркиз Мезон, в прошлом наполеоновский генерал, переметнувшийся затем к Бурбонам, установил в Морее террористический режим, считая своими главными врагами греческих демократов и поддерживая наиболее реакционные элементы греческой буржуазии.

Но как бы то ни было, поскольку французские войска находились на территории Мореи, не в интересах Франции было содействовать восстановлению там владычества султана. Между тем смысл предложения Меттерниха о создании антирусской коалиции заключался именно в том, чтобы, изолировав Россию, «умиротворить» Балканы на основе принципа «status quo».

Что касается Пруссии, то она также отказалась от участия в антирусской коалиции, будучи заинтересованной в укреплении союза с Россией и не желая покорно следовать за Австрией, соперничавшей с ней в борьбе за гегемонию в Германии.

Но если антирусские интриги Меттерниха не встретили поддержки в Париже и Берлине, то они, разумеется, нашли горячий отклик в Лондоне. Опасаясь усиления влияния России на Балканском полуострове и особенно в Закавказье и в Передней Азии, определенные круги английской буржуазии испытывали серьезную тревогу по поводу успехов русского оружия. Некоторые английские политические деятели намеренно преувеличивали военные успехи России, чтобы побудить британское правительство к вмешательству в русско-турецкую войну. Еще летом 1828 г. в английских газетах писали, что Паскевич стремится к завоеванию Трапезунда. Английский посланник в Персии Джон Макдональд в письмах на родину преднамеренно сообщал без всякого на то основания, что Паске-

---

[298] Ф. Мартенс, т. XI, стр. 386.

вич намерен якобы, овладев Эрзерумом, двинуться прямо... к границам Индии. В результате, как признают сами английские историки, британское общественное мнение оказалось возбуждено против России [299].

В конце концов лозунг «Индия в опасности!» был подхвачен большинством влиятельных английских газет. Разумеется, поднятая ими шумиха, по существу, преследовала вовсе не оборонительные, а наступательные цели. Организаторы антирусской кампании имели в виду не только запугать английское общественное мнение жупелом «русской опасности», но и побудить правительство герцога Веллингтона к активным действиям ради обеспечения экспансионистских устремлений английской буржуазии на Ближнем и Среднем Востоке.

Насколько далеко простирались агрессивные намерения этих деятелей, можно судить по вышедшей в свет в конце 1828 г. в Лондоне и тотчас переизданной в Париже книге полковника Джорджа де Ласи-Эванса. Книга имела претенциозное название «Замыслы России», по фактически отражала замыслы наиболее агрессивных кругов английской буржуазии.

Характерно, что Джордж де Ласи-Эванс был связан со многими парламентскими деятелями и в то же время являлся видным представителем британских военных кругов. Выходец из рядов старой английской аристократии, воспитанник Вульвичской академии, он сделал блестящую военную карьеру, оказавшись одним из ближайших сотрудников герцога Веллингтона. Он сопровождал его во время экспедиции в Португалию (в 1812 г.) и в период кампании во Фландрии (в 1815 г.). Под Ватерлоо Эванс занимал должность помощника генерал-квартирмейстера, т. е. был одним из руководителей оперативного отдела штаба английской армии.

Близость его к Веллингтону, тогдашнему премьеру Великобритании, а также авторитет, которым он пользовался в высших военных кругах, позволяют считать книгу Эванса своего рода программным выступлением. Очевидно, те взгляды, которые он развивал в своей книге, не были продуктом его личной фантазии, а отражали мнения

---

[299] «The Cambridge History of British Foreign Policy», vol. 11, Ch. V, p. 199.

весьма влиятельных политических и военных кругов «старой Англии».

Запугивая читателей усилением влияния России на Среднем Востоке, Эванс призывал к созданию широкого антирусского блока под главенством Англии. В качестве наиболее вероятных союзников Англии он называл Францию, Персию, Турцию, а также допускал возможность присоединения к этой коалиции Австрии, Пруссии и Швеции.

Эванс подвергал критике «стратегию сокрушения», которой в свое время придерживались в войнах с Россией Карл XII и Наполеон I. Он доказывал возможность поражения России в результате морской блокады ее берегов и вторжения вооруженных сил коалиции в наиболее уязвимые ее районы. В частности, он намечал разрушение двух крупнейших морских баз России — Севастополя и Кронштадта, а также высадку десантов на побережье Финляндии, Крыма и Кавказа. Наряду с возможностью использования против России «непокорных и воинственных горцев» его прельщала перспектива вторжения в Закавказье руководимых британскими офицерами персидских войск. Не очень надеясь на боевые качества последних, он предлагал подкрепить их переброшенным из Индии экспедиционным корпусом «сипаев», а также небольшим резервом, «состоящим из английских солдат».

Тот факт, что между Персией и Россией недавно был заключен мир, не смущал Эванса. Он заявлял, что, обещая Фатх-Али-шаху и Аббас-Мирзе вернуть «все ранее отторгнутые у них владения», не трудно вовлечь их в новый конфликт с Россией [300]. Таким образом, программа Эванса предусматривала отторжение от России и передачу под владычество Каджаров армянского, азербайджанского и грузинского народов. То обстоятельство, что наряду с персидскими сарбазами на территорию Закавказья вводились, по замыслу Эванса, англо-индийские войска, свидетельствует со всей очевидностью, что в конечном счете имелось в виду включение Кавказа в сферу английской колониальной экспансии.

Но как ни усердствовали единомышленники Эванса и Макдональда, правительство Веллингтона считало прежде-

---

[300] G. Evans de Lacy. The designs of Russia. London, 1828, p. 169—177.

временным идти на разрыв с Россией. Австрия не казалась английским министрам достаточно надежным и сильным союзником, а позиция Пруссии и Франции не отличалась решительностью. Однако это вовсе не означало, что правящие круги Англии примирились с создавшимся положением. Еще в июне 1828 г. Ливен сообщал, что, «движимая как честолюбием, так и коварными интригами Австрии», Англия «может еще занять враждебную нам позицию, если представится к тому удобный случай...» А в августе даже сам Нессельроде вынужден был признать, что в политике Англии «виден зародыш объявления войны» [301]. Он жаловался, что «английское правительство одобряет турок публичными заявлениями своей благосклонности к ним и даже внушает им прискорбную уверенность...» В качестве примера он приводил «заявления лорда Эбердина и герцога Веллингтона на счет необходимости сохранения влияния Порты на европейские дела». Подобные заявления служат, по мнению Нессельроде, причиной того, что султан Махмуд остается «по-прежнему упрямым в своих мечтаниях» [302].

Когда 18(6) октября 1828 г. командующий русской эскадрой в Средиземном море граф Гейден объявил о блокаде Дарданелл, герцог Веллингтон заявил Ливену, что отныне не может быть речи «об общих действиях» трех держав, подписавших Лондонскую конвенцию 1827 г.

Вскоре английский кабинет постарался доказать это на практике. С помощью принца Полиньяка Веллингтон и Эбердин убедили французского короля Карла X дать согласие на восстановление дипломатических сношений с Турцией, прерванных в конце 1827 г., после Наваринской битвы. Русскому правительству было предложено передать направляемым в Константинополь представителям Англии и Франции свои полномочия по ведению переговоров о судьбе Греции. Русские дипломаты доносили из Лондона, что они ежедневно видят «неприязненное настроение английского правительства против России», что герцога Веллингтона очень раздражали сообщения о военных действиях России против Турции и что «только

---

[301] Г. Палеолог и М. Сивинис. Указ. соч., Приложение № 35.

[302] Ф. Мартенс, т. XI, стр. 389.

уверенность в окончательном погроме русских войск турками заставляла его более спокойным образом смотреть на будущее» [303].

Если на Ближнем Востоке английская дипломатия старалась отстранить Россию от решения греческого вопроса и осложнить для нее обстановку на Балканах, то на Среднем Востоке английские агенты по-прежнему трудились над созданием антирусского блока. В это время английский посланник в Персии Джон Макдональд располагал настолько разветвленной агентурной сетью, что мог, по выражению современника, создать настоящий «обсервационный кордон от Тавриза до Бендер-Бушира» [304].

Сам Макдональд пребывал не столько в Тегеране, сколько в Тавризе, уговаривая Аббас-Мирзу аннулировать Туркманчайский трактат и отказаться от выполнения его условий.

Сотрудники английской миссии проникали из Персии в восточные пашалыки Турции, устанавливая связи с местными турецкими пашами и курдскими шейхами. Паскевич сообщал в Петербург о подозрительных «экскурсиях» английских дипломатов в Муш и даже в Малязкерт.

Конечно, турецкие паши не желали примириться с потерей Анапы и Поти, с утратой Ахалцихского плацдарма, с потерей Карсского и Баязетского пашалыков. Они еще не отказывались от мысли вернуть все, что было потеряно ими на Кавказском театре на первом этапе войны. Правительство султана приняло меры к тому, чтобы укрепить и пополнить свои вооруженные силы на Кавказском театре. Вместо Галиб-паши эрзерумским сераскером был назначен мейданский паша Хаджи-Салех, Киос-паша заменен Гакки-пашой Сивасским. Повсюду в Малой Азии происходил сбор ополчений. В Эрзеруме и других городах формировались новые части низама. Общую численность турецких войск в районе Эрзерума предполагалось довести к весне 1829 г. до 80 тыс. пехоты и конницы. Ванскому и Мушскому пашам приказано было собрать до 50 тыс., а Трапезундскому паше — не менее 40 тыс. воинов [305].

[303] Ф. Мартенс, т. XI, стр. 410.
[304] АКАК, VII, № 694.
[305] ЦГИАГ, ф. 1025, оп. 1, д. 99, лл. 46—48. Рапорт Паскевича от 3 декабря 1828 г.

Для того чтобы побудить анатолийских пашей к переходу в контрнаступление, английские агенты стремились вызвать новый русско-персидский конфликт и склонить Фатх-Али-шаха к возобновлению войны с Россией. С этой целью находившиеся на содержании у английской миссии в Тегеране зять шаха Аллаяр-хан и глава шиитского духовенства Сеид-Мухаммед организовали провокационное нападение на русскую миссию в Персии.

После Туркманчайского мира русским послом при дворе шаха был назначен А. С. Грибоедов. Отправляясь в Тегеран, он отдавал себе отчет в том, что ему предстоит упорная борьба с английской дипломатией. Он сам рассказывал потом: «Министр сначала предложил мне ехать поверенным в делах. Я отвечал ему, что там нужно России иметь полномочного посла, чтобы не уступать шагу английскому послу» [306].

По пути в Тегеран Грибоедову пришлось провести полтора месяца в Тавризе, чтобы рассеять подозрения, которые старались вызвать у Аббас-Мирзы английские агенты в отношении политики России.

— «Я чрезвычайно занят,— писал из Тавриза Грибоедов,— наблюдаю, чтобы отсюда не произошла какая-нибудь мерзость во время нашей схватки с турками...» [307].

Его неутомимая деятельность в этом направлении зимой 1828/29 г. немало способствовала сохранению мира на Араксе, что обеспечивало безопасность левого фланга русских войск, действовавших против турок в Армении. По меткому выражению современника, «Грибоедов в Персии был совершенно на своем месте... и заменял нам там единым своим лицом 20-тысячную армию» [308].

В борьбе против агрессивных замыслов английской дипломатии Грибоедов применял тактику активной обороны. В противовес выдвигаемой англичанами идее создания антирусского блока на Среднем Востоке он склонял Аббас-Мирзу к политическому и военному сотрудничеству с Рос-

---

[306] И. Ениколопов. Указ. соч., стр. 111.

[307] Письмо к В. С. Миклашевич от 15 декабря 1828 г. (А. С. Грибоедов. Сочинения, стр. 545).

[308] Н. Н. Муравьев. Записки. «Русский архив», 1894, кн. I, стр. 43.

сией [309]. Ради этого Грибоедов просил царское правительство отсрочить выплату сумм, следуемых от Персии в счет контрибуции. Однако Нессельроде не дал на это согласия и вообще не оказал Грибоедову никакой поддержки в его деятельности, направленной на привлечение Персии к союзу с Россией. Возмущенный этим, Грибоедов не раз просил Паскевича «расшевелить наше сонное Министерство иностранных и престранных дел» [310].

В кругах «Ост-Индской компании» деятельность Грибоедова вызывала нараставшее раздражение. Ее руководство считало крайне необходимым устранить Грибоедова и тем самым ослабить русское влияние в Персии. Об этом впоследствии писал в Петербург Паскевич: «Англичане, когда узнали, что Грибоедов едет в Персию, и боясь, чтобы он не взял большого весу при дворе шахском, то писали о том Ост-Индской компании, которая будто бы отвечала, что сокровища ее открыты для сохранения каким бы то ни было средством их могущества» [311].

Покровительство, оказанное русским посланником армянам, выразившим желание переселиться из Персии в Россию, было использовано проанглийскими элементами как повод для возбуждения религиозного фанатизма среди наиболее отсталой части мусульманского населения столицы. Состоявший на жалованье у английской миссии зять и бывший министр шаха Аллаяр-хан Каджар Асаф-эд-доуле и глава местного духовенства муджтехид Мирза-Масих были главными организаторами провокационной кампании против русского посольства [312].

30 января 1829 г. Масих выступил в главной мечети с призывом к истреблению «гяуров». Разъяренная толпа фанатиков, среди которых роль лидеров играли наемные убийцы, ворвалась в здание русской миссии и учинила зверскую расправу с Грибоедовым и его сотрудниками. Всего было убито 54 человека.

Вдохновители и организаторы кровавой тегеранской трагедии сразу же приняли меры к тому, чтобы замести

---

[309] АКАК, VII, № 629, № 643.

[310] Письмо Грибоедова от 3 декабря 1828 г. (А. С. Грибоедов. Сочинения, стр. 548).

[311] АКАК, VII, № 691.

[312] Воспоминания Сулеймана Меликова (см. «Ученые записки Института востоковедения», т. VIII. М., 1953, стр. 158—159).

следы и отвести от себя подозрение в неслыханном преступлении.

Сообщая Паскевичу о гибели Грибоедова, Джон Макдональд всячески старался объяснить ее «свирепой и внезапной вспышкой народного неистовства», кощунственно намекая на то, что эта «вспышка» была вызвана якобы поведением самого Грибоедова [313].

Фирман Фатх-Али-шаха также пытался возложить вину за происшедшую в Тегеране трагедию на самого Грибоедова. Эта версия нашла отражение и в персидской придворной хронике «Ровзет-уль-сафа», где говорилось, что Грибоедов будто бы сам вызвал раздражение «жителей Тегерана» тем, что «начал произносить слова, исполненные царапин для сердца, и на все оказанные почести распустил рукава презрения» [314]. Точно в таком же духе излагала события и анонимная «Реляция» с подзаголовком «Рассказ персиянина», опубликованная в 1830 г. на французском языке в Париже. Английское происхождение этой фальшивки не подлежит сомнению [315].

В настоящее время усилиями советских историков с достаточной очевидностью вскрыты тайные пружины заговора, результатом которого было провокационное убийство А. С. Грибоедова [316]. Ко всем фактам, уже введенным

---

[313] АКАК, VII, № 650.

[314] «Кавказ», 1865, № 16.

[315] Еще П. Ефремов в 1872 г. высказал мнение о том, что «Реляция» «составлена кем-нибудь из членов одного из европейских посольств в Тегеране и даже, по всей вероятности, английского, на что отчасти указывает передача в ней некоторых собственных персидских имен по английскому произношению их...» (П. Ефремов. О смерти А. С. Грибоедова в Тегеране. «Русский вестник», 1872, № 7-8, стр. 1495—1496). Поддерживая это мнение, С. В. Шостакович допускает мысль, что к составлению «Реляции» имел отношение бывший английский поверенный в делах в Персии Генри Уиллок, тесно связанный с руководством «Ост-Индской компании» (С. В. Шостакович. Происхождение «реляции» о гибели Грибоедовской миссии. «Труды Иркутского гос. университета», т. XVI, вып. 3. М., 1956, стр. 158—159).

[316] См. В. Т. Пашуто. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова. «Исторические записки АН СССР», вып. 24; И. Ениколопов. Указ. соч.; Г. М. Петров. Новые материалы об убийстве А. С. Грибоедова. «Ученые записки Института востоковедения», т. VIII. М., 1953; С. В. Шостакович. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова. М., 1960.

в научный оборот, следует добавить лишь одно немаловажное обстоятельство: нападение на русскую миссию послужило сигналом для турецкого контрнаступления на кавказском театре.

В конце февраля 1829 г. крупные силы турецких войск блокировали занятую небольшим русским гарнизоном крепость Ахалцихе и пытались прорваться через Боржомское ущелье в Грузию [317]. Военачальники султана имели в виду взять реванш за поражения, которые они потерпели в ходе минувшей летней кампании, и своими наступательными действиями вдохновить на войну против России Каджаров.

В Ахалцихе находились два батальона ширванских стрелков и одна рота Херсонского гренадерского полка общей численностью около 1200 бойцов. Защитники Ахалцихе с честью выдержали 12-дневную осаду, удержав крепость в своих руках и отразив два ожесточенных штурма. Их выручил вспомогательный отряд, который под командованием офицера-декабриста полковника Бурцова сумел пробиться вверх по ущелью Куры из Грузии. 4 (16) марта противник, будучи атакован Бурцовым с тыла, снял осаду Ахалцихе и поспешно отступил в горы Аджарии.

Новое поражение войск султана отрезвляюще подействовало и на правителя Ирана Фатх-Али-шаха. Он не решился порвать Туркманчайский трактат и возобновить войну с Россией. Хотя и с опозданием, он принес официальные извинения царю по поводу тегеранской трагедии.

Так вслед за неудачной попыткой создать антирусскую коалицию в Европе потерпела крах и попытка сколотить антирусский блок на Среднем Востоке.

Новая кампания на Балканском театре началась возобновлением осады Силистрии, котора была взята лишь 30 июня 1829 г. Но еще до этого русские войска нанесли в сражении при Кулевче большой урон полевым войскам противника, пытавшимся наступать на север из района Шумлы.

В июле новый главнокомандующий генерал Дибич решил двинуться за Балканы. Пройдя за девять дней более 150 км по горным дорогам и опрокинув сильные заслоны врага, русские войска преодолели Балканский хребет и

---

[317] ЦГИАГ, ф. 1025, оп. 3, д. 100, л. 201.

спустились в долину Марицы. Через месяц они овладели Адрианополем и вышли на подступы к турецкой столице.

Тем временем войска Кавказского корпуса перешли в наступление на Эрзерумском направлении. Преодолевая Сагаплугский хребет, они столкнулись с главными силами эрзерумского сераскера Салех-паши у селения Каинлы и полностью их разгромили. На другой день в результате флангового маневра им удалось разбить у Миллидюза другую группировку турецких войск, которой командовал Гакки-паша. Тем самым был открыт путь на Эрзерум. 27 июня этот город, являвшийся главным оплотом турецкого владычества в Западной Армении, был занят русскими войсками.

Несмотря на то, что Паскевич не решался слишком далеко продвигаться в глубь Малой Азии, выделенные им подвижные отряды овладели Байбуртом и Гюмюшхане, а на левом фланге — Мушем и Хынысом. Тем самым для русского главнокомандующего открылись возможности для дальнейших наступательных действий — либо через Битлис в долину Тигра, либо через Гюмюшхане — на Трапезунд. Паскевич избрал последний вариант. Однако предпринятый им поход в сторону Трапезунда имел характер скорее демонстрации, чем настоящего наступательного маневра. Достигнув пункта, находившегося примерно в 80 км к югу от Трапезунда, Паскевич приказал возвратиться в район Эрзерума.

Таким образом, Паскевич не использовал до конца благоприятных для России стратегических возможностей, вытекавших из факта полного разгрома вооруженных сил Османской империи в пределах Армянского нагорья. Тем не менее полный крах завоевательных замыслов турецких феодалов был очевиден, а продолжение войны без надежды на захват чужих земель не имело, с их точки зрения, никакого смысла. Вот почему боевые успехи войск Кавказского корпуса немало способствовали тому, что в политике правительства султана произошел поворот от войны к миру.

Однако когда турецкие уполномоченные прибыли для переговоров о мире в Адрианополь и ознакомились с предъявленными им условиями победителей, они выразили согласие принять их все, кроме двух — возмещения военных издержек и территориальных уступок на Кавказе.

Даже после того, как русские войска возобновили продвижение к Константинополю и султан стал более уступчивым, вопрос о кавказских границах продолжал оставаться главным пунктом разногласий участников мирной конференции. «Видно было,— замечает современник,— что владения в Азии у них лежат более на сердце, нежели владения в Европе» [318].

Еще накануне войны Нессельроде заявлял, что «в Европе Россия не желает никаких территориальных приобретений на счет Оттоманской империи», но «в Азии нуждается в приобретении двух укреплений: Анапы и Поти с окрестною территорией». Мотивировалось это требование тем, что в свое время, в ходе предшествующей русско-турецкой войны, Анапа и Поти занимались русскими войсками, но затем были «уступлены Россией Турции в силу Бухарестского трактата 1812 г.». Теперь «эти две крепости Россия желает возвратить себе»,— заключал Нессельроде, добавляя, что «таким приобретением нисколько не нарушится европейское равновесие» [319]. В дальнейшем требование о возвращении Анапы и Поти не раз фигурировало в официальных заявлениях царского правительства об условиях будущего мира.

Помимо этого, уже в ходе войны Паскевичем был выдвинут вопрос о необходимости более значительного расширения владений России в Закавказье за счет присоединения грузинских и армянских земель, ранее завоеванных турецкими султанами.

В письме, направленном к Нессельроде в августе 1828 г. из лагеря при Ахалкалаки, Паскевич указывал, что в целях «спокойствия всей западной части Грузии и даже окрестностей Тифлиса» необходимо, чтобы будущая русско-турецкая граница в Закавказье проходила по реке Чорохи до Артвина, затем по Саганлугскому хребту до Аракса и далее по Араксу до горы Арарат. Таким образом, он настаивал на присоединении к России Аджарии, Ахалцихского и Карсского пашалыков, а «если можно, и пашалыка Баязетского». В крайнем случае он считал необходимым, «дабы хотя один пашалык Ахалцихский и турец-

[318] Воспоминания А. И. Михайловского-Данилевского. «Русский вестник», 1889, август, стр. 16.

[319] Ф. Мартенс, т. XI, стр. 371. Депеша Нессельроде Ливену от 6 января 1828 г.

кая часть Гурии с Батумом были присоединены к России», ибо только «тогда спокойствие Грузии будет обеспечено и мы приобретем провинции, издревле принадлежавшие Грузинскому царству» [320].

Успехи, достигнутые русскими войсками в период кампании 1829 г., позволяли рассматривать предложения Паскевича как вполне реальные.

К сентябрю 1829 г. войска Кавказского корпуса контролировали значительную часть Западной Армении, прочно занимали Ардаган и Ахалцихе, а также активно действовали в районах Байбурта и Гюмюшхане. Все это укрепляло позиции русской дипломатии в вопросе о кавказских границах.

Однако в Петербурге понимали, что именно в этом вопросе следует ожидать не только упорного сопротивления правительства султана, но и активного противодействия английской дипломатии.

Желая «сколь возможно скорее» добиться заключения мира и избежать нового конфликта с западными державами, Николай I ограничил свои территориальные претензии на Кавказе лишь требованием об уступке султаном Анапы, Поти, Ахалкалаки и Ахалцихе. Но и это требование английский посол в Константинополе Роберт Гордон считал, как было уже сказано, «выходившим из границ великодушия».

В конце концов русскому уполномоченному А. Ф. Орлову удалось убедить турецких делегатов в необходимости пойти на уступки в вопросе о кавказских границах. Однако большая часть территории, занятой русскими войсками во время войны, должна была быть возвращена султану.

Правда, 10 сентября Николай I, как бы спохватившись и еще не зная о состоявшемся подписании мирного трактата, отправил письмо Дибичу, в котором соглашался на частичный отказ от контрибуции взамен присоединения к России Карса и Батума [321]. Но эта директива была получена в Адрианополе уже слишком поздно — мир был заключен еще 2 сентября 1829 г.

Кавказской проблеме была посвящена статья 4-я Адрианопольского трактата. Правительство султана при-

---

[320] АКАК, VII, № 759.

[321] «Древняя и новая Россия», 1879 г., декабрь, стр. 560—561.

знавало факт присоединения к России Грузии и Восточной Армении. В тексте статьи было сказано: «Грузия, Имеретия, Мингрелия, Гурия и многие другие области Закавказские с давних уже лет присоединены на вечные времена к Российской империи: сей державе уступлены также трактатом, заключенным с Персиею в Туркменчае 10 февраля 1828 года, ханства Эриванское и Нахичеванское...»

Определяя новую «пограничную черту» на Кавказе, данная статья фиксировала, что «город Ахалцих и крепость Ахалкалаки», а «равно и весь берег Черного моря от устья Кубани до пристани св. Николая включительно пребудут в вечном владении Российской империи...»

Далее статья обязывала Россию возвратить Турции «остальную часть пашалыка Ахалцихского», города Карс, Баязет и Эрзерум с их пашалыками, а «также и все другие места, занятые российскими войсками» в ходе войны и находившиеся южнее новой пограничной линии [322].

Таким образом, Адрианопольский мир завершил продолжавшийся более четверти века процесс присоединения к России основной территории Закавказья.

Овладев важным в стратегическом отношении Ахалцихским плацдармом и получив новые военно-морские базы на Кавказском побережье (Анапа, Поти), русский царизм значительно упрочил свои позиции на Кавказе, а это неизбежно расширило сферу влияния России на Среднем Востоке. Недаром правящие круги соперничавших с Россией держав встретили Адрианопольский мир с нескрываемой враждебностью. В Лондоне было созвано экстренное заседание совета министров. Английскому посланнику в Петербурге поручено было заявить протест против условий Адрианопольского трактата. Характерно, что более всего английские министры выражали свое недовольство 4-й статьей мирного договора, т. е. именно той, которая касалась интересов не только России, но и народов Кавказа.

Так, например, в английской ноте содержалось утверждение, что присоединение к России Ахалцихской области и Кавказского побережья Черного моря противоречит интересам других держав, а потому «нарушает европей-

---

[322] ПСЗ, II, т. IV, 1829, № 3128, стр. 622.

ское равновесие». Ясно было, что в Лондоне тревожились по поводу того, что расширение владений и политического влияния России на Среднем Востоке помешает дальнейшему распространению британской колониальной экспансии в Азии.

Отвечая на этот пункт английской ноты, министерство иностранных дел России остроумно замечало, что «если присоединением некоторых турецких городов с окрестностями... Россия нарушила европейское равновесие, то английское правительство своими завоеваниями в Индии с 1814 года систематически его нарушало» [323].

В конечном счете Адрианопольский трактат остался в силе, хотя и явился причиной дальнейшего углубления англо-русских противоречий.

Правительство Австрии официально не протестовало, но Меттерних назвал Адрианопольский мир «несчастьем» и заявил, что Турция будто бы «прекратила свое независимое существование».

Этому мало кто верил, ибо султан оставался в Константинополе суверенным государем, а территориальные потери его империи были совсем не так велики, как можно было ожидать.

Не говоря о русских, даже некоторые иностранные дипломаты удивлялись умеренности условий Адрианопольского мира. Престарелый сотрудник Меттерниха Фриц Генц писал, например, что «в сравнении с тем, чего могли требовать русские и требовать безнаказанно, они требовали мало...» [324]

Он не знал того, что накануне заключения мира с Турцией Николай I испытывал серьезные колебания. Видимо, желая снять с себя всю полноту ответственности за важные решения и разделить ее со своими советниками, царь образовал очередной секретный Комитет для обсуждения вопросов, связанных с предстоящим заключением мира с Турцией. Не случайно, кроме Нессельроде, в состав Комитета были введены сановники из числа наиболее авторитетных представителей русской дворянской знати: князь А. Н. Голицын, граф П. А. Толстой, тайный

---

[323] Ф. Мартенс, т. XI, стр. 422.

[324] A. Prokesch-Osten. Geschichte des Abfalls der Griechen vom türkischen Reich, Bd. II. Wien, 1867, S. 384.

советник Д. В. Дашков, граф А. И. Чернышев. Председателем Комитета был утвержден граф В. П. Кочубей, достаточно искушенный в «восточных делах».

Первое заседание Комитета состоялось 4(16) сентября, когда в Петербурге было уже известно, что Дибич ждет приезда в Адрианополь уполномоченных султана. Нессельроде огласил на заседании Комитета одобренный царем меморандум, в котором излагалась официальная точка зрения на политику России в восточном вопросе. В основном она сводилась к утверждению, что не следует стремиться к «разрушению» Османской империи, ибо «сохранение этого государства более полезно, нежели вредно, действительным интересам России...» [325] Затем была зачитана обширная записка Д. В. Дашкова, который также доказывал, что распад Османской империи не был бы выгодным для России. Если даже Россия в результате раздела владений султана получила бы Босфор и Дарданеллы, то «другие державы благодаря своему географическому положению могли бы сделать гораздо более выгодные приобретения на счет Турции, чем Россия». Он прямо указывал, что Австрия не упустила бы при этом случая захватить Сербию, Боснию, Герцеговину, Албанию и Черногорию, Англия — Крит и другие греческие острова, Франция — Египет. В конце концов, по его мнению, дело дошло бы до «общеевропейской войны».

В итоге Комитет принял решение, которое гласило, «что выгоды от сохранения Оттоманской империи в Европе превышают его невыгоды..., что поэтому благоразумие требует предупредить ее падение посредством пользования всеми обстоятельствами, которые могут представиться для заключения почетного мира...» [326]

Именно это стремление русской дипломатии придерживаться при сложившихся тогда условиях политического курса, направленного на сохранение Турецкой империи, и объясняет, почему русские войска должны были оставить за Кавказом целые области, занятые ими в ходе войны, хотя никто в то время не мог бы принудить их сделать это силой оружия.

---

[325] Ф. Мартенс, т. IV, ч. 1, стр. 438.
[326] Там же, стр. 439—440.

5. ОТНОШЕНИЕ НАРОДОВ ЗАКАВКАЗЬЯ К ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИМ СОБЫТИЯМ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Сохраняя на первых порах для своих новых закавказских владений некоторое подобие внутренней автономии, царизм, по существу, с самого начала устанавливал там режим колониального угнетения. Участие местных князей и дворян в органах Верховного Грузинского правительства оказывало мало влияния на деятельность русской военной администрации, а власть уцелевших азербайджанских ханов становилась все более номинальной.

Постепенно ханства вообще были ликвидированы: Гянджинское в 1804 г., Бакинское и Кубинское — в 1806 г., Шекинское — в 1819 г., Ширванское — в 1820 г., Карабахское — в 1822 г., Талышское — в 1826 г. Вместо них были образованы шесть мусульманских провинций и два округа (Елизаветпольский и Джаро-Белаканский). Из присоединенных к России территорий бывших Ереванского и Нахичеванского ханств в 1828 г. была создана Армянская область.

Поскольку новая система управления способствовала ликвидации феодальной анархии и изживанию феодальной раздробленности, постольку она имела некоторое положительнее значение. При всей своей мерзости государственная система Российской империи с ее абсолютной монархией, строгой централизацией административной власти и развитой бюрократией отличалась более совершенными формами политического устройства, чем отжившие формы феодальной государственности, бытовавшие в Закавказье до присоединения к России. Поэтому правы те современные азербайджанские историки, которые считают ликвидацию ханств «важнейшим прогрессивным явлением», и те грузинские историки, которые подчеркивают «объективно прогрессивное значение» упразднения грузинских княжеств [327].

Однако не следует, разумеется, забывать о том, что Россия была в то время дворянской империей, вся политика, законодательство и административные институты

---

[327] «Присоединение Азербайджана к России...», стр. 51; М. К. Думбадзе. Западная Грузия в первой половине XIX в., стр. 34.

которой служили в конечном счете одной цели — поддержанию крепостнического режима, подорванного уже развитием в недрах его капиталистических отношений. Кроме того, надо учитывать, что на окраинах эта крепостническая по своей сущности система управления приобретала колониальный характер, что находило выражение в преобладающем значении здесь военно-административных элементов, особой тяжести казенных податей и повинностей, подчеркнутом великодержавном пренебрежении к народным обычаям, местным языкам и укоренившимся формам общественной и культурной жизни.

«Главноуправляющим» Грузией являлся генерал, командовавший русскими войсками, уездами управляли русские офицеры в звании «капитан-исправников». Все важные преступления рассматривались военными судами, причем судопроизводство и делопроизводство велось на русском языке. В Азербайджане отстраняемых от власти ханов заменили «коменданты» из русских офицеров, единолично управлявшие вверенными им «провинциями». Правда, они не имели права казнить подвластных жителей, резать им носы и уши, как это делали ханы, но в остальном права их мало чем отличались от ханских. Они являлись типичными представителями военно-феодальной администрации на колониальной окраине.

О великодержавном отношении царских администраторов к местному населению можно судить по некоторым высказываниям самых высших начальников. «Азиатский народ,— говорил Цицианов,— требует, чтобы ему во всяком случае оказывать особливое пренебрежение...» «Для азиатца, так же как и для горячей лошади, лучшее средство есть мундштук — он делает их послушными и кроткими»,— вторил Цицианову Тормасов [328]. Если такие заявления делались царскими наместниками, возглавлявшими всю систему кавказской администрации, то можно представить, что говорили, а главное, как поступали в отношении коренных обитателей края те чиновники, которые непосредственно общались с населением.

При этом следует иметь в виду, что возможность легкой наживы и бесконтрольного хозяйничанья на далекой окраине манили на Кавказ из царской России всякого

---

[328] П. Ф. Дубровин. Указ. соч., т. IV, стр. 339; т. V, стр. 383.

рода авантюристов, нередко уже запятнанных различными преступлениями. По свидетельству современника, «Кавказ в то время был убежищем и сборным пунктом разных пройдох и искателей средств вынырнуть из грязи или из неловкого положения» [329].

Даже официозные историки вынуждены были впоследствии признать, что большинство прибывавших в Грузию русских чиновников составляли «люди сомнительной нравственности, испорченной репутации, алчные, корыстолюбивые» [330].

Являясь отбросами «служилого сословия» дворянской империи, они принесли с собой в Грузию худшие традиции российской бюрократии: казнокрадство, взяточничество, чудовищную волокиту, продажность низших и произвол высших должностных лиц.

Натуральные подати в Грузии были в 1802 г. заменены денежными, за исключением хлебной подати («кодис пури»), которая давала до 43 тыс. четвертей муки, поступавшей в провиантские магазины для продовольствия войск [331].

Сбор податей служил для чиновников одним из основных источников личного обогащения. Тридцать лет спустя ревизовавший «Закавказский край» сенатор Мечников писал по этому поводу: «Податной хлеб был собираем местными начальниками в излишестве, и сей излишек сборщики оставляли для себя... Денежные подати..., собираемые теми же начальниками, в казну вносимы не были, и казна, считая их в недоимке, взыскивала в другой раз. Следуемые жителям за подводы, за транспортировки, за провиант, за материалы для войск и проч. деньги местными начальниками им выдаваемы не были... Все эти злоупотребления существовали в продолжении тридцати лет...» Нарисовав подобную картину, Мечников констатировал, что «местные начальники в Закавказском крае были более образцом нарушения законов, нежели блюстителями их» [332].

---

[329] Воспоминания генерала Филиппсона. «Русский архив», 1883, кн. 6, стр 285.

[330] «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. II, стр. 341.

[331] ЦГИАГ, ф. 4, оп. 1, д. 964, л. 28.

[332] «Колониальная политика российского царизма в Азербайджане», сборник документов, ч. I. М.— Л., 1936, стр. 280.

Это было написано царским сановником в секретном докладе в 1831 г. Но подобные беззакония и произвол чинов кавказской администрации существовали с начала века.

Пример алчности и хищничества подавал сам «правитель Грузии» статский советник П. И. Ковалевский, который наживался на спекуляции валютой, скупке шерсти, темных махинациях с тифлисскими купцами, не говоря уже о взятках и бесконтрольном пользовании казенными суммами.

О прокурорском надзоре не могло быть и речи, ибо сами прокуроры были причастны к лихоимству и казнокрадству, процветавшему в административных органах Закавказья. Когда в 1821 г. из Тифлисского уездного казначейства был похищен мешок с 615 червонцами, то долго не могли сыскать преступника, что было не удивительно, так как им оказался сам прокурор Меллин.

Казнокрадство опустошало сундуки государственного казначейства, которые и без того не были полными, так как содержание огромного военно-административного аппарата было причиной хронического дефицита закавказского бюджета.

Заботясь об исправном поступлении податей и выполнении казенных повинностей, царские администраторы старались несколько ограничить феодальный произвол местных владетелей и по возможности увеличить фонды государственных имуществ. Именно руководствуясь этими фискальными соображениями, а отнюдь не гуманным отношением к трудящимся, Цицианов предложил ликвидировать институт моуравов — «попечителей», управлявших селениями, судивших крестьян и собиравших с них подати для царской казны. Для грузинских феодалов этот институт был одним из важнейших источников обогащения, а для крестьян — одним из самых тяжких проявлений угнетавшего их феодального произвола. Теми же соображениями было обусловлено стремление к сокращению числа помещичьих и увеличению контингентов государственных крестьян. В казенное ведомство были перечислены 34 тыс. крестьян, принадлежавших членам бывшей царской фамилии Багратионов, а также тысячи крестьян, составлявших собственность тех князей и дворян, имения которых были конфискованы в порядке репрессий за участие в антиправительственных выступ-

лениях. Сюда же следует отнести такие мероприятия, как освобождение в 1807 г. от крепостной зависимости церковнослужителей и их детей, запрещение в 1819 г. личного закрепощения крестьян, переселявшихся из-за границы, предоставление в 1824 г. права крестьянам выкупать себя при продаже помещичьего имения с торгов. И. Г. Антелава прав, когда он подчеркивает, что с самого начала присоединения Грузии к России «шел неуклонный процесс численного роста казенных поселян» [333].

Естественно, что грузинские помещики терпели при этом определенный материальный ущерб, и данное обстоятельство пробуждало среди них оппозиционные настроения ничуть не меньше, чем утрата ими некоторых политических привилегий в связи с упразднением Картли-Кахетинского царства.

Что касается крестьянства, то оно на первых порах было удовлетворено некоторым ограничением произвола местных феодалов и открывшейся возможностью избавления от барского произвола путем перехода в разряд государственных крестьян. По мнению И. Г. Антелава, специально исследовавшего этот вопрос, «стремление крепостных добиться перехода в разряд государственных крестьян» являлось одной из форм их «борьбы против своих владельцев». Крестьяне рассматривали такой переход «как наименьшее зло» [334].

Поэтому крестьяне не поддержали первого выступления грузинской феодальной знати, имевшего место в 1802 г. Царские администраторы с удовольствием отмечали в своих донесениях, что «везде черный народ» был «искренно преданным и верным государю императору», что крестьяне не поддавались призывам князей и царевичей, что «мужики приходили целыми деревнями» к русским военачальникам, прося защитить их от феодалов, угрожавших им репрессиями [335].

Однако по мере развития военных операций в Закавказье грузинское крестьянство все более испытывало тяжесть так называемых «казенных повинностей», подвер-

---

[333] И. Г. Антелава. Государственные крестьяне Грузии в первой половине XIX века. Автореферат докторской диссертации. Сухуми, 1954, стр. 5.

[334] Там же, стр. 14.

[335] О. Маркова. Указ. соч., стр. 32—33.

гаясь беспощадной эксплуатации со стороны местной администрации. Произвол уездных исправников и провиантских чиновников достиг чудовищных размеров, насилия и издевательства приняли систематический характер.

Ввиду того, что хлебная подать не обеспечивала потребности войск в продовольствии, власти все чаще стали прибегать к заготовке провианта посредством реквизиций или «закупки по твердым ценам». «По установлению раскладки... отправлялись провиантские комиссионеры, каждый с командой казаков... Помощь сих команд... была необходима при закупке хлеба, ибо крайне обиженные ничтожностью платы хозяева, обороняя свою собственность, не иначе расставались с нею, как по выдержанию, телесного наказания. Иногда поставка провианта падала по раскладке на такие селения, которые по какому-либо случаю не имели собственного хлеба и должны были закупать у других, тогда комиссионеры делали с ними особую сделку, сами поставляя за них провиант, получая от них за то деньгами, но уже не по казенной цене, а по настоящей» [336].

Кроме того, в связи с ростом продовольственных цен и развитием товарно-денежных отношений и грузинские помещики в свою очередь усиливали эксплуатацию зависимых от них крестьян, увеличивая барщину и оброк.

Но самой тягостной стала для грузинского крестьянства дорожно-гужевая повинность, которая выражалась не только в принудительном привлечении населения к постройке и ремонту военных дорог, но и в изъятии у «обывателей» (иногда на весьма длительное время) транспортных средств для перевозки казенных грузов. «Требования от края арб и вьюков при движении войск для перевозки провианта и комиссариатских тяжестей были непомерны»,— вспоминал А. Г. Чавчавадзе. По его словам, Грузия в это время поставляла ежегодно до 112 тыс. арб, запряженных волами и буйволами, и около 100 тыс. вьючных лошадей с погонщиками [337]. При этом часто под видом «казенных надобностей» по предписанию капитан-исправников снаряжались «подводы с дровами и фуражем», которые «отправлялись на дальнее расстояние без всякой платы».

---

[336] А. Чавчавадзе. Указ. соч., стр. 310.
[337] Там же, стр. 307—308.

Не удивительно, что эта разорительная для крестьян повинность вызывала всеобщий ропот и недовольство. Особенно, по свидетельству Зураба Церетели, были «стеснены и разорены придорожные жители», которые «чувствовали отвращение от одного вида войск» [338].

Сначала отдельные вспышки протеста быстро гасли под угрозой репрессий. Но летом 1804 г. в районе строившейся «Военно-Грузинской дороги» (между Владикавказом и Тбилиси) вспыхнуло массовое восстание, которое быстро охватило прилегающие к ней горные долины и ущелья Мтиулетии, Хевсуретии и Южной Осетии. Восставшие крестьяне разоружали местные гарнизоны, истребляли чиновников, разоряли помещичьи усадьбы. В их руках оказался ряд крупных населенных пунктов в верховьях Терека и Арагви по обе стороны «Крестового перевала» (Казбеги, Коби, Анапури, Душети и др.).

Известия об этом восстании сильно встревожили Цицианова, который занят был тогда осадой Еревана. Незаконченная «Военно-Грузинская дорога», проходившая по ущельям Терека и Арагви, была в то время единственной коммуникацией, связывавшей Грузию с Россией. Потеря ее в обстановке начавшейся войны с Ираном представляла большую опасность для русского командования. 15 сентября 1804 г. Цицианов снял осаду Еревана и возвратился со своим отрядом в Картлию (Карталинию). Он лично возглавил карательную экспедицию, которую организовал для подавления восстания грузинских и осетинских крестьян. «Камня на камне у вас не оставлю и не генерала пришлю, а сам приду с войском», грозил он восставшим осетинам [339]. Однако ему понадобилось почти три месяца, чтобы сломить героическое сопротивление повстанцев. Только к концу декабря 1804 г. были ликвидированы последние очаги восстания в горах Южной Осетии.

Попытки лидеров феодально-монархической оппозиции использовать восстание крестьян в целях реставрации старого режима и возвращения к власти династии Багратионов успеха не имели. Захваченные в плен царевичи были высланы из Грузии: Юлон в Воронеж, Парнаоз в Тулу.

---

[338] АКАК, IV, № 214.
[339] АКАК, II, № 1081.

Таким образом, восстание 1804 г. показало, что ликвидация последних остатков грузинской автономии и ущемление прав местной знати наряду с усилением административно-полицейского произвола и податного гнета породили недовольство во всех слоях коренного населения, а значит, создали почву для возникновения широкого антиколониального движения. Однако в процессе того же восстания обнаружились глубокие противоречия между его участниками, обусловленные противоположностью их классовых интересов.

В одной из своих работ по национальному вопросу И. В. Сталин справедливо указывал, что после присоединения Грузии к России «... грузинское дворянство почувствовало, как невыгодно было для него потерять старые привилегии и могущество, которые оно имело при грузинских царях, и, считая, «простое подданство» умалением своего достоинства, пожелало *«освобождения Грузии». Этим оно хотело поставить во главе «Грузии» грузинских царей и дворянство и передать им, таким образом, судьбу грузинского народа!* Это был *феодально-монархический «национализм»*. Это «движение» не оставило никакого заметного следа в жизни грузин, не стяжало себе славы ни одним фактом...» [340]

Естественно, что реставраторские цели деятелей феодально-монархического «национализма» не пользовались поддержкой народных масс. Зато массовое движение грузинского крестьянства в период восстания 1804 г. содержало определенные антифеодальные тенденции. Восставшие крестьяне не только избивали представителей царской администрации, но и громили имения крупных грузинских феодалов — Эристова, Казбека и др. Сообщая об этом, один из ближайших сотрудников Цицианова писал: «Грузинских князей первейших фамилий захватили, побив несколько...» [341]

Не находя прочной опоры в народных массах, лидеры грузинской феодально-монархической оппозиции искали поддержки за рубежом. Враждебные России государственные деятели соседних стран охотно устанавливали с ними политический контакт, надеясь использовать их для ди-

[340] И. В. Сталин. Соч., т. I, стр. 32.

[341] Н. Дубровин. Закавказье от 1803 до 1806 г. СПб., 1866, стр. 368.

версий в тылу русских войск, оборонявших Закавказье. Так ахалцихский и трапезундский паши поддерживали сношения с имеретинским царем Соломоном II, который после высылки из Грузии царевичей Юлона и Парнаоза стал главным лидером феодально-монархической оппозиции. (Непримиримый враг России царевич Александр по-прежнему находился в эмиграции, переезжая из Тавриза в Ахалцихе и обратно.)

Между тем назревали новые события, которые привели к тому, что к началу летней кампании обстановка в Закавказье для русского командования изменилась к худшему.

Узнав об этих сношениях, Тормасов еще осенью 1809 г., настаивал перед правительством на «удалении Соломона от управления Имеретией», считая это одним из условий, необходимых для того, чтобы «обеспечить правый фланг Грузии» [342].

Однако тогда император Александр I не решился санкционировать это мероприятие, опасаясь, что оно может вызвать волнения в тылу русских войск, осаждавших Поти.

Лишь после того как занятие Поти укрепило политическое влияние России в Западной Грузии, он дал согласие на отстранение от власти царя Соломона II и учреждение в Имеретии «Временного правления» из преданных России князей и русских офицеров.

В феврале 1810 года Тормасов предложил Соломону II прибыть в Тифлис якобы для переговоров. Однако последний отклонил это предложение и, покинув Кутаис, заперся в укрепленном замке Вардцихе. Только через месяц, когда против него были двинуты войска, он уступил и приехал к Тормасову. Подвергнутый там фактически домашнему аресту, имеретинский царь вскоре убедился в невозможности какого-либо соглашения с русским правительством и в ночь на 23 мая бежал из Тифлиса в Ахалцихе, где находился в это время не прекращавший борьбы против России грузинский царевич Александр.

Вернувшись нелегально в начале июня в Имеретию, Соломон II призвал своих подданных к восстанию. Откликнувшись на этот призыв, имеретинские тавады собрали феодальное ополчение и блокировали почти

---

[342] АКАК, IV, № 1075.

одновременно все укрепленные пункты, занятые небольшими русскими гарнизонами. Обеспокоенный Тормасов вынужден был направить в Имеретию значительные силы под начальством генерал-лейтенанта Розена. Спешно собранное феодальное ополчение, состоявшее из плохо вооруженных крестьян, не могло долго противостоять регулярным войскам. 10 июля Розен занял Кутаис. Однако повстанцы продолжали вести партизанскую борьбу. Соломон II пытался руководить ими, укрывшись в трудно доступном Ханийском ущелье (в районе Зекарского перевала). Его уполномоченный князь Малхаз Андроникашвили отправился в Константинополь просить помощи у султана [343]. Это показывает, куда вела Имеретию политика Соломона II и какой «независимости» она могла бы достигнуть в случае отторжения ее от России.

В обстановке войны с двумя соседними державами, которые как раз осенью 1810 г. при посредничестве английской дипломатии готовы были координировать свои военные усилия, восстание, поднятое Соломоном II в Имеретии, представляло серьезную опасность. Поэтому Тормасов приказал полковнику Симоновичу, командовавшему русскими войсками в Западной Грузии, «в продолжении двух недель... окончить дела в Имеретии». Выполняя эту директиву, Симонович предпринял «экспедицию» в Ханийское ущелье, где нанес полное поражение Соломону II и заставил его навсегда покинуть пределы своего бывшего царства. Спустя пять лет Соломон II умер в Трапезунде, где он нашел приют у турецких пашей.

Тем временем затянувшееся состояние войны и стремление царизма переложить растущие военные расходы на плечи трудящихся масс коренного населения порождали новые стихийные волнения. Самым крупным из антиколониальных движений в Грузии было в тот период восстание в Кахетии, начавшееся в конце января 1812 г. схваткой крестьян селения Ахмета Телавского уезда с воинской командой, присланной для изъятия хлеба. С каждым днем восстание разгоралось все сильнее, угрожая охватить всю Восточную Грузию. Тысячи вооружившихся чем попало грузинских крестьян осадили города Сигнах и Телав, блокировав находившиеся там русские гарнизоны. Отдельные

---

[343] АКАК, V, № 72.

воинские команды, расквартированные в других пунктах, были частью истреблены, частью разоружены повстанцами. Напуганные размахом этого массового народного движения, местные власти растерялись. Солдаты, которые, естественно, не могли считать восставших грузинских крестьян «неприятелями» и даже нередко втайне сочувствовали им, действовали в роли «усмирителей» вяло и неохотно. Кстати, и повстанцы в свою очередь щадили русских солдат и относились к ним отнюдь не враждебно. Так, в Сигнахе, занятом восставшими крестьянами, «все чиновники были перерезаны, а солдаты... спасены» и даже «довольны их (повстанцев.— *А. Ф.*) поведением...» [344]

Конечно, Паулуччи отлично понимал истинный характер кахетинского восстания. В своих донесениях царю он достаточно откровенно писал о том, что «причины происшедшей здесь революции заключаются в безнравственности, вообще царствующей между российскими чиновниками, которые... пускаются на бо́льшие или меньшие преступления» [345]. Будучи иностранцем, он позволял себе в связи с этим даже довольно резкие суждения о «медленности российского судопроизводства» и не стеснялся указывать на «чрезвычайные злоупотребления», вызываемые «тысячами подлостей провиантских чиновников, которые они, в тягость народу и к разорению казны, не перестают здесь делать».

Но генерал-лейтенант царской армии маркиз Паулуччи не решался сказать всю правду в глаза царю, которому он служил. А правда заключалась в том, что дело было не только и не столько в «безнравственности российских чиновников», а в той системе колониальной политики русского царизма, которая допускала и даже поощряла эту «безнравственность» и проводниками которой являлись и эти чиновники, и сам «главнокомандующий Грузией» Паулуччи.

Восстание в Кахетии было не первым крестьянским восстанием в Грузии после присоединения ее к царской России. И так же как все предшествующие массовые выступления грузинского крестьянства, оно являлось прежде всего выражением стихийного протеста народных масс против

---

[344] А. Чавчавадзе. Указ. соч., стр. 316.
[345] АКАК, V, № 97.

усиления социального и национального гнета. Крупные масштабы и бурный характер этого восстания объяснялись тем, что оно происходило в обстановке затянувшейся войны с Персией и Турцией. Царское правительство хотело заставить грузинское крестьянство расплачиваться за порочную систему снабжения русских войск, действовавших в Закавказье. «Беспорядочное требование подвод на военные транспорты истребило повсеместно множество рогатого скота... и довело жителей Грузии до ощутительного разорения» [346].

Несмотря на постигший Грузию в 1811 г. «общий неурожай», пристава и провиантские чиновники отбирали у полуголодных крестьян последние запасы хлеба, уплачивая по 1 руб. 20 коп. за коду (36 кг), тогда как рыночная цена достигала 4—5 руб. за коду. Изъятия зерна, как обычно, сопровождались жестокими «экзекуциями», причем вследствие растущего сопротивления крестьянства насилия и притеснения принимали особенно острый характер. «Штыками вы отняли у нас последний хлеб, а нам говорили, чтобы мы паслись на траве»,— жаловались кахетинские крестьяне [347].

«Чрезвычайные злоупотребления» со стороны чиновников, конечно, имели место, но они являлись лишь следствием военно-феодальных методов управления Грузией, характерных для всех официальных представителей русского самодержавия. Этого не мог не знать Паулуччи. Однако он не осмеливался заявить об этом открыто, ибо сам разделял ответственность с царским правительством за его колониальную политику в Закавказье. Именно поэтому, бросая «либеральные» фразы о «подлостях чиновников», творимых ими «в тягость народу», он ничего не говорил о необходимости каких-либо существенных перемен в управлении «Закавказского края». По той же причине, обратившись сначала к восставшим грузинским крестьянам с «увещеваниями», он вступил затем на путь репрессий и подавления восстаний силой оружия.

В марте 1812 г., после того как в Кахетию были направлены крупные отряды русских войск, восстание пошло на убыль. Но внутриполитическое положение в Грузии оставалось все еще весьма напряженным.

---

[346] А. Чавчавадзе. Указ. соч., стр. 308, 312.
[347] АКАК, V, № 100.

Между тем сообщения о восстании в Грузии вновь пробудили реваншистские надежды в руководящих кругах Персии и Турции. Аббас-Мирза поспешил обратиться с воззванием к кахетинским повстанцам, обещая им свою помощь [348]. Через посредство находившегося в Персии грузинского царевича Александра он установил связь с оппозиционно настроенными элементами грузинской знати, которые надеялись использовать сложившуюся ситуацию, чтобы добиться для себя некоторых политических уступок от русского правительства.

В этих внешнеполитических связях примкнувших к восстанию грузинских феодалов особенно ярко проявилась реакционная сущность феодально-монархического «национализма». Ради восстановления своих эксплуататорских прав и сословных привилегий представители местной знати вступали на путь прямой измены родине, становясь агентурой шаха и султана. Если бы им удалось добиться успеха, Грузия вновь стала бы добычей жестоких завоевателей, как это не раз бывало до присоединения ее к России. Отторжение Грузии от России противоречило коренным интересам грузинского народа. Не случайно ни в одной петиции восставших кахетинских крестьян нельзя обнаружить стремления к разрыву с Россией. Больше того, их вожаки подчеркивали, что они не хотят изменять вековой дружбе с русским народом. «Изменить русским никогда в нашем помышлении не было»,— заявлял один из предводителей повстанцев крестьянин Кацо Оханашвили [349].

Автор наиболее содержательной монографии о восстании 1812 г. О. П. Маркова отмечает, что крестьяне и примкнувшие к движению кахетинские феодалы преследовали различные цели: «Крестьяне стремились избавиться от эксплуатации, феодалы — добиться возвращения... старых форм угнетения народных масс, предоставлявших им бо́льшую свободу для этого угнетения...» Она указывает, что «при различии целей не было и не могло быть между повстанцами-крестьянами и реакционерами-феодалами идеологической спайки и внутреннего единства». Поэтому «общий фронт, созданный вначале под знаменем царевича Александра, не мог быть прочным...» [350]

---

[348] Там же, № 105.
[349] Л. Чавчавадзе. Указ. соч., стр. 18.
[350] О. Маркова. Указ. соч., стр. 312.

Крестьянские массы не пошли за лидерами феодально-монархического «национализма», а в ряде случаев их выступления, как и в 1804 г., носили не только антиколониальный, но и антифеодальный характер. В ходе восстания было сожжено и разгромлено немало дворянских усадеб. Многие карталинские помещики спешили уехать в Тифлис, спасаясь от народного гнева [351].

Таким образом, в восстании 1812 г. выявились два социально разнородных течения в антиколониальном движении, нараставшем в Грузии в начале XIX в. При этом одно из них, представленное немногочисленной группой феодалов, явно шло на убыль, тогда как второе, отражавшее интересы и чаянья крестьянских масс, становилось важнейшим фактором общественно-политической жизни Закавказья.

Убедившись в том, что русский царизм не посягает на основы феодального строя и даже старается упрочить его, сохранив в неприкосновенности крепостное право и связанные с ним сословные привилегии дворянства, местные феодалы стали быстро изживать свои оппозиционные настроения. Этому содействовали такие мероприятия царского правительства, как предоставление грузинским помещикам права судопроизводства по гражданским делам, касавшимся их крестьян (1807 г.), указ о невмешательстве местной администрации в хозяйственные распоряжения помещиков (1826 г.) и, наконец, уравнение грузинских дворян в правах с русским дворянством (1827 г.). В результате местная феодальная знать все более становилась социальной опорой русского царизма и все теснее блокировалась с ним в борьбе против нараставшего крестьянского движения.

Даже когда великодержавные распоряжения царского правительства, направленные на ликвидацию автокефалии грузинской церкви и секуляризацию церковных имений, вызвали в 1819 г. новое антиколониальное движение в Западной Грузии, то значительная часть местной знати, в том числе князья Церетели, Эристави, Накашидзе и др., осталась верной царизму, а многие из примкнувших к этому движению имеретинских дворян поспешили отойти от него, как только обнаружились антикрепостнические устремления восставших крестьян.

---

[351] О. Маркова. Указ. соч., стр. 158—159.

Тот же процесс размежевания классовых сил в ходе антиколониальной борьбы происходил и в Абхазии. Соперничавший с владетелем Абхазии Георгием его старший брат Аслан-бей не оставлял попыток захватить власть в Абхазии и отторгнуть ее от России. Он имел сторонников среди некоторой части абхазских тавадов и местного мусульманского духовенства. Поводом для новой авантюры Аслан-бея послужила смерть владетеля Георгия, умершего 19 февраля 1821 г. Его младшие сыновья (Михаил и Константин) были еще несовершеннолетними, а старший сын Дмитрий находился далеко в Петербурге, куда его отвезли еще ребенком в качестве аманата (заложника). При этих условиях многие абхазские тавады были склонны провозгласить владетелем Гассан-бея Шервашидзе, приходившегося родным братом умершему Георгию. Но заменявший в это время выехавшего в Петербург Ермолова генерал-лейтенант Вельяминов по совету владетеля Мегрелии Левана Дадиани объявил «правительницей Абхазии» вдову Георгия Шервашидзе княгиню Тамару. (Леван Дадиани хлопотал тут недаром — Тамара приходилась ему теткой.)

Желая «оказать пособие» княгине Тамаре и избавить ее от опасного соперника, Вельяминов приказал сухумскому коменданту арестовать Гассан-бея Шервашидзе. Приказание было выполнено: Гассан-бей был арестован, препровожден в Тифлис, а затем сослан в Сибирь под надзор иркутского генерал-губернатора.

Грубое вмешательство военной администрации во внутренние дела Абхазии вызвало возмущение среди местной феодальной знати. В знак протеста многие абхазские тавады отказались признавать княгиню Тамару «правительницей». Волнением в Абхазии не преминули воспользоваться сторонники Аслан-бея, усилившие агитацию за признание его владетелем. Давно тлевшая искра феодальной междоусобицы готова была вспыхнуть зловещим пламенем.

Турецкие паши в Поти и Трапезунде реагировали на события в Абхазии быстрее, чем русские генералы в Тифлисе. Снабдив Аслан-бея оружием и деньгами, они вновь перебросили его в Абхазию, рассчитывая, что на этот раз он сумеет, наконец, овладеть Сухумской крепостью и открыть ее ворота для турецкого десанта.

Появившись на родине летом 1821 г., Аслан-бей не только не скрывал, но, напротив, всячески подчеркивал,

что он пользуется покровительством и поддержкой турецкого султана. Так, он уверял своих соплеменников, что имеет якобы фирман султана Махмуда II об утверждении его «абхазским беем». Кроме того, он распускал явно провокационные слухи о том, что русский посланник в Константинополе будто бы уже заявил о согласии царя вывести русские войска из пределов Абхазии. Тем самым Аслан-бей имел в виду ослабить политическое влияние тех своих противников из рядов местной знати, которые придерживались русской ориентации.

Однако, несмотря на все старания, ему не удалось и на этот раз собрать достаточно крупные силы. Его попытка овладеть Сухумской крепостью потерпела неудачу. Банды его приверженцев были без особого труда рассеяны направленным в Абхазию русским отрядом в составе полутора батальонов пехоты при двух орудиях. Но командовавший этим отрядом генерал Горчаков в ходе ликвидации мятежа, поднятого Аслан-беем, действовал типичными для царского администратора военно-феодальными методами. Он подвергал местных жителей жестоким репрессиям, заставляя их расплачиваться за действия сторонников Аслан-бея по принципу «круговой поруки».

Как свидетельствует Нико Дадиани, по приказанию Горчакова были «сожжены и опустошены окрестные деревни» в районе Сухума, а также разорен ряд селений на левом берегу реки Бзыбь, конфисковано много скота, вырублены виноградники и сады, а в селении Калдахвара «повышены два человека для устрашения абхазов» [352].

Эта ничем не оправданная жестокость, разумеется, отнюдь не способствовала укреплению авторитета Дмитрия Шервашидзе, которого Горчаков привез с собой в Абхазию. 12 декабря 1821 г. он представил нового владетеля «князям, дворянам и старшинам Абхазии», собранным для этой цели на широкой площади селения Лыхны — древней резиденции абхазских владетелей. Но этому молодому человеку, посившему мундир офицера царской гвардии и забывшему свой родной язык, трудно было установить контакт со своими подданными, тем более что он появился на родине вместе с карательным отрядом.

---

[352] Нико Дадиани. Картвелта Цховреба, перев. Е. С. Такайшвили. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 31. Тифлис, стр. 74.

Для охраны нового владетеля Горчаков оставил в селении Лыхны две роты Мингрельского пехотного полка под командованием майора Ракоци. Но и эта мера не спасла Дмитрия Шервашидзе. Он прожил в Лыхны около года скорее пленником, чем владетелем, опасаясь покушений со стороны приверженцев Аслан-бея. И все-таки 28 октября 1822 г. он был отравлен одним из них в своем собственном доме.

Тем временем Аслан-бей не хотел отказаться от дальнейшей борьбы за власть. Его сторонники продолжали раздувать пламя феодальной междоусобицы и вести враждебную России пропаганду среди населения Абхазии. Они же являлись организаторами провокационных нападений на русских солдат в окрестностях Лыхны и Сухуми, участившихся к весне 1824 г.

Узнав об этом, Горчаков приказал сухумскому коменданту подполковнику Михину произвести «карательный поиск» для «устрашения» жителей ближайших абхазских селений. Выполняя эту директиву, Михин с отрядом в 225 штыков в ночь на 29 мая 1824 г. напал на одно селение и сжег его, но на обратном пути сам подвергся нападению возмущенных его жестокостью абхазских крестьян. В завязавшейся схватке Михин был убит, а его отряд понес большие потери.

Это событие послужило сигналом для нового восстания в Абхазии. Русские гарнизоны оказались в состоянии блокады. К Сухуми и Лыхны стали стекаться толпы вооруженных абхазов.

Из Анапы на турецком корабле к берегам Абхазии прибыл Аслан-бей. Он высадился в Бомборской бухте, в 5 км от Лыхны, встреченный своими сторонниками из рядов местной феодальной знати. Горсточка русских солдат и преданных владетелю Михаилу абхазов в течение полутора месяцев обороняла Лыхненское укрепление. Русский гарнизон Сухумской крепости не мог оказать помощи лыхненцам, так как был очень малочисленным да и сам находился в блокаде.

Положение в Абхазии очень тревожило Ермолова. Он понимал, что уничтожение русских гарнизонов в Лыхны и Сухуми развяжет руки наместникам султана, которые не упустят случая овладеть этими стратегически важными пунктами, чтобы закрепиться на побережье Абхазии.

В июле 1824 г. в Абхазию были двинуты крупные военные силы, насчитывавшие до 2 тыс. русских солдат и 1300 всадников мегрельского ополчения. С моря их поддерживали фрегат «Спешный» и два брига, присланные по просьбе Ермолова из Севастополя. Командовал карательным отрядом все тот же генерал Горчаков.

Избавив от блокады сначала Сухумскую крепость, а затем и Лыхненское укрепление, он снова изгнал из пределов Абхазии Аслан-бея, который опять эмигрировал в Турцию и больше уже не появлялся на родине. К этому времени ряды восставших сильно поредели. Из 12 тыс. повстанцев, осадивших в доме владетеля Абхазии в его резиденции, к середине августа осталось всего несколько сотен. Абхазское крестьянство не пошло за турецким ставленником Аслан-беем, а другого вождя у него не было. Вместе с тем размах крестьянского восстания напугал и тех абхазских феодалов, которые вначале примкнули к нему. Не случайно вскоре после подавления этого восстания 130 абхазских князей и дворян принесли торжественную присягу на верность русскому царю [353].

Последним антиправительственным выступлением приверженцев грузинского феодально-монархического «национализма» являлся заговор 1832 г. Участниками его были несколько десятков грузинских дворян, группировавшихся вокруг Александра Орбелиани и Елизбара Эристави. Замышляя переворот с целью отторжения Грузии от России и реставрации монархии Багратионов, они пытались заручиться поддержкой шаха и султана и даже английской миссии в Тавризе, но действовали в полном отрыве от народных масс. Когда заговор был раскрыт и его участники арестованы, а затем высланы из Грузии, то это не вызвало никаких протестов со стороны широких слоев грузинской общественности.

Между тем крестьянство Грузии и всего Закавказья продолжало бороться и против колониального гнета, и против феодальной эксплуатации. В 1832 г. отказались от выполнения феодальных повинностей крепостные князей Церетели в Имеретии, в 1833 г. произошли крестьянские

---

[353] См. подробнее об этом: Л. В. Фадеев. Абхазия в первой четверти XIX века. «Труды Одесского гос. университета», 1939, т. I.

волнения в имениях многих помещиков Горийского уезда. Тогда же гурийские крестьяне убили ненавистного им помещика Г. Жгенти. Упорно добивались свободы крестьяне Юго-Осетии, закрепощенные грузинскими князьями Эристави и Мачабели. В 1830 г. они оказали вооруженное сопротивление посланному против них карательному отряду генерала Ренненкампфа. В том же году абхазские крестьяне сожгли дом владетеля Абхазии в селении Илори.

Эти антифеодальные выступления крестьянских масс приобретали тем более серьезное значение, что они сливались с освободительным движением русского народа. По существу, стихийно создавался широкий фронт борьбы народов против крепостничества и царского деспотизма в масштабе всей Российской империи. Недаром А. И. Герцен отмечал, что в России «из-за насильственного единства видится единство свободное..., единство, основанное на признании равенства и самобытности» [354].

Сближение на такой основе с Россией открывало перед народами Закавказья перспективу не только национального, но и социального освобождения. Конечно, не следует преувеличивать степень этого сближения для периода первой трети XIX в. Подлинное революционное содружество народов России было тогда еще делом далекого будущего, хотя объективные предпосылки для такого содружества начинали складываться уже тогда. Но было бы неправильно отрицать наличие даже для того времени известной общности политических интересов народов Закавказья и России. Такая общность несомненно существовала и тогда, проявляясь прежде всего в сфере внешней политики. Народы Закавказья не желали мириться с колониальным режимом и великодержавной политикой русского царизма. Но в ходе упорной борьбы, которую вела Россия с другими державами в районе Черного и Каспийского морей, народы Закавказья оказывали ей всемерную поддержку.

Очевидно, здесь не только сказывалось влияние определенных исторических традиций, порожденных общностью исторических судеб и закрепленных взаимодействием в области культуры, но большое значение имело и совпадение общенациональных устремлений народов Закавказья с государственными интересами России.

---

[354] А. И. Герцен. Собр. соч., т. VII, стр. 257.

Веками грузины, армяне, азербайджанцы оказывали сопротивление натиску иноземных завоевателей, угрожавших с юга. Россия также боролась против этих завоевателей, давая решительный отпор их притязаниям на кавказские земли. Поэтому не удивительно, что в моменты крайнего обострения международных отношений, когда судьба Закавказья зависела от исхода политического или военного конфликта между соперничавшими державами, населявшие его народы неизменно оставались на стороне России.

До недавнего времени историки обращали мало внимания на факты, свидетельствующие об активном участии населения Грузии, Армении и Азербайджана в борьбе, которую вела Россия за присоединение Закавказья. Между тем не подлежит сомнению, что материальная и моральная поддержка, которой пользовались русские войска в Закавказье со стороны местного населения, являлась одним из факторов, обеспечивших для России возможность успешного завершения войны с Персией и Турцией. Дело заключалось не только в том, что местное население снабжало русские войска продовольствием, предоставляло им транспортные средства, усиливало их отрядами национальной «милиции». Не меньшее значение имело то обстоятельство, что русский солдат, сражавшийся за тысячи верст от своей родины, не чувствовал себя в Закавказье во враждебной среде. Он знал, что грузинский крестьянин кормит его своим хлебом, служит ему проводником в лабиринте горных ущелий, предупреждает его об опасности, ведя разведку, и, наконец, разделяет вместе с ним ратный труд в боях и походах, вступая в ряды ополчения. Русский солдат видел, как восторженно встречают его жители грузинских и армянских селений, освобожденных от турецкого ига, и с каким сожалением провожают его, когда ему приходится отступать. Все это, безусловно, способствовало укреплению морального духа русских войск, действовавших против Турции на Кавказском фронте, что лишний раз подтверждает значение морального фактора при решении стратегических задач.

Можно с уверенностью сказать, что без поддержки и сочувствия широких народных масс Закавказья малочисленные русские войска вряд ли были бы в состоянии в течение многих лет вести напряженную борьбу на этом от-

далеком театре войны и одерживать победы над противником, обладавшим многократным превосходством в живой силе и материальных ресурсах.

Почти во всех крупных боевых операциях русских войск на Кавказском театре принимали активное участие местные ополчения, которые официально именовались «милицией» и формировались по феодально-сословному принципу. Грузинские дворяне являлись на сборные пункты, «имев с собою по силе возможности каждый от 10 до 50 своих вооруженных конных людей» [355]. В основном грузинская «милиция» представляла собой иррегулярную конницу, которая не имела постоянной организации и устойчивых тактических форм. Однако наряду с этим она обладала высокой подвижностью и маневренностью, искусно действуя в условиях горно-лесистой местности.

Сражаясь на родной земле против иноземных захватчиков, грузины, охваченные патриотическим порывом, не раз показывали примеры воинской доблести, отваги и мужества, успешно взаимодействуя с русскими регулярными войсками.

Если в начале войны отряды грузинской «милиции» насчитывали всего от 200 до 600 всадников, то к концу войны численность ее достигала уже более 1500 всадников, из которых в 1810 г. по распоряжению Тормасова было сформировано две «конных бригады».

К этому времени, помимо грузинской «милиции», в составе русских войск действовали также отряды азербайджанской конницы, сформированные из числа жителей Памбакской, Казахской и Шамшадильской «дистанций».

Таким образом, общая численность местных национальных ополчений, принимавших участие в военных действиях против Турции на Кавказском фронте, составляла в последний период войны (1810—1811 гг.) более 2 тыс. человек. В то же время русская драгунская и казачья конница насчитывала тогда в Закавказье всего около 4 тыс. всадников.

Ясно, что возможность использования грузинской и азербайджанской «милиции» имела для русского командования весьма существенное значение.

---

[355] ЦГИАГ, ф. 8, д. 343, л. 142. Отношение Ртищева к Румянцеву от 28 марта 1811 г.

Немало грузин участвовало в войнах с Турцией и Персией, находясь на службе в рядах русской регулярной армии. Среди них выделялись генералы Д. Орбелиани, С. Гангеблашвили, Пачулидзе, майор Саварсамидзе, капитаны Абхази, Сагинашвили и др. Будучи хорошо знакомы с театром военных действий, владея местными языками, зная обычаи и нравы коренного населения края, они оказывали большую помощь русским военачальникам в организации и проведении операций на Кавказском фронте.

Вначале русское командование предпочитало использовать лишь конные ополчения и притом только для службы разведки и охранения. Например, во время первой осады Поти в 1807 г. из 600 всадников, предоставленных правительницей Мегрелии Ниной Дадиани, генерал Рыкгоф отобрал две сотни, из которых одна под начальством Георгия Пхеидзе охраняла переправу через Риони у селения Чаладиди, а другая во главе с Давидом Чичуа несла караулы в окрестностях Редут-Кале [356].

Однако постепенно русские военачальники начинали использовать местные ополчения и для выполнения самостоятельных оперативных заданий. Так, во время второй осады Поти в 1809 г. командующий русскими войсками генерал Орбелиани, не в пример своему предшественнику Рыкгофу, привлек местные ополчения непосредственно к боевым действиям, усилив за их счет отряд, блокировавший крепость [357].

Узнав о намерении Шериф-паши трапезундского двинуться на выручку осажденного потийского гарнизона, Орбелиани решил атаковать его лагерь, расположенный на берегу моря между речками Молтаква и Григолети. Фронтальную атаку русской пехоты должна была поддержать конная абхазская и мегрельская «милиция», а с тыла ударить пешее гурийское ополчение.

Таким образом, Орбелиани надеялся захватить противника в «клещи» и разгромить его, прижав к берегу моря и лишив возможности организованного отхода по батумской дороге.

Утром 14 ноября гурийцы, согласно взятому на себя обязательству, сбили охранение противника и завязали

---

[356] АКАК, III, № 176.
[357] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 406, л. 30.

бой на рубеже реки Григолети. Шериф-паша двинул против них свою конницу, но в условиях лесисто-болотистой местности она не могла использовать свое численное превосходство. В то же время русские артиллеристы выкатили орудия на берег Молтаквы и открыли огонь по турецким окопам, прикрывавшим северный фас укрепленного лагеря. Пользуясь этим, абхазский князь Манучар Шервашидзе и дядя владетеля Мегрелии Нико Дадиани со своей конной «милицией» форсировали вброд неширокую реку и бросились в атаку, охватывая правый фланг неприятельских позиций. Вслед за ними на плотах и лодках переправилась через Молтакву и ударила в штыки русская пехота. Турки были выбиты из окопов «с положением убитыми немалого числа». Преследуя их, абхазская и мегрельская конница ворвалась в лагерь противника. Гурийцы, услышав пушечные выстрелы со стороны Молтаквы, в свою очередь усилили натиск. Придя в замешательство, турки оставили лагерь и укрылись в лесной чаще. Часть из них бросилась к берегу моря. Как рассказывает очевидец, «видя с двух сторон свое поражение, неприятель кинулся на лодки, чтоб удалиться в море, но и в сем предприятии многие погибли...» [358]

Перегруженные «мауны» и «фелюки» опрокидывались. Обессилевшие турецкие аскеры тонули. Оставшиеся на берегу были охвачены паникой и не могли оказать организованного сопротивления.

Генералу Орбелиани удалось осуществить свой смелый замысел. Широко используя местную иррегулярную конницу и подкрепляя ее на решающем участке (у Молтаквы) русской пехотой и артиллерией, он достиг намеченной цели — «вспомогательный корпус» Шериф-паши был полностью разгромлен. Более 1500 турок было убито, 283 взято в плен [359]; остальные рассеялись среди лесов и болот в надежде добраться до границ Аджарии.

Но не только с оружием в руках местные жители принимали участие в осаде Поти. Когда у русских артиллеристов обнаружился недостаток боеприпасов, то по просьбе Орбелиани владетель Леван Дадиани и его мать Нина немедленно организовали по всей Мегрелии сбор металличе-

---

[358] «Северная почта», 1809, № 21.
[359] АКАК, IV, № 1159.

ского лома. Со всех сторон потянулись к Поти обозы. Мегрельские крестьяне свозили сюда стволы старых пушек, обломки древних колоколов и т. п. Из этого материала в русском лагере было налажено с помощью местных мастеров литье медных и чугунных ядер, которые, едва остынув, тотчас использовались артиллеристами. Помимо этого, местное население снабжало осадный отряд продовольствием и подсобной рабочей силой для всевозможных военно-инженерных работ.

Тормасов впоследствии специально подчеркивал в своем донесении, что «правительница» Мегрелии Нина Дадиани во время осады Поти «снабдевала наш отряд несколько раз порцией, поставляла всегда рабочих людей, сколько оных ни было требовано, без всякой заплаты и из единого своего усердия...» [360]

В этой бескорыстной помощи населения Мегрелии русским войскам, как и в активном участии местных ополчений в боевых действиях под стенами Поти, нашли яркое выражение глубокие патриотические чувства грузинского народа, который рассматривал борьбу против иноземных захватчиков как свое кровное дело и сознавал, что воссоединение искониых его земель может быть достигнуто только с помощью России.

С другой стороны, местные владетели, сотрудничая с русским командованием, старались доказать свою преданность русскому правительству, чтобы заручиться его поддержкой и покровительством на будущее время, а также сохранить свои феодальные привилегии.

Активное участие принимало местное ополчение в Ахалцихском походе 1810 г. В колонне полковника Симоновича, двигавшейся из Кутаиса, русскую пехоту сопровождала имеретинская и мегрельская «милиция». Из Цалки вышли три батальона пехоты, усиленные несколькими сотнями азербайджанской конницы, собранной в Казахской и Шамшадильской провинциях. Наконец, русский отряд, выступивший из Сурами через Боржомское ущелье, имел, помимо шести батальонов пехоты, 400 драгун и 600 донских казаков, более тысячи всадников грузинской «милиции». Последняя составила две конных бригады: одной командовал Константин Багратиони, а другой —

---

[360] АКАК, IV, № 524. Донесение Тормасова от 23 января 1810 г.

Вахтанг Орбелиани. Общее руководство бригадами было возложено на князя Тахмаза Орбелиани [361].

В 1808 г. в боях за Ереван в рядах русских войск действовал отряд армянских добровольцев во главе с Григором Манучаряпом, а в 1811 г. в районе Зангезура бок о бок с армянскими сражались и азербайджанские ополченцы [362].

Подобно грузинскому крестьянству, жители армянских селений снабжали оборонявшие границы Закавказья русские войска продовольствием, предоставляли им для отдыха свои жилища, ухаживали за ранеными.

Благодаря боевым успехам русских войск, отразивших новое иноземное нашествие на Грузию и Азербайджан, местное крестьянство получило возможность мирного труда. «Не может поселянин не чувствовать сей истины»,— писал современник.— Ему слишком ясно толкует улучшенное его состояние, самое поле, которое он безбоязненно обрабатывает и где весьма еще недавно не смел показаться» [363].

Не случайно после заключения Гюлистанского мира в Закавказье наблюдался усиленный рост населения. Например, в Карабахском ханстве в 1813 г. насчитывалось всего 3080 семейств, в 1817 г.— 7872, а в 1823 г. уже 18 563, т. е. в три раза больше [364].

Широкие массы коренного населения быстро оценили мир и безопасность от внешних врагов, которые они обрели благодаря присоединению к России. Поэтому, когда 13 лет спустя над народами Восточного Закавказья вновь нависла угроза возвращения под владычество Каджаров, они опять поднялись, чтобы помочь русским войскам в отражении вражеского нашествия.

Полторы тысячи жителей Шуши взялись за оружие, чтобы плечом к плечу с русскими солдатами защищать родной город от осадившей его армии Аббас-Мирзы летом 1826 г. Начальник гарнизона Шушинской крепости полковник Реут потом писал: «Относительно армян, защищавших крепость, долгом себе поставляю объяснить, что служба их достойна внимания, ибо все они действовали с отличною храбростью, выдерживали многократные

---

361 АКАК, IV, № 1227.
362 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4259, т. II, лл. 100—102, 183—186.
363 АКАК, VI, ч 1, № 654.
364 «Присоединение Азербайджана к России...», стр. 65.

приступы, отражали неприятеля с возможным уроном, презирали недостаток продовольствия и никогда не помышляли о сдаче крепости» [365].

Долго не поступало сведений из осажденной Шуши. Наконец, один из карабахских армян А. Алтунян сумел пробраться сквозь вражеское кольцо и доставил Ермолову донесение от полковника Реута. Этот подвиг послужил новым доказательством преданности карабахских армян союзу и дружбе с русским народом. Герой Алтунян был награжден русским боевым орденом — «Георгиевским крестом» [366].

Но не только жители Карабаха помогали русским войскам в их борьбе с иранским нашествием. Добровольцы-армяне из Памбака и Лори мужественно дрались с захватчиками бок о бок с русскими солдатами из отряда полковника Севарсамидзе, оборонявшего южные подступы к Тифлису. В Казахской и Шамшадильской провинциях, как и пятнадцать лет назад, действовал конный отряд армянских партизан под водительством Григора Манучаряна [367]. К началу 1827 г. в рядах русских войск сражалось с врагом около 4 тыс. армянских и азербайджанских ополченцев [368].

Угроза вторжения иноземных захватчиков вызвала патриотический подъем и среди грузин. Многие из них еще помнили ужасные последствия нашествия на Грузию войск Ага-Мухаммед-шаха в 1795 г. Опасность повторения подобной катастрофы пробудила у грузин стремление к участию в обороне Закавказья с оружием в руках. В ответ на призыв Ермолова за одну неделю было сформировано грузинское ополчение общей численностью свыше 6 тыс. всадников.

Начиная войну против России, Каджары серьезно рассчитывали на поддержку со стороны проиранski настроенных элементов кавказской феодальной знати, мечтавших о восстановлении своих политических привилегий, утраченных в связи с присоединением их владений к России. Недаром они всячески покровительствовали грузинскому

---

[365] В. Потто. Первые добровольцы Карабаха. Тифлис. 1902, стр. 62.

[366] Там же, стр. 63.

[367] З. Т. Григорян. Указ. соч., стр. 94.

[368] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4312, л. 27.

царевичу Александру, а также бежавшим в Иран азербайджанским и дагестанским ханам. Еще осенью 1825 г. Ермолов сообщал: «Аббас-Мирза для взбунтования против нас лезгин и прочих дагестанских народов прислал через Гассан-хана, брата Сардаря Эриванского, самому Сардарю значительную сумму и разные подарки...» [369] Через бывшего дербентского хана Ших-Али Аббас-Мирза ссужал деньгами вожаков мюридизма в Чечне. Царевич Александр по заданию шаха и его наследника неоднократно проникал в Дагестан, чтобы установить коптакт с враждебными России ханами и шейхами [370].

За полгода до начала русско-персидской войны в письме к владетелям Гурии и Мегрелии беглый имеретинский царевич Вахтанг писал из Ахалцихе: «С 50-ю тысячами человек шах-задэ (титул Аббас-Мирзы.— *А. Ф.*) и с 23-мя тысячами лезгин Александр в близком времени должны идти под Тифлис...» [371] Александр действительно пробрался в Джарскую область, чтобы на полученные от «шах-задэ» английские гинеи завербовать наемников для нападения на Грузию с тыла.

Как только Аббас-Мирза, перейдя Аракс, двинулся со своими полчищами в глубь Закавказья, угрожая вторжением в Грузию с юга, Александр со своими наемниками напал на Грузию с северо-востока. В то же время в обозе тех войск, которые Аббас-Мирза направил через Муганскую степь на Ширван, следовали Мустафа-хан Ширванский, Мехти-хан Карабахский, Сурхай-хан Казикумухский. Будучи за пять-шесть лет до этого отстранены Ермоловым от власти, они бежали за границу и отсиживались там, пресмыкаясь перед шахом и его наследником, не порывая связей со своими вассалами — беками и агаларами. оставшимися по ту сторону границы.

Это о них писал Ермолов в одном из своих воззваний к дагестанским горцам: «Сурхай-хан... будет употреблять обыкновенную ложь, что можно истребить войска наши, что помощь дадут персияне, что турки готовы начать войну. Ту же ложь подтверждать будут: изменник Султан-Ахмет, бывший хан Аварский, и подлые бродяги Ших-Али-хан, Адиль, бывший уцмий, и Гирей-бек. Не верьте их

[369] А. Ермолов. Записки, ч. 2, стр. 106.
[370] АКАК, VIII, № 404.
[371] ЦГВИА, ф. 36, св. 27, д. 509, л. 15.

обманам. Воздержите тех, кои могут ими обольститься. Не принимайте к себе злодеев, не допускайте их возмутить спокойствие народа... Они готовы навлечь бедствия войны на прекрасную страну вашу...» [372]

Но вот настал час, которого так долго ждали беглые ханы — над Араксом вспыхнули зарницы войны. Тотчас ханы ринулись в свои бывшие владения. «Играя на литаврах измены мотив восстания, они подняли его звуки ввысь»,— писал о них местный историк [373].

Через десять дней после начала войны шахским агентам удалось вызвать мятеж в Ганджс. Местные беки и улемы возглавили его, выступая под лозунгом восстановления Ганджинского ханства. Немногочисленное русское население города было поголовно вырезано. Вскоре в Ганджу вступил высланный вперед для связи с мятежниками отряд шахской конницы. Вместе с ним туда прибыл сын последнего ганджинского хана Джевада, погибшего при штурме этого города русскими войсками в 1804 г., Угурлухан.

Таким образом, выступление ганджинской знати с самого начала приобрело явно реставраторский характер. Оно неизбежно вело не только к восстановлению ненавистной народу ханской власти, но и к реставрации иноземного владычества, против которого веками боролся азербайджанский народ. Именно поэтому широкие массы местного населения не поддержали вернувшихся в результате вражеского нашествия ханов, не откликнулись на призывы фанатиков-мулл. Попытки вызвать новые мятежи в пределах Северного Азербайджана, как и усилия царевича Александра, направленные к тому, чтобы поднять восстание в Кахетии, не увенчались успехом.

Идея отторжения Закавказья от России была чужда народным массам Грузии и Азербайджана. Ее разделяли только те эксплуататорские элементы, которые были заинтересованы в восстановлении режима феодальной раздробленности и феодальной анархии, в возрождении хищнической работорговли, в грабеже и порабощении соседних племен. Народ же решительно отказывался поддержать иноземных захватчиков и служивших им изменников. Ермолов

---

[372] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18233, л. 33.

[373] Мирза-Адигезаль-бек. Карабаг-намэ, Баку, 1950, стр. 118.

сообщал, что, несмотря на захват Гянджи мятежными беками, все проживавшие в этом округе армяне остались верны России [374]. В Ширван,— писал он,— «подослан был от Аббас-Мирзы беглый Мустафа-хан, и ему дана персидская конница, довольно многочисленная. Старшины, радующиеся возвращению прежней их власти и способам обогащения себя на счет подвластных им, тотчас присоединились к хану...» [375] Позднее он отмечал, что «Мустафа нашел в (Ширванской) провинции прежних своих приверженцев и умножил число таковых между беками и старшинами, допуская их разорять простой народ по произволу» [376].

Корыстные побуждения местной феодальной знати выступают в данном случае со всей очевидностью. Восстановить «прежнюю власть» и «прежние способы обогащения» — такова была цель реставраторских устремлений лидеров феодально-монархического «национализма».

В Шекинскую провинцию возвратились сыновья изгнанного ранее отсюда хана, но, несмотря на то, что они опирались на поддержку иранских захватчиков, им не удалось подчинить себе все население этой области. «Жители разделены на партии,— писал Ермолов,— и пришельцу-хану многие повинуются принужденно...» [377] Впоследствии он подчеркивал: «В Шекинской провинции нашел я большую часть беков виновными в самой гнуснейшей измене, но простой народ обрадованным изгнанием хана. Таковы чувства народа и в прочих провинциях» [378].

Полностью провалились попытки шахских агентов вызвать мятеж в Приморском Дагестане. По выражению Ермолова, «Дагестан, многолюднейший и воинственный, пребывал в совершенном спокойствии, отзываясь, что новых властелинов он не желает» [379]. Горцы Дагестана в течение многих веков отстаивали свою независимость и свободу от захватнических поползновений персидских шахов. В 1736—1742 гг. они вели героическую борьбу против полчищ

---

[374] ОРБЛ, ф. М., 9686, л. 102. Рапорт Ермолова от 10 сентября (29 августа) 1826 г.

[375] Там же, л. 103. Рапорт от 16 сентября 1826 г.

[376] Там же, л. 236. Рапорт от 19 ноября 1826 г.

[377] Там же, л. 103.

[378] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4290, л. 26. Рапорт от 2 ноября (21 октября) 1826 г.

[379] Там же.

Надир-хана, пока он с позором не оставил пределы не покорившейся ему «страны гор» [380]. Поэтому вопреки всем усилиям беглых ханов дагестанские горцы не желали признать себя подвластными империи Каджаров. Больше того, приближение с юга армии Аббас-Мирзы вызвало среди горцев большую тревогу.

В итоге надежды врагов России поднять против нее народы Кавказа потерпели полный крах. В этом заключался крупнейший политический просчет шахских военачальников и их английских советников, и это не могло не оказать серьезного влияния на дальнейшее течение войны.

Во время второй летней кампании роль местных формирований в боевых действиях Кавказского корпуса еще более возросла. В мае 1827 г. Паскевич предписал тифлисскому военному губернатору Сипягину приступить к формированию добровольческих батальонов из местных жителей — армян и грузин. Каждый батальон должен был насчитывать 19 офицеров, 80 унтер-офицеров, 800 рядовых, подразделенных на восемь «сотен». Каждый доброволец получал от казны ружье, 30 боевых патронов, 10 кремней, а остальное вооружение и снаряжение приобретал за свой счет. Командиром батальона назначался офицер русской службы, по грузин или армянин по национальности [381].

Однако вскоре было решено ограничиться сформированием в Тифлисе лишь отдельных добровольческих дружин, которые, будучи отправлены в район военных действий, могли быть развернуты впоследствии в батальоны за счет добровольцев из числа местных жителей.

В мае была создана Первая армянская дружина численностью в 117 человек, в июне Вторая армянская дружина, насчитывавшая 86 человек и, наконец, в июле Первая грузинская дружина в составе 100 человек [382]. Все эти дружины приняли затем активное участие в освобождении Восточной Армении от иранского владычества, численно возрастая за счет новых добровольцев. Например,

---

[380] Алкари Гассан. Асари-Дагестан. Махач-Кала, 1929, стр. 70.

[381] ЦГИАГ, ф. 4, оп. 1, д. 805, л. 12. См. также ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4336, л. 2 и сл.

[382] ЦГИАГ, ф. 4, оп. 1, д. 805, л. 13. Заметим, что З. Григорян в указанной выше статье несколько преувеличивает данные о численности дружин.

Первая армянская дружина, вышедшая из Тифлиса в составе 117 человек, прибыв к Еревану, насчитывала уже около тысячи бойцов [383].

Сражаясь в рядах русских войск против общего врага, армянские и грузинские дружинники проявили храбрость и отвагу, заслужив уважение со стороны русских воинов-ветеранов Кавказского корпуса. По отзыву одного из русских генералов, «армянам дано было знамя..., и они выступили с доброю волею и необыкновенным рвением, имея уже и дух молодых солдат... Будучи вооружены ружьями со штыками, они имели вид устроенного войска, повиновались начальству, становились во фронт и состояли по спискам. В бою показали они себя, как следовало солдатам, и дрались... против персиян, как только можно было желать» [384].

Вступление русских войск в пределы Армении вызвало небывалый подъем патриотических чувств среди широких масс коренного населения. Не дожидаясь прихода русских, армянские крестьяне брались за оружие и развертывали в тылу врага народную партизанскую войну. Из села в село, из ущелья в ущелье, по горным тропинкам, через высокие перевалы и бурные потоки скакали гонцы патриотов-партизан с пламенным призывом восстать против угнетателей. Современник этих событий великий армянский просветитель Хачатур Абовян так передает содержание этих призывов: «Восстаньте, храбрые потомки Гайка, возьмите оружие и доспехи, благородные сыны Армении, ударьте, уничтожьте полчища врагов ваших — душа в душу, плечо к плечу. Да сокрушится поверженный зверь! Могучая рука Руси да будет вам опорой!» [385]

Во время осады Еревана окрестные жители со всех сторон стекались в русский лагерь, чтобы принять посильное участие в боевых действиях или по крайней мере в осадных работах. Для них освобождение родного города было своим кровным делом. И наоборот, все попытки руководившего обороной Еревана Гассан-хана привлечь к участию в борьбе против русских 18 тысяч проживавших в городе армян оказались безуспешными. Армяне не хотели ни защищать город, ни укреплять его.

---

[383] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4338, л. 38.
[384] Н. Муравьев. Записки. «Русский архив», 1889, т. 3, № 9.
[385] Х. Абовян. Раны Армении. Ереван — Москва, 1948, стр. 297.

В ночь на 13 октября 1827 г. была предпринята сильная бомбардировка Еревана. По вражеским укреплениям было выпущено до 900 бомб. Очевидец рассказывает: «Я бы желал, чтобы ты сам лично был свидетелем сей... картины! Нет слов описать ее в полной силе! Скажу тебе только, что все четыре стены Эривани, мало сказать, были освещены как нельзя более, нет! Они, казалось мне, все были огненные и сыпали на себя град ружейных и картечных пуль! В это же время до сорока наших разнородных орудий не огонь — ад открыли против крепости! Двадцатичетырехфунтовые пушки по части разрушенной стены стреляли картечами, а остальные громили ее бомбами, ядрами и гранатами. Теперь соедини в воображении своем все это вместе и прибавь еще к тому с обеих сторон гром выстрелов, треск и шум разрушающихся стен, строений, визг пуль, ядер, дикий крик гарнизона...» [386]

Утром в Ереване вспыхнули волнения. Армяне потребовали от Гассан-хана немедленной сдачи города, угрожая всеобщим восстанием. Их было в шесть раз больше, чем ханских дружинников и сарбазов. Естественно, что решительное выступление армян окончательно деморализовало ереванский гарнизон. Гассан-хан еще колебался, а сотни армян, вооружившись чем попало, бросились на стены, прогнали оттуда ошеломленных сарбазов и стали размахивать белыми платками. Вскоре через зиявшие в крепостной ограде бреши и открытые жителями ворота русские войска проникли в город. «Знаменитая Эривань, которой приобретение, как полагали, должно было стоить потоков крови, пала перед победоносным русским оружием без великих пожертвований, с нашей стороны»,— писал царю Паскевич [387], «забыв», разумеется, подчеркнуть, что овладеть этим городом ему помогли сами местные жители.

Через несколько часов Гассан-хан и собравшиеся у главной мечети сарбазы сложили оружие. Тысячи армян высыпали на улицы, приветствуя русских солдат как своих избавителей. Хачатур Абовян запечатлел волнующую картину вступления русских войск в Ереван на страницах своего бессмертного произведения: «Солдаты стали входить в крепость, а в тысячах мест, в тысячах окон люди

---

[386] «Московский телеграф», 1828, № 2.
[387] АКАК, VII, № 523.

не в силах были рот открыть — так душили их слезы. Но у кого было в груди сердце, тот ясно видел, что эти руки, эти застывшие, окаменевшие, устремленные на небо глаза говорят и без слов, что и разрушение ада не имело бы для грешников той цены, как взятие Эриванской крепости для армян... Старики, дети, девушки, старухи... бросаются на шею солдатам и замирают у них на груди в душевном умилении. С тех пор как Армения потеряла свою славу, с тех пор как армяне вместо меча подставляли свою голову, не видели они такого дня, не испытывали подобной радости» [388].

И не только жители Еревана, но и все их соплеменники, рассеянные по различным уголкам расчлененной захватчиками древней армянской земли и вынужденные скитаться по чужим странам, приветствовали эту победу русского оружия. Армяне, живущие в далекой Индии, прислали архиепископу Нерсесу Аштаракскому письмо, в котором заявляли: «Армения воскресла, как феникс из пепла..., солнце жизни взошло над Араратской страной..., и в этом наша нация обязана человеколюбивой московской нации, среди которой мы всегда можем жить безопасно и защищенно» [389].

Радость армян разделяли и другие народы Закавказья. Освобождение Еревана вызвало горячий отклик среди грузин. Одним из первых отозвался на это событие поэт Григорий Орбелиани, посвятивший ему стихотворение «Заздравный тост».

Как уже было сказано, грузинские добровольцы принимали участие в боях за освобождение Еревана. Особенно отличилась здесь конная грузинская «милиция», руководимая князем Р. Багратионом, братом известного героя 1812 года.

Грузинское крестьянство разделило с армянским все тяготы войны, которые царская администрация, как обычно, старалась переложить на местное население. Только в 1826 г. для транспортировки военных грузов было привлечено 12 550 арб, 47 468 быков и буйволов и 18 770 лошадей, принадлежавших «обывателям», т. е. жителям

---

[388] Х. Абовян. Указ. соч., стр. 137.

[389] «Матенадаран», п. 63, д. 320. Цит. по статье Н. Тавакаляна, «Вопросы истории», 1951, № 9, стр. 105.

Закавказья. Тифлисский военный губернатор Сипягин вынужден был признать, что при этом «грузинские поселяне» потеряли бóльшую часть своих арб и рогатого скота и вернулись домой «босыми и нагими» [390]. Все это позволяет судить о том, насколько значительным был вклад, внесенный народами Закавказья в дело победы, одержанной при их участии русскими войсками.

В те дни, когда Паскевич с главными силами осаждал Ереван, небольшой русский отряд под командованием генерал-лейтенанта Эристова форсировал Аракс и 15 октября занял Маранд. Население Южного Азербайджана приветствовало русские войска с такой же радостью, как и население Армении. «Толпы окрестных жителей встречали русских самым дружелюбным образом» [391]. Они предлагали помощь «деньгами, хлебом и вьючным скотом для движения русских войск к Тегерану, чтобы остаться во владении России» [392].

Ненависть к угнетателям была настолько велика, что в ряде мест, не дожидаясь прихода русских войск, азербайджанцы выступили против шахских наместников и начали разоружать персидских сарбазов. Так было, например, в Ардебиле.

Когда русские войска приближались к Тавризу, к ним уже по пути присоединилось до двух тысяч азербайджанских добровольцев, а в самом городе, по слухам, поголовно все население готово было восстать против «шах-задэ». Не удивительно, что шеститысячный персидский гарнизон поспешил оставить Тавриз еще до подхода русских войск, которые без борьбы заняли 25 октября этот главный город Южного Азербайджана [393].

Представители азербайджанского населения Тавриза заявили русскому командованию, что оно по первому требованию готово выставить 12 тыс. вооруженных всадников, чтобы «содействовать в низложении ненавистных им Каджаров» [394].

---

[390] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18233, л. 1—1 об.
[391] А. Зиссерман. История 80-го пехотного Кабардинского полка, т. I. СПб., 1881, стр. 409.
[392] «Кавказский сборник», т. 1. Тифлис, 1876, стр. 35.
[393] АКАК, VII, № 525.
[394] В. Потто. Кавказская война, т. 3. СПб., 1888, стр. 566.

Во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. в составе Кавказского корпуса действовало четыре полка азербайджанской конницы и два армянских полубатальона, сформированных из жителей Еревана и Нахичевана [395]. Кроме того, после занятия русскими войсками Баязета там был создан еще один батальон из армянских добровольцев [396]. Всего местные формирования насчитывали к весне 1829 г. 2 тыс. конников и тысячу пехотинцев. Кроме того, Паскевич попытался создать пятитысячное «земское ополчение» в Восточной Грузии. При этом, в отличие от прежнего способа комплектования, когда сбор так называемой «милиции» поручался представителям местного дворянства, каждый из которых формировал отряд из числа подвластных ему крестьян, на этот раз призыв ополченцев был доверен уездным начальникам и прочим чинам русской администрации, а население оповещено, что оно обязано выставить по одному «дружиннику» от каждых пяти дворов. Такой, по существу, принудительный набор вызвал серьезные волнения среди грузинских крестьян и ремесленников, воспринявших его как попытку распространить на Грузию рекрутскую повинность.

18(6) марта 1829 г. Паскевич подписал приказ о наборе в ополчение, а уже 21(9) марта возникли волнения в Тифлисе. Вслед за тем возбуждение охватило крестьян окрестных селений, а потом распространилось на Горийский уезд и Кахетию. По свидетельству современника, «причиной всего был слух, разнесенный в народе, что берут в солдаты на 25 лет. Было достаточно упомянуть о солдатчине, чтобы население Кахетии и Карталинии, не исключая самого Тифлиса, начало роптать...» [397] Местные жители не отказывались в принципе от участия в ополчении, но настаивали на сохранении прежних форм его организации, гарантировавших возвращение ополченцев к домашнему очагу, после окончания войны.

Согласно официальной версии, «предположив, что собирается не временная милиция, а будет составлено из них впоследствии постоянное войско, крестьяне решительно объявили, что готовы поголовно вступить в ряды ополчения и защищать свои дома..., как защищали при

---

[395] ЦГИАГ, ф. 1025, оп. 1, д. 117, лл. 17—18.
[396] Там же, ф. 4, оп. 1, д. 805, л. 21.
[397] Там же, д. 976, л. 63. Записка генерала Андроникашвили.

грузинских царях..., но не соглашаются с пяти домов дать одного ополчанина» [398].

Разумеется, отношение грузинского народа к русско-турецкой войне оставалось неизменным. Все симпатии грузин были по-прежнему на стороне России. Население Грузии, как и прежде, оказывало всемерную материальную поддержку русским войскам, действующим против Турции. По примеру прошлых войн отряды грузинского ополчения принимали активное участие в кампании 1828 г., сражаясь в рядах русских войск против заклятых врагов Грузии — турецких феодалов. Подвигами отмечены действия грузинской «милиции» под стенами Поти и на границах Гурии.

Следовательно, волнения, вспыхнувшие в Грузии весной 1829 г., были вызваны не желанием уклониться от участия в войне с Турцией, а другими причинами. Сам Паскевич признавался, что «вынужден был отказаться от набора милиции, так как сопротивление народа ко вступлению в милицию стало явным». Он подчеркивал, что «пример сей показывает, до какой степени опасаются здешние жители набора рекрут, и если составление ополчения на шесть только месяцев... встретило в здешних жителях сопротивление, то, конечно, весьма трудно будет правительству понудить их к выставке настоящих рекрут» [399].

Об отношении народов Закавказья к внешнеполитическим событиям данного периода убедительно свидетельствует также массовое переселенческое движение грузин и армян в пределы тех областей, которые включались в состав России.

Как только русские войска по приказу командования или по условиям мирных трактатов покидали какую-либо территорию, вслед за ними толпами уходили тысячи местных жителей, не желавших оставаться под властью шаха или султана.

Еще в 1810 г. при возвращении русских войск из-под Ахалцихе вместе с ними ушли до 1500 семей жителей окрестных грузинских селений, расселившихся затем в Имеретии и Картлии [400].

---

[398] ЦГИАГ, ф. 4, д. 976, л. 31.
[399] АКАК, VII, № 284.
[400] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6192, л. 42.

Восемнадцать лет спустя во время штурма Ахалцихе проживавшие в городе армяне и грузины спешили прорваться навстречу русским войскам, с боем продвигавшимся к цитадели по узким улочкам и переулкам. «Много армян с семействами,— вспоминает очевидец,— и с возможным к переноске имуществом старались во время штурма перейти к нашим войскам. Их толпами отправляли на гору, поручая отвод одному, двум или трем солдатам... Я видел, что эти конвойные не только добросовестно провожали их, но многие несли при ружье еще тех маленьких детей на руках, которые не могли поспевать...» [401]

Впрочем, не только армяне и грузины, но и турчанки, «пренебрегая обычаем, воспрещающим показывать лица, приближались без покрывал», ища покровительства и защиты у русских солдат. «Толпы спасенных женщин и детей с воплями и рыданиями влачились к стороне лагеря...» — свидетельствует участник штурма Петр Бестужев [402].

Согласно Туркманчайскому трактату, к России отошла только восточная часть Армении. Адрианопольский трактат подтвердил это изменение кавказских границ России, но не дал ей новых территориальных приобретений за счет армянских земель. Западная Армения осталась под властью султана. Немалую роль сыграли здесь происки английской дипломатии.

Однако сам по себе факт победоносных походов русских войск в глубь Армянского нагорья и длительное пребывание их в Карсе, Эрзеруме и Баязете не могли не способствовать развитию национального самосознания армянского народа, тем более что армянские патриоты принимали непосредственное участие в боевых действиях русских войск. Совместно пролитая кровь скрепила давнюю дружбу армян с русским народом. Только в России могли видеть армяне силу, способную оказать им реальную помощь в их освободительной борьбе против иноземного ига. Недаром, когда русские войска уходили на левый берег Аракса и эвакуировали занятые ими области Западной Армении, десятки тысяч армян решили следовать за ними.

---

[401] Э. В. Б р и м м е р. Служба артиллерийского офицера на Кавказе. «Кавказский сборник», т. 15. Тифлис, стр. 71.

[402] «Воспоминания Бестужевых». М., 1931, стр. 391.

Хотя переселение всех желающих в пределы России и было предусмотрено условиями мирных трактатов, чиновники шаха и султана старались всячески воспрепятствовать этому движению. Полковник Лазарев, которому русским командованием была поручена организация переселения армян, докладывал своему начальству: «Персидское правительство, видя мои успехи, не замедлило поставить мне новые преграды. Оно, сверх чаянья своего, увидело почти всеобщее переселение армян и почувствовало, сколь важна для него потеря великого числа трудолюбивых подданных. Тогда вопреки сделанным условиям местное правительство и находящиеся при мне агенты начали внушать армянам о невыгодном переселении к русским, уверяя, что они тотчас по переселении будут сделаны людьми крепостными и вместе с сим будут лишены всех средств к выгодной жизни; что, прежде чем сделают прочное основание семействам своим, лучшие из них молодые люди будут взяты в солдаты и пр.» [403]

Такую же антирусскую пропаганду вели среди армян и английские резиденты, в том числе британский поверенный в делах при дворе шаха Генри Уиллок. Современник писал по этому поводу: «Не станем повторять здесь разных внушений чиновника персидского и поверенного Ост-Индской английской компании. Они уверяли несториан и армян, что Россия будет для них землею ссылочною...» [404]

Однако ничто не могло удержать армян, искавших защиты и покровительства России. «Мы лучше будем есть траву русскую, чем хлеб персидский»,— заявляли они [405]. Очевидцы отмечали, что армянские переселенцы, «руководимые здравым смыслом, оставляли родину свою, чтоб найти лучшее существование», и что «отцы семейства, поднимая детей своих на руки, произносили, что они готовы и ими пожертвовать, чтобы только жить под властью России» [406].

Большое участие в переселенческом движении армян принимали А. С. Грибоедов и А. Г. Чавчавадзе: первый, являясь официальным представителем русского прави-

---

[403] С. Глинка. Описание переселения армян адербиджанских в пределы России. М., 1831, стр. 122—123.

[404] Там же, стр. 51.

[405] Там же, стр. 125.

[406] И. Ениколопов. Указ. соч., стр. 131.

тельства, решительно требовал от персидской администрации, чтобы она не чинила «ни малейшего препятствия желающим переселиться в Карабах... армянам» [407], а второй, будучи начальником вновь образованной Армянской области, заботился о продовольственном снабжении переселенцев и их землеустройстве [408].

В течение одного лишь 1828 г. из Персии переселилось в пределы России 35 тыс. армян. Кроме того, около 100 тыс. армян вышло после Адрианопольского мира из Турции. В результате население только одной Армянской области, составлявшее в момент присоединения к России всего 25 тыс. чел., за три года возросло до 82 тыс. чел. [409]

В течение веков иноземные завоеватели не раз насильственно угоняли сотни тысяч армян за Аракс, обрекая их на безрадостное и бесправное полурабское существование. С начала XIX столетия неуклонно стало расти обратное движение армян из-за Аракса в пределы России, имевшее характер добровольного массового переселения. Этот факт является убедительным доказательством того, что присоединение Закавказья к России не было только результатом политических и военных акций русского царизма. Оно, без сомнения, служило также выражением определенных национальных устремлений самих народов Грузии, Армении и Азербайджана. Именно это и обеспечило в конечном счете победу России в упорной и длительной борьбе за присоединение Закавказья.

---

[407] ЦГИАГ, ф. 2, д. 1920, л. 15.
[408] Там же, д. 1869, л. 55.
[409] З. Григорян. Указ. соч., стр. 159—160.

Глава третья

ОСОБЕННОСТИ ВКЛЮЧЕНИЯ В СОСТАВ РОССИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

1. АКТИВИЗАЦИЯ ЗАВОЕВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЦАРИЗМА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

К началу XIX в. вся горная полоса Северного Кавказа, простиравшаяся к югу от линии Кубань — Терек, фактически еще не находилась под контролем русской администрации. Правда, по Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 г. турецкий султан признал Кабарду владением России, а в 1793 г. в Кабарде была даже введена система сословных «родовых судов» и «родовых расправ» с подчинением их «Верхнему пограничному суду», учрежденному в Моздоке, но по существу все политические обязательства, принятые на себя кабардинскими князьями, имели сугубо декларативный характер. Распоряжения русских военачальников выполнялись ими неохотно или вовсе не выполнялись.

Упорно отстаивали свой иммунитет и осетинские феодалы, особенно тагаурские алдары, взимавшие в свою пользу пошлины с проезжавших по ущелью Терека из Владикавказа в Тифлис. И уж, конечно, совсем вне сферы административно-политического контроля царского правительства оставались владетели Дагестана, несмотря на их неоднократные присяги «на верность престолу всероссийскому» (такова была традиционная формула подобных клятвенных обещаний).

Павел I довольно точно определил сущность взаимоотношений русского правительства с кавказскими владетелями, когда в 1800 г. заявил, что «горские народы находятся более в вассальной зависимости, чем в подданстве» [1].

В начале XIX в. царизм все еще вынужден был мириться с таким положением. Войны с наполеоновской Францией не позволяли выделить значительные силы для крупных наступательных операций на Северном Кавказе. Вместе с тем любые неприязненные акции по отношению к горцам могли поставить под угрозу тылы и коммуникации русских войск, оборонявших от внешних врагов южные границы Закавказья. Поэтому командование Кавказской линии воздерживалось от каких-либо решительных военных действий против горцев и лишь заботилось об удержании их в сфере своего политического влияния. Обычной формой политического сотрудничества с местными владетелями являлось принятие их «под верховное покровительство России», сопровождавшееся присягой на верность с одной стороны, наградами и присвоением высоких военных званий — с другой.

Так, согласно договору, заключенному в 1802 г. в Георгиевске, под протекторат России перешли четыре дагестанских феодала — шамхал Тарковский, уцмий Кайтагский, кадий Табасаранский и хан Дербентский. В 1803 г. их примеру последовал Султан-Ахмед-хан Аварский, а в 1806 г. Сурхай-хан Казикумухский. При этом хану Аварскому было пожаловано звание генерал-майора, а кадию Табасаранскому — полковника.

Однако эти политические контакты не отличались особой прочностью. Легко нарушив свои клятвы, ханы Дербентский и Казикумухский очень скоро переметнулись на сторону шаха и по его призыву выступили против России.

Весьма напряженными оставались также отношения с кабардинскими и осетинскими феодалами. Сооружение в 1803 г. Кисловодского укрепления и новых казачьих станиц в районе Пятигорья вызвало в следующем году восстание в Кабарде. Тогда же занятие русским гарнизоном селения Ларс и начало строительства Военно-Грузинской дороги явилось причиной мятежа тагаурских алдаров,

---

[1] «История Кабарды». Нальчик, 1957, стр. 65.

возглавляемых Ахметом Дударовым. Перехватив в районе Казбека дорогу Владикавказ — Тифлис, Дударов на время прервал единственную коммуникацию, связывавшую Грузию с Россией.

События в Осетии показали, насколько слабо связаны с Россией ее новые владения, расположенные за Кавказским хребтом. Завоевание Северного Кавказа становилось для русского царизма первоочередной стратегической и политической задачей. Впоследствии К. Маркс подчеркивал стратегическое значение северокавказского «барьера». Он писал: «Кавказские горы отделяют Южную Россию от роскошных провинций Грузии, Мингрелии, Имеретии и Гурии... Этим ноги гигантской империи отрезаны от туловища» [2].

Поэтому не удивительно, что, как только был обеспечен мир на внешних границах Закавказья, русский царизм приступил к завоеванию тех земель, полоса которых отгораживала Грузию и Азербайджан от внутренних районов империи. Тем более, что дипломатические успехи в Закавказье почти совпали по времени с решающими победами в Европе. Известие о подписании Гюлистанского мира было получено в Петербурге одновременно с донесением о поражении Наполеона в битве под Лейпцигом. При блеске побед, одержанных в 1812—1813 гг. над «Великой армией» французского императора, противник, засевший в ущельях Кавказских гор, казался Александру I и его военачальникам не таким уж страшным.

Но что же это был за противник? Каковы были его силы, его ресурсы и возможности? Для того, чтобы правильно оценить это, необходимо указать на некоторые особенности социально-экономического строя кавказских горцев.

Коренное население Северного Кавказа не составляло единого народа и отличалось исключительной пестротой этнического состава.

Общую численность кавказских горцев русское командование к концу первой трети XIX в. определяло примерно в полтора миллиона человек. составлявших около 100 различных языковых групп [3]. При этом далеко не все

---

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 533.
[3] ЦГИАГ, ф. 2, оп. 1, д. 2459, лл. 63—69.

эти группы успели к тому времени сложиться в народности. Многие из них еще представляли собой небольшие этнические коллективы, основанные на племенной общности.

О степени этнической дробности населения Северного Кавказа можно судить, например, по тому, что жители 40 «вольных обществ» горной Аварии составляли 15 мелких народностей и племенных групп [4]. Среди адыгов имелись крупные этнические коллективы, например шапсуги, насчитывавшие до 200 тыс. человек, но встречались и такие мелкие, как махоши («махошевцы»), число которых едва достигало 5 тыс. человек.

Дальше всего ушли в отношении консолидации кабардинцы, осетины, кумыки. Внутренние племенные различия у них уже почти стерлись, а родоплеменные связи уступили место иным, основанным на общности территории, социального строя, языка и культуры [5].

Самые замедленные темпы этнического развития были характерны для горных дагестанских и адыгейских племен, наиболее изолированных от внешнего мира, а стало быть, и от влияния европейских и азиатских цивилизаций.

Степень формирования народностей зависела от уровня социально-экономического развития. Разумеется, у разных этнических групп он был различным. Но при всем многообразии форм социально-экономической и культурной жизни кавказских горцев для них были характерны некоторые общие черты.

За исключением бжедухов, кабардинцев, чеченцев и кумыков, большинство коренных обитателей Северного Кавказа сосредоточивалось в полосе, лежавшей на высоте более 500 м над уровнем моря. Особенностью этой горной зоны является прежде всего сложность рельефа. Отроги Главного и боковых хребтов Большого Кавказа образуют целый лабиринт глубоких ущелий и узких извилистых речных долин. Конечно, природные условия горного Кавказа отличаются большим разнообразием. Например,

---

[4] Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX в. Махачкала, 1957, стр. 83.

[5] Начало выделения кабардинцев из общей массы адыгов, а также обособление кумыков от других кипчакских племен относится к XIII в. Примерно в это же время были оттеснены в горные ущелья осетины.

на Западном Кавказе горы значительно ниже, а долины просторнее. В Карачае и Балкарии природа, наоборот, более сурова. Здесь скалистые степы гор сближаются иногда на 25—30 м, как в ущелье р. Чегем в горной Балкарии. Климат замкнутых котловин отличается резко выраженной сухостью, как в пустынной котловине Сарытюз в верховьях р. Баксан.

Но почти повсюду на Кавказе, подчиняясь закону вертикальной зональности, выщелоченные черноземы предгорий сменяются на высоте 500—600 м менее плодородными бурыми горно-лесными, а отчасти подзолистыми, почвами. Следовательно, большинство поселений кавказских горцев находилось выше верхней границы черноземной зоны.

Если на Западном Кавказе склоны гор одеты густыми лесами с буйно растущим подлеском-кустарником, то в восточной части Кавказа лесов значительно меньше, но зато чаще встречаются обнаженные скалистые склоны и каменные осыпи. «Мало найдется стран суровее и бесплоднее внутреннего Дагестана,— писал в середине XIX в. известный кавказовед А. П. Берже.—...Горы скалисты и обнажены, растительность встречается только на дне ущелий, большая часть плоских вершин лишь на короткое время покрывается зеленью, доставляющей скудный корм многочисленным стадам горцев, и, выгорая летом от палящего солнца, большую часть года покрыта глубоким снегом...» [6]

Не трудно представить, насколько такие своеобразные природные условия горной зоны Северного Кавказа ограничивали возможность земледельческих занятий горцев. Даже теперь, при наличии несравненно более совершенных агротехнических приемов, расширение пахотных площадей в горных районах является весьма нелегкой задачей. В горном Дагестане пашня составляет всего от 4 до 8 процентов общей площади сельскохозяйственных угодий [7]. В Кабардино-Балкарии на долю пашни приходится: в полосе от 600 до 1000 м над уровнем моря не более 25 процентов, в полосе от 1000 до 2000 м — только 2 процента общей площади [8].

---

[6] «Кавказский календарь на 1857 г.» Тифлис. 1856, стр. 275—276.

[7] «Северный Кавказ». Географгиз. М., 1957, стр. 468.

[8] Е. П. Маслов и К. Н. Ерефов. Экономическо-географический очерк Кабардино-Балкарии. М., 1957, стр. 71.

Издавна среди кавказских горцев был распространен анекдот о земледельце, который вспахал свое поле, прилег отдохнуть, а потом долго не мог найти принадлежавший ему участок, потому что он оказался накрытым буркой, брошенной на землю. Это была горькая шутка, ибо пахотный надел многих горцев действительно немногим превышал площадь расстеленной на земле бурки.

Конечно, не только суровая природа гор была причиной того острого малоземелья, какое испытывали тогда кавказские горцы. И без того ограниченные фонды земель, пригодных в горной зоне под пашню и зимние пастбища, уменьшались для трудящихся горцев еще и по другой причине. О ней в одном официальном документе более позднего времени говорилось так: «Недостаток удобных земель еще более увеличивается тем, что почти все земли, удобные к пахоте и сенокосу, а частью и к пастьбе скота, составляют собственность нескольких фамилий, так что собственно общественные земли состоят из большого количества джайлыков (летних пастбищ) да незначительного количества покосной и пахотной земли, рассеянной небольшими участками в разных размерах» [9].

Вопрос о феодальной собственности на землю у кавказских горцев изучен пока совершенно недостаточно. Многие авторы отмечают лишь самый факт наличия феодальной собственности, но не прослеживают ее происхождение и развитие, не выявляют особенности этого процесса. Между тем, исследование данного вопроса крайне затрудняется двумя обстоятельствами: во-первых, тем, что феодальная собственность на землю у горцев складывалась на основе фамильного владения, что затушевывало частный характер присвоения земли, а во-вторых, пребыванием феодалов в составе сельских общин, в результате чего захват ими общинных земель нередко имел форму, так сказать, законного, с точки зрения общинного права, выделения земли в пользование.

Почти повсюду на Северном Кавказе общинное землевладение в той или иной мере являлось к началу XIX в. лишь юридической фикцией, маскировавшей фактически существовавшую частную феодальную собственность.

---

[9] ГАКК, ф. 574, оп. 1, д. 507, л. 22. Записка о распределении между карачаевцами земель, высочайше пожалованных в 1862 году (составлена в 1865 г.).

Используя общинные формы землепользования, горские феодалы присваивали общинные земли и распоряжались ими по своему усмотрению. Оставаясь членами сельских общин, они старались обеспечить себе различные льготы и преимущества.

Например, в Дагестане «беки и чанки [10], независимо от собственных земель, пользовались общественными землями, как члены всесословной общины» [11]. При этом в случае переделов они получали участки без жеребьевки, по своему выбору, и обычно в двойном или тройном размере, т. е. в два-три раза выше крестьянского пая [12]. Точно так же было и в Адыгее, где феодальные фамилии получали при переделах общинной земли надел, равный «полю всех тфэкотлей (крестьян-общинников.— *А. Ф.*) в целом и паю всех уорков (дворян.— *А. Ф.*) в целом. Таким образом, земельный пай князя мог составлять одну треть всех пастбищ и пахоты данной общины» [13].

В «Адатах кавказских горцев», записанных в свое время Ф. И. Леонтовичем, отмечалось: «Князья... пользуются лучшими местами для пастбищ своего скота на всем пространстве земли, на котором жительствуют покровительствуемые ими аулы одного с ними племени, а близ того аула, в котором живут сами, даже пользуются правом ограничивать для себя удобнейшую землю под хлебопашество и сенокос» [14]. Горские феодалы не вели крупного земледельческого хозяйства. Естественные условия не позволяли располагать в горах большими массивами пахотных земель, а слабость рыночных связей и отсутствие удобных путей сообщения делали совершенно нерентабельным ведение в широких масштабах зернового хозяйства, ибо продавать зерно было негде и некому. Даже такой крупный землевладелец, как хан Казикумухский, имел в 1858 г. всего 8,9 десятин посева [15]. Поэтому объектом захватниче-

---

[10] Чанки — дети ханов и беков от неравных браков.

[11] «Красный архив», 1936, № 6, стр. 108. Доклад Дагестанской сословно-поземельной комиссии.

[12] «Кавказский календарь на 1917 г.» Тифлис, 1916, стр. 290.

[13] «Очерки истории Адыгеи». Майкоп, 1957, стр. 186.

[14] Ф. И. Леонтович. Адаты кавказских горцев, ч. I. Одесса, 1883, стр. 121.

[15] «Дагестанская область». Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Тифлис, 1890, стр. 157.

ских устремлений местной знати были не раздробленные и рассеянные по крутым склонам гор пахотные земли, а главным образом пастбищные угодья. Это объяснялось не только тем, что сами феодалы сосредоточивали в своих руках значительное поголовье скота, но и тем, что для горских крестьян скотоводство имело первостепенное значение, поскольку в суровых природных условиях горной зоны пастьба скота требовала меньшей затраты труда на единицу площади, чем хлебопашество.

Сначала феодалы монополизировали право «пускать пал», т. е. выжигать весной прошлогоднюю траву на общинных пастбищах, взимая за это с крестьян-общинников натуральную подать. Потом они расставляли на дорогах, ведущих к пастбищам, и на самих пастбищах свою стражу и требовали с крестьян приношения «за охрану выгона». Наконец, когда подобные приношения вошли в обычай, крестьянам уже просто приходилось платить натуральный оброк за право пастьбы своего скота на бывшем общинном пастбище местному феодалу, который, таким образом, присваивал владение частью общинной земли.

Необходимо иметь в виду специфику горного скотоводства на Кавказе. Как известно, в горной зоне имеются крупные массивы естественных пастбищ с питательными и сочными травами. Однако использование высокогорных альпийских лугов возможно лишь в течение очень короткого периода — всего 40—50 дней в году. Вместе с тем кормовые угодья, расположенные в тесных речных долинах, весьма ограничены по размерам и не могут обеспечить прокорма скота в остальное время года. Этим и пользовались феодалы, стараясь захватить именно зимние пастбища, в которых особенно остро нуждались крестьяне. В Аварии, например, почти все зимние пастбища составляли собственность хана и беков [16]. В других районах горного Дагестана крестьяне также принуждены были платить оброк ханам и бекам за пользование зимними пастбищами (кишлагами или кутанами) [17]. Бывало, что горские феодалы присваивали и некоторые летние пастбища высокогорной зоны (эйлаги). Тогда крестьянам приходилось платить за пастьбу скота и зимой, и летом, отдавая

---

[16] Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 38.

[17] И. Р. Нахшунов. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956, стр. 23.

феодалу значительную часть полученного от стада приплода в качестве феодальной ренты.

Расширение сферы феодальной земельной собственности, естественно, сужало возможности развития других форм собственности. «Влиятельные и сильные люди — князья и дворяне, пользуясь своей силой, захватывали на своих территориях наилучшие и в больших количествах земли, обездоливая и ставя в кабальную зависимость простой народ» [18]. Неуклонно сокращалась площадь и общинных земель, и мелких частных владений (мюльков), находившихся в собственности отдельных крестьянских семей. Даже пользуясь, помимо ничтожного по размерам клочка собственной земли (мюлька), наделом, полученным из общинного фонда, горский крестьянин все равно испытывал, как правило, острый недостаток в пахотных угодьях, сенокосах и зимних выпасах.

Стремясь вырваться из тисков малоземелья, трудящиеся горцы вынуждены были вести утомительные поиски пригодной для посева земли вне границ феодального владения. «Нередко случается видеть,— писал А. Берже,— как горец при помощи крючьев и веревок, с небольшим мешком пшеницы, прикрепленным к поясу, имея длинное ружье на перевязи и кинжал, поднимается на утесную скалу, стараясь отыскать на ней клочок пахотной земли» [19].

А когда удавалось найти такой клочок земли, надо было затратить немало усилий, чтобы заставить его родить хлеб насущный. Пахотный участок необходимо было очистить от камней и щебня, защитить оградой от дождевых потоков, смывающих почву, удобрить навозом. Борьба за урожай требовала в этих условиях настоящего трудового подвига. Об этом беззаветном и самоотверженном труде горца-хлебопашца выдающийся осетинский поэт и просветитель Коста Хетагуров писал так: «Значительная высота местности над уровнем моря, большое падение склонов и почти полное отсутствие чернозема делают здесь занятие хлебопашеством возможным только при необыкновенно тщательном уходе за землей. Несмотря на это, ни один кло-

---

[18] Н. П. Тульчинский. Поземельная собственность и общественное землепользование на Кумыкской плоскости. «Терский сборник», вып. 6. Владикавказ, 1903, стр. 55.

[19] А. Берже. Материалы для описания нагорного Дагестана. «Кавказский календарь на 1859 г.» Тифлис, 1858, стр. 251.

чок се, где только может рядом пройти пара быков и хоть на 1,5 вершка врезаться соха, не остается здесь праздным. Пашня ежегодно по нескольку раз очищается от щебня, наносимого ливнями, тающим снегом и завалами, систематически удабривается навозом и, если есть какая-нибудь возможность, орошается искусственно. За отсутствием дорог и за полнейшей невозможностью благодаря очень крутым подъемам пользоваться телегой навоз в большинстве приходится доставлять из аулов на собственных спинах в особой плетенке...» [20]

Не удивительно, что горские крестьяне затрачивали на обработку одной десятины земли более тридцати дней, тогда как их собратья на равнине — всего пять дней [21].

Трудовые затраты горцев-земледельцев были особенно велики еще и по причине крайней примитивности земледельческих орудий и отсталости агротехнических приемов. Повсюду, от Адыгеи до Аварии, горцы пахали сохой (авар.— шуруц, осетин.— дзывыр), которая представляла собой загнутый крючком сук. На конце этого сука иногда закреплялся железный сошник. Такая соха способна была «выворачивать землю чуть ли только не на вершок» [22].

Там, где склоны были более пологими, а почвы более тяжелыми, применялся неуклюжий и громоздкий плуг, который тащили три-четыре пары волов. Бороновали вспаханную землю за отсутствием специального орудия пучком хвороста, а нередко и вовсе обходились без боронования. На очень крутых склонах землю обрабатывали вручную заступами и мотыгами [23]. В лесистых горах, преимущественно на Западном Кавказе, применялась подсечно-огневая, а в речных долинах — переложно-залежная система земледелия. Адыги не корчевали пни и не рубили деревьев, а, обдирая кору, ожидали, пока стволы засохнут и повалятся, после чего сжигали их на месте. После

---

[20] К. Хетагуров. Собр. соч., т. III. Дзауджикау, 1951, стр. 197.

[21] З. А. Никольская. Аварцы. Сб. «Народы Дагестана». М., 1955, стр. 29.

[22] М. З. Киниани. От Казбека до Эльбруса. Владикавказ, 1884, стр. 25.

[23] Магомед Тагир. Три имама. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 45. Махачкала, 1926, стр. 159.

использования в течение трех-четырех лет пахотные участки забрасывали на шесть-восемь лет. Устойчивых севооборотов в горах не существовало. Двухполье с чередованием посевов проса и яровой пшеницы было самым высшим достижением этой примитивной земледельческой культуры, да и то практиковалось главным образом в предгорной, более низкой зоне.

Естественно, что в этих условиях и без того малоплодородные земли горных районов Северного Кавказа давали весьма скудные урожаи. «...Рост хлебов редко достигает трех четвертей,— подчеркивал К. Хетагуров,— а урожай, если он успевает созреть, если его не прихватило морозом, не выжгло солнцем, не смыло ливнем или шальным, разбушевавшимся потоком, если его не уничтожило, наконец, градом, редко превышает сам-четыре...» [24]

Уборка урожая производилась вручную серпами и косами (кабардин.— гъубжэ и шэмэдж). Молотили горцы хлеб при помощи тяжелой доски со вставленными в нее кремневыми осколками или просто гоняя скот по кругу и заставляя его топтать копытами разбросанные на току колосья.

Говоря о земледельческих занятиях горцев, необходимо учитывать неравномерное развитие земледелия в различных районах Северного Кавказа. В предгорной полосе Закубанья земледелие в силу природных и экономических условий имело больше данных для своего развития, чем в верховьях Кубани и ее притоков, населенных абадзехами, абазинами и карачаевцами. По свидетельству современника, «и на тех участках, которые считаются удобными для пахоты, получается крайне скудный урожай», причем «в большей части Карачая по суровости тамошнего климата пшеница вовсе не родится» [25].

Большая часть территории Кабарды лежала выше 500 м над уровнем моря, но ее северо-восточные районы находились в полосе предгорий и примыкали к долинам Малки и Терека, что благоприятствовало развитию здесь земледелия. В Северной Осетии, Чечне, Ингушетии также имелись удобные для земледелия предгорные районы и речные долины, но чем далее к востоку, тем более сказы-

[24] К. Хетагуров. Собр. соч., т. III, стр. 197.

[25] «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. II. Тифлис, 1869, стр. 76.

валось влияние засушливого климата Прикаспийской низменности.

Самой плодородной частью Дагестана была северная, заселенная кумыками. Здесь были обширные пахотные земли, сады, виноградники. Современник отмечал, что здесь «почва земли причитается к плороднейшим на северной стороне Кавказа, и климат здесь теплее, нежели в прочих областях того же отделения, чему служат доказательством совершенное созревание винограда в садах, множество плодовитых дерев в лесах и с успехом разводимое в полях сорочинское пшено» [26].

Зато в горном Дагестане, равно как в горных районах Чечни, Осетии, Балкарии, Адыгеи, условия для земледелия были неблагоприятными. Недостаток хлеба горцы старались компенсировать продуктами животноводства.

В «Описании Дагестана», составленном в 1804 г. кизлярским комендантом майором Л. И. Ахвердовым, говорится, что горные осетины, ингуши, чеченцы «по теснота земли в горах очень живут бедно, или, лучше сказать, совсем скудно. Небольшие посевы производят на каменистых местах кукурузы, из которой выделываемое мукою и от больших овечьих стад имеют нужное пропитание» [27].

В другом обзоре, относящемся к 1812 г., хозяйство дагестанских горцев характеризуется следующим образом: «Главное их имущество состоит в овечьих стадах, кои на зиму отгоняют в понизовья кумыков, и в садах, производящих отменный род винограда и фруктов. По недостатку способных к тому земель сеют малою частью только ячмень и пшеницу, покупая в случае недостатка хлеб у кумыков. Конские табуны имеют также разных пород, косяками только. Рогатого скота в сравнении с прочими мало имеют, а тягости все возят на ишаках... Занимаются отчасти грубыми издельями, как-то: выделыванием бурок, ковров». Заключая свой обзор, автор пишет: «Народ сей, не выходя из гор далее, как иногда до Андреевского базара... [28], так сказать, в горах заперт» [29].

---

[26] С. Броневский. Новейшие... известия о Кавказе, ч. стр. 190.

[27] «История, география и этнография Дагестана», стр. 227—228.

[28] Речь идет о базаре в большом кумыкском селении Эндери.

[29] А. М. Бутковский. Описание Кавказской губернии и соседних горских областей. «История, география и этнография Дагестана», стр. 243.

При низкой продуктивности малорослого и слабо упитанного местного скота животноводство в горах было мало рентабельным, и горцы занимались им почти исключительно ради обеспечения своей семьи в мясо-молочных продуктах, а также в обуви и одежде.

Скотоводство в горах Северного Кавказа имело резко выраженный экстенсивный характер, независимо от того, какова была структура стада.

Вследствие ограниченности сенокосных угодий, заготовленных летом кормов не хватало и на месяц.

Небольшие по размерам зимние пастбища в речных долинах (кутаны) являлись, как правило, собственностью феодалов. Поэтому горским крестьянам приходилось искать дополнительных пастбищных угодий далеко от дома, отгоняя свои стада в предкавказские или закавказские степи, нередко на расстояние 300—400 километров. В Дагестане еще и поныне почти 50 процентов поголовья скота перегоняется ежегодно на зимние пастбища, находящиеся большей частью в степях Прикаспийской низменности. На дальние пастбища «Черных земель» и теперь перегоняют на зиму свой скот даже горцы Северной Осетии и Кабардино-Балкарии. Из Южного Дагестана скот отгоняют на зиму в пределы Азербайджана и Грузии.

Без отгона скота на зимние пастбища низменно-равнинной зоны вести скотоводческое хозяйство в горах было почти невозможно. Между тем за прогон скота через владения соседних феодалов и пастьбу скота на чужих землях горским крестьянам приходилось платить. Так, за кочевку в кумыкских степях дагестанские горцы обязаны были отдавать местным владетелям от четырех до пяти овец с каждой сотни [30].

При отсутствии утепленных укрытий и запасов корма скот в суровые зимы часто погибал от истощения и болезней. Эпизоотии нередко длились месяцами и вызывали массовый падеж скота на обширных территориях.

В этих условиях трудящимся горцам заниматься скотоводством было немногим легче, чем земледелием. Скот в горах концентрировался главным образом в руках местной знати.

---

[30] «Кавказский календарь на 1859 г.», Тифлис, 1858, стр. 253, 260.

В то время как горские феодалы обладали многотысячными стадами, крестьяне-горцы обычно имели не более двух голов рогатого скота и несколько овец или коз.

Необходимой принадлежностью натурального хозяйства горцев являлись их домашние промыслы. Почти каждая семья занималась изготовлением одежды, обуви, посуды, несложной мебели и прочей домашней утвари. Из 44 видов промыслов, известных у кавказских горцев, 17 видов были тесно связаны с обработкой продуктов животноводства [31].

Техника производства оставалась крайне примитивной. Во всех отраслях домашней промышленности господствовал ручной труд. Профессиональная специализация была еще очень слаба, разделение труда незначительно. Лишь в оружейном и ювелирном промыслах замечалась некоторая специализация мастеров на определенных производственных процессах, хотя и тут бывало, что один и тот же мастер выполнял различные операции. Среди славившихся своим мастерством ювелиров аула Кубачи в Дагестане один человек занимался и гравировкой чернью по серебру, и насечкой или являлся одновременно филигранщиком и эмальером [32].

Только в некоторых случаях производственная деятельность горцев перерастала домашние рамки и приобретала элементы товарного производства. Сильнее всего эти элементы проявлялись в хозяйстве горцев Дагестана. Помимо специфики природных условий, резко ограничивавших здесь возможности земледелия, развитию простого товарного производства способствовало в горном Дагестане сохранение мелкой крестьянской собственности.

Но в целом у кавказских горцев преобладало в начале XIX в. натуральное хозяйство. Этническая пестрота и многоязычие, религиозная вражда и феодальная анархия препятствовали экономическому общению горских народов не меньше, чем отсутствие во многих районах разработанных колесных дорог и мостов. «Лет пятьдесят тому назад,— вспоминал на исходе XIX в. осетинский публицист А. Ардасенов,— считалось подвигом, если осетину удавалось совершить путешествие (даже на мирной арбе)

---

[31] О. В. Маргграф. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882, стр. XXVIII.

[32] «Народы Дагестана», стр. 84.

в Малую Кабарду — так было небезопасно и так мало вследствие этого горцы сходились с народностями, окружавшими их» [33].

Таким образом, примитивность земледельческой культуры, экстенсивный характер животноводства и отсутствие выделившегося ремесла свидетельствовали о низком уровне экономической жизни горского общества и замедленном темпе развития производительных сил Северного Кавказа. А этим в свою очередь была обусловлена незавершенность процесса феодализации, выражавшаяся прежде всего в длительном сосуществовании феодальных и дофеодальных форм собственности. В частности, живучесть патриархально-общинных традиций во многом объяснялась особенностями природных условий Кавказа и спецификой хозяйственной деятельности горцев. Борьба изолированных этнических коллективов с суровой стихией лесов и гор, как и защита ими своей независимости в обстановке межплеменной розни и феодальной анархии, требовали сплочения всех наличных сил горских крестьян, заставляя их придерживаться общинных форм быта и связанных с ними обычаев.

Главной отраслью горской экономики являлось отгонное скотоводство. Зимой скот пасли на равнинах или в речных долинах, а в мае перегоняли на горные пастбища, откуда стада спускались вниз только в сентябре. Эти весенние и осенние перегоны скота на десятки и даже сотни километров по труднодоступным горным тропам, охрана стад на высокогорных пастбищах вдали от родного селения, транспортировка сыра и других продуктов — все это было не под силу одному крестьянину, все это требовало общинного объединения. Вне общины скотовод-горец становился совершенно беспомощным и бессильным. Таким образом, отгонное скотоводство играло в деле сохранения общинных порядков у кавказских горцев такую же роль, какая в долинах великих рек Востока принадлежала ирригационной системе земледелия.

Наряду с феодальной и общинной у горцев существовала еще и мелкая крестьянская собственность. Сохранению ее способствовали два обстоятельства. Расчистка зем-

---

[33] А. Ардасенов. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. Тифлис, 1886, стр. 8.

ли от камней, кустарника и леса требовала в горах очень большой затраты труда и этим содействовала раннему развитию индивидуального землепользования, а мусульманское земельное право закрепляло его правилом, согласно которому «оживление» втуне лежавшей земли приложенным к ней трудом мусульманина делает ее собственностью последнего.

Наличие этой мелкой крестьянской (мюльковой) собственности в известной мере обеспечивало экономическую самостоятельность горского крестьянина, а сохранение общинных форм владения и пользования землей гарантировало ему поддержку соседей-общинников. В этом и следует искать ключ к объяснению социальной устойчивости категории незакрепощенных крестьян у кавказских горцев, а также живучести в системе их общественного быта остатков патриархальной демократии.

К началу XIX в. народы Северного Кавказа находились на различных ступенях развития феодализма. В то время, как в Приморском Дагестане, Кабарде, Осетии, а также у некоторых адыгейских племен (бжедухов, хатукаев, темиргоев) феодальные отношения были более развиты, у дагестанских горцев, чеченцев, ингушей и обитавших на Северо-Западном Кавказе абадзехов, шапсугов, убыхов, натхокуаджей и абхазских горцев (садзов), эти отношения были еще в значительной мере скрыты под покровом патриархально-общинного строя и родовых пережитков.

Конечно, даже в самых отсталых горных районах Кавказа к началу XIX в. уже имелось налицо социальное неравенство. Родовая община повсюду уступила место сельской общине. При сохранении общей собственности на леса и пастбища уже давно возникла частная собственность на пахотную землю. Выделившись из массы свободных общинников, богатые сосредоточивали в своих руках скот и обращенных в рабство пленников. Богатство одних было источником зависимости других. Имущественное неравенство влекло за собой неравенство социальное.

Однако там, где процесс феодализации еще не был завершен, значительная часть крестьян-общинников не была закрепощена. В горном Дагестане и Чечне такие незакрепощенные крестьяне назывались узденями, в Адыгее — тфокотлями. Не будучи прикрепленными к земле,

они сохраняли право свободного перехода, хотя и подвергались притеснениям со стороны феодализирующейся общинной знати в силу своей неполноправности.

В Аварском ханстве в 1828 г. насчитывалось 14 тыс. дворов узденей, обязанных податями и повинностями, и около 6 тыс. свободных от них [34]. Среди адыгов тфокотли составляли больше половины населения [35].

В нашей кавказоведческой литературе еще не до конца преодолена склонность к идеализации положения узденей. Некоторые авторы все еще определяют их как «свободных крестьян» [36]. Другие исследователи справедливо указывают, что наряду со свободным уздепем, не знавшим феодального гнета, в «вольных обществах» Дагестана «были уздени..., находившиеся в той или иной степени зависимости от патриархально-феодальной знати» [37]. Наконец, третьи подчеркивают, что к XIX в. «уздепская масса... только формально считалась свободной» [38].

В «Очерках истории Адыгеи» правильно говорится, что в XIX столетии была уже налицо «сословная неполноправность тфэкотлей (тфокотлей.— *А. Ф.*) и экономическая зависимость многих из них от эксплуататорской верхушки», в силу чего они фактически не могли пользоваться формально предоставлявшимся им, согласно адату, правом свободного перехода» [39].

Характерным явлением было расслоение среди узденей, что конкретно выражало процесс разложения сельской общины. Одни из них, владея крепостными и рабами [40], умножали свои богатства. Другие, наоборот, беднели и разорялись, попадая в кабалу к своим же односельчанам. Еще К. Ф. Сталь отмечал в 30-х годах XIX в. факты закабаления малоимущих тфокотлей посредством предоставления им скота и зерна [41].

---

[34] «Материалы из истории Дагестана», т. III, ч. 1. Махачкала 1940, стр. 185.

[35] «Очерки истории Адыгеи...», стр. 395.

[36] «Очерки истории Дагестана», т. I, стр. 198.

[37] Р. Магомедов. Указ. соч., стр. 58.

[38] Х. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX в. Махачкала, 1957, стр. 55.

[39] «Очерки истории Адыгеи...», стр. 179—180.

[40] Р. Магомедов. Указ. соч., стр. 58.

[41] К. Ф. Сталь. Этнографический очерк черкесского народа. «Кавказский сборник», т. 21. Тифлис, стр. 153.

Вследствие того, что уздени и тфокотли упорно сопротивлялись эксплуататорским притязаниям местной знати, последняя вынуждена была маскировать эти притязания, используя различные патриархально-родовые обычаи, например обычай родовой взаимопомощи, «молочного родства» и т. п. В этом случае отношения личной зависимости и отбывание феодальных по существу повинностей прикрывалось псевдородственными связями.

Так, знатные горцы отдавали своих сыновей на воспитание в семьи крестьян, которые должны были не только кормить и одевать воспитанника вплоть до достижения им совершеннолетия, но и делать ему приношения и подарки по возвращении его к своим родителям. «Сей общий по всему Кавказу обычай,— писал в 1812 г. А. М. Буцковский,— отдавать сыновей в чужие руки и иногда к отдаленнейшим народам основан на весьма важной для них политике: воспитатель поступает сим почти в родство воспитанника, коим именуется отцом, и таким образом распространяются взаимные связи...» [42]

Адат разрешал горцам «приглашать» соседей для участия в полевых работах (во время весенней вспашки, сенокоса, уборки хлебов и т. д.). Этот обычай богатые и влиятельные жители аула превращали в обязательную повинность, эксплуатируя маломощных односельчан.

Если владение мелкими пахотными участками, не представлявшими интереса для феодалов, до некоторой степени обеспечивало хозяйственную самостоятельность горского крестьянина, то захват местными ханами и беками общинных пастбищ подрывал ее, делая крестьян экономически зависимыми от крупных землевладельцев.

Считавшийся формально свободным уздень или тфокотль должен был делать приношения феодалу за пользование пастбищем, за прогон стада через его владения, за охоту в его лесах, а также «дарить» ему по восемь мер зерна после уборки урожая, корову — в случае выдачи замуж своей дочери, пару волов — при разделе имущества и усадьбы с братьями или сыновьями и т. п.

Несвобода крестьянина выступала здесь со всей очевидностью, и сущность этой несвободы составляли феодальные отношения.

---

[42] А. Буцковский. Указ. соч., стр. 241.

Историческое развитие горских народов Кавказа шло по линии расширения сферы феодальной земельной собственности за счет сокращения общинных и мелких крестьянских (мюльковых) владений. Соответственно этому возрастала феодальная рента, скрытая под покровом патриархальных обычаев и представлений, а также неуклонно суживалась экономическая база существования незакрепощенных крестьян. Напрасно они старались удержать распадавшиеся формы общинного хозяйства и быта. Община еще придавала им некоторую локальную сплоченность и поддерживала до известной степени их сопротивляемость натиску феодальных эксплуататоров, но уже не могла спасти их от угрозы закрепощения.

Необходимо также учесть, что термин «уздень», первоначально выражавший понятие «свободный общинник», с течением времени стал применяться к разнородным социальным категориям. Богатые уздеиские фамилии к XIX в. уже составляли тот верхушечный слой населения сельских общин, который в социальном отношении в значительной мере обособился от основной массы узденей. Для того, чтобы правильно понять это важное обстоятельство, нужно иметь в виду следующее. Незавершенность процесса феодализации накладывала специфический отпечаток на весь общественный строй кавказских горцев. К тому же этот процесс развивался неравномерно. В то время как в одних местностях феодальные отношения уже сложились, в других они еще далеко не достигли зрелости. Здесь уместно напомнить указание К. Маркса: «...один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны главных условий — благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д.— может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств» [43].

Если, например, в расположенных в равнинной и предгорной зонах Дагестана феодальных владениях господствующий социальный слой был представлен ханско-бекской аристократией, то в удаленных от транзитных торго-

---

[43] К. Маркс. Капитал, т. III, М., 1949, стр. 804.

вых путей и экономических центров края горных «вольных обществах» правящая верхушка состояла из богатых узденей, владевших крепостными и рабами, а также закабалявших обедневших и разорившихся односельчан.

Отделяясь от массы общинников, представители богатых фамилий постепенно узурпировали власть над сельскими общинами. Они замещали общественные должности старейшин и судей, превращая их фактически в наследственные. Так, в Акушинском «вольном обществе» Дагестана еще задолго до присоединения к России должность кадия, или главного духовного судьи, сделалась наследственной и замещалась представителями только одной фамилии.

Комментируя этот факт, Р. М. Магомедов подчеркивает: «Пример акушинского кадия является яркой иллюстрацией того, как постепенно патриархальная знать перерождалась в знать феодальную» [44].

Конечно, глубоко заблуждались те историки, которые, скользя по поверхности явлений, называли социальный строй дагестанских «вольных обществ» XIX в. «демократическим» на том лишь основании, что здесь не было юридически оформившейся феодальной аристократии [45]. Как справедливо указывает Р. М. Магомедов, пресловутые «вольные общества» вовсе не были в XIX в. «демократическими республиками», как их пытались еще совсем недавно представить некоторые авторы. «От былого демократизма вольного общества,— пишет он,— остались лишь жалкие его остатки. Правда, по своей форме органы власти вольного общества продолжали действовать под прежним племенным названием, но по своей социальной направленности они становились орудием классового господства» [46].

Кроме того, формировавшийся класс феодальных эксплуататоров был представлен многочисленным мусульманским духовенством. В некоторых общинах горного Даге-

---

[44] Р. Магомедов. Указ. соч., стр. 139.

[45] «Демократическими» считал «вольные общества» П. А. Брюханов, статья которого «Государственное устройство и административное управление вольных обществ Дагестана» была напечатана в «Сборнике трудов Пятигорского педагогического института», вып: I. Ставрополь, 1947 г.

[46] Р. Магомедов. Указ. соч., стр. 69.

стана кадии и муллы сосредоточивали в своих руках всю полноту власти. Основу их господства составляли вакуфные земли и имущества, которыми они распоряжались по своему усмотрению как своей собственностью. Им не трудно было также присваивать значительную часть податей, штрафов и пр., которые взимались с трудящихся в пользу мечетей. О том, какой влиятельной силой было мусульманское духовенство на Северном Кавказе, можно судить по тому, что в одном только Дагестане насчитывалось 1628 мечетей, которые обслуживали 8600 духовных лиц [47].

При этом особенно большим влиянием пользовалось мусульманское духовенство там, где слабее ощущалась власть светских феодалов — ханов и беков, а именно в так называемых «вольных обществах». В частности, «вольные общества» горной Аварии являлись своеобразным поставщиком мусульманских священнослужителей для всего Дагестана.

Выделение из массы свободных общинников зажиточной верхушки отмечалось современниками и у адыгов. Служивший на Западном Кавказе Н. Н. Раевский указывал, что в начале XIX в. вся власть находилась здесь в руках старой аристократии, но затем «родилось сословие... вольных людей, обогатившихся торговлей и ремеслами», вступившее в борьбу с прежними властителями [48]. Об этом же писал проживавший среди черкесов англичанин Д. Белль. По его словам, многие из тфокотлей стали «гораздо более богатыми, чем большинство дворян и князей» [49].

Конечно, неправильно было бы считать богатых тфокотлей буржуазной прослойкой, выступавшей против феодального способа производства, ибо в то время нигде на Кавказе не было еще социально-экономических предпосылок для буржуазной революции. Совершенно прав был большой знаток истории Адыгеи М. В. Покровский, когда он писал по этому поводу: «Поднявшаяся на гребне антидворянского движения тфокотлей старшинская знать по существу была новой феодальной прослойкой «неродови-

---

[47] Х. Хашаев. Социальная база движения горцев Восточного Кавказа. М., 1956, стр. 5.

[48] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 134, ч. 1, л. 76.

[49] J. S. Bell. Journal d'une résidence en Circassie pendant les années 1837, 1838 et 1839, t. I. Paris, 1841, p. 332.

того дворянства» в его своеобразном кавказском варианте» [50].

Естественно, что между феодализирующейся прослойкой богатых узденей и тфокотлей и старыми феодальными элементами, ранее выросшими из родоплеменной знати, неизбежно возникали серьезные противоречия. «Старая дворянско-княжеская знать ревниво охраняла свои сословные привилегии. Это приводило к резким столкновениям между двумя слоями феодалов, но общность их классовых интересов и социально-экономической базы создавала в то же время и возможность политических контактов между ними, сговора против массы рядовых тфокотлей и крепостных» [51].

Понятно, что процесс феодализации, выражавшийся в установлении личной зависимости крестьян-общинников от крупных землевладельцев, сопровождался обострением классовых противоречий и являлся далеко не мирным процессом. В конце XVIII в. в ряде районов Северного Кавказа имели место восстания горских крестьян против местных феодалов и феодализирующихся элементов общинной аристократии. В 1781 г. восстали осетинские крестьяне, в 1796 г. шапсугские и абадзехские тфокотли (в Адыгее), в 1795 г. дагестанские уздени селения Губден, в 1801 г. жители Дербента. Повсюду горские крестьяне протестовали против захвата феодалами общинных земель и угрозы закрепощения, а также против увеличения повинностей и поборов, взимаемых ханами и беками.

Русский офицер Штедер был очевидцем восстания дигорских крестьян. По его словам, простой народ давно питал ненависть к привилегированному сословию «баделят». Когда крестьяне селения Кубати решили «не допускать их насилия над народом», к ним тотчас стали присоединяться жители других селений. Народ требовал «полного уничтожения баделят», так как считал, что «без умерщвления их нельзя было надеяться на спокойствие». Штедер пытался примирить враждующие стороны, но переговоры, длившиеся в течение пяти дней, проходили в атмосфере крайней враждебности и ненависти. В конце концов

---

[50] М. В. Покровский. Адыгейские племена в конце XVIII—первой половине XIX века. «Кавказский этнографический сборник», II. М., 1958, стр. 130.

[51] Там же, стр. 51.

баделята уступили — они обещали освободить дигорцев, обращенных в рабство, возвратить захваченные крестьянские земли и скот, регламентировать подати и повинности [52].

Восстание в Адыгее также имело ярко выраженный характер стихийного протеста трудящихся против усилившегося феодального произвола. Началось с того, что в 1792 г. шапсугские крестьяне, возмущенные насилиями, которые чинили уорки Шеретлуковы, напали на их усадьбу, сожгли дом, а самих господ избили. Шапсугские уорки обратились за помощью к знатным фамилиям соседнего племени бжедухов. Тогда шапсугские крестьяне призвали абадзехов. В 1796 г. в долине речки Бзиюк (в 19 км к югу от Екатеринодара) произошла решительная битва между восставшим крестьянством и ополчением местной знати. Характерно, что в помощь последней атаман Черноморского казачьего войска послал отряд казаков с пушками. Хотя восставшие и потерпели поражение в этой битве, шапсугские крестьяне еще долгое время препятствовали возвращению уорков и согласились принять их только после того, как те обещали не притеснять тфокотлей [53].

Все эти выступления горских крестьян по своему характеру очень напоминают ранние крестьянские движения эпохи становления феодализма в Европе. Главной движущей силой этих восстаний было крестьянство, находившееся под угрозой закрепощения, но упорно отстаивавшее свою личную свободу и остатки патриархальной демократии.

Вместе с тем обострялись противоречия между старой феодальной аристократией и феодализирующейся верхушкой «вольных обществ», а также между светской ханско-бекской знатью и местным духовенством, связанным большей частью с богатым уздечеством.

Таковы были внутренние противоречия горского общества, обусловленные спецификой его социально-экономического развития.

Осуществляя завоевание Кавказа, русский царизм старался использовать эти противоречия. Социальную опору своего владычества он видел в местной феодальной знати, а поэтому поддерживал ее эксплуататорские притязания

[52] «История Северо-Осетинской АССР». М., 1959, стр. 150—151.
[53] «Очерки истории Адыгеи...», стр. 200—201.

в отношении горского крестьянства. Повсеместно на Кавказе царские чиновники раздавали местным феодалам всевозможные «охранные листы» и «билеты» на право владения общинными крестьянскими землями. Впоследствии даже царский наместник на Кавказе и родной брат царя Александра II Михаил Романов вынужден был признать, что горские князья и ханы, «снискав доверие у русского начальства, обласканные им, отличенные чинами, начали развивать значение полученных ими актов для ослабления права народа на землю и расширения личного своего права» [54].

Неграмотным ханам и бекам присваивались офицерские и генеральские звания, выплачивалось постоянное жалованье из царской казны, вручались награды и подарки. Пользуясь политической поддержкой русского царизма, местные феодалы еще сильнее угнетали подвластных им крестьян.

Шамхал Тарковский бросал своих подданных в темную сырую яму, избивал их палками, выкалывал им глаза. Аслан-хан Кюринский отбирал у подвластных крестьян дочерей и выменивал их на лошадей у соседних чеченцев. Агалар-хан Казикумухский применял к провинившимся подданным пытки каленым железом, отрезал им уши, протыкал шилом языки, лил на бритую голову кипящее масло [55]. «Терзают меня ханства, стыдящие нас своим бытием. Управление ханами есть изображение первоначального образования общества. Вот образец нелепого, злодейского самовластия и всех распутств, уничтожающих человечество...» — писал А. П. Ермолов в 1817 г. [56]

Таким образом, утверждение владычества русского царизма на Кавказе сопровождалось усилением феодального угнетения трудящихся горцев. Поэтому, естественно, идея антиколониального протеста сливалась в их сознании

---

[54] Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказской армией за 1863—1870 гг. СПб., 1870, стр. 24.

[55] «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. I. Тифлис, 1867, стр. 14; вып. II, 1869, стр. 30—31.

[56] «Архив князя Воронцова», книга 37. М., 1890, стр. 185. Позднее один из царских офицеров признавал, что установленные на Кавказе русскими администраторами порядки «не только не прекратили тиранию владетелей, но... еще укрепили эту власть» (А. Руновский. Мюридизм и газават в Дагестане по объяснениям Шамиля. «Военный вестник», 1852, № 42, стр. 680).

с антифеодальными устремлениями. Выступая против царских колонизаторов, горское крестьянство восставало и против местных феодальных эксплуататоров, являвшихся опорой колониального режима, установленного царизмом.

Однако, поддерживая эксплуататорские права местных феодалов, царизм старался ограничить их политические привилегии. Некоторые из феодальных владетелей вовсе отстранялись от власти, и в их владениях вводилось русское административное управление, другие сохраняли административно-политическую власть над своими подданными, но поступали под контроль царских военачальников. При этом последние, как правило, относились к местным князьям и ханам с великодержавным презрением, обращаясь с ними грубо и высокомерно, как со своими подчиненными. «Главноуправляющий Грузией» и, фактически, наместник царя на Кавказе генерал князь П. Д. Цицианов писал одному из местных владетелей — султану элисуйскому: «В тебе собачья душа и ослиный ум... Доколе ты не будешь верным данником великого моего государя императора, дотоле буду желать кровью твоею мои сапоги вымыть» [57].

Не удивительно, что многие из крупных феодалов Северного Кавказа были недовольны своим новым положением вассалов русского императора. К тому же их раздражало то, что с переходом в подданство России они лишились таких важных источников обогащения, какими были для них раньше набеги на соседей и работорговля. То и другое русской администрацией запрещалось. Наконец, не могло нравиться местным феодалам и то, что в целях оказания политического давления на горскую аристократию царская администрация позволяла крестьянам переходить через кордонные линии и селиться на территории, контролируемой русскими властями. Горские князья рассматривали это как поощрение бегства подвластных им крестьян. Еще в 1786 г. кабардинские феодалы Мисост Баматов, Коргока и Муса Карамурзины и др. жаловались главнокомандующему на Кавказе П. С. Потемкину: «Осмеливаемся донести Вашему Высокопревосходительству, что холопья наши кабардинцы, разбегавшись от нас, находятся жительством около крепостей: Георгиевской, Павловской и в Мо-

---

[57] АКАК, II, № 1414.

здоке. Кабардинцы же, лишаясь их, приходят во оскудение. Мы всенижайше просим Ваше Высокопревосходительство приказать нам с холопьями нашими помириться»[58].

После восстания в Дигории в 1781 г. русский генерал Вербицин предупреждал баделят, что если они будут чрезмерно притеснять своих крестьян, то последним будет дано право уйти от свего владельца и быть вольными[59]. Разумеется, царский военачальник руководствовался в данном случае отнюдь не гуманными соображениями, а стремлением запугать осетинских феодалов и напомнить им, что только с помощью царского правительства они смогут удержать в повиновении своих крестьян.

Когда в 1810 г. поднявшие мятеж кабардинские феодалы хотели переселить своих крестьян из прилегавшей к Кавказской линии равнины в горные ущелья, а крестьяне отказались им повиноваться, царские военачальники постарались поддержать последних, чтобы лишить пши-уорков возможности продолжать сопротивление мероприятиям царизма. «Управляющий обеими Кабардами» генерал Дельпоцо 14 февраля 1810 г. сообщал в Петербург: «На сих днях от кабардинского черного народа присланы были ко мне нарочные шесть человек депутатов, которые... просили, чтобы для исторжения от пагубного владельцев их над ними владычества Российское правительство приняло их под свое покровительство и защиту с тем, чтобы позволено было им из Кабарды совсем переселиться в границы наши и вступить в обязанность верноподданническую Российскому престолу...»[60].

Разумеется, перспектива лишиться нескольких тысяч подвластных крестьян встревожила кабардинских феодалов. Они поспешили примириться с царизмом. В 1811 г. они отправили в Петербург депутацию с просьбой о сохранении и укреплении экономических и политических привилегий пши-уорков. Удовлетворив их притязания, Александр I дал им особую грамоту, подтверждавшую их эксплуататорские права и сословные преимущества[61].

---

[58] Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М., 1958, стр. 137.
[59] «История Северо-Осетинской АССР», стр. 152.
[60] ГАСК, ф. 87, оп. 1, д. 214, л. 3.
[61] «История Кабарды...», стр. 82.

Но еще более недовольны действиями царской администрации были представители феодализирующейся прослойки богатых узденей и тфокотлей, выделявшейся в ходе разложения сельских общин. Их не желали признавать «дворянами», на них не распространялись те льготы и привилегии, которые царизм даровал горским феодалам. Царское правительство исходило в данном случае из политических соображений, не желая увеличивать численность привилегированных сословий коренного населения. Но это вызывало сильное недовольство господствующей верхушки «вольных обществ». Богатое уздеиство таило ненависть и против царских колонизаторов, и против местных ханов и беков, пользовавшихся благосклонностью царских администраторов.

В оппозиции к новому режиму находилась и бóльшая часть мусульманского духовенства. Во-первых, оно не могло одобрить политику поощрения светских феодалов и игнорирования претензий богатого узденства, с которым большинство духовных деятелей было связано своим происхождением. Во-вторых, священнослужителей ислама тревожил самый факт перехода в подданство христианского монарха и беспокоила перспектива активизации миссионерской деятельности христианской церкви среди кавказских горцев. В-третьих, клерикальные элементы были возмущены ограничением русскими властями паломничества кавказских мусульман к святыням Мекки. В 1822 г. Ермолов вовсе запретил выезд кавказских мусульман за границу сроком на один год, а потом требовал, чтобы желающие следовать в Мекку получали особые пропуска у русских администраторов.

Таким образом, недовольство вмешательством царизма в социальную жизнь горского общества зрело не только в массах горского крестьянства, но и среди определенной части местных феодалов, мусульманского духовенства и феодализирующейся верхушки сельских общин. Однако, если горское крестьянство выступало за освобождение от колониального режима и одновременно от феодального гнета, то эксплуататорские феодально-клерикальные элементы отнюдь не поддерживали идей социального освобождения. Наоборот, выступая против присоединения к России, они стремились вернуть утраченные привилегии и восстановить выгодное для них состояние феодальной анархии

со всеми вытекавшими отсюда последствиями, вплоть до свободы работорговли и грабительских набегов на соседей. Им не хотелось ни делить власть с русским царизмом, ни уступать ему часть своих доходов, получаемых в результате эксплуатации подвластных им крестьян.

Так формировались социальные силы антиколониального движения на Северном Кавказе. Продвижение царских войск в глубь предгорной зоны активизировало эти силы.

Излагая сущность ермоловского плана «покорения Кавказа», ближайший помощник Ермолова А. А. Вельяминов писал: «Главное и надежнейшее средство к прочному овладению горами и к покорению обитающих в оных народов состоит в занятии укреплениями важнейших в топографическом отношении мест»[62]. Исходя из этого принципа, в 1817 г. в верхнем течении Сунжи на дороге из Владикавказа в Моздок было построено укрепление Назрановское, а в 1818 г. в нижнем течении Сунжи — крепость Грозная. Таким образом, вся плодородная долина Сунжи и выход из гор на равнину через Ханкальское ущелье оказались под контролем русского командования. В 1819 г. сооружением крепости Внезапной были перехвачены пути из Горной Чечни на Кумыкскую плоскость. В 1820 г. новая крепость Бурная, построенная на высоком обрыве у самого Каспийского моря близ резиденции шамхала Тарковского, завершила выдвижение левого крыла Кавказской линии с Терека к самому подножью гор. В 1821—1822 гг. новые укрепления заперли выходы на равнину из ущелий Черека, Чегема и Баксана.

«Средство ускорить покорение горцев состоит в отнятии у них плоскостей и заселении оных казачьими станицами»,— писал Вельяминов. И действительно, выдвигая кордонные укрепления в предгорную зону, царские военачальники отрезали горцев от удобных для хлебопашества равнинных земель от степных пастбищ, которыми они пользовались в зимнее время. Горцам оставалось на выбор — либо покориться, либо потерять пашни и зимние пастбища.

«Истребление полей их,— подчеркивал Вельяминов,— в продолжении пяти лет сряду даст возможность обезоружить их и тем облегчит все дальнейшие действия...»

---

[62] Н. Смирнов. Указ. соч., стр. 194.

Строительство новых укреплений сопровождалось уничтожением горских аулов и насильственным переселением их жителей, вырубкой лесов и садов, принудительным привлечением местного населения к постройке военных дорог, мостов. Малейшее уклонение от несения этих повинностей влекло за собой конфискацию скота и другого имущества в порядке «штрафов» и «контрибуций». Открытое сопротивление жестоко подавлялось силой оружия в ходе карательных экспедиций. При этом репрессии осуществлялись по принципу «круговой поруки» — население всего аула или даже целого района расплачивалось за действия небольшой группы односельчан или соплеменников. Служивший в Отдельном Кавказском корпусе друг Пушкина и декабристов Н. Н. Раевский свидетельствовал, что царские военачальники «мстили целым племенам за вину нескольких лиц» [63]. Даже официальные деятели вынуждены были признавать, что «экспедиции против кабардинцев и закубанцев состояли в совершенном разграблении и сожжении их жилищ» [64]. Так именно был сожжен и разорен карательным отрядом кабардинский аул Трам, расположенный в четырех верстах от Константиногорской крепости, за то, что в нем укрылись несколько всадников, напавших на казачий передовой пост у переправы через Подкумок в мае 1818 г. [65]

В 1822 г. казачий атаман Власов предпринял поход за Кубань «для наказания непокорных горцев». Во время этого похода было сожжено 17 черкесских аулов и конфисковано несколько тысяч голов скота. По словам современника, Власов «действия свои начал... переправами через Кубань на земли черкесские, где он вырубливал леса, сжигал засеянные ими поля и, наконец, нападая на аулы их, предавал все истреблению» [66].

Управление «замиренными» районами осуществлялось типичными военно-феодальными методами. Административная власть вверялась перешедшим на службу царизму местным феодальным владетелям или русским офицерам,

---

[63] «Архив Раевских», т. III. СПб., 1910, стр. 342.

[64] Отношение военного министра Барклая-де-Толли от 24 августа 1810 г. Цит. по кн.: С. А. Андреев-Кривич. Лермонтов. М., 1954, стр. 53.

[65] Там же, стр. 59.

[66] АКАК, VII, № 873.

именуемым «приставами». И те, и другие облагали население различными повинностями и взимали налоги и штрафы по своему усмотрению, обогащаясь за счет прямого военного грабежа и ничем не прикрытой эксплуатации трудящихся горцев. В одном из официальных документов отмечается, что осетинские крестьяне так часто принуждаются к дорожным работам, что не имеют времени заниматься своим хозяйством. «Повинности так обременяют народ, что не дают даже времени убирать с поля хлеб, почти все мужчины и скот заняты ими исключительно» [67].

Таким образом, в ходе завоевания Кавказа царизм применял методы, характерные для экспансионистской политики феодальных государств. Недаром прогрессивно настроенный Н. Н. Раевский, резко осуждавший политику царизма, впоследствии писал: «Наши действия на Кавказе напоминают все бедствия первоначального завоевания Америки испанцами» [68].

Лишая горцев удобных земель, реквизируя у них скот, пользуясь их рабочей силой и присваивая продукты их труда, царизм подрывал основу и без того примитивного и маломощного хозяйства горских крестьян. Кроме того, царизм грубо вмешивался в общественную жизнь горцев, нарушая их обычаи и навязывая чуждые им правовые нормы и моральные представления. «Черкесы нас ненавидят,— писал А. С. Пушкин, резко осуждавший царских колонизаторов.— Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены» [69].

Эта ненависть, о которой писал великий поэт-гуманист, поднимала кавказских горцев на борьбу против русского царизма. Северный Кавказ стал очагом массового антиколониального движения. Завоевательная политика царизма привела к длительной и упорной Кавказской войне.

2. АНТИКОЛОНИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ КАВКАЗСКИХ ГОРЦЕВ

Антиколониальные движения кавказских горцев, несомненно, составляют одну из ярких и волнующих глав истории освободительной борьбы народов России.

---

[67] Там же, № 350.

[68] Там же, IX, № 505.

[69] А. С. Пушкин. Путешествие в Арзрум. Соч., т. IV. М., 1936, стр. 564.

Нет нужды говорить о том, что эта тема не могла быть раскрыта ни русскими историками дореволюционного периода, ни зарубежными буржуазными историками. Первые изображали освободительную борьбу кавказских горцев как одно из проявлений якобы извечной религиозной борьбы между мусульманством и христианством. Вторые рассматривали выступления горцев Кавказа только как войну за независимость, всячески затушевывая социальную специфику движений и присущие им внутренние противоречия. Турецкие буржуазные националисты старались представить борьбу горцев как выражение панисламистских и пантюркистских тенденций, имевших будто бы распространение среди мусульман Кавказа.

В советской историографии длительное время господствовала точка зрения М. Н. Покровского, который сводил всю освободительную борьбу кавказских горцев к одному мюридистскому движению, а самое это движение и порожденную им систему имамата считал «чисто демократическими». Позднее получила распространение порочная схема, согласно которой вся борьба горских народов Кавказа ограничивалась, как у Покровского, рамками одного лишь мюридистского движения, но последнее объявлялось целиком инспирированным извне, не имевшим внутренней социальной базы, а потому антидемократическим и реакционным. Подобное толкование вопроса было связано с догматическим восприятием тезиса о прогрессивности присоединения нерусских народов к России. Односторонность такой трактовки данного исторического явления очевидна.

С 1955 г. эта концепция стала подвергаться критике. Ее противники доказывали, что мюридизм был распространен в основном лишь в пределах горного Дагестана и Чечни, а не являлся общекавказским движением, что за реакционной идеологической оболочкой мюридизма скрывался стихийный протест народных масс против колониального гнета и феодального произвола, что в движении под флагом мюридизма принимали участие различные социальные группы, преследовавшие разные политические цели [70].

---

[70] А. В. Фадеев. О внутренней социальной базе мюридистского движения на Кавказе. «Вопросы истории», 1955, № 6.

В ходе развернувшейся затем дискуссии версия об агентурном происхождении мюридистского движения была большинством советских историков отвергнута, и оно было признано одной из форм антиколониальной борьбы кавказских горцев.

Правда, отдельные участники дискуссии пытались возродить антимарксистскую трактовку движения горцев, рассматривая его в плане «единого потока» и приукрашивая его политическую программу и идеологию. Так, имели место утверждения, что мюридистские имамы боролись якобы «за социальное и национальное освобождение» трудящихся [71]. Некоторыми авторами допускалась явная идеализация политического режима имамата и мусульманского духовного права — шариата.

Однако в целом дискуссия помогла выработке правильной концепции освободительной борьбы кавказских горцев, нашедшей ныне отражение в учебной и популярной литературе по отечественной истории. Методологической основой этой концепции являются теоретические положения классиков марксизма-ленинизма по национальному вопросу. Едва ли не самым важным из них является указание В. И. Ленина, сформулированное в работе «Критические заметки по национальному вопросу»: «Марксист вполне признает историческую законность национальных движений. Но, чтобы это признание не превратилось в апологию национализма, надо, чтобы оно ограничивалось строжайше только тем, что есть прогрессивного в этих движениях» [72].

Только следуя этому принципу, можно правильно определить различные тенденции антиколониальных движений, имевших место на Северном Кавказе в первой трети XIX столетия.

Особенно важно при этом учитывать социальную разнородность участников движений, памятуя о той условности понятия «общенациональная революция», которую подчеркивал В. И. Ленин: «Понятие «общенациональная революция» должно указывать марксисту на необходимость точного анализа тех различных интересов *различных* классов, которые сходятся на известных определен-

---

[71] «Очерки истории Дагестана», т. I, стр. 225.
[72] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 18.

ных, ограниченных общих задачах. Ни в каком случае не может служить это понятие для того, чтобы *затушевывать*, заслонять изучение классовой борьбы в ходе той или иной революции. Подобное употребление понятия «общенациональная революция» есть полный отказ от марксизма и возврат к вульгарной фразе мелкобуржуазных демократов или мелкобуржуазных социалистов» [73].

История антиколониальных движений кавказских горцев со всей очевидностью показывает, что временное совпадение интересов различных классов в борьбе за определенные, ограниченные общие задачи отнюдь не устраняет глубокой противоречивости этих интересов в отношении коренных вопросов социальной жизни.

Являясь основной движущей силой антиколониальной борьбы, разноплеменное горское крестьянство, вследствие своей разобщенности, раздробленности и крайней отсталости своего сознания было неспособно к самостоятельным организованным выступлениям. Этим пользовались враждебные России феодально-клерикальные элементы, которым нередко удавалось использовать стихийный протест крестьянских масс против колониального гнета и вести их за собой до тех пор, пока крестьяне не убеждались в несоответствии своих прогрессивных социальных устремлений с реакционными политическими целями эксплуататорских классов.

До середины 20-х годов XIX в. антиколониальные движения на Северном Кавказе возглавлялись, как правило, представителями светской феодальной знати, а примерно с 1824 г. руководящую роль в этих движениях начинают играть, особенно на Восточном Кавказе, деятели местного мусульманского духовенства.

Для первого периода типичными являлись, прежде всего, восстания 1804 и 1809 гг. в Кабарде и Осетии.

Как уже было сказано выше, непосредственной причиной этих восстаний послужило сооружение царскими военачальниками новых форпостов в районе Пятигорья (Кисловодск) и в полосе Военно-Грузинской дороги. Кроме того, само по себе строительство этой дороги было связано с усилением колониального произвола царских администраторов. Осетинские крестьяне жаловались, что их

---

[73] В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 363—364.

«в нестерпимый для человека холод» заставляли «сгребать страшный снег и расчищать дорогу», что «на лошадях и быках от перевоза тяжестей не осталось и кожи», что требовали для проходивших воинских команд овец, кур, сыр и масло, «ячмень и сено брали без платы, а лошадей без прогонов...» [74]

Восставшие кабардинцы атаковали русские укрепления и посты в долине Подкумка, а осетинские крестьяне осадили замок князя Казбека, где укрылась русская команда. Вскоре все русские гарнизоны в треугольнике Кисловодск — Георгиевск — Владикавказ оказались на положении осажденных. Движение по Военно-Грузинской дороге приостановилось, ибо весь участок от Коби до Ананура был захвачен повстанцами.

Генерал Глазенап с трудом подавил восстание в Кабарде, разорив до 80 аулов и принудив многих кабардинцев выселиться за Кубань. Генерал Несветаев с боями прорвался сквозь теснину Дарьяла к замку Казбека. Сам Цицианов прошел с карательным отрядом вверх по ущелью Арагвы, подвергая жителей грузинских и осетинских селений жестоким репрессиям.

Восстание в Осетии началось в мае 1804 г., но только к августу его возглавили тагаурские феодалы Дударовы. Вскоре к ним прибыл грузинский царевич Парнаоз. Однако уже в сентябре движение пошло на убыль.

О политических устремлениях представителей различных социальных групп, принимавших участие в восстании, можно судить по их отношению к пленным русским офицерам и солдатам. Крестьяне настаивали на том, чтобы отправить пленных во Владикавказ и просить тамошнего коменданта наказать их за обиды, нанесенные осетинам. Дударовы же требовали «лишить их жизни, дабы истребить сколько возможно русских» [75].

Восстания горцев пытались использовать в своих интересах враждебные России зарубежные круги. Как только анапский паша услышал о движении в Кабарде, он немедленно направил послания к кабардинским князьям, обещая помощь деньгами и оружием. Сообщая, что в Анапу прибыло «на пяти кораблях войско», паша от имени

---

[74] АКАК, II, № 616.

[75] М. М. Блиев. Присоединение Северной Осетии к России. Орджоникидзе, 1959, стр. 116.

султана призывал кабардинцев постараться, чтобы «все магометане единодушно на поражение неверного врага нашего себя употребили» [76].

В то же время осетинские феодалы получили фирман Фатх-Али-шаха, который просил их, чтобы они «заперли проходы в горах для русских войск и истребили их» [77]. Тогда же грузинский царевич Александр обещал от имени шаха Дударову, что тот получит много денег, если будет рассылать полученные фирманы кабардинцам и другим горцам, поднимая их против России [78].

Особого успеха агенты шаха и султана не имели. Большинство повстанцев не верило их обещаниям. «Мы испытали уже несколько раз обольщение турецким золотом,— писали в ответ на призывы анапского паши кабардинцы,— и довели себя тем до совершенного разорения» [79].

Это не помешало тому, что в 1809 г., когда вспыхнуло восстание в Южной Осетии и вновь начались волнения в Кабарде, царевич Александр и Селим-паша Ахалцихский опять обратились к горцам с воззваниями, подстрекая их к нападениям на «российские границы» и содействию в «завладении Грузией» [80]. Тогда же прибывшие из-за Кубани агенты анапского паши распространяли среди кабардинцев слухи о том, что русские власти лишат их «веры и правды», зачислят в казаки или сошлют в Сибирь [81].

Волнения в Кабарде закончились в 1811 г. примирением кабардинских феодалов с царским правительством. Восстание в Южной Осетии было жестоко подавлено карательным отрядом полковника Сталя, которого Тормасов послал туда, чтобы «положить предел буйствам волнующихся осетин» и, «рассеяв мятежные толпы их, привести... в совершенную покорность» [82].

Перенесение в 1817 г. кордонной линии с Терека на Сунжу вызвало сопротивление обитавших там чеченцев. Первоначально борьба чеченцев против царских колони-

---

[76] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, л. 9—10.
[77] АКАК, III, № 1189.
[78] Там же, № 1693.
[79] М. Блиев. Указ. соч., стр. 119.
[80] АКАК, IV, № 1287.
[81] Там же, № 1295.
[82] Там же, № 446.

заторов имела партизанский характер. Сильные родовые пережитки и племенная разобщенность усугубляли здесь раздробленность и локальность, вообще, как известно, характерные для крестьянских выступлений. Разрозненные действия небольших отрядов чеченских горцев держали в тревоге гарнизоны русских укреплений и жителей казачьих станиц, но не могли остановить экспансии царизма.

Чеченские старшины обратились за помощью к соседнему дагестанскому владетелю — Ахмед-хану Аварскому. Тот направил в Чечню отряд аварских горцев во главе с Нур-Мухаммедом. Вместе с чеченцами аварцы атаковали русский лагерь у крепости Грозной, но были отбиты.

В то же время зрело недовольство в самом Дагестане. Имевшие резиденцию в занятом русскими войсками Дербенте царские военачальники чинили произвол и насилия в отношении местного населения. Об одном из них — генерале А. Б. Пестеле — командированный Ермоловым генерал Мадатов писал: «Весь народ здешний, будучи крайне недоволен правлением генерала-майора Пестеля, готов всякую удобную минуту поднять оружие. Ужасный ропот в народе на несправедливые и нерезонные поступки Пестеля дошел до меня в самом начале въезда моего в здешние провинции...» Народ говорит, что «ни удовлетворения ни в чем не видит и даже ни одного ласкового слова от Пестеля, а слышит одни лишь только всегдашние повторения его — «прикажу повесить» [83].

В канун присоединения к России Дагестан отличался крайней феодальной раздробленностью. Численность его населения не превышала полумиллиона, но территория была расчленена на 24 полунезависимых феодальных владения и более 60 патриархально-общинных объединений, известных под названием «вольных обществ».

В Северном Дагестане самым крупным владением было шамхальство Тарковское, но, кроме него, еще существовало семь фактически независимых бийликов — Буйнак, Эндери, Аксай, Костек, Эрпели, Карабудахкент, Казанищи. Южный Дагестан был расчленен на 10 феодальных владений: ханства Дербентское, Кюринское, Курахское,

---

[83] Н. Ф. Дубровин. История войны... на Кавказе, т. VI, стр. 322.

Какинское, Рутульское, майсумство Табасаранское, султанства Элисуйское и Утамышское, уцмийство Кайтагское, а также владения кадия Табасаранского. В горном Дагестане имелось пять ханств: Аварское, Мехтулинское, Казикумухское, Сиухское и Гоцатльское.

Из 68 «вольных обществ», находившихся по большей части в вассальной зависимости от ханов, 41 принадлежало аварцам, 9 — даргинцам, 11 — лезгинам, 3 — табасаранам, 2 — агулам и 2 — рутульцам [84].

Недаром пораженный этой пестротой политической карты Дагестана С. Броневский высказал мнение, что «российская история во время удельных княжеств есть живое изображение нынешнего политического существования Дагестана» [85].

Большинство дагестанских владетелей было встревожено активизацией политики русского царизма на Кавказе. Протекторат России не стеснял их, пока он оставался в значительной мере номинальным. Но в размещении на подвластной им территории русских гарнизонов и строительстве укреплений они не без основания усматривали угрозу дальнейшего ограничения своего суверенитета.

Ахмед-хан Аварский первым решил оказать сопротивление, поддержав чеченцев. Ему не трудно было привлечь в качестве союзника своего брата Гассан-хана Мехтулинского. Вскоре к ним присоединился и уцмий Каракайтагский Адиль-хан.

Узнав об этом, Ермолов в ноябре 1818 г. предпринял поход в Мехтулинское ханство, где нанес Ахмед-хану и Гассан-хану поражение под аулом Дженгутай. Объявив о низложении Ахмед-хана за измену России, он передал его владение Сурхай-беку Сиухскому.

Тогда же другой русский отряд под командованием генерала Пестеля, выйдя из Дербента, овладел крупным селением Баплы, служившим резиденцией уцмия Каракайтагского. По словам Ермолова, «в Баплах не осталось камня на камне, и следы его основания совершенно изглажены» [86]. Об этом были оповещены все дагестанские

---

[84] Р. Магомедов. Указ. соч., стр. 369.
[85] С. Броневский. Указ. соч., стр. 451.
[86] ЦГИАГ, ф. 2, оп. 1, д. 648, л. 68.

владетели. Ермолов думал этим запугать их. Однако репрессии против Аварского хана и его союзников произвели на других дагестанских владетелей обратное впечатление. Они убедились, что их судьба зависит теперь от произвола царского военачальника. Разумеется, это встревожило их. Один за другим они стали присоединяться к мятежным ханам.

К 1819 г. все феодальные владетели Дагестана, за исключением одного — шамхала Тарковского, объединились для борьбы против России. Они обратились за помощью и покровительством к иранскому шаху. Наследник шаха Аббас-Мирза прислал им крупную сумму денег (до 20 тыс. руб.) на расходы по найму войска для войны с русскими [87]. Однако поднять всенародное восстание дагестанским ханам не удалось. Местное крестьянство не слишком доверяло им, зная их как жестоких угнетателей.

В течение лета 1819 г. генерал Мадатов, действуя из района Дербента, принудил к покорности табасаранских владетелей и сломил сопротивление ополчений уцмия в Каракайтаге. Осенью Ермолов заставил перейти в подданство России акушинского кадия — главу самого сильного из даргинских «вольных обществ». Владение бежавшего уцмия Адиль-хана было присоединено к Дербентской провинции, но оставлено в управлении местных беков. Впрочем, для наблюдения за ними вскоре был назначен особый пристав, поселившийся в Великенте.

В 1820 г. Мадатов перенес военные операции в глубь дагестанских гор. Разгромив 12 июня под Чирахом ополчение Сурхай-хана Казикумухского, он через три дня занял его резиденцию — аул Кумух. Сурхай-хан бежал в Согратль, а его владение было отдано оставшемуся верным русскому царизму Аслан-хану Кюринскому.

Ермолов полагал, что этим «довершено... покорение Дагестана» [88]. Но это было по меньшей мере заблуждением. Для того, чтобы занять хотя бы крупные населенные пункты Дагестана русскими гарнизонами, у Ермолова не было сил. Всего на Кавказе насчитывалось тогда 48 тыс. русских войск, половина из которых находилась в Закавказье [89]. А без размещения постоянных гарнизонов

---

[87] Н. Ф. Дубровин. Указ. соч., т. VI, стр. 356.
[88] АКАК, VI, ч. 2, № 93.
[89] Н. Ф. Дубровин. Указ. соч., т. VI, стр. 504.

в горных районах нечего было и думать о «покорении Дагестана». Свободолюбивые горцы, многие из которых не находились в зависимости даже у местных ханов, не желали подчиняться царским приставам и мириться с колониальным режимом.

В 1822 г., в связи с перенесением кордонных линий за р. Малку и выселением ряда кабардинских аулов, расположенных между Малкой и Кубанью, вспыхнули волнения в Кабарде. Антиколониальное движение крестьянских масс здесь пытались возглавить те из местных феодалов, которые были враждебны России. В этот момент они были особенно недовольны тем, что, учредив «Кабардинский временный суд» из представителей местной знати, Ермолов изъял из его ведения все сколько-нибудь серьезные дела, передав их решение русскому военному суду. Недовольно было и мусульманское духовенство, совершенно отстраненное Ермоловым от разбирательства гражданских дел [90].

Кабардинскими князьями был организован ряд набегов на Кавказскую линию, в результате которых в 1823 г. было разорено селение Круглолесское, а в 1825 г.— станица Солдатская. Но все же им, как и дагестанским ханам, не удалось повести за собой крестьянские массы. Были случаи, когда кабардинские крестьяне решительно отказывались следовать за своими владетелями, надеясь, что с присоединением к России будет ограничен произвол угнетавших их феодальных эксплуататоров.

Ермолов предпринял ряд карательных походов в Кабарду, разоряя не только усадьбы мятежных пши-уорков, но и селения зависимых от них крестьян. Вместе с тем в порядке репрессий против отложившихся от России феодалов он объявил, что все подвластные им крестьяне могут считать себя свободными от всяких повинностей и распоряжаться землей по своему усмотрению. Справедливо называя эту политику Ермолова «лицемерной», Т. Х. Кумыков подчеркивает, что царизм в данном случае «бил по самому уязвимому месту феодалов, постоянно просивших представителей царской администрации возвратить их беглых крестьян» [91].

---

[90] «Материалы по обычному праву кабардинцев». Нальчик, 1956, стр. 11—15.

[91] Т. Кумыков. Указ. соч., стр. 103.

Как видно, Ермолов отдавал себе отчет в том, что участвовавшие в антиколониальном движении крестьяне и князья имеют различные политические устремления. Играя на внутренних классовых противоречиях между ними, он рассчитывал ослабить сопротивление повстанцев и внести разложение в их ряды. То, что ермоловская декларация об освобождении кабардинских крестьян являлась лишь тактическим маневром, а не принципиальным поворотом в политике царизма на Кавказе, показывает его прокламация, обращенная к мятежным феодалам. Призывая их сложить оружие, Ермолов обещал всем, выразившим готовность покориться, немедленно восстановить «прежние права над подвластными» [92].

Тем не менее некоторые крестьяне, принадлежавшие мятежным феодалам, воспользовались случаем и выселились с гор, получив от русской администрации земельные наделы на новых местах. Так, возле Нальчика возник вольный аул, насчитывавший 200 дворов освободившихся от личной зависимости крестьян [93].

Зато нежелавшие примириться с русским царизмом кабардинские князья ушли за Кубань и поселились в ущельях Зеленчука и Урупа. Они были известны потом под именем «беглых кабардинцев».

Князья Джембулат Айтеков и Измаил Касаев еще в 1825 г. продолжали совершать набеги на новые казачьи станицы, основанные по верхнему течению Кубани — Баталпашинскую, Беломечетскую, Невинномысскую и др.

Хотя события, происходившие в то время на Северном Кавказе, были вызваны прежде всего военно-феодальной экспансией русского царизма, нельзя отрицать, что известное влияние имело в данном случае обострение международной обстановки на Ближнем Востоке. Восстания в Греции и Валахии и связанные с этим санкции султана в отношении русского судоходства, сосредоточение турецких войск в Молдавии и, наконец, последовавший в августе 1821 г. разрыв дипломатических отношений между Россией и Турцией — всего этого было более чем достаточно, чтобы по всему Кавказу распространились слухи о близости новой русско-турецкой войны.

---

[92] Ф. И. Леонтович. Указ. соч., стр. 259.
[93] «История Кабарды», стр. 83.

В начале 1822 г. один из чеченских кадиев Абдул-Кадыр пытался поднять восстание в Чечне, уверяя соплеменников, что через четыре месяца войска турецкого султана прогонят русских с Кавказа [94]. Осенью 1822 г. Ахмед-хан Аварский сообщил чеченцам, что султан будто бы уже начал войну против России и что следующей весной он пришлет свои войска на помощь кавказским мусульманам, борющимся против «гяуров» — русских [95]. Все это, конечно, находилось в связи с пропагандой «священной войны» против России, которую вело тогда правительство султана среди кавказских горцев. Ермолов еще 20 ноября 1821 г. препровождал к Нессельроде одно из воззваний султана к «горским народам» с призывом к войне против России [96].

Накануне новой русско-персидской войны среди кавказских горцев усилили свою подрывную деятельность агенты шахского правительства.

—«Вы должны содействовать изгнанию русских!» — обращался к горцам Фатх-Али-шах [97].

В сентябре 1825 г. Ермолов писал из Дагестана: «Аббас-Мирза для взбунтования против нас лезгин и прочих дагестанских народов прислал через Гассан-хана, брата сардаря Эриванского, самому сардарю значительную сумму и разные подарки» [98].

Вскоре шахские эмиссары появились среди чеченцев. Один из них по имени Нох-хан установил контакт с видным деятелем местного духовенства муллой Мухаммедом Майюртупским. Через него ему удалось связаться с тагаурскими феодалами. Представители последних — Беслан Шанаев и Хазмурза Тулатов — специально ездили из Осетии в Чечню для свидания с Нох-ханом, который «ласково их принял, поощрил персидским золотом, а они обещали хану возмутить осетинских соплеменников» [99].

После этого заметно участились нападения тагаурских алдаров на русские обозы и воинские команды, следовавшие по Военно-Грузинской дороге. О том, насколько тре-

---

[94] Н. Ф. Дубровин. Указ. соч., т. VI, стр. 477.
[95] Там же, стр. 489.
[96] АКАК, VI, ч. 2, № 768.
[97] Там же, II, № 1652.
[98] ЦГВИА, ф. 482, д. 44046, л. 125.
[99] «Кавказский сборник», т. 13. Тифлис, 1889, стр. 81.

вожной была тогда обстановка в полосе этой дороги, можно судить по описанию А. С. Пушкина, который лично проезжал по ней из Владикавказа в Тифлис в 1829 г. Он писал: «С Екатериноградa начинается Военно-Грузинская дорога..., дается конвой казачий и пехоты и одна пушка... Это называется оказией... На сборном месте соединился весь караван, состоящий из 500 чел. или более. Пробили в барабан. Мы тронулись. Впереди поехала пушка, окруженная пехотными солдатами. За ней потянулись брички, кибитки солдаток, переезжающих из одной крепости в другую; за ними заскрипел обоз двухколесных арб...» [100]

Не удивительно, что сразу же после Адрианопольского мира русское командование решило покончить с оппозицией среди осетинской феодальной знати. В 1830 г. в Северную Осетию была направлена карательная экспедиция под начальством генерала Абхазова. Встревожепные жители осетинских селений взялись за оружие. В районе Ларса царские войска встретило до двух тысяч вооруженных крестьян, собравшихся по призыву Беслана Шанаева и других тагаурских алдаров.

Генерал Абхазов объявил крестьянам, что если они разойдутся по домам, то их никто не тронет. После этого ряды повстанцев стали быстро таять. Оставшись без ополчения, мятежные алдары вынуждены были также сложить оружие. Шанаев и семь его сыновей были сосланы в Сибирь. Амнистированные алдары были лишены права взимания дорожных пошлин с проезжавших через их владения. У них были взяты аманаты (заложники).

Участие осетинских крестьян в событиях 1830 г. было выражением стихийного протеста трудящихся масс коренного населения Осетии против колониальной политики царизма. «Но возглавили это выступление феодалы, которые стремились прежде всего отстоять свое независимое положение, желая и впредь получать экономические и политические выгоды от контроля над Военно-Грузинской дорогой, а главное, сохранить власть над «черным народом» [101].

Таким образом, антиколониальные движения, происходившие на Северном Кавказе в первой четверти XIX в., отличались ярко выраженной локальностью и слабой

---

[100] А. С. Пушкин. Путешествие в Арзрум. Соч., т. IV. М., 1936, стр. 563-564.

[101] «История Северо-Осетинской АССР», стр. 167.

организованностью. Они охватывали сравнительно небольшие по территории районы. Действия повстанцев были разрозненными. Несмотря на храбрость и мужество отдельных смельчаков, наступательный порыв массы участников этих движений довольно быстро ослабевал, а сопротивление их в оборонительных боях не было стойким и длительным. Не было руководящей силы, способной сплотить вокруг себя горское крестьянство, не было идеи, которая помогла бы ему преодолеть влияние племенной и сословной разобщенности. Пропасть между крестьянской массой и возглавлявшими ее местными феодалами была слишком глубока, чтобы ее можно было не заметить. Интересы трудящихся, мечтавших о социальной справедливости, и сепаратистски настроенных ханов и князей были слишком различны, чтобы их можно было примирить.

Картина значительно изменилась, когда примерно с середины 20-х годов XIX в. во главе антиколониального движения в горном Дагестане и Чечне встало мусульманское духовенство, тесно связанное с феодализирующейся прослойкой богатого узденства. Нашлась и необходимая идея, обоснованная на этот раз модернизированным религиозным учением мюридизма.

Происхождение мюридизма как религиозного учения исламоведы ставят в связь с деятельностью ордена накшбенди, основанного шейхом Баха-уд-дином в Бухаре еще в XIV в.[102] Проповедуя во имя чистоты веры строгое исполнение всех предписаний основоположников суннитского ислама, члены этого ордена вместе с тем призывали к священной войне против неверных. В частности, пользуясь покровительством бухарских эмиров, они пытались насильственно обращать в мусульманство коренных обитателей Западной Сибири. Воинствующий характер ордена накшбенди по вполне понятным причинам импонировал и хану Тимуру, известному своими завоевательными походами. Поэтому он также благоволил к этому ордену.

Впоследствии учение шейхов накшбенди проникло в пределы Османской империи. В период начавшегося ослабления и распада этой империи призывы к священной войне за веру и восстановление могущества падишаха на-

---

[102] В. А. Гордлевский. Баха-уд-дин Накшбенд Бухарский. Сборник статей, посвященный С. Ф. Ольденбургу. Ленинград, 1934.

ходили особенно горячий отклик среди турецкой военно-феодальной знати. Недаром источники свидетельствуют, что последователями ордена накшбенди в Турции являлись «преимущественно знатные люди» [103]. К этому ордену примкнули также многие курдские шейхи в районах, расположенных неподалеку от кавказской границы.

Мюрид — это мусульманин, посвятивший себя духовному совершенствованию во имя сближения с богом. Он должен не только строго исполнять все правила шариата, что требуется от каждого мусульманина, но обязан проводить время в посте и молитвах, стараясь во всем подражать поведению пророка Мухаммеда, описание поступков и действий которого известно мусульманским богословам под названием т а р и к а т а.

Одним из главных путей духовного совершенствования идеологи мюридизма считали активное участие в священной войне против неверных, не мусульман. Делая акцент на этом, проповедники мюридизма на Кавказе превратили идею «газавата» (священной войны) в основной догмат религии, а затем и в политический лозунг, служивший для разжигания фанатической ненависти к русским.

«Сражайтесь с неверными вообще! Убивайте неверных! Приглашайте правоверных к сражению!» — учили проповедники мюридизма [104].

Погибшим в «священной войне» обещалось вечное пребывание в раю, прощение всех грехов, совершенных в земной жизни. «Бог нам приказал вынуть меч из ножен для того, чтобы драться с неверными, и сказал: «Рай есть под тенью шашки, убитый против неверных — есть живой, и будет он жить в раю, а кто будет бежать, тот есть ничтожный человек, и будущая его жизнь есть ад»»,— так разъясняли идеологи кавказского мюридизма главную обязанность мусульман [105].

Посвятив себя служению богу и участию в «священной войне» во имя распространения ислама, мюрид должен был слепо повиноваться своему религиозному наставнику — «мюршиду» и быть постоянно готовым жертвовать по его приказанию собственным имуществом, семьей и даже жизнью.

---

[103] «Кавказский сборник», т. 10. Тифлис, 1886, стр. 5.
[104] «Кавказский сборник», т. 17. Тифлис, 1896, стр. 353.
[105] ЦГИАГ, ф. 548, оп. 3, д. 543, л. 10.

Кроме того, для привлечения на свою сторону горского крестьянства проповедники мюридизма демагогически заявляли о «равенстве правоверных перед богом». Неискушенные в догматах мусульманского богословия горские крестьяне воспринимали эти речи как обещание социального равенства и восстановления патриархальной демократии, подорванной развитием феодальных отношений.

Провозглашая, что правоверный мусульманин не может быть ничьим рабом или подданным, проповедники мюридизма хотели, разумеется, пробудить у горцев стремление к непокорности русским властям, но горские крестьяне воспринимали этот догмат по-своему, рассматривая его как основание для борьбы за социальное освобождение.

Шейхи и муллы осуждали светских феодалов, перешедших на службу русскому царизму, и это также было созвучно антифеодальным настроениям горского крестьянства.

Однако духовенство само принадлежало к классу феодальных эксплуататоров, а потому не думало о ликвидации феодальных отношений. Оно ставило целью оттеснить светских феодалов и занять первенствующее положение в горском обществе, создав на Кавказе мусульманское теократическое государство по образцу средневековых арабских халифатов.

Источники неопровержимо свидетельствуют, что мюридистские имамы хотели ввести в Дагестане «духовное управление, по которому другой власти, кроме духовной, не признается» [106], что первый из них, которого русские называли «Кази-Мулла», имел своей целью «произвесть переворот в пользу духовенства» [107].

В борьбе против светских феодалов — ханов и беков духовенство пользовалось поддержкой богатых узденей, составлявших феодализирующуюся верхушку сельских общин, но официально не принадлежавших к привилегированным сословиям. Поскольку богатые уздени принуждены были маскировать свои эксплуататорские притязания, для них мюридизм с его проповедью «газавата» и требованием полной покорпости духовным наставникам был удобным

---

[106] ОПИ ГИМ, ф. 99, т. 6, стр. 706. Записка о сношениях с аварскими ханами (1833 г.).

[107] Рукописный фонд Института истории АН СССР, разд. V, д. 27, л. 150. Рапорт генерала Паскевича от 27 марта 1830 г.

средством классового подчинения горского крестьянства и отвлечения его от насущных вопросов социальной жизни. Привлекательной была и возможность умножать свои богатства за счет крестьян посредством различных поборов под видом военных налогов, штрафов и конфискации имущества «отступников». Не случайно, по свидетельству современника, мюридистские деятели «были большей частью из зажиточных людей» [108].

Объясняя, почему бедняк-горец не мог стать имамом или наибом, тот же автор пишет: «Ученый горец..., происходивший из простого сословия, хотя бы он хлебнул семь морей науки, не имеет особого значения в гражданском быту» [109].

Отсюда следует, что мюридизм быстрее всего должен был укорениться на Кавказе там, где сильнее ощущалось влияние мусульманского духовенства, где руководящая роль в общественной жизни принадлежала феодализирующейся прослойке богатых узденей, где масса рядового узденства еще противостояла крепостническим притязаниям ханов и беков. Так и случилось. Главным очагом мюридизма в Дагестане стали аварские «вольные общества», а в Чечне — соседние с Дагестаном юго-восточные районы. И те, и другие отличались незрелостью феодальных отношений и живучестью патриархально-общинных традиций.

Известно, что любые идеи становятся материальной силой, когда овладевают сознанием масс. Мюридизм также стал крупным политическим фактором в ходе Кавказской войны лишь тогда, когда сделался знаменем широкого массового движения.

Неправильно было бы думать, что проповедь мюридизма породила это движение. Наоборот, движение, направленное против царских колонизаторов и служивших им ханов, нашло в мюридизме свое идеологическое оформление.

Разумеется, идеи мюридизма оказывали известное влияние на антиколониальное движение горцев Дагестана и Чечни. Сначала они даже способствовали его успехам, объединяя разноплеменных горцев под одним знаменем, но потом сковывали и ограничивали активность масс, поскольку религия всегда усыпляет и притупляет социальные чувства.

---

[108] «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. II, стр. 61. Воспоминания А. Омарова.

[109] Там же.

Некоторые историки пытаются оспаривать правомерность термина «мюридистское движение». Например, Г. Д. Даниялов признает, что «мюридизм стал религиозной оболочкой движения», но тут же вопреки этому заявляет: «Мюридистского движения... в горах Дагестана и Чечни не было» [110]. Но ясно, что если мюридизм был идеологией движения, то мы вправе называть его мюридистским, точно так же как выступление трудящихся Ирана под флагом бабизма называем бабидским движением, а восстание под знаменем махдизма в Судане махдистским восстанием, и т. п.

Идеи мюридизма проникли в Дагестан из Ширвана через кюрдамирского шейха Гаджи-Измаила. Официальный источник, исходивший из кругов разведывательной службы русского царизма, рассказывает об этом следующим образом: «Неизвестно, каким образом первые семена мюридизма были заброшены в Дагестан, но в 1824 году это была тайна, которую Гаджи-Измаил, живший в Ширвани и находившийся под близким надзором русского начальства, открывал немногим; однако ж, ненавидя как и все ревностные мусульмане, владычество христиан, он изыскивал средства возбудить волнение между горцами. В Кюринском ханстве, в селении Яраг, жил мулла Магомет, считавшийся... одним из дагестанских улемов. На него-то обратил внимание Гаджи-Измаил, избрав его своим орудием и успев с ним сблизиться. Мулла Магомет, вероятно, по предварительному согласию с мюршидом, собрал более десяти мулл и отправился в селение Кюрдамир. Гаджи-Измаил... в тайных беседах передал им свои намерения... и, сложив с себя звание, торжественно провозгласил муллу Магомета мюршидом дагестанским» [111].

Эти сведения о проникновении мюридизма в Дагестан из Ширвана подтверждаются и свидетельством одного из идеологов кавказского мюридизма Джемал-эд-Дина Казикумухского. В его воспоминаниях, опубликованных в 1869 г. во втором томе «Сборника сведений о кавказских

---

[110] См. предисловие к сборнику «Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50-х годах XIX в.». Махачкала, 1960, стр. 7.

[111] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6550, л. 20—21. Записка жандармского полковника Юрьева «Общий взгляд на причины и последствия беспорядков, возникших в Дагестане от распространения фанатизма и секты мюридов между горцами» (1840 г.).

горцах», говорится, что Мухаммеда Ярагского познакомил с Гаджи-Измаилом Кюрдамирским его ученик Хаз-Мухаммед в 1823 г. «Сам же Джемал-эд-Дин, по его словам, воспринял идеи мюридизма в новом их толковании уже от Мухаммеда Ярагского.

В 1824 г. Мухаммед Ярагский начал совместно с другими дагестанскими улемами энергично пропагандировать идеи мюридизма, особенно подчеркивая необходимость готовиться к «священной войне» против «гяуров» — русских. «Магометане не могут быть под властью неверных... Кто считает себя мусульманином, для того первое дело — газават и потом исполнение шариата. Для мусульманина исполнение шариата без газавата не есть спасение...» — так говорил первый дагестанский мюршид, вдохновляя горцев на борьбу за торжество ислама. В примате идеи газавата по сравнению с догматами шариата и заключалась специфика кавказского мюридизма [112].

Первые вооруженные выступления под флагом мюридизма относятся к 1824 г., когда вспыхнуло восстание в Чечне. Его возглавил уздень Бейбулат Таймазов. При нем находился мулла, провозглашавший мюридистские лозунги. В 1825 г. их отряды захватили небольшое русское укрепление Амир-Аджи-юрт и блокировали русский гарнизон в Герзель-ауле.

В то же время к мюридистскому движению примкнул племянник крупнейшего феодального владетеля Северного Дагестана Аммалат-бек, действовавший среди койсубулинцев и мехтулинцев. Наконец, сам Мухаммед Ярагский пытался склонить на свою сторону табасаранских беков [113].

Однако широкие масштабы мюридистское движение приобрело лишь к концу 20-х годов XIX в. Этому способствовало дальнейшее обострение международной обстановки на Среднем Востоке.

С самого начала проповедники мюридизма на Кавказе апеллировали к феодальным монархам Востока. Увлечь жителей какого-либо маленького затерянного в горах аула на путь «газавата» можно было лишь при условии внушения им мысли о единстве всех мусульман, о могуществе мусульманских народов и их правителей. Не случайно один из первых апостолов мюридизма в Дагестане мулла

---

[112] «Кавказский сборник», т. 10. Тифлис, 1886, стр. 20.
[113] Там же, стр. 47, 104, 163.

Мухаммед из Яраги многозначительно заявлял: «Наступит время, когда кто-нибудь из сильных владык Востока во славу Корана покорит русских,— и тогда вы должны (также) восстать против них» [114]. Тем самым всеобщее восстание кавказских мусульман против России изображалось как составная часть мировой войны за торжество ислама. В реальной международной обстановке того времени это означало не что иное, как призыв поддержать назревавшую войну шаха и султана против России.

Советские историки осудили и отвергли распространенную в 1950—1953 гг. неправильную трактовку мюридистского движения на Кавказе как вызванного якобы исключительно подрывной деятельностью иностранной агентуры. Однако признание определенной внутренней социальной базы мюридистского движения не может служить основанием для полного отрицания внешних влияний на его развитие. Правда, на первых порах зарубежные связи мюридистских деятелей имели преимущественно религиозный характер, но постепенно они приобретали определенную политическую окраску.

Движение под флагом мюридизма в Чечне и Дагестане отличалось социальной разнородностью его участников и обусловленной этим внутренней противоречивостью. Прогрессивная струя этого движения была представлена горским крестьянством с его антиколониальными и антифеодальными устремлениями. Но руководство движением принадлежало мусульманскому духовенству и феодализирующейся верхушке уздечества. Борьбу против экспансии русского царизма они пытались соединить с укреплением своих классовых позиций. Реакционная идеология мюридизма изолировала кавказских горцев от общения с другими народами, отвлекала их от классовой борьбы, способствовала слепому подчинению их мусульманской теократии и превращала в орудие агрессивных замыслов иностранных держав. Не трудно понять, с каким интересом и с какой надеждой следили в Константинополе и Тегеране за распространением на Кавказе модифицированного мюридистского учения, ведущей идеей которого стала идея всеобщего восстания кавказских мусульман под лозунгом «священной войны» против России.

---

[114] «Кавказский сборник», т. 10, стр. 28.

Недаром Аббас-Мирза обещал свое покровительство табасаранским бекам, обратившимся к нему за помощью, а также стремился через находившегося в Персии грузинского царевича Александра установить контакт с Гази-Мухаммедом, видным деятелем кавказского мюридизма, а впоследствии первым мюридистским имамом Чечни и Дагестана [115]. Активизировать мюридистское движение старались и проникавшие на Восточный Кавказ под видом бродячих дервишей и возвращавшихся из Мекки паломников турецкие эмиссары. Командующий русскими войсками на Кавказской линии генерал Эммануэль прямо указывал, что «присланные в Чечню турецкие агенты употребляют всемерное усилие поднять народ сей против нас» [116]. Не случайно также вождь первого восстания, происшедшего под флагом мюридизма, Бейбулат Таймазов, потерпев поражение, бежал из Чечни в Анапу и нашел убежище в этой турецкой крепости [117].

Морально-политическая поддержка лидеров кавказского мюридизма зарубежными мусульманскими монархами, несомненно, способствовала успешному распространению нового учения. Кавказские горцы не имели никакого желания быть подданными шаха или султана, но они считали их могущественными государями, способными заставить русского царя отвести свои войска за Терек.

На первом этапе движения, развернувшегося в середине 20-х годов XIX в. в Чечне и Дагестане, его лозунги привлекали широкие массы горского крестьянства. Все, кто был против царских колонизаторов, кто боролся против угрозы закрепощения, кто хотел отстоять личную свободу и независимость своей общины, спешили под знамя мюридизма, а таких были тысячи.

В 1828 г. мюршид Мухаммед Ярагский провозгласил одного из учеников, которого также звали Мухаммедом, имамом Дагестана и Чечни с титулом «гази», что значит «борец за веру». Именно этот деятель и был известен в русских источниках под именем «Кази-Мулла».

Гази-Мухаммед был аварцем, уроженцем аула Гимры. Об этом суровом и молчаливом священнослужителе

---

[115] АКАК, VIII, № 220.
[116] ЦГИАГ, ф. 11, д. 58, л. 24.
[117] «Кавказский сборник», т. 10, 1886, стр. 220.

рассказывали, что он еще юношей имел склонность к размышлениям, предпочитал обществу сверстников уединение и даже затыкал уши воском, чтобы не развлекаться ничем посторонним. Он отлично владел арабским языком и знал наизусть весь Коран, что считалось среди мусульманских богословов высшим уровнем образованности [118].

Свои военные действия Гази-Мухаммед открыл нападением на Хунзах — резиденцию аварских ханов. Однако бабка малолетнего Нуцал-хана Паху-Бике сумела так организовать оборону, что мюридам пришлось отступить. Безуспешной оказалась и вторая их попытка овладеть Хунзахом в феврале 1830 г.

Будучи не в силах ниспровергнуть аварского хана, Гази-Мухаммед решил обратиться против другого крупного феодального владетеля — шамхала Тарковского. В мае 1831 г. во главе конного ополчения он спустился к берегу моря, овладел городом Тарки, разорил резиденцию шамхала — Параул, осадил крепость Бурную, но взять ее не смог и двинулся за Сулак. Там он в августе попытался захватить крепость Внезапную, простоял под ней две недели, пока не был отброшен подошедшим на выручку осажденному гарнизону отрядом генерала Эммануэля. Однако, когда последний стал преследовать мюридов, отступавших в лесистые горы, Гази-Мухаммед сумел взять реванш. Используя преимущество, каким располагали горцы в отношении маневренности и подвижности, он нанес в Ауховских лесах поражение Эммануэлю.

Этот успех воодушевил мюридов. Гази-Мухаммед повел их на юг и в течение восьми дней держал в осаде Дербент. Оттуда уже глубокой осенью он совершил стремительный бросок на север и 1 ноября 1831 г. захватил Кизляр.

Оправдываясь перед царем в том, что «предположенный план покорения горцев» оказался невыполненным, фельдмаршал Паскевич жаловался: «Известно, сколь трудно вести войну в горах с народами, обладающими оными и решившимися на упорное сопротивление... Одна

---

[118] Мухаммед Ярагский возлагал на Гази-Мухаммеда настолько большие надежды, что в знак особого к нему доверия отдал за него замуж любимую дочь. См. «Кавказский сборник» т. 10, 1886, стр. 29.

мысль лишиться дикой вольности и быть под властью русского коменданта приводит их в отчаянье...».

В этом же рапорте Паскевич высказал убеждение, что «мелкие владельцы скорее могут покорены быть видами личных своих выгод, но покорение вольных племен, ни от какой власти не зависимых, представляет более трудностей» [119]. Действительно, там, где царизм не мог найти для себя социальной опоры в лице феодальной знати, где крестьянство не было расчленено между владельцами, где феодальная зависимость была слабее, а пережитки патриархальной демократии сильнее, «покорение горцев» встречало гораздо больше трудностей. Недаром и главными очагами антиколониального движения на Северном Кавказе были горные районы Чечни и Дагестана, отличавшиеся незрелостью феодальных отношений и силой патриархально-общинных традиций.

Сменивший Паскевича новый главнокомандующий генерал Розен летом 1832 г. предпринял поход в Чечню, где разорил 60 селений и уничтожил много садов, принудив жителей прекратить сопротивление. Осенью того же года Розен двинулся в пределы Аварии, где блокировал аул Гимры. После ожесточенного штурма русские войска овладели этим главным оплотом мюридизма. Гази-Мухаммед заперся в каменной башне с 16 мюридами. Не видя иного выхода, он решил пробиться или погибнуть, выскочив из башни с обнаженной шашкой в руках. Удар камнем в голову ошеломил его, а солдатский штык пронзил ему грудь. Рядом с ним упал его верный ученик и соратник Шамиль, который, однако, остался жив и потом оправился от тяжелого ранения. Труп первого имама был выставлен для всеобщего обозрения. Среди горцев распространился слух, что он лежал, держа одной рукой бороду, а другой указывая на небо. Таким образом, и после смерти Гази-Мухаммед служил делу пропаганды воинствующего исламизма.

Так закончился первый этап движения, возникшего среди кавказских горцев в середине 20-х годов XIX в. За восемь лет, истекших с момента, когда Мухаммед Ярагский начал проповедовать идеи мюридизма в Дагестане, это движение приобрело большое значение. Однако

---

[119] ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 3, д. 255, лл. 2—4. Рапорт генерала Паскевича от 6 мая 1830 г.

с самого начала в нем обнаруживались внутренние противоречия, которые со временем и привели его к гибели.

Горское крестьянство приняло участие в движении под флагом мюридизма во имя своих антиколониальных и антифеодальных устремлений. Оно поверило демагогическим призывам шейхов и мулл в надежде добиться гарантий личной свободы и независимости.

Однако на деле получилось иное. Идеология мюридизма изолировала горцев от общения с другими народами, отвлекала их от классовой борьбы, затемняла их классовое сознание, способствовала слепому подчинению их мусульманской теократии и превращала их в орудие агрессивных замыслов иностранных держав.

Мюридизм не мог обеспечить горцам ни социального освобождения, ни национальной независимости. Это была реакционная идеология, отвечавшая интересам лишь феодально-клерикальной верхушки горского общества.

Под знамя Гази-Мухаммеда собралось вначале до 15 тыс. вооруженных дагестанских крестьян, но вскоре многие из них стали покидать его, поскольку он даже не попытался отменить тяжелые феодальные повинности, которые они несли в пользу ханов и шамхала. Летом 1832 г. «жители некоторых койсубулинских деревень писали ему, что со времени начатия войны с русскими они не только не разбогатели, как он обещал, но, напротив того, разорились, что получаемая ими иногда добыча не в состоянии вознаградить убытков ими понесенных, и, наконец, ему советовали отказаться от своих предприятий, всегда оканчивающихся невозвратною потерею их родственников и друзей» [120].

Царские военачальники с удовлетворением отмечали. что авторитет имама падает, что «при проезде чрез деревню Унцукуль жители оной хотели убить его каменьями, а гимринцами возмутитель сей хотя и был принят, но совершенно не имеет на них никакого влияния» [121].

С самого начала вожаки мюридизма наталкивались на сопротивление горского крестьянства деспотическому режиму имамата. Горцы охотно откликались на призывы к

---

[120] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6261, л. 201—202. Цит. по сборнику документов «Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50-х годах XIX в.», стр. 113.

[121] Там же, стр. 80.

борьбе против царских колонизаторов и ханов, но они не желали слепо подчиняться наибам, назначенным имамом, терпеть их произвол и платить возраставшие год от года подати. Их тяготили многочисленные запреты, смысл которых заключался в воспитании масс в духе покорности и смирения. Они возмущались тем, что им уже нельзя закурить трубку или сыграть на музыкальном инструменте, что в аулах уже не слышно песен, не видно танцующей молодежи, что повсюду мертвая тишина, нарушаемая заунывными голосами муэдзинов, призывавших к молитве.

Но самое главное, что отталкивало горских крестьян от мюридизма, это перманентное состояние военной тревоги, отсутствие условий для мирного труда, вечный страх и неуверенность в завтрашнем дне. Даже мюридистский историограф Мухаммед-Тахир ал-Карахи не мог скрыть, что горцы «были раздражены посылкой в войска ислама и сбором ополчения». По его словам, горские крестьяне «думали, что если они заключат мир с русскими, то последние оставят их пахать и жать, пить и есть» [122].

Не удивительно, что Гази-Мухаммеду приходилось нередко удерживать горцев силой оружия и угрозой применения репрессий. Тот же Мухаммед-Тахир свидетельствует, что имам вынужден был неоднократно «собирать войска для обхода селений и городов с целью направить на истинный путь повинующихся и выпрямить искривленных» [123]. А что означало это «выпрямление», видно из того, что когда жители аула Андаляль зимой 1830 г. отказались подчиняться имаму, он напал на них со своими мюридами и после ожесточеного боя заставил вернуться на «истинный путь» под знамена газавата. При этом, говорится в хронике Мухаммеда-Тахира, «было убито множество андалялъцев», а оставшиеся в живых «побеждены и повергнуты, униженные, смиренные и покорные, всему тому, что Гази-Мухаммед им приказывал» [124].

Тогда же, в феврале 1830 г., жертвой народного гнева едва не стал молодой Шамиль, ученик и соратник Гази-Мухаммеда. Когда после поражения мюридов под Хунзахом он приехал в аул Багуляль, жители последнего стали

---

[122] «Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи». М., 1941, стр. 196, 241, 245.

[123] Там же, стр. 41.

[124] Там же, стр. 41—42.

упрекать его в том, что он вместе с имамом разжигает междоусобную войну среди горцев, заставляя мусульман сражаться друг с другом вопреки Корану. Они «собрались против него, окружили его, сурово обошлись с ним и укоряли: «Эта междоусобица из-за вашего злополучия». Они сняли с него оружие и чалму и чуть не убили. Он спасся благодаря защите дервиша Нур Мухаммеда ал-Инхови» [125].

После гибели Гази-Мухаммеда имамом был провозглашен аварский бек Гамзат. И ему также приходилось утверждать свою власть не только пропагандой идей мюридизма, но и силой оружия. «Он кружил по селениям и городам с товарищами, наставляя, увещевая, приказывая и запрещая...» [126].

К таким же суровым и жестоким мерам прибегал и его преемник — третий имам Шамиль, при котором деспотический режим военно-теократического государства мюридов достиг своего апогея.

Недаром впоследствии великий русский революционер-демократ Н. А. Добролюбов, горячо сочувствовавший освободительной борьбе кавказских горцев, писал: «Популярность Шамиля во впечатлительных умах горцев исчезла уже задолго до его плена... Шамиль давно уже не был для горцев представителем свободы и национальности... Уважение к себе он поддерживал более страхом, нежели любовью: палач был при нем неотступно, и казни были непрестанны» [127].

Разумеется, ни реакционный характер идеологии мюридизма, ни корыстолюбие духовной знати, ни деспотизм имамов и произвол наибов не могут служить основанием для отрицания массового героизма и доблести, проявленных горскими крестьянами в борьбе против колониальной экспансии царизма. Надо лишь строго отличать исторически прогрессивную освободительную борьбу горского крестьянства от борьбы мусульманского духовенства за создание своего теократического по форме, феодального по социальной сущности государства — имамата.

Движение под флагом мюридизма было только одной из форм антиколониальной борьбы кавказских горцев.

---

[125] «Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи», стр. 43.
[126] Там же, стр. 61.
[127] Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. 4, М., 1937, стр. 155.

Попытки распространения мюридизма в Осетии и Кабарде успеха не имели. Среди адыгов мюридистские проповедники появились лишь в 40-х годах XIX в.

На Западном Кавказе царизм до 1829 г. не предпринимал широких наступательных операций. Дело ограничивалось лишь «поисками» черноморских казаков в целях наказания или запугиванья закубанских горцев. В той политической обстановке, какая в то время сложилась на Западном Кавказе, было слишком много поводов для взаимных обид и столкновений, а каждое такое столкновение подобно своеобразной цепной реакции вызывало другое, и в итоге ряд мелких, нередко случайных, конфликтов приводил к бесконечной, изнурительной вооруженной борьбе, тянувшейся годами и десятилетиями. В эту борьбу между казаками и закубанскими горцами вмешивались внешние силы.

В период русско-турецкой войны 1806—1812 гг. враждебным России зарубежным кругам было выгодно поддерживать состояние военной тревоги в бассейне Кубани, чтобы отвлекать и без того малочисленные на Кавказе русские войска, угрожать коммуникациям с Грузией и препятствовать десантным операциям русского флота на Черноморском побережье.

Но и после Бухарестского мира 1812 г. правительство султана продолжало засылать своих агентов на Западный Кавказ, чтобы возбуждать горцев против России.

Мусульманское духовенство не обладало среди черкесов таким авторитетом, как на Восточном Кавказе. Поэтому здесь ставка делалась в большей мере на экономическую заинтересованность адыгейских феодалов и старшин в морской торговле с Турцией.

Представители эксплуататорской верхушки адыге (черкесов) издавна были связаны с приезжавшими из Турции купцами, сбывая им на береговых рынках ценную древесину (тис, самшит), меха, кожи, шерсть и продавая в рабство пленных, захваченных при набегах.

«Между муллами и дворянами находится немалое число преданных турецкому правительству, с которым их связывает вера и торговые сношения»,— сообщал генерал Паскевич в своем обзоре политического положения на Западном Кавказе [128].

[128] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6234, л. 70.

При этом следует отметить, что более всего адыгейская знать была заинтересована в работорговле. Вследствие крайней примитивности способа производства и незрелости феодальных отношений она считала более выгодным сбыт рабов за море, чем непосредственную эксплуатацию их в своем хозяйстве. Работорговля являлась для адыгейских феодалов и богатых тфокотлей таким источником, который обогащал их не менее, чем присвоение продуктов труда подвластных им крепостных крестьян.

На почве традиционных торговых сношений и довольно развитого берегового обмена, естественно, возникали такого рода связи, благодаря которым адыгейская знать становилась проводником политического и идеологического влияния Османской империи на Северо-Западном Кавказе.

Вполне понятно, что после разрыва отношений с Россией правительство султана стремилось возможно шире распространить свое влияние среди закубанских горцев.

В 1826 г. в Анапу прибыл из Трапезунда новый паша Хаджи-Хассан-оглу, чеченец по происхождению [129]. Очевидно, правительство султана надеялось, что, будучи кавказским уроженцем, он сумеет наладить более тесный контакт с представителями местной горской знати.

5 сентября 1826 г. Хассан-оглу собрал в окрестностях Анапы старшин ближайших черкесских селений и потребовал от них принесения присяги на «верность падишаху» и уплаты дани на содержание турецкого гарнизона в Анапе. Но черкесские старшины заявили, что они «приняли мусульманство по доброй воле» и никогда никого из чужеземных монархов «не слушались», а потому не позволят, чтобы кто-либо «почитал бы их завоеванными» [130].

Тогда паша применил другие, испытанные методы. «С пособием красного сукна и прочих подарков» ему удалось через месяц добиться от некоторых старшин присяги на верность султану с условием, что «требовать податей с них не будут» [131]. Однако горские крестьяне, возмущенные предательством старшин, отказались признать эту

---

[129] ЦГИАГ, ф. 1025, оп. 2, д. 94, л. 15. Рапорт атамана Власова от 25 июля 1826 г.

[130] Там же, лл. 16—18. Донесение комиссара Тауш из Бугаза 7 сентября 1826 г.

[131] Там же, л. 20. Донесение комиссара Тауш от 17 сентября 1826 г.

сделку и, прекратив всякие сношения с турками, фактически блокировали Анапу. Обвиняя черкесов в «непостоянстве» и нарушении присяги, Хассан-оглу стал угрожать «силой привести их к покорности», но не решился осуществить это намерение [132].

По данным русской разведки, «анапский паша выезжал в натухайский народ приводить оный к присяге в повиновении узденям и ...когда чернь от того отказалась, то уздени и некоторая часть народа сего названия, давшие в подданстве турецкому правительству присягу, сделали с упорствовавшими в присяге драку, а паша, уклонясь с бывшею при нем турецкою конницею в сторону, посмотрел на драку и поехал обратно в Анапу, не сделавши при сем случае из власти своей никакого употребления» [133].

Впоследствии Хассан-оглу неоднократно пытался через посредство местных феодалов подчинить своему влиянию черкесов. Накануне войны с Россией «темиргоевские и абазинские князья получили от анапского паши повеление, чтобы они готовились всем нужным: лошадьми, воинским вооружением, и чтобы по первому требованию его готовы были выступить в поход против России» [134].

Но если представители местной эксплуататорской верхушки готовы были служить султану, то широкие массы горского крестьянства отказывались признать себя его подданными. Более того, агрессивные действия паши и его клевретов заставляли трудящихся горцев искать защиты и покровительства России. Так, после упомянутой выше «драки» среди натухайских черкесов, и «шапсугский простой народ, уверившись, что и он не избегнет принуждения к подобной присяге (турецкому султану.— *А. Ф.*), принял непременное намерение с натухайцами просить защиты у нашего правительства и дал обещание явиться для сего к 12 числу на Великолагерный меновой двор» [135]. Позднее

---

[132] Там же, л. 24. Письмо Хассана-оглу к генералу Сысоеву от 16 сентября 1826 г.

[133] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3976, л. 17. Рапорт командующего войсками на Кавказской линии генерала Эммануэля от 17 февраля 1827 г.

[134] ГАКК, ф. 249, св. 166, д. 1026, л. 14. Рапорт комиссара Редутского карантина атаману Бескровному от 8 февраля 1828 г.

[135] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3976, л. 17. Рапорт генерала Эммануэля от 17 февраля 1827 г. Год спустя князь Пшекуй Могукоров сообщал: «половинная часть простых черкес согласна пристать к

туда же прибыли «доверенные от абадзехского народа». О них местный начальник сообщал: «Отказавшись совершенно от повиновения паше Анапскому, они полагают всю надежду на Россию, от которой ищут пропуска за Кубань всех припасов, в коих они будут иметь нужду, и уверяют не только жить миролюбиво, но даже стараться отклонять всякие злонамеренные других народов против России предприятия» [136].

Сообщая об этом по начальству, командующий русскими войсками на Кавказской линии генерал-лейтенант Эммануэль писал: «Я, сделавши нужное наставление генерал-майору Сысоеву [137] на счет приема сих народов, предписал ему немедленно уведомить меня о требованиях, какими будет сопровождаться испрашиванье ими российского покровительства» [138].

Однако царские военачальники не проявили должной энергии в вопросе о принятии под протекторат России натухайцев и шапсугов, не желая, видимо, вести переговоры с «простым народом» и потакать его выступлениям против местной аристократии. В результате тогда этот вопрос так и не получил своего разрешения.

Существенным образом изменилась политическая обстановка на Западном Кавказе после Адрианопольского мира.

Согласно статье 4-й мирного трактата, Османская империя лишалась всех опорных пунктов на Черноморском побережье Кавказа, включая Анапу и Поти и исключая Батум. Это не только пресекало ее экспансию в этом направлении, но и подрывало ее экономическое и политическое влияние среди горцев Северо-Западного Кавказа. Резко сократилась процветавшая здесь ранее и поощрявшаяся анапскими пашами работорговля, а также меновая торговля самшитом, пушниной, кожей, которую вели горцы на

России и жить мирно, а другая половина по приглашению дворян — к туркам» (ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 975, л. 86).

[136] ГАСК, ф. 79, оп. 1, св. 38, д. 528, л. 20. Рапорт генерал-майора Сысоева от 3 августа 1827 г. См. также рапорт генерал-майора Сысоева от 8 февраля 1827 г., хранящийся в ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6222, л. 8, излагающий секретное донесение лазутчика Лепстача Петуапа, прибывшего к Сысоеву 6 февраля «с пятью человеками простых черкес».

[137] Командующий русскими войсками в Черноморье.

[138] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3976, л. 17.

береговых базарах с приезжавшими из Анатолии купцами. Упал и политический престиж протурецки настроенных феодально-клерикальных элементов среди широкой массы адыге (черкесов). Ослабело влияние религии ислама, которое и без того не было прочным на Западном Кавказе.

В силу указанной статьи Адрианопольского трактата правительство султана Махмуда II отказывалось от всяких притязаний на все территории, которые лежали севернее новой пограничной линии, признавая их «вечным владением Российской империи». Но в состав этих территорий входили и земли кавказских горцев, находившихся не в подданстве султана, а лишь в сфере его политического влияния. Если старшины натухайских аулов, расположенных поблизости от Анапы, иногда еще приносили присягу «падишаху» (нарушая ее потом при первом же удобном случае), то подавляющее большинство адыге (черкесов) никогда не принимало на себя никаких вассальных обязательств по отношению к турецким султанам и не считало себя их подданными. Поэтому прав был К. Маркс, который писал, что «Турция не могла уступить России то, чем не владела сама». Он подчеркивал тут же, что «Черкесия всегда была настолько независима от Турции, что в то время как в Анапе еще имел местопребывание турецкий паша, Россия заключала соглашения с черкесскими вождями о прибрежной торговле» [139].

Вполне понятно, что и сами кавказские горцы не считали имеющим силу трактат, заключенный без их участия. Они не желали признавать власти русского царя, как не признавали прежде власти турецкого султана. Русский офицер, нелегально побывавший среди черкесов, рассказывал потом, что они говорили ему: «Мы и наши предки были совершенно независимыми... Султан нами не владел и потому не мог нас уступить». Этот же офицер сообщал о таком эпизоде. Когда один русский генерал пытался объяснить горцам, что султан уступил Кавказ царю в дар, слушавший его старик-горец показал на вспорхнувшую с дерева птичку и сказал: «Дарю тебе ее, возьми, если можешь» [140].

---

[139] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 541.

[140] Н. Торнау. Воспоминания кавказского офицера. СПб., 1864, стр. 5—6.

Несмотря на это, царизм считал статью 4-ю Адрианопольского трактата юридическим основанием для присоединения к России земель тех горских племен и народностей, которые до того времени оставались еще вне административно-политического контроля русских властей Мнение самих горцев царя и его наместников не интересовало. Присоединение территории, находившейся между Кубанью и берегом Черного моря и заселенной преимущественно адыге, мыслилось в Петербурге не иначе, как в форме завоевания. В полном соответствии с военно-феодальными методами своей политики на Кавказе Николай I, поздравляя Паскевича с окончанием русско-турецкой войны, писал ему: «Кончив, таким образом, одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнейшее — усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных» [141].

Реализуя эту директиву, Паскевич еще в начале 1830 г. разработал план экспедиции, целью которой являлось «проложение и основание сухопутного по берегу Черного моря сообщения от крепости Анапы до Поти» [142].

Зная, что на Черноморском побережье Кавказа сильно влияние протурецких элементов, Паскевич предугадывал что «движение наших войск... может встретить (там) большие затруднения и даже быть сопряжено с кровопролитием» [143]. Тем не менее он выделил для участия в намеченной экспедиции всего около двух с половиной тысяч штыков и сабель при восьми легких орудиях. И когда этот небольшой отряд в июле 1830 г. попытался было продвинуться на северо-запад от Сухуми, ему действительно пришлось «встретить большие затруднения». Первые два приморских пункта — Бомборы и Пицунда — были, правда, заняты без сопротивления, но высадка десанта в Гаграх потребовала уже больших усилий.

Для горцев Северо-Западного Кавказа Гагры являлись воротами в Абхазию, через которые они вторгались туда

---

[141] Щербатов. Указ. соч., т. II, стр. 229.

[142] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6234, л. 14—15. Отношение Паскевича к управляющему Главным штабом графу Чернышеву от 16 января 1830 г.

[143] Там же, л. 64. Предписание Паскевича генералу Гессе от 28 марта 1830 г.

для набегов на мирные абхазские селения. Поэтому убыхские старшины не имели желания уступать этот важный в стратегическом отношении пункт русским. Высаженный 9 июля на берег батальон егерей овладел Гагринским проходом, но тотчас вынужден был перейти к обороне, будучи контратакован двухтысячным отрядом горцев, собранным убыхским «владельцем» Хаджи-Берзеком, известным своей протурецкой ориентацией [144].

Упорная борьба за «Кавказские Фермопилы», как называл Гагры Паскевич, продолжалась непрерывно более месяца. При поддержке огня двух бригов русский десантный отряд отстоял построенное под пулями врага Гагринское укрепление. Но на этом так называемая «Абхазская экспедиция» и закончилась. Паскевичу пришлось признать неудачу этой широко задуманной, но плохо подготовленной экспедиции. Разумеется, он постарался позолотить пилюлю, сославшись на то, что успешному завершению «Абхазской экспедиции» помешало якобы приближавшееся «осеннее равноденствие, сопровождаемое обыкновенно на Черном море сильными бурями» [145].

В результате береговая полоса между Гаграми и Анапой осталась не занятой русскими войсками. Для полной реализации той части 4-й статьи Адрианопольского трактата, которая признавала восточный берег Черного моря владением России, понадобилось еще более тридцати лет. То самое «сухопутное сообщение», которое Паскевич думал «проложить» между Поти и Анапой в 1830 г., в действительности было установлено только в 1864 г., т. е. тридцать четыре года спустя.

Вначале многие горцы склонялись к тому, чтобы признать покровительство России и наладить с русскими властями мирные отношения. Так, в 1831 г. происходило собрание шапсугских и натухайских старшин в ущелье реки Адагум, часть которых высказалась за переход под протекторат России [146].

Однако выдвижение русских кордонов за Кубань (в долины рек Афипс и Шебше), а также постройка в 1831 г. приморского укрепления на берегу Геленджикской бухты

---

[144] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6339, л. 20. Рапорт Паскевича от 15 сентября.

[145] Там же, л. 16. Рапорт Паскевича от 26 августа 1830 г.

[146] АКАК, VII, стр. 902.

обострили положение. Обычная практика царских колонизаторов — массовые репрессии по принципу «круговой поруки», всевозможные «поиски», карательные экспедиции, контрибуции, конфискации скота и прочего имущества — вызывала стихийное возмущение свободолюбивых горцев.

Их борьбу против завоевательной и колониальной политики тотчас использовали соперничавшие с Россией державы. Еще в 1830 г. возле Анапы тайно высадился в сопровождении 20 турок натухайский князь Сефер-бей Заноко, который раньше действовал среди черкесов по заданиям анапского паши, при взятии впоследствии был плен русскими, а потом эмигрировал в Турцию. Возвратившись на родину, он стал еще более энергично призывать своих соплеменников не прекращать войны против России. В 1813 г. Сефербей, однако, предпочел опять уехать в Константинополь, самозванно объявив себя там «депутатом черкесского народа» [147]. В 1833 у брегов Кавказа русскими сторожевыми судами был задержан корабль, на борту которого находилась группа лиц во главе с турецким полковником Али-беем. Посещая различные пункты Кавказского побережья, он внушал горцам «надежды на помощь турецкого султана» [148].

Позднее на Северо-Западном Кавказе развернули свою подрывную деятельность английские эмиссары.

Стараясь во что бы то ни стало помешать России утвердиться на Кавказском побережье Черного моря, связанные с колониальной торговлей круги английской буржуазии не жалели средств для политических диверсий на Западном Кавказе. Британское посольство в Константинополе стало центром организации подрывной деятельности среди кавказских горцев. По словам турецкого офицера, «англичане... ничего не щадили, чтобы внушить черкесам недоброжелательство к России и вовлечь их в войну с русскими. Главная квартира интриг находилась в Константинополе» [149].

Летом 1834 г. на Кавказском побережье в районе Туапсе побывал известный русофоб Дэвид Уркуарт, который вскоре занял пост секретаря британского посольства в

---

[147] «Кубанский сборник», т. X, стр. 12.
[148] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6286, л. 6—7.
[149] «Кавказский сборник», т. 2. Тифлис, стр. 206. Воспоминания майора Осман-бея.

Константинополе, совмещая обязанности дипломата и главного резидента английской разведки на Ближнем Востоке. Выступая под именем Дауд-бея, он всячески старался расположить к себе и членов турецкого правительства, и приезжавших в турецкую столицу представителей черкесской знати. Русский посол в Константинополе сообщал, что Уркуарт носит турецкий костюм и «имеет вид и повадки скорее тайного эмиссара, чем дипломатического представителя» [150].

В мае 1835 г. на Кавказ был командирован капитан Лайонс, а в 1836 г. туда направился журналист Эдмунд Спенсер. Одновременно с ним у черкесов побывал племянник Уркуарта — британский офицер Стюарт, а затем еще два офицера — капитан Морринг и лейтенант Иддо. В 1837 г. в район Геленджика прибыл с грузом пороха английский коммерсант Джемс Белл, выдававший себя за посланника короля Великобритании [151].

Снабжая горцев оружием и боеприпасами, английские эмиссары подстрекали их к нападениям на русские укрепления, строившиеся на побережье Черного моря между Сухумом и Анапой. Конечно, эти призывы вряд ли нашли бы отклик среди горцев, если бы действия самих царских военачальников не вынуждали их на борьбу. Дело заключалось в том, что, занимая устья впадающих в Черное море рек и запрещая горцам появляться на побережье, русские гарнизоны лишали горских крестьян возможности пользоваться расположенными здесь зимними пастбищами. Это приводило к массовому падежу скота во время морозов и снегопадов, а значит, подрывало и без того недостаточно мощное хозяйство горцев. Кроме того, блокируя побережье, русские войска и флот мешали горцам поддерживать торговые сношения с заморскими купцами, хотя для всех приморских черкесских племен береговая торговля была единственной возможностью приобретать не только предметы роскоши, но и такие необходимые товары, как соль, оружие, стекло и пр.

Не удивительно, что населявшие Кавказское побережье от Гагр до Анапы племена садзов (джигетов), убыхов, шапсугов и натухайцев (патхкуаджей) оказывали сильное

---

[150] «Красный архив», 1940, № 5, стр. 204.
[151] ГАКК, ф. Черноморской береговой линии, д. 16, л. 41—42.

сопротивление русским десантным отрядам, которые высаживались для сооружения береговых укреплений. Понадобились большие усилия и немалые жертвы для того, чтобы в течение трех лет (1837—1839 гг.) воздвигнуть на этом участке протяженностью 500 км семнадцать фортов, составивших так называемую «Черноморскую береговую линию». Но и после этого борьба не прекратилась.

Девять батальонов, расчлененных поротно в небольших изолированных укреплениях, постоянно находились в осаде, каждую ночь ожидая нападения. Заготовка сена, хвороста, иногда даже подвоз свежей родниковой воды — все это сопровождалось перестрелками, а то и рукопашными схватками. Помимо боевых потерь, береговые гарнизоны таяли от жестокой малярии, цинги и тифа. «Сухумская крепость,— писал современник,— казалась каменным гробом. Нельзя было встретить ни одного свежего, здорового лица... В Сухум ежегодно посылалось 16 процентов штатного числа нижних чинов на укомплектование, т. е. средняя жизнь считалась там почти в шесть лет» [152].

В этих условиях Черноморская береговая линия, конечно, не могла оправдать возлагавшихся на нее надежд. Блокада Западного Кавказа с моря не достигла цели.

В 1837 г. Николай I совершил морскую поездку вдоль Кавказского побережья. Он видел громады гор, круто спускавшихся к морю, густые леса, одевавшие их склоны, глубокие ущелья, пустынный каменистый берег. Но он не видел ни шумных городов, ни селений, ни пашен. Вряд ли он даже мог заметить те невысокие, поросшие колючим кустарником земляные валы, за которыми отсиживались в сырых землянках обреченные на смерть солдаты. И уж, конечно, его не встречали коренные обитатели этого сурового края, которые, согласно букве Адрианопольского трактата, считались его верноподданными.

Трудно сказать, о чем думал царь, глядя на берег с палубы маленького корабля. Вспоминал ли он о своей директиве, данной за восемь лет до того Паскевичу? Во всяком случае до «усмирения навсегда горских народов» было тогда еще далеко. «Кавказская война» еще только вступала в свою решающую фазу.

---

[152] «Русский архив», 1884 г., стр. 211. Воспоминания Г. Филиппсона.

3. «КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА» И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

В связи с активизацией политики царизма на Кавказе происходившие там события, естественно, все более интересовали русское общество.

Сначала дело ограничивалось стремлением русской интеллигенции расширить свои представления о природе этого отдаленного края и населявших его народах. Поэтому появлявшиеся в русской периодической прессе статьи и заметки о Кавказе имели преимущественно описательный характер. Разумеется, при том уровне кавказоведения познавательное значение этих материалов было не очень велико.

Авторами подобных обзоров были, как правило, русские офицеры и чиновники, побывавшие на Кавказе. Так, в 1805 г. на страницах журнала «Вестник Европы» были опубликованы два письма из Грузии, принадлежавшие перу служивших там русских офицеров Воронченкова и Басина [153]. В следующем году «Санкт-Петербургский журнал» познакомил своих читателей с «Кратким обозрением Имеретии, Мингрелии и Летчгума». Автором его являлся статский советник П. М. Литвинов, который в 1803—1804 гг. вел дипломатические переговоры с владетелями Западной Грузии, а потом был полномочным представителем русского правительства при дворе имеретинского царя Соломона II [154].

Ряд статей о народах Кавказа и общий этнографический обзор под названием «Кавказские народы» был напечатан в «Географическом словаре Российского государства» Л. М. Максимовича и А. Щекатова, издававшемся в Москве в 1801—1809 гг.

Истории Грузии была посвящена книга преподавателя Александро-Невской духовной академии ученого монаха Евгения (Евфимия Болховитинова), вышедшая в свет в Петербурге в 1802 г. под названием «Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ее состоянии». Три года спустя, в 1805 г., в Петербурге была издана на русском языке «Краткая история Грузии» высланного в Россию грузинского царевича Давида.

---

[153] «Вестник Европы», 1805, ч. XXII.
[154] «Санкт-Петербургский журнал», 1806, № 1.

Дворянская общественность живо откликалась на военные акции царизма в Закавказье, приветствуя боевые успехи русских войск. Свидетельством этого является известная ода Г. Р. Державина «На возвращение из Персии через Кавказские горы графа В. А. Зубова». Верный типичной для классицизма патетической манере, поэт восхвалял военачальника, проведшего русские войска через труднодоступные районы отдаленного края и тем умножившего летопись боевых подвигов русского оружия:

«О юный вождь, сверша походы,
Прошел ты с воинством Кавказ,
Зрел ужасы, красы природы...»

С началом военных действий между Россией и ее новыми соседями в Закавказье в русской прессе стали появляться сообщения военных корреспондентов. Такие события, как взятие русскими войсками Анапы, Поти, Сухума и других неприятельских крепостей, довольно широко освещались на страницах русских журналов того времени. Новые территориальные приобретения за Кавказским хребтом рассматривались представителями дворянской журналистики в свете противоречий, назревавших между Россией и другими европейскими державами на Среднем Востоке. Значение заключенных мирных трактатов оценивалось с точки зрения того, насколько они укрепляют престиж и влияние Российской империи. Так, Гюлистанский мир 1813 г. русская пресса приветствовала по той причине, что он «доставляет России господство над Кавказом и Каспийским морем» [155]. При этом подчеркивалось, что плацдарм, завоеванный в Закавказье, обеспечит дальнейшие успехи внешней политики России в восточном вопросе. Недаром издававшийся Н. И. Гречем журнал «Сын отечества» расценивал Гюлистанский мир как «славный мир, утвердивший сильный перевес России в Азии» [156].

Когда русский царизм практически приступил к завоеванию горной полосы Северного Кавказа, то консервативно-дворянская журналистика в целях оправдания такого политического курса стала усиленно пропагандиро-

---

[155] «Исторический журнал», 1818, ч. IV, № 3, стр. 163.
[156] «Сын отечества», 1815 г., ч. VII, стр. 33.

вать типичную для апологетов колониализма идею о якобы цивилизаторской роли подобных завоеваний. Настойчиво проводилась мысль о том, что кавказские горцы — это «дикари» и «хищники», которых русский царизм хочет облагодетельствовать, включив в число подданных своей империи. Подобные рассуждения находились в полном соответствии с той официальной точкой зрения, которую выражали правительственные деятели, всячески третировавшие коренное население Кавказа. Достаточно вспомнить, как отзывался о кавказских народах первый «правитель Грузии» П. И. Коваленский. В своей «Записке о Грузии», датированной 1800 г., он писал: «Прочие расселенные по хребту Кавказа народы, Грузию окружающие, суть клочки разноплеменных хищников, как-то: кистинцы, осетинцы, дигорцы и пр.» [157].

Представители консервативно-дворянского направления в кавказоведении в свою очередь старались доказать, что отсталость кавказских горцев обусловлена не преходящими историческими обстоятельствами, а врожденными их свойствами. «Нравы людей, можно сказать, диких, живущих между стремнинами и снежными горами, должны быть грубы»,— писал С. М. Броневский, бывший правитель канцелярии главноуправляющего Грузией и автор самого солидного историко-этнографического сочинения о Кавказе из всех, какие знала русская кавказоведческая литература в первой трети XIX в. [158]

Разумеется, такого рода рассуждения имели целью заставить читателя поверить в цивилизаторскую и культуртрегерскую миссию царизма на Кавказе. Тысячи лет Кавказ прозябал во мраке невежества. Только век Екатерины впервые «озарил сию волшебную страну светом истины» [159]. Такова была концепция Броневского и его единомышленников.

Влияние этой великодержавной концепции сказывалось не только на русской журналистике и публицистике, но также и на художественной литературе. Даже склонный иногда к либерализму В. А. Жуковский писал о горцах, что они,

---

[157] «Кавказский этнографический сборник», т. I, стр. 294.
[158] С. Броневский. Указ. соч., стр. 32.
[159] Там же, стр. VIII.

«Как серны, скачут по горам,
Бросают смерть из-за утеса...»,

а в часы затишья и отдыха покуривают возле очага

«И об убийствах говорят,
Иль хвалят меткие пищали,
Из коих деды их стреляли,
Иль сабли на кремнях острят,
Готовясь на убийства повы...» [160]

Тем самым не только оправдывалась цель покорения Кавказа, но и военно-феодальные методы завоевательной политики, ибо с такими людьми, которые только и живут ради войны, только и думают об убийствах, невозможно поступать иначе. На страницах газет, журналов, повестей и романов бесконечно варьировалась, по существу, одна и та же мысль, которую позднее с предельной четкостью выразил Н. Ф. Дубровин: «В здешнем краю и добро надо делать насилием» [161].

Царизм неуклонно придерживался курса на покорение кавказских горцев силой оружия, предпочитая методы военного давления и насильственного подчинения всем другим способам распространения своего владычества. Военный министр Николая I граф А. И. Чернышев откровенно заявлял: «План усмирения кавказских племен основан на той главной мысли, что ...единственным средством к достижению этой цели признана, как то иначе и быть не могло, сила оружия» [162].

Однако первые же неудачи в ходе «Кавказской войны» породили в кругах сановной знати и военной бюрократии известные сомнения в правильности такого прямолинейного и упрощенного подхода к сложной политической проблеме. Дело было не только в том, что непрерывные «поиски» и «экспедиции» против горцев влекли за собой большие потери в людях и вызывали рост военных расходов, опустошая и без того не слишком богатую государственную казну. Главное, пожалуй, заключалось в их оперативной бесплодности. Достигавшиеся ценой серьезных жертв незначительные тактические успехи не приво-

---

[160] В. А. Жуковский. Послание к Воейкову.
[161] Н. Ф. Дубровин. Указ. соч., т. I, стр. 14.
[162] АКАК, IX, № 252.

дили к коренным изменениям общей обстановки на театре войны, не обеспечивали стратегического выигрыша.

Война, не знавшая крупных сражений и состоявшая из длинной серии расчлененных во времени и пространстве действий мелких подвижных отрядов, иногда приобретавших полупартизанский характер, такая война не обещала скорой победы. Она принимала форму упорной и затяжной борьбы на истощение, которая могла длиться годами, десятилетиями, и в самом деле длилась не менее полувека.

Поэтому не удивительно, что наиболее дальновидные и обладавшие широким кругозором царские сановники, а также немногие, не потерявшие способность критического восприятия действительности военные деятели начинали постепенно понимать бесперспективность войны на Кавказе. Более того, они убеждались, что причиной порочности стратегии является нереальная политика, или попросту недооценка сил и возможностей противника.

Едва ли не первым высказал сомнение в правильности политического курса, принятого царским правительством в отношении Кавказа, адмирал Н. С. Мордвинов, известный не столько как флотоводец, сколько как публицист и общественный деятель. Выдающийся представитель русской экономической мысли, а впоследствии президент Вольного экономического общества, он являлся идеологом той части помещиков, которые стремились приспособиться к новым условиям хозяйствования при сохранении крепостного права, а потому ратовал за поощрение развития промышленности и торговли. Указывая на крупное значение, какое может иметь Кавказ для освоения «плодороднейших пределов России, согреваемых теплейшими лучами солнца», а также для прокладывания путей к азиатским рынкам, Мордвинов предлагал изменить характер и методы политики в отношении кавказских народов. По его мнению, следовало немедленно приступить к широкому экономическому завоеванию Кавказа путем вовлечения его населения в орбиту хозяйственной жизни России. Он считал такой путь гораздо более эффективным и выгодным для русского государства, чем любые военные операции. Подобные мысли были высказаны им в записке, озаглавленной «Мнение о способах, коими России удобнее можно привязать к себе постепенно кавказских жителей, чем покорять их силой оружия». Мордвинов писал, что для

постепенного сближения кавказцев с Россией «должно увеличить число вещей, им потребных, должно возродить в них новые желания, новые нужды, новые привычки, должно ознакомить их с нашими обычаями, нашими услаждениями, нашими увеселениями и умягчить суровую нравственность их нашим роскошеством, сблизить их к нам понятиями, вкусами, нуждами и требованием от нас домашней утвари, одежды и всяких прихотливых изделий» [163].

Несмотря на утопический и даже несколько наивный характер некоторых высказываний Мордвинова, основное содержание его записки содержало вполне реальные предложения, принятие которых позволило бы избежать длительной и кровопролитной «Кавказской войны». Однако, хотя копия записки Мордвинова и была по распоряжению Александра I в 1816 г. направлена для ознакомления Ермолову, ни одно из его предложений не было принято. Это и понятно, ибо они находились в явном противоречии со всей системой политики царизма на Кавказе.

Скептицизм в отношении эффективности военных акций царизма на Кавказе ощущался и в высказываниях некоторых деятелей русской администрации этого края. Определенный интерес представляет датированная 1828 г. анонимная записка «О духе народа грузинского и о мерах, принятых к внутреннему сего края устройству». Автор записки не считал эти меры достаточными. Он указал на необходимость широких мероприятий, способных оживить экономическую жизнь Закавказья. В частности, он предлагал устроить образцовые сельскохозяйственные фермы, открыть в Тифлисе коммерческий банк, чаще практиковать организацию ярмарок и пр. [164].

Более явственно критические ноты звучат в составленной уже в начале 30-х годов XIX в. записке поручика Мирзы Магомедова. Будучи уроженцем Дагестана, он был хорошо знаком с особенностями социального строя кавказских горцев и упрекал царских военачальников за то, что они не вникают в общественную жизнь местного на-

---

[163] ЦГИАГ, ф. 2, д. 392, л. 24.

[164] К. В. Сивков. О проектах окончания Кавказской войны. «История СССР», 1958, № 3.

селения, а лишь возбуждают его недовольство различными экзекуциями, конфискациями скота и имущества, непомерными поборами и штрафами. По мнению Магомедова, русские администраторы скорее «успели бы покорить независимые племена Кавказа», если бы вместо этого военного грабежа поощряли бы горцев к развитию земледелия и мануфактурной промышленности, а также уничтожили бы рабство и наделили землей освобожденных рабов [165].

Еще более резкой критике политика царизма на Кавказе и практика царской администрации подвергались со стороны передовой русской интеллигенции.

Писатель-сатирик В. Т. Нарежный, служивший, с 1801 г. мелким чиновником в Тифлисе, был очевидцем того, как насаждался в Грузии режим колониального управления. Он заклеймил алчных и корыстолюбивых колонизаторов в своем романе «Черный год или горские князья».

В образе астраханского хана Самутдина современники без труда угадывали черты, присущие главнокомандующему Кноррингу, а в другом герое романа — князе Кайтуки — узнавали правителя Грузии Ковалевского.

Характеризуя хана Самутдина, автор говорит, что он «спокойно пригребает к себе жалованье военнослужащих» и, «уподобляя себя пастырю овец, властною рукою обстригает весь народ, а с упорствующих сдирает и кожи». Под стать ему и князь Кайтука. «Чем кто из подданных его был честнее, благонравнее, набожнее, тем необходимо становился злейшим врагом его. У него просят правосудия и наказания вероломству, а он думает только об умножении казны своей» [166].

Таким образом, первый же русский роман о Кавказе имел обличительный характер и антиколониальную направленность. Не удивительно, что царская цензура наложила на него запрет. Он был опубликован только после смерти автора в 1829 г.

Долгое время на Кавказе жил А. С. Грибоедов. По существу, все последнее, наиболее насыщенное событиями

---

[165] «Кавказский сборник», т. 32, ч. II. Тифлис, 1912, стр. 198—213.

[166] В. Т. Нарежный. Романы и повести, изд. 2-е, т. VI. СПб., 1836, стр. 172.

десятилетие его жизни было неразрывно связано с Кавказом. Женитьбой на грузинской княжне Нине Чавчавадзе он еще прочнее закрепил узы дружбы и братства, которые соединяли его с лучшей частью местного общества.

По словам современника (В. Н. Григорьева), горевавшего о гибели Грибоедова, «Грузия была настоящим поприщем его деятельности, здесь он провел лучшее время своей жизни в трудах литературных и по службе. Он любил Грузию так пламенно, так чисто, как редкие любят даже родину свою» [167].

В. Г. Белинский подчеркивал, что не случайно «Грибоедов создал на Кавказе свое «Горе от ума»: дикая и величавая природа этой страны, кипучая жизнь и суровая поэзия ее сынов вдохновили его оскорбленное человеческое чувство на изображение апатического, ничтожного круга Фамусовых, Скалозубов, Загорецких, Хлестовых, Тугоуховских, Репетиловых, Молчалиных — этих карикатур на природу человеческую» [168].

Начало службы Грибоедова на Кавказе совпало с активизацией военных действий против горцев. Будучи очевидцем жестоких репрессий против непокорных кабардинцев, он начинает задумываться о том, насколько могут такие методы завоевательной политики обеспечить достижение поставленной цели — присоединение Кавказа к России?

В стихотворении «Хищники на Чегеме» этот вопрос по воле поэта задают сами горцы:

«Наши камни, наши кручи!
Русь! Зачем вонзишь ты
Вековые высоты?
Досягнешь ли?..»

Грибоедов убежден, что присоединение к России отвечает интересам самих горцев. С глубоким уважением отзывается он о старике-кабардинце Кучуке Джанхотове, который остался другом русских, несмотря на то, что его сын, «не разделяя любви отца к России», участвовал в набегах на Кавказскую линию и пал от руки русского солдата.

Но вместе с тем Грибоедова возмущают жестокости царских военачальников. Призраки войны преследуют его.

---

[167] «Грибоедов в мемуарах современников». М., 1929, стр. 221.
[168] В. Г. Белинский. Собр. соч., т. I. М., 1948, стр. 692.

В письме к другу он рассказывает о расправе с восставшими горцами: «Двух при мне застрелили, других заключили в колодку, загнали сквозь строй, на одного я третьего дня набрел за рекою, висит и ветер его медленно качает». О походе в Чечню Ермолова Грибоедов отзывается так: «Это борьба горной и лесной свободы с барабанным просвещеньем»...

Такие сцены на Кавказе были тогда нередкими. Грибоедов мучительно переживал их. В результате глубокого раздумья он приходил к выводу: «Действовать страхом и щедротами можно только до времени, одно строжайшее правосудие мирит покоренные народы с знаменами победителей» [169].

В беседах с Ермоловым и Паскевичем, в записках и докладах Грибоедов выступал в защиту прав угнетенных царизмом народов Кавказа, советуя «равно благотворить всем своим подданным, какой бы они нации ни были» [170]. Он понимал, насколько трудно убедить царских администраторов отказаться от традиционных военно-феодальных приемов управления подвластными народами. «Боже, какие у нас здесь генералы! — с горечью писал Грибоедов.— Они точно нарочно созданы для того, чтобы еще более укрепить мое отвращение к чинам и отличиям» [171].

Очень редко можно было слышать в канцеляриях империи Романовых такие слова, с какими обращался Грибоедов к своим непосредственным начальникам: «Не навязывайте здешнему народу не соответствующих его нравам и обычаям законов, которых никто и не понимает и не принимает. Дайте народу им же самим выбранных судей, которым он доверяет. Если возможно, то не вмешивайтесь в его внутреннее управление, пусть в органах управления и в суде присутствуют депутаты, назначенные правительством, а в остальном не прибегайте ни к какому насилию» [172].

Недаром впоследствии прогрессивный грузинский общественный деятель Д. Эристави писал о нем: «Грибоедов был одним из первых русских, с любовью отнесшихся

---

[169] А. С. Грибоедов. Сочинения, стр. 574—575.

[170] Цит. по кн.: И. Тресков. Творческое содружество. Нальчик, 1956, стр. 40.

[171] А. С. Грибоедов. Сочинения, стр. 510.

[172] «Квали», 1896, № 2.

к нашему краю, трезво смотрел на его будущность и горячо сочувствовал его судьбам. Он одним из первых, если не первым, сумел понять, что на Кавказе живут и будут жить люди, достойные симпатии, поддержки и любви со стороны всех порядочных людей русской земли» [173].

Заботясь о расширении мирных, экономических связей Кавказа с Россией, Грибоедов утверждал, что «ничто не скрепит так твердо и нераздельно уз, соединяющих россиян с новыми их согражданами по сю сторону Кавказа, как преследование взаимных и общих выгод» [174]. Этот тезис и послужил исходным пунктом разработанного Грибоедовым проекта создания «Российской Закавказской компании». В записке, посвященной этому проекту, дан был критический обзор экономического развития Закавказья за четверть века, прошедшую с момента присоединения Грузии к России.

Упрекая царских администраторов в том, что они не заботились о «благе народа», а лишь требовали «послушания» и денег «на содержание пограничных караулов, на городские расходы, на квартирование войск», Грибоедов писал, что «сие состояние противуестественно и не может продлиться».

Не колониальных рабов, но равных с русскими граждан одной великой державы видел Грибоедов в коренных обитателях Кавказа. «Товарищи в заведениях, в торговле, в рассылках, в комиссиях нечувствительно сделаются такими же и в домашней своей жизни... Мирные и приятные сношения для собственных выгод, обоюдные услуги всякого рода водворят некоторое равенство между членами одного и того же общества» [175].

Грибоедов был не единственным представителем русской интеллигенции, осуждавшим колониальную политику царизма. В 1818—1822 гг. на Кавказе служил сосланный туда за «вольнодумство» А. А. Шишков. Впоследствии в неоконченном романе «Кетевана или Грузия в 1812 году» он дал яркую картину социально-политической жизни Грузии начала XIX в. Осуждая сепаратистские замыслы корыстолюбивых грузинских феодалов и колониальный произвол царских администраторов, писа-

---

[173] «Заря Востока», 1940, № 12.
[174] А. С. Грибоедов. Сочинения. М., 1953, стр. 636.
[175] Там же, стр. 637.

тель сочувственно изображает тяжелую жизнь грузинского крестьянства и показывает нарастание стихийного протеста масс против усилившегося угнетения.

Как отмечает литературовед В. Шадури, «крестьянское восстание противопоставляется Шишковым узко конспиративному заговору реакционной феодальной аристократии. Не заговор грузинских князей страшен для царизма, а «народное волнение». Достойно внимания, что Шишков осуждает и клеймит как царских чиновников, так и князей, а «народное волнение» не только не осуждает, а даже оправдывает» [176].

Дважды посетил Кавказ в 20-х годах XIX в. великий русский поэт А. С. Пушкин. Его первый приезд туда был ознаменован романтической поэмой «Кавказский пленник», замысел которой сложился под впечатлением картин, которые поразили поэта в кавказских предгорьях. Второй приезд на Кавказ Пушкин запечатлел в реалистическом произведении «Путешествие в Арзрум».

Благодаря Пушкину впервые в русской литературе кавказские горцы предстали мирными тружениками, которых лишь угроза порабощения заставляет браться за оружие.

«Уж меркнет солнце за горами,
Вдали раздался шумный гул,
С полей народ идет в аул,
Сверкая светлыми косами...»

До того никто из русских литераторов так не писал о кавказских горцах. Подобно своему герою, Пушкин

«...наблюдал
Их веру, нравы, воспитанье,
Любил их жизни простоту,
Гостеприимство, жажду брани,
Движений вольных быстроту...»

В заключительных строфах поэмы «Кавказский пленник» наряду с мыслью об исторической неизбежности включения Кавказа в состав России подчеркивается стойкость и отвага горцев:

---

[176] «Русские писатели о Грузии». Составил В. Шадури (далее — В. Шадури). Тбилиси, 1948, стр. 478.

«Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно,
Но не спасла вас наша кровь,
Ни очарованные брони,
Ни горы, ни лихие кони,
Ни дикой вольности любовь!»

Вместе с тем, поэт высказывает уверенность в том, что скоро

«.....Кавказ
Забудет алчной брани глас,
Оставит стрелы боевые...»

Погаснет зарево войны над вершинами гор, и для всех обитателей сурового края взойдет, наконец, солнце мира и прогресса.

Такова оптимистическая концовка этой пушкинской поэмы, столь созвучной настроениям передовой части русской интеллигенции, живо интересовавшейся судьбами кавказских народов.

Не только величественные ландшафты кавказских гор, но и полная беззаветного героизма мужественная борьба вольнолюбивых горцев влекла на Кавказ лучших людей тогдашней России. Хорошо сказал об этом В. Г. Белинский: «С легкой руки Пушкина Кавказ сделался для русских заветною страною не только широкой, раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии страною кипучей жизни и смелых мечтаний! Муза Пушкина как бы освятила давно уже на деле существовавшее родство России с этим краем» [177].

И недаром впоследствии великий писатель земли русской Л. Н. Толстой с восторгом говорил о Кавказе: «Действительно хорош этот край дикий, в котором так странно соединяются две самые противоположные вещи: война и свобода» [178].

Большое место кавказская тематика занимала в публицистике, беллетристике, мемуарах и переписке русских дворянских революционеров. Некоторые из декабристов побывали на Кавказе еще до восстания 14 декабря 1825 г.,

---

[177] В. Г. Белинский. Собр. соч., т. III, стр. 438.
[178] Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. VI, М., 1936, стр. 279.

другие попали туда уже в качестве ссыльных. Кавказ был для них «теплой Сибирью». И все-таки тех, кто томился долгие годы в рудниках настоящей Сибири, Кавказ манил и красотой своей природы, и непрекращавшимся кипением борьбы, и возможностью ценой боевых отличий завоевать право возвращения на родину.

Всего на Кавказ оказались сосланными в персональном порядке 65 офицеров, в той или иной мере причастных к восстанию декабристов или к деятельности революционных декабристских обществ. При этом 38 из них, будучи разжалованными, начинали службу в кавказских полках рядовыми.

Кроме того, на Кавказ было сослано и большинство солдат, принимавших участие в декабрьском восстании 1825 г. В частности, из рядовых солдат гвардейских частей, вышедших по призыву офицеров-декабристов на Сенатскую площадь, был сформирован Сводный гвардейский полк, который целиком был отправлен на Кавказ и прибыл в августе 1826 г. в Тифлис в составе 38 офицеров и 1282 рядовых. Отдельными командами были отправлены в полки, расположенные в Грузии, солдаты Черниговского пехотного полка и других частей — участники восстания на Юге. Первая «партия» их, насчитывавшая 827 человек, прибыла в Тифлис в сентябре 1826 г. Позднее подошли туда и другие команды общей численностью около 700 человек. В итоге в рядах Отдельного Кавказского корпуса числилось к 1827 г. более 2800 «участвовавших в мятеже нижних чинов», как именовали тогда в официальных документах подвергнутых репрессиям солдат — участников декабрьского восстания [179].

Конечно, Кавказ поразил ссыльных декабристов прежде всего яркими красками и богатствами своей природы. Даже флегматичный и хладнокровный А. Е. Розен не мог не признать, что «природа здесь поставила памятник красоты и величия» [180].

Но более всего внимание невольных изгнанников привлекали люди, населявшие этот незнакомый для них край.

С горечью отмечая, что сведения о Кавказе «текут

---

[179] ЦГИАГ, ф. 1052, оп. 1, д. 77, лл. 4, 21—24, 38, 50; ф. 1106, д. 599, л. 19—20.

[180] А. Е. Розен. Записки декабриста. СПб., 1907, стр. 238.

к нам сквозь иностранное решето», и иронически отзываясь о сочинениях зарубежных кавказоведов, А. А. Бестужев писал: «Слова нет, чрезвычайно любопытно читать о новооткрытой на Кавказе божьей коровке, о невиданном досэле репейнике, о том, что разумели древние под именем Фаза и Камбиза, и отчего взялась басня о золотом руне Колхиды?.. Все это необходимо в области наук, но для человека самое нужное, самая поучительная статья есть человек, и нам бы хотелось лучше знать настоящие нравы, обычаи, привычки горцев, нежели играть в жмурки с древними меланхленами» [181].

Товарищ А. Бестужева по ссылке П. П. Беляев, проезжая по Военно-Грузинской дороге, пытливо вглядывался в разбросанные по склонам гор селения и размышлял об их обитателях. «В этих прилепленных к скале жилищах действительно живут люди»,— подчеркивал он и продолжал: «И тут бьются сердца радостью и любовью, и тут те же человеческие страсти и желания, мучения и отрада — словом, та же, только в различных формах, жизнь сынов человеческих, рассеянных по лицу земли для одной и той же цели жить, трудиться, печалиться, радоваться, любить» [182].

В период жесточайшей политической реакции и разгула великодержавного шовинизма, в обстановке кровопролитной и беспощадной «Кавказской войны», грубого произвола царских сатрапов и насилий местных крепостников подобные заявления звучали как проповедь подлинного гуманизма и всеобщего равноправия.

Ссыльный декабрист называл подобными себе людьми тех, кого в официальных кругах дворянской империи, в реакционной прессе, в литературе именовали не иначе, как «дикарями», «хищниками» и «разбойниками». И голос Беляева не был одиноким.

«Что сказать вам о племенах Кавказа? — спрашивал Александр Бестужев.— О них так много вздора говорили путешественники и так мало знают их соседи — русские. Наружность их величава: особенно черкесы отличаются гордою осанкой. Ступит ли, станет ли он,— это модель

---

[181] А. Марлинский. Полное собрание сочинений, т. 2. СПб., 1838, стр. 147.

[182] П. Беляев. Воспоминания декабриста. СПб., 1882, стр. 398.

Аякса или Ахиллеса... Все обнаруживает силу и свободу» [183].

И если он сравнивал черкесов с героями античной Эллады, а Беляев называл «очень красивым племенем» осетин и отмечал «большие способности к наукам у юных армян», то эти высказывания не были случайными и не являлись результатом беглых, поверхностных наблюдений.

Декабристам было чуждо высокомерное, пренебрежительное отношение к коренным обитателям Кавказа, характерное для чванливой петербургской знати и для тех отбросов российской бюрократии, которые заполняли административные учреждения Кавказского края. Уважая национальные традиции народов Кавказа, декабристы проявляли глубокий интерес к их богатому прошлому, их древней и своеобразной культуре, их языку, общественному и семейному быту, хозяйству, экономическому положению.

Видя по пути в Тифлис руины древних замков и храмов, Беляев писал в своем дневнике: «Сколько прелести и сколько интереса в этих безмолвных памятниках минувших времен, когда и здесь все кипели жизнью, деятельностью и обычною жизненною суетою. Смотря по многим развалинам повсюду, здесь было густое население, потому что необходимы были и руки, и капиталы, и искусство, чтоб вознести целые города на такие высоты. Кажется, что общего между протекшим и настоящим? И однако ж как сильно интересует мыслящего человека судьба прошедших поколений! Особенно в Грузии, где так много памятников глубокой древности, этот интерес особенно силен» [184].

Осматривая памятники Мцхета, бывшего «некогда столицей Грузии», он размышлял над историческими судьбами этой страны, говоря: «Грузинский народ занимает то место в нашем Старом Свете, где, как в ворота, проходили бесчисленные народы из Азии в Европу. Что должен был испытывать в разное время этот народ, чтобы удержаться в своей прекрасной стране! Сколько событий проходило перед ним, сколько кровавых битв он должен был выдер-

---

[183] А. Марлинский. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 150.

[184] П. Беляев. Указ. соч., стр. 398.

жать!.. Опасности и битвы должны были питать любовь к родине, святыне, воспитывать воинскую доблесть и мужество» [185].

Эти слова проникнуты горячей симпатией к грузинскому народу, который на протяжении веков героически отстаивал свою свободу и независимость от многочисленных иноземных захватчиков. Славное прошлое этого народа, его пламенный патриотизм, доблесть и мужество в борьбе с врагами, стойкость в годину испытаний — все это не просто привлекало внимание ссыльных декабристов, но рождало у них стремление ближе познакомиться с жизнью современной им Грузии, сблизиться с ее населением, узнать его нравы, обычаи, чаянья.

Сосланные на Кавказ декабристы, как правило, обязаны были являться в штаб Отдельного Кавказского корпуса, находившийся в Тифлисе. Следовательно, все они, независимо от своей дальнейшей судьбы, определявшейся назначением в ту или другую воинскую часть, проводили некоторое время в столице Грузии. Именно здесь, в Тифлисе, завязывали ссыльные декабристы знакомство с представителями передовой грузинской интеллигенции того времени. Этому немало способствовали их товарищи по ссылке грузин А. С. Гангеблов (Гангеблашвили), а также служившие в Кавказском корпусе офицеры-грузины Александр Чавчавадзе, Эристави, Андроникашвили, Сулханишвили, Авалишвили и др.

Гангеблов вспоминает, как в 1830 г. у него на квартире в Тифлисе жили декабристы Н. П. Кожевников, Ф. Г. Вишневский, а частыми гостями были братья Бестужевы, М. И. Пущин, и «еще кое-кто» [186].

Нередко бывали декабристы и в доме Александра Чавчавадзе. Их встречал там гостеприимный и радушный хозяин — выдающийся грузинский поэт и мыслитель, служивший в 1812 г. в армии Кутузова и продолжавший воинскую службу на Кавказе при Ермолове. Приветствовала их и хозяйка — чуткая и умная Саломэ Чавчавадзе. Видели они иногда и дочь ее Нину, которая была замужем за Грибоедовым и после его смерти осталась верна его памяти, запечатлев свою безутешную печаль в проникновенных

---

[185] П. Беляев. Указ. соч., стр. 399.

[186] Воспоминания А. С. Гангеблова. «Русский архив», 1886, № 2, стр. 102.

словах, высеченных на памятнике, воздвигнутом ею на могиле поэта: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?».

В доме Чавчавадзе или в других домах старого Тифлиса встречались декабристы с молодыми поэтами Орбелиани и Бараташвили, философом Додашвили и другими представителями прогрессивной грузинской общественности. Все они так или иначе сочувствовали ссыльным декабристам и проявляли к ним дружеское участие. Несомненно они встречались и с проживавшим в Тифлисе армянским просветителем Хачатуром Абовяном, основоположником новой армянской литературы и горячим сторонником теснейшего культурного общения армян с русским народом.

Откликаясь на волновавшую местную общественность проблему русско-грузинских отношений, Л. И. Одоевский написал стихотворение «Брак Грузии с русским царством». С присоединением к России Грузию уже не томит «кручина прежних пасмурных годов» — такова главная мысль этого произведения. Грузия — не колония, а братская страна, находящаяся в содружестве с Россией,— такими представлял себе поэт-декабрист русско-грузинские отношения.

В. Д. Сухоруков, Е. Лачинов, И. Г. Бурцов и другие декабристы активно сотрудничали в местной газете «Тифлисские ведомости». Не без их влияния эта газета вступила в борьбу с такими органами реакционной столичной прессы, как «Сын отечества» и «Северный архив». Полемика велась вокруг вопросов, связанных с освещением военных событий, происходивших на Кавказе, а также с характеристикой местной культурной жизни. Когда Ф. В. Булгарин поместил на страницах «Северного архива» письма некоего Х. Ш., иронически отозвавшегося о нравах и обычаях грузин, «Тифлисские ведомости» резко выступили против этого автора, выражая возмущение по поводу того, что он «дозволяет себе поносить оскорблением целую нацию» [187].

Хотя большинство ссыльных декабристов служило в частях, расквартированных в Грузии, по многим из них приходилось подолгу находиться в пределах Азербайджана и Армении. И здесь они с интересом знакомились

---

[187] В. Шадури, стр. 260—265.

с местным населением, нередко устанавливая дружеские отношения с его представителями.

Так, Александр Бестужев, который в течение четырех лет прожил в Дербенте, настолько хорошо изучил азербайджанский язык, что совершенно свободно объяснялся с коренными жителями этого города. С гордостью отмечал он, что азербайджанцы очень любят его за то, что он «не чуждается их обычаев и говорит на их языке». По свидетельству современника, Бестужев «никогда не отказывал в помощи словом и делом всякому нуждающемуся азиату», и поэтому, когда в 1834 г. ему пришлось покинуть Дербент, большая толпа местных жителей «провожала его верст за двадцать от города с песнями и плясками..., стараясь всячески выразить свое расположение к любимому Искендер-беку»[188].

Неоднократно встречался Бестужев с известным азербайджанским ученым и писателем Абас-Кули-ага Бакихановым, отзываясь о нем как о «просвещенном и милом человеке» и проявляя живейший интерес к его трудам по истории Азербайджана. В течение многих лет поддерживал он дружбу с выдающимся азербайджанским просветителем Мирза Фатали Ахундовым, резко бичевавшим «слепой фанатизм» и религиозную нетерпимость и призывавшим своих соотечественников «перестать дичиться и чуждаться русских»[189]. Поэму Ахундова, посвященную памяти Пушкина, Бестужев перевел на русский язык.

Всем сосланным на Кавказ декабристам пришлось участвовать в военных действиях против горцев. Верные воинскому долгу, они разделяли опасности и тяготы войны со своими боевыми товарищами. Некоторые из них пали в боях. Но при всем том храбрость и стойкость такого противника, каким являлись свободолюбивые горцы, вызывала у них восхищение.

«Абадзех свободен,— писал А. И. Якубович,— не терпит другой власти, кроме обычаев и страстей, беден, но храбр. Нищета, оружие, любовь к буйной свободе и известности — вот наследие отца, к сыну переходящее, вот начало его независимости».

Отмечая выдающиеся моральные достоинства кавказ-

---

[188] «Русская старина», 1900, № 11, стр. 455.

[189] М. Ф. Ахундов. Избранные философские произведения. Баку, 1953, стр. 50—51.

ских горцев, декабристы не закрывали глаза на тормозившие их культурное развитие религиозные предрассудки и свойственные их общественному и семейному быту родовые пережитки. Тот же Якубович писал: «Самая природа своими красотами и ужасами возвышает дух сих горцев, внушает любовь к славе, презрение к жизни и порождает благороднейшие страсти, теперь омрачаемые невежеством магометанства и кровавыми обычаями» [190].

Вопреки утверждениям царских колонизаторов о якобы «природной склонности к разбою» всех горских племен декабристы видели в них людей, которые в поте лица своего добывали средства к существованию в условиях суровой стихии гор и лесов. «Посмотри на этого старика...,— писал Александр Бестужев.— Он в опасности жизни ищет стопы земли на голом утесе, чтобы посеять на ней горсть пшеницы. С кровавым потом он жнет ее и часто кровью своей платит за охрану стада от людей и зверей. Бедна его родина, но спроси, за что любит он эту родину... Он скажет: здесь я делаю, что хочу, здесь я никому не кланяюсь, эти снега, эти гольцы берегут мою волю» [191].

Характерно, что горцы не представлялись декабристам социально однородной массой. Их внимание привлекали факты обострявшейся классовой борьбы среди населения Северного Кавказа и революционных выступлений трудового горского крестьянства против феодально-аристократической верхушки. Так, Бестужев отмечал как выдающееся событие «совершившуюся революцию» у черкесов, которая «изгнанием князьков и узденей или конечным истреблением их возмутившимися подданными совершенно изменила феодализм» [192]. Он имел в виду в данном случае факт, действительно происшедший в Адыгее в конце XVIII в., когда в ответ на эксплуататорские притязания феодализирующейся знати шапсуги и абадзехи восстали против притеснителей и изгнали многих местных дворян за пределы своих общин. Это было одним из ярких проявлений классового протеста горского крестьянства в обстановке разложения патриархально-общинного строя и

---

[190] «Северная пчела», 17 ноября 1825, № 138.

[191] А. Марлинский. Аммалат-бек. Изд. Суворина, б. г., стр. 146.

[192] А. Марлинский. Полное собрание сочинений, т. 10, стр. 43.

развития феодальных отношений. Разумеется, эта своеобразная «революция» не могла не заинтересовать декабристов, являвшихся убежденными противниками крепостного права и феодального произвола во всех его проявлениях.

Войны, которые Россия вела в Закавказье с соседними державами, декабристы оценивали с точки зрения тех объективных результатов, какие эти военные конфликты могли иметь для освобождения народов, угнетенных шахом и султаном. Декабристы решительно осуждали деспотический режим империи Каджаров. Их настроения ярко выразил Грибоедов, который говорил об этой империи, что «лестница слепого рабства и слепой власти здесь беспрерывно восходит до бега, хана, беглербега и каймакама и таким образом выше и выше» [193]. Тюрьмой народов представлялась декабристам и держава султана. Последний, по словам Петра Бестужева, закрыл своим подданным «путь ко всему полезному и разлил яд ненависти ко всем иноверцам» [194].

Поэтому не удивительно, что, узнав о переводе на Кавказ, Александр Бестужев с нескрываемой радостью писал: «Я солдат и лечу к стенам Эрзерума. Каждый час сближает меня с битвами за правое дело» [195]. А разжалованный в солдаты декабрист Е. Е. Лачинов называл освободительными и поход 1827 г. под Ереван, и поход 1828 г. к Карсу. «Год назад,— записывал он в своем дневнике,— выступили мы из Джангили для освобождения Эчмиадзина, теперь шли для освобождения угнетенных чад его» [196].

Уверенность в том, что своим личным участием в войне они способствуют освобождению угнетенных народов, крепла в сознании ссыльных декабристов еще более в результате непосредственного общения с местным населением. Рассказывая о походе в глубь Армении в июне 1828 г., тот же Лачинов подчеркивал, что жители встречавшихся по пути армянских селений выражали искреннюю радость по поводу избавления от ига турецких феодалов и от всей души благодарили русских воинов, которые сокрушили их поработителей.

---

[193] Цит. по кн.: М. В. Нечкина. Грибоедов и декабристы. М., 1947, стр. 179.

[194] «Воспоминания Бестужевых», стр. 353.

[195] См. В. Шадури, стр. 187.

[196] Е. Лачинов. Исповедь, стр. 152.

«Протянулись мимо нас освобожденные...,— писал он.— Напрасно хотел бы я изобразить трогательные знаки их радости и признательности к избавителям... Признаюсь, я был тронут, и, конечно, все разделяли мои чувства...».

Сочувствие к угнетенным пробуждало стремление к боевым подвигам и укрепляло моральный дух участников похода. «Заметно было, что не одно желание отличиться, но какое-то родное душе каждого чувство сострадания кело всех» [197].

Разумеется, декабристам были чужды те политические цели, которых добивалось в этих войнах царское правительство, осуществлявшее колониальную экспансию. В этом отношении характерно высказывание декабриста И. Г. Бурцова, который писал в 1828 г.: «Оскорбительно даже думать, что столь великие пожертвования кровию русскою и казною делаются для каких-нибудь доходов или плантаций сахарных» [198].

Как видно, отношение служивших на Кавказе декабристов к происходившим там в те годы войнам с внешними врагами соответствовало тем прогрессивным политическим идеям, под знаменем которых они подняли в 1825 г. восстание против царизма и которым остались верны и в период своей суровой ссылки. Идя в бой плечом к плечу с рядовыми солдатами Кавказского корпуса против войск шаха и султана, шагая нередко сами в простых солдатских шинелях в походной колонне, они искренне желали, чтобы эти войны стали освободительными, чтобы они послужили на пользу угнетенным народам Закавказья и привели их к освобождению от иноземного владычества.

Вместе с тем, декабристы без колебаний осуждали режим национального гнета и бесправия, который устанавливали на Кавказе чины царской администрации.

«Что сказать вам о состоянии здешнего края? — писал своим друзьям А. А. Бестужев.— Паскевич, отдав свою доверенность людям, которые всего менее ее заслуживали, довел Кавказ до высшей степени расстройства» [199]. А его товарищ по ссылке Н. И. Лорер, рассказывая о каратель-

---

[197] Там же, стр. 155, 157.
[198] А. С. Грибоедов. Сочинения. Ленинград, 1945, стр. 637.
[199] «Русский вестник», 1861, № 3, стр. 301.

ных экспедициях, предпринимаемых царскими генералами в горах Кавказа, говорил: «Когда-то эти божьи места путем просвещения, цивилизации сделаются достоянием образованного человечества? Огонь и меч не принесут пользы, да и кто дал нам право таким образом вносить образование к людям, которые довольствуются своей свободою и собственностью» [200].

Ему вторил и А. Е. Розен, который подчеркивал, что присоединение Кавказа к России должно осуществляться «не исключительно одним оружием». «Много горцев,— отмечал он,— уже поступили добровольно в подданство России, они известны под общим название *мирных черкесов*, этим людям следовало дать всевозможные льготы и выгоды, оставить им пока их суд и расправу, не навязывать им судей-исправников». По его мнению, «хорошее управление не меньше русской храбрости может ускорить окончательное покорение и сделать его прочным». Уезжая на родину, Розен заканчивал свой кавказский дневник следующими знаменательными словами: «Прощай, Кавказ! Красуйся не одной природой, но и благосостоянием твоих обитателей!» [201].

Ту же мысль развивал и А. А. Бестужев в своих «Кавказских очерках». В форме диалога между драгунским капитаном и отставным полковником он старался довести до сознания читателя всю противоречивость двух концепций, из которых одна служила выражением официальной точки зрения, а другая отражала взгляды передовой части русского общества.

— «Вы всё хотите завоевать огнем и мечом,— замечает полковник.

— Надеюсь, что завоевания иначе не делаются, полковник...

— Весьма ошибаетесь, почтеннейший,— так же как и я сам ошибался в то время, когда носил военный мундир. Нет, сударь! Самые прочные, самые справедливые завоевания бывают с плугом или с рублем в руках...» [202]

Разумеется, сам Бестужев был сторонником «завоевания с плугом и рублем», т. е. мирного сближения русских

---

[200] Н. И. Лорер. Записки. М., 1931, стр. 214.
[201] А. Ровен. Указ. соч., стр. 261—262.
[202] См. В. Шадури, стр. 305.

с горцами на основе тесного экономического и культурного сотрудничества. Он отдавал себе отчет в том, что такой путь не имеет ничего общего с военно-феодальными методами покорения Кавказа, которых придерживались царские министры и военачальники. «Я вижу Кавказ совсем в другом виде, как воображают его себе власти ваши»,— писал он своим знакомым в Россию. И тут же возмущался хищничеством и корыстолюбием колонизаторов: «Что здесь за коменданты, что здесь за полковники! Так руки опускаются!.. Кроме взяток, ничего не знают и не хотят» [203].

В силу своей классовой ограниченности дворянские революционеры не являлись сторонниками предоставления народам Кавказа права на национальное самоопределение. В их рассуждениях о «хорошем управлении» и роли просвещения было немало либерально-утопических моментов. Но тем не менее декабристам безусловно было свойственно искреннее желание видеть Кавказ не в пламени войны, а в обстановке мирного труда и культурного прогресса.

«Скоро ли настанет время, когда елей просвещения смоет кровь с крутин Кавказа и обратит сынов его... в миролюбивых оратаев?» — с тоской спрашивал Александр Бестужев и от имени всех своих товарищей восклицал: «Ждем этой поры во имя человечества!»

Шагая по дорогам войны в солдатской шинели, ссыльный русский революционер мечтал о мире, о благе тех, кого царизм сделал его врагами. «Много, но не долго,— писал он,— литься на Кавказе дождю кровавому, гроза расцветает тишью, железо бранное будет поражать только грудь земли — и цепные мосты повиснут через пропасти, над которыми страшно было видеть и радугу, и валдайский колокольчик загудит по крутизнам, где теперь свистят только пули. Дайте Кавказу мир, и не ищите земного рая на Евфрате... он здесь, он здесь!» [204]

И пусть эта мечта оставалась неясной и туманной, она без сомнения была порождена самыми гуманными чувствами и благородными помыслами.

Взгляды декабристов, резко осуждавших завоевательную политику царизма и ратовавших за мирное сотрудни-

---

[203] Там же, стр. 304, 306.
[204] Там же, стр. 139, 154.

чество с народами Кавказа, находили отклик среди передовой части офицерства Отдельного Кавказского корпуса. Примером тому может служить смелое выступление Н. Н. Раевского, который подверг острой критике стратегию и политику царизма на Кавказе, за что и вынужден был уйти в отставку. Еще в 1829 г. о нем говорили, что он, являясь командиром Нижегородского драгунского полка, «наполнил свой штаб большей частью из декабристов и ссыльных офицеров» [205]. После Адрианопольского мира он даже был арестован и отстранен от командования полком за то, что «допускал к столь короткому обращению... принадлежавших к злоумышленному обществу» [206]. Через десять лет, уже будучи генералом и начальником Черноморской береговой линии, Раевский представил начальству «Записку о торговле с горцами», в которой откровенно изложил свое мнение о «Кавказской войне». «С присоединением сего края,— писал он,— местное начальство предложило меры, состоящие в запрещении с нашей стороны всяких мирных и торговых сношений... Таким образом полагали держать в тесной блокаде восемьсот тысяч жителей, обессиливая их голодом и недостатком и, наконец, покоряя их вторжениями в горы. Хотя мы не успели ни в одном, ни в другом, и хотя наше положение на Кавказе не улучшилось, система сия находит еще защитников» [207].

Раевскому, конечно, было хорошо известно, что главным «защитником сей системы» являлся сам император Николай I, но тем не менее он решился прямо сказать о ее порочности.

Указывая, что «пагубные военные действия» на Кавказе только ожесточают горцев, Раевский предлагал заменить их «средствами мирными», установив «торговые сношения с горцами» и насадив среди них «гражданское благоустройство». Он еще раньше по собственной инициативе разрешил существование возле кордонных укреплений базаров, выписал и распространил среди местных жителей высококачественные сорта крымского винограда, устроил в Сухуме ботанический сад (существующий и поныне),

---

[205] «Воспоминания Бестужевых». Пг., 1917, стр. 87.
[206] «Русская старина», 1903, № 6, стр. 487—488.
[207] АКАК, IX, № 473.

высадив там первый на Кавказе чайный куст. Требуя от правительства специальных ассигнований на осушку болот в окрестностях Сухума, Раевский просил предоставить самые широкие льготы русским купцам и ремесленникам, желавшим переселиться на Кавказ, чтобы привлечь к экономическому развитию края «достойных негоциантов».

Разумеется, в кругах высшего военного командования выступление Раевского было расценено как «дерзость» и «своевольство». Ему стали приписывать вину за все неудачи на Черноморской береговой линии, упрекать за то, что его «оборонительная и миролюбивая система в отношении горцев» поощряла якобы их сопротивление.

Придравшись к тому, что Раевский по своему почину предпринял постройку укрепления в Цебельде — одном из районов горной Абхазии, Николай I объявил ему выговор. Узнав об этом, Раевский немедленно подал заявление об отставке. Просьба его, конечно, была удовлетворена. От него рады были избавиться.

Уезжая навсегда с Кавказа, Раевский писал военному министру графу Л. И. Чернышеву: «Я здесь первый и один по сие время восстал против пагубных военных действий на Кавказе и от этого вынужден покинуть край. Наши действия на Кавказе напоминают все бедствия первоначального завоевания Америки испанцами, но я не вижу здесь ни подвигов геройства, ни успехов завоеваний Пицара и Кортеца. Дай бог, чтобы завоевание Кавказа не оставило в русской истории кровавого следа, подобного тому, который оставили эти завоеватели в истории Испанской» [208].

Едва ли кто-нибудь еще из участников «Кавказской войны» сумел так глубоко вскрыть антинародную сущность политики царизма, едва ли кто еще так беспощадно заклеймил царских колонизаторов, как это сделал друг Пушкина и боевой товарищ ссыльных декабристов Николай Раевский.

В его смелом выступлении против официальной великодержавно-монархической концепции завоевания Кавказа слышался негодующий голос всех передовых людей тогдашней России, неустанно боровшихся с деспотизмом и произволом во всех его проявлениях.

---

[208] АКАК, IX, № 505.

Минули годы. Отгремели залпы севастопольских батарей. Не пережив военного поражения своей империи, ушел из жизни и истории тот, кто за четверть века до собственной смерти подписал приговор об «истреблении непокорных» на Кавказе. А война на Кавказе все еще продолжалась, и непокорные горцы с той же непоколебимой решимостью отстаивали свою свободу.

И уже новые русские люди, подхватившие знамя освободительной борьбы из ослабевших рук дворянских революционеров, обличали теперь угнетательскую политику царизма, призывая к равноправию и дружбе между народами.

Великий русский революционер-демократ Н. Г. Чернышевский называл затянувшуюся войну на Кавказе «язвой, которая истощала Россию» [209].

Гневно обличал царский колониализм и глубоко сочувствовал освободительной борьбе кавказских народов певец украинской революционной демократии Т. Г. Шевченко. В поэме «Кавказ» он несколькими штрихами нарисовал картину этого края, являвшегося уже много десятков лет ареной ожесточенной войны:

«За горами горы, тучами повиты,
Засеяны горем, кровию политы...»

Называя сражавшихся горцев «великими рыцарями», поэт подчеркивал справедливый характер их борьбы против царизма:

«За вас правда, за вас слава
И воля святая!»

До нас дошло мало источников, которые позволили бы точно воспроизвести суждения простых людей крепостной России о событиях, происходивших на Кавказе. Однако среди немногих запечатленных в литературе высказываний представителей демократических слоев общества обращает на себя внимание признание одного из участников «Кавказской войны» — кубанского казака Пимена Пономаренко. Вспоминая о походах в горы, о жарких схватках с горцами, он говорил: «Черкес... самый еройский народ.

---

[209] Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. XIV, стр. 381.

Та й то треба сказать — на отчай ишов, бо свою ридну землю, свое ридне гниздечко обороняв. Як що по правди говорыты, то его тут правда була, а не наша» [210].

Как замечательно перекликались эти бесхитростные слова простого трудового человека с цитированными выше стихами поэта-демократа!

Вопреки шовинистическим призывам официальной пропаганды народ по-своему оценивал «Кавказскую войну». Борясь против крепостного гнета внутри страны, он, естественно, осуждал политику угнетения трудящихся окраин.

---

[210] Цит. по кн.: Л. С. Личков. Очерки из прошлого и настоящего Черноморского побережья Кавказа. Киев, 1904, стр. 13.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русско-кавказские отношения первой трети XIX в. являют собой пример того, насколько внешняя политика государства определяется его внутренним состоянием, расстановкой классовых сил и развитием классовой борьбы. В конечном счете активизация политики царизма на Кавказе была обусловлена начавшимся разложением крепостного строя во внутренних районах России и стремлением господствующего класса предотвратить этот процесс путем распространения крепостничества на новые территории. Вопреки установившемуся мнению не только заинтересованность в развитии торговли со странами Востока, но и насаждение дворянского землевладения в Предкавказье играло в данном случае существенную роль, определяя политические и стратегические устремления царского правительства.

Упорная и длительная борьба царской дипломатии за присоединение к России Закавказья показывает прежде всего, что содержание восточного вопроса не ограничивалось только проблемами, касавшимися Балканского полуострова и Ближнего Востока, а включало и проблемы, относящиеся к Среднему Востоку и Кавказу. Кроме того, анализ дипломатических и военных конфликтов, имевших место в Закавказье в первой трети XIX в., еще раз подтверждает, что завоевательная политика не являлась монополией русского царизма и что русской дипломатии в ряде случаев приходилось обороняться от агрессивных устремлений других держав.

Решение кавказской проблемы осложнялось для русской дипломатии в изучаемый период напряженным международным положением в Европе и титанической борьбой русского народа против наполеоновского нашествия. В этих условиях присоединение Закавказья к России не могло бы осуществиться без активного участия народов Грузии, Азербайджана и Армении, чьи национальные чаянья в известной мере совпадали с государственными интересами России. Это обстоятельство свидетельствует о том, какое серьезное влияние на внешнюю политику соперничавших держав могли оказывать народные массы тех стран, которые на первый взгляд являлись лишь объектом политической борьбы.

Отсюда нетрудно сделать вывод, насколько важно изучать историю внешней политики не только в плане отношений между государствами, но и в свете отношений между народами.

История борьбы вокруг кавказской проблемы в полной мере вскрывает реакционную сущность политики западных держав по отношению к народам Востока. Поддерживая захватнические и реваншистские притязания отсталых деспотических режимов Передней Азии, западная дипломатия сама вопреки своим желаниям способствовала тяготению кавказских народов к России, ибо только присоединение к Русскому государству могло спасти эти народы от порабощения этими режимами. В этом прежде всего обнаруживалась та прогрессивная роль России по отношению к Востоку, о которой в свое время говорили основоположники марксизма.

По сравнению с присоединением к России Закавказья включение в состав Российской империи Северного Кавказа имело свои особенности. Царизм не опасался здесь прямого иностранного вмешательства и надеялся быстро подчинить своему владычеству этнически разобщенное и политически расчлененное до крайней степени местное население. Поэтому на Северном Кавказе более резко выявлялся завоевательный характер политики царизма и принимал более грубые формы колониальный произвол царской администрации, хотя военно-феодальные черты были присущи царскому колониализму повсюду.

Поскольку насаждение колониального режима сопровождалось на Кавказе усилением феодальной эксплуата-

ции, постольку здесь создавались условия для возникновения широкого антиколониального движения. Однако в этом движении с самого начала явственно прослеживались два социально разнородных течения, представленных, с одной стороны, сепаратистски настроенными феодально-клерикальными элементами, а с другой, массами угнетенного крестьянства, протестовавшего против феодального произвола во всех его проявлениях. Попытки враждебных России зарубежных сил использовать это движение в своих агрессивных целях еще более осложняли положение.

Анализ антиколониальных движений, имевших место на Кавказе в XIX столетии, еще раз подтверждает одно из важнейших положений марксистско-ленинской теории национального вопроса, которое сводится к тому, что совпадение интересов различных классов в процессе развития антиколониальной борьбы имеет лишь временный характер и ограничивается рамками определенных политических задач, отнюдь не устраняя глубокой противоречивости классовых интересов в отношении коренных социальных проблем.

Хотя революционное содружество народов России было достигнуто значительно позднее, объективные предпосылки для его возникновения начали складываться еще в изучаемую эпоху. Сливаясь с освободительным движением русского народа, антиколониальные и антифеодальные выступления трудящихся масс коренного населения Кавказа способствовали созданию широчайшего фронта борьбы народов России против крепостничества и царского деспотизма. В этом и следует усматривать прежде всего историческую прогрессивность присоединения Кавказа к России.

Отношение различных слоев русского общества к кавказской проблеме определялось их позициями в ходе классовой борьбы. Было две России — царская и демократическая. Следовательно, было и две концепции решения кавказской проблемы — великодержавная и революционная. Основным методом первой являлось покорение Кавказа силой оружия, а второй — мирное сближение народов с целью их братского сотрудничества в условиях свободы и равноправия. В конечном итоге, как и должно было быть, восторжествовала революционная концепция, ибо за ней было будущее.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

К. Маркс и Ф. Энгельс. Восточный вопрос. Соч., т. IX, стр. 369—484.

Ф. Энгельс. Внешняя политика русского царизма. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 5—40.

В. И. Ленин. Крах II Интернационала. Соч., т. 21, стр. 181—232.

В. И. Ленин. Критические заметки по национальному вопросу. Соч., т. 20, стр. 18.

В. И. Ленин. Под чужим флагом. Соч., т. 21, стр. 127.

В. И. Ленин. Задачи пролетариата в нашей революции. Соч., т. 24, стр. 43.

* * *

Абовян Х. Раны Армении. Ереван, 1948.

Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией, тт. I—VII. Тифлис, 1866—1878.

Андреев В. Воспоминания. «Кавказский сборник», т. 1. Тифлис, 1876. «Архив князя Воронцова», т. VII. М., 1875.

Бартоломей Ф. Ф. Посольство князя Меншикова в Персию. «Русская старина», 1904, апрель.

Бутков П. Г. Материалы по новой истории Кавказа, тт. I—III СПб., 1869.

Вигель Ф. Ф. Воспоминания. М., 1865.

Внешняя политика России XIX и начала XX в. Изд. МИД СССР. М., 1960.

Гагемейстер Ю. О европейской торговле в Турции и Персии. СПб., 1838.

Гангеблов А. С. Воспоминания. М., 1888.

Гизетти Н. И. Сборник сведений о потерях Кавказских войск. Тифлис, 1896.

Гизетти Н. И. Хроника Кавказских войск. Тифлис, 1896.

Грибоедов А. С. Сочинения. Л., 1953.

Давыдов Д. Военные записки. М., 1940.

Дадиани Н. Картвелта Цховреба. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 31.
«Договоры России с Востоком». Сост. Т. Юзефович. СПб., 1869.
Ермолов А. П. Записки. М., 1864.
«История военных действий в Азиатской Турции в 1828—1829 гг.». СПб., 1836.
«История, география и этнография Дагестана». Сборник архивных материалов. М., 1958.
«Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20—60-х годах XIX века». М., 1936.
«Краткий обзор общественного мнения за 1827 и 1828 гг.». «Красный архив», 1929, № 6.
Лачинов Е. Е. Исповедь. «Кавказский сборник», т. 1. Тифлис, 1876.
Лорер П. И. Записки декабриста. М., 1931.
Муравьев Н. П. Записки. «Русский архив», 1886, кн. 3; 1888, кн. 5; 1889, кн. 4; 1891, кн. 10; 1893, кн. 11.
Мирза Адигезаль-бек. Карабаг-наме. Баку, 1950.
«Обозрение российских владений за Кавказом». СПб., 1836.
Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум. Соч., т. IV. М., 1936.
Пущин М. И. Записки. «Русская старина», 1884, февраль.
«Равзет-уль-сафа». Персидская хроника. «Кавказ», 1866, № 21.
Розен А. Е. Записки декабриста. СПб., 1907.
«Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами». Составил Ф. Ф. Мартенс, т. XI. СПб., 1895.
«Хроника Мухаммеда, Тахира-аль Карахи». М., 1941.
Шопен И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. СПб., 1852.
«Штурм Ахалкалаки». Корреспонденция. «Тифлисские ведомости», 1828, № 6.
«Штурм Ахалциха». «Тифлисские ведомости», 1828, № 9.
Чавчавадзе А. Г. Краткий исторический очерк положения Грузии с 1801 по 1831 г. «Кавказский сборник», т. 23. Тифлис, 1902.
Bell J. S. Journal d'une residence en Circassie pendans les années 1837—1839. Paris, 1841.
«Correspondance de Napoléon», t. XIV.
Dubois de Montpereux F. Voyage autour du Caucase, t. I. Paris, 1839.
Evans de Lacy G. The designs of Russia. London, 1828.
Gamba J. Voyage dans la Russie méridionale, t. I—II. Paris, 1827.
Gentz F. Mémoires et lettres inédits. Stuttgart, 1841.
Jones H. B. The dynasty of the Kajar. London, 1833.
Metternich Cl. Mémoires, documents et écrits divers, vol. IV—V. Paris, 1880.
«Mission du général Gardan en Perse». Paris, 1868.
Prokesch-Osten A. Geschichtliches Abfalls der Griechen vom türkischen Reich. Bd. III—V. Wien, 1867.

* * *

Ашхелава И. Г. Русско-иранская война 1826—1828 гг. и Грузия. «Труды Абхазского института языка и истории», т. 24 (на груз. яз.).
Ашхелава И. Г. Русско-турецкая война 1828—1829 гг. и Грузия. «Труды Сухумского гос. педагогич. ин-та», вып. 7. Сухуми, 1952.
Григорян З. Т. Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX в., М., 1959.
Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. Сухуми, 1958.
Думбадзе М. К. Западная Грузия в первой половине XIX в. М., 1957 (на грузинском языке).
Епископов И. К. Грибоедов и Восток. Ереван, 1954.
Игамбердыев М. А. Русско-иранская война 1804—1813 гг. «Труды Узбек. гос. университета», вып. 51. Ташкент, 1952.
Игамбердыев М. А. Русско-иранская война 1826—1828 гг. «Труды Таджикского учительского института», т. 3. Самарканд, 1955.
Иоаннисян А. Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван, 1958.
«История Азербайджана», т. 2, Баку, 1960.
«История Кабарды». М., 1957.
Кумыков Т. Х. О прогрессивном значении присоединения Кабарды к России. «Сборник статей по истории Кабарды», вып. 4. Нальчик, 1955.
Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX в. Махачкала, 1957.
Маркова О. П. Восстание в Кахетии в 1812 г. М., 1951.
Маркова О. П. Новые материалы о проекте Российской Закавказской компании А. С. Грибоедова и П. Д. Завилейского. «Исторический архив». М.— Л., 1951, № 6.
Месхиа Ш. А. Города и городской строй феодальной Грузии XVII—XVIII вв. Тбилиси, 1959.
Невская В. П. Присоединение Черкессии к России. Черкесск, 1957.
Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы. М., 1947.
«Очерки истории Дагестана». Махачкала, 1957.
«Очерки истории Адыгеи». Майкоп. 1957.
«Очерки истории Северо-Осетинской АССР». М., 1959.
Панцхава А. Я. К вопросу о развитии аграрных отношений в дореформенной Восточной Грузии. М., 1957.
Покровский М. В. Русско-адыгейские связи. Майкоп, 1957.
Покровский М. В. Социальная борьба внутри адыгейских племен в конце XVIII — первой половине XIX в. и ее отражение в общем ходе Кавказской войны. М., 1956.
«Присоединение Азербайджана к России и его прогрессивные последствия в области экономики и культуры». Под ред. А. Н. Гулиева и В. Д. Мочалова. Баку, 1955.
Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке и русская буржуазия. М., 1949.
Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М., 1958.
Сумбат-Заде А. С. Сельское хозяйство Азербайджана в XIX в. Баку, 1958.

Тотоев М. С. К истории дореформенной Северной Осетии. Орджоникидзе, 1955.
Туманян О. Е. Экономическое развитие Армении, ч. I, Ереван, 1954.
Фадеев А. В. Бухарестский мир 1812 г. и вопрос о кавказских границах. «Ученые записки ист.-филол. фак-та Ростовского н/Д гос. университета», 1952, т. 21, вып. 3.
Фадеев А. В. Декабристы на Дону и на Кавказе. Ростов-на-Дону, 1950.
Фадеев А. В. Кавказ в системе международных отношений 20—50-х годов XIX века. М., 1956.
Фадеев А. В. Очерки экономического развития Степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957.
Фадеев А. В. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1958.
Хачапуридзе Г. В. Об историческом значении присоединения Грузии к России. «Вопросы истории», 1954, № 5.
Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1957.
Шадури В. Декабристская литература и грузинская общественность. Тбилиси, 1958.
Шостакович С. В. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова. М., 1960.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКАК — Акты Кавказской Археологической комиссии

ГАКК — Государственный Архив Краснодарского края

ГАСК — Государственный Архив Ставропольского края

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея в Москве

ОРБЛ — Отдел рукописей Всесоюзной государственной библиотеки имени В. И. Ленина

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи

ЦГИАГ — Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР в Тбилиси

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде

ЦГИАМ — Центральный государственный исторический архив в Москве

ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив в Москве

ВПР — Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сборник документов, подготовленный Комиссией по изданию дипломатических документов при МИД СССР, т. 1. М., 1960

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аббас I, шах 17
Аббас-Мирза 97, 118, 124, 151, 164—166, 168, 182, 191, 192, 196, 204, 206—213, 228, 230, 231, 253, 265, 267, 269, 270, 317, 320, 329
Абдуррахман, визирь 131
Абовян Х. 29, 271, 272, 361
Абу-Абдаллах-Мухаммед аль-Идриси 13
Абуль-Хасан-хан 190, 196, 213
Абхазов Н. И. 321
Авалишвили 360
Ага-Мухаммед-шах 92, 96, 100, 167, 169, 266
Агалар-хан Казикумухский 303
Адамс Дж. 34
Адиль, уцмий каракайтагский 267, 316, 317
Айтеков Джембулат 319
Александр I, император 56, 69, 98, 102, 107—110, 112, 113, 115, 116, 119, 120, 126, 136, 139, 141, 144, 150, 151, 153, 157, 168, 170, 176, 177, 179, 180, 183, 189, 192, 198—200, 203, 249, 282, 305, 350
Александр, царевич 97, 108, 249, 253, 267, 268, 314, 329
Алексей Михайлович, царь 51
Али-бей, полковник 342
Аллаяр-хан 196, 231, 232
Аллен У. 24
Алтунян А. 266
Аммалат-бек 327
Андрей Боголюбский 14
Андроникашвили А. 67
Андроникашвили М. 250, 360
Антелава И. Г. 245
Апраксин П. М. 21
Аргутинский Иосиф 95
Ардасенов А. 293
Арешев З. 36
Артемий Араратский 93
Аршаков (Аршакян) 127
Аслан-бей см. Шервашидзе Аслан-бей
Аслан-хан Кюринский 303, 317
Ахвердов А. И. 291
Ахмед-паша 186
Ахмед-хан Аварский 267, 281, 315, 316, 320
Ахундов М. Ф. 29, 362

Баба-хан см. Фатх-Али-шах
Багратиони, династия 108, 244, 247, 258
Багратиони А. 94
Багратиони Д. 94
Багратиони К. 264
Багратиони Р. 273
Бакиханов Аббас-Кули 29, 362
Бакрадзе Д. З. 85
Баматов Мисост 304
Бараташвили М. 94
Бараташвили Н. 29, 361
Барклай-де-Толли М. Б. 161
Барятинский А. И. 49
Басин, офицер 345

Баха-уд-Дин, шейх 322
Безбородко А. А. 35, 40
Безруко Хамурзин, князь 62
Бекович-Черкасский А. 21, 65, 66
Бектабеков, князь 68
Белинский В. Г. 352, 356
Белл Джемс 300, 343
Беляев П. П. 358, 359
Бенкендорф А. Х. 73, 198
Бердзенишвили Н. А. 85
Берже А. П. 284, 288
Бестужев А. А. 358, 362—367
Бестужев П. А. 277, 364
Бирон Э. И. 103
Блэк С. 11
Богданович, генерал 41
Болецов, комиссионер 135
Боллард Р. 24
Болотов А. Т. 35
Болотовы, купцы 58
Болховитинов Евфимий (Евгений) 345
Бонапарт Наполеон 114, 127, 137, 155, 163, 169—184, 186, 228, 282
Бонтан, французский эмиссар 173
Бородин, полковник 222
Британ Джон 103
Броневский С. М. 87, 316, 347
Броун Джемс 103
Брюгьер, французский эмиссар 169
Будберг, барон 136, 138—141
Булгарин Ф. В. 361
Бурбоны, династия 226
Бурцов И. Г. 221, 234, 361, 365
Буцковский А. М. 297
Бэкон, майор 193

Ван-Мирон, купец 103
Васильев Сафар, купец 36, 66
Вахтанг, царевич 267
Вахтанг VI, царь 22, 82, 83, 94
Веллингтон Артур, герцог 200, 201, 218, 219, 227—229
Вельяминов А. А. 255, 307
Вербицин, генерал 305
Вернинак, французский посол 169
Витгенштейн П. Х. 220, 223, 224
Вишневский Ф. Г. 360
Власов М. Г. 308
Волынский А. П. 66
Вонявин Степан, горный мастер 67
Воронцов А. Р. 38, 39, 102, 114, 115, 117, 124, 171
Воронцов С. Р. 102
Воронцовы 36, 43
Воронченков, офицер 345
Воскобойников, инженер 68
Всеволожские, помещики 40
Вышеславцев П. 73
Вяземский А. А., князь 35, 36, 38, 40, 41

Габсбурги, династия 7
Гагарин Г. 107
Гаджи-Исмаил, шейх 326, 327
Гази-Мухаммед, имам 324, 329—334
Гайк 271
Гакки-паша Сивасский 230, 235
Галиб-паша, рейс-эффенди 162, 187, 230
Гамба, французский консул 56
Гамзат-бек, имам 334
Ганвей Джон 103
Гангеблов (Гангеблашвили) А. С. 29, 262
Гардан, французский эмиссар 180, 181
Гарелины, купцы 58
Гарт, майор 197
Гартунг, генерал 41
Гассан-хан Ереванский 267, 271, 272, 320
Гассан-хан Мехтулинский 316
Гейден Л. П., граф 229
Генц Фриц 239
Георгий XII, царь 96, 97, 118
Герман К. Ф., академик 67
Герцен А. И. 259
Гизетти Н. И. 30
Гильденштедт И. А. 66
Гирей-бек 267
Глазенап, генерал 313
Гмелин С. Г. 66
Гогенцолерны, династия 7
Голицын А. Н., князь 239
Голицын М. М., князь 66
Гордон Роберт, британский посол 237

Горчаков М. Д., генерал 256—258
Грахам, купец 103
Греч Н. И. 73, 346
Грибоедов А. С. 29, 56, 57, 209—214, 231—233, 278, 351—354, 364
Григорьев В. Н. 352
Григорян З. Т. 26
Гудович И. В. 47, 133, 135—148, 150, 151, 154, 168, 178, 180
Гурамишвили Давид 94
Гурисли Мамия 117, 163
Гуссейн-хан 154, 192

Давид, царевич 97, 108, 345
Дадиани Григорий 112, 113, 116, 120, 121
Дадиани Леван 120—122, 149, 150, 187, 255, 263
Дадиани Нико 150, 256, 266
Дадиани Нина 120, 149, 262—264
Даниялов Г. Д. 326
Дареджан, царица 97
Дашков Д. В. 240
Девлет-Гирей хан 23
Дельпоццо, генерал 305
Денисьев, капитан 145
Державин Г. Р. 346
Джавахишвили Дмитрий, князь 160
Джавахишвили Захарий, князь 160
Джавахишвили И. А., академик 100
Джавахишвили Кайхосро, князь 160
Джанхотов Кучук 352
Джевад-хан Ганджинский 111, 115, 203, 268
Джемал-эд-Дин-Казикумухский 326, 327
Дзяпш-ипа, абхазские тавады 131, 149
Дибич И. А., барон 74, 220, 234, 237, 240
Добролюбов Н. А. 334
Додашвили Соломон 361
Дрио Э. 24
Дубровин Н. Ф. 23, 348
Дударов Ахмет 282, 314
Дударовы 313
Думбадзе М. К. 26
Дэдлей, лорд 216—218

Екатерина II 35, 37, 40, 48, 53, 65, 95, 109, 140, 347
Елизавета Петровна 104
Ермолов А. П. 28, 89, 188—193, 196, 202—204, 206, 208, 210, 255, 257, 258, 266—269, 303, 306, 315—320, 350, 353

Жгенти Г. 259
Жобер, французский эмиссар 171, 172
Жуаннен, французский эмиссар 173
Жуковский В. А. 347

Зия-Юсуф-паша 128, 129, 147, 178
Зотов Захар, помещик 41
Зубов В. А. 53, 96, 99, 107, 109, 159, 346
Зубов П. А. 107

Ибрагим-паша 96, 225, 226
Ибрагим-Халил-хан Карабахский 96
Иван IV, царь 15
Иддо, лейтенант 343
Иегер, историк 182
Изяслав, князь 14
Иоаннисян А. Р. 27, 170
Ираклий II, царь 67, 91, 95—97, 100
Италинский А. Я. 114, 123, 172

Каджары, династия 25, 30, 91, 93, 105, 137, 167, 170, 176, 181, 185, 195, 205, 207—210, 213, 214, 228, 234, 265, 266, 270, 274, 364
Казанищев Темрюк, князь 62
Казбек, князь 248, 313
Казбеги см. Казбек
Кази-Мулла см. Гази-Мухаммед
Калантаровы, помещики 41
Калфе Моше 64
Кампредон, французский дипломат 51
Канкрин Е. Ф., граф 58, 59, 72, 74
Каннинг Джордж 199—201, 205, 207, 208, 215, 216

Каподистрия Иоанн, граф 224, 225
Карабек 138
Карамурзин Коргока 304
Карамурзин Муса 304
Карл X, король Франции 225, 229
Карл XII, король Швеции 228
Картвелишвили Иосиф, купец 68
Касаев Измаил, князь 319
Касаев Кучук, князь 62
Кастелла, французский купец 70
Келеш-бек см. Шервашидзе Келеш-бек
Кемпбелл, британский дипломат 209
Керим-хан Зенд 104
Киос-паша 222, 230
Кирхнер А. 67
Клапрот Ю., академик 67
Ключевский В. О. 33, 34
Кнорринг К. Ф. 98, 102, 107, 108, 110, 112, 113, 351
Ковалевский П. И. 107, 108, 111, 244, 347, 351
Кожевников Н. П. 360
Константин Павлович, великий князь 203
Кортец (Кортес) 369
Котляревский Н. С. 158—161, 165—167
Котов Ф., купец 19, 51
Кочубей В. П., граф 36, 102, 170, 240
Криворучков, помещик 39
Кристи, майор 165, 166, 182
Кумани, судовладелец 64
Кумыков Т. Х. 26, 318
Кутузов М. И., фельдмаршал 158, 162—164, 183, 184, 187
Кэстльри Роберт 182
Кючук-бей 130, 145, 149, 153

Лабланш, французский эмиссар 173
Лагорио, купец 64
Лажар, французский дипломат 180
Лазарев Иван, купец 95
Лазарев, генерал 84, 100
Лазарев, полковник 278
Лайонс, капитан 343
Лакост Р. 24
Латур-Мобур, французский дипломат 184
Лачинов Е. Е. 29, 222, 361, 364
Лашкарев С. Л. 94
Ленин В. И. 4, 5, 182, 311
Леонидзе, князь 115
Леонтович Ф. И. 286
Лерх И. Я. 66
Ливен Х. А. 200, 208, 216—219, 229
Линдсей, капитан 182
Лисаневич, полковник 156
Лисицын, помещик 35
Литвинов П. М. 120—122, 143, 345
Лопухин П. 107
Лорер Н. И. 365
Лусикян Григор, купец 51
Любавский М. К. 33
Лыкошин, майор 145

Маан, абхазские тавады 131
Магомедов Мирза 350, 351
Магомедов Р. М. 299
Мадатов Валерьян (Ростом) Григорьевич 207, 315, 317
Макдональд Джон, британский дипломат 196, 207, 208, 213, 226, 228, 230, 233
Макнилл 212
Максим, митрополит 67
Максимович Л. М. 345
Малькольм Джон 105, 106
Мамед-ага, потийский паша 130
Мамед-паша Карсский 138, 141, 146
Манучарян Григор 265, 266
Маре, французский дипломат 176
Маркова О. П. 26, 253
Маркович, подполковник 41
Маркс К. 10, 105, 193, 282, 298, 339
Масловский, полковник 41
Матюшкин, генерал 66
Махмуд II, султан 217, 229, 256, 339
Мачабели, князь 259
Мезон, маркиз 226
Меллин, прокурор 244
Меншиков А. С., князь 203, 204, 220

Мерьяж, французский эмиссар 173
Мертваго, таврический губернатор 144
Меттерних, канцлер 199, 218, 223—226, 239
Мехти-хан Карабахский 267
Мечников Е. И., сенатор 243
Милюков П. Н. 33
Мирза-Абуль-Хасан-хан см. Абуль-Хасан-хан
Мирза-Адигезаль-бек 29
Мирза-Масих 232
Мирза-Мохаммед-Риза-хан 172, 176
Михаил Романов, великий князь 303
Михельсон, генерал 178
Михин, подполковник 257
Монтис, полковник 197
Мордвинов Н. С. 349, 350
Морринг, капитан 343
Моуравов А. 94
Мочалов В. Д. 89
Моэззи, иранский историк 25
Мстислав Тмутараканский, князь 13
Муравьев Н. Н. 28
Муркрофт 193
Муруэи Д. 162
Мусин-Пушкин А. А., граф 68, 69, 102, 110
Мустафа-хан Ширванский 96, 267, 269
Мухаммед Майортупский, мулла 320
Мухаммед-Тахир аль-Карахи 333
Мухаммед Ярагский 326—329, 331
Мэноп К., индийский историк 24

Надир-хан см. Надир-шах
Надир-шах 22, 102, 104, 167, 270
Накашидзе, князь 254
Наполеон см. Бонапарт Наполеон
Нарежный В. Т. 351
Небольсин, генерал 142, 151
Невская В. П. 26
Неплюев И. И. 21
Нерсес Аштаракский 273
Нессельроде К. В., граф 56, 189, 211, 212, 219, 224, 225, 229, 232, 236, 240, 320
Николай I 198—201, 203, 207, 208, 215, 218, 220, 237, 239, 340, 344, 348, 369
Новицкий, поручик 30
Новосельцев А. Н. 52
Новосильцев Н. Н. 102
Нох-хан 320
Нур-Мухаммед аль-Инхови 315, 334

Пуцал-хан Аварский 330

Огюст-де-Нерсиа, французский эмиссар 173
Одоевский А. И. 361
Оливье, французский эмиссар 169
Орбелиани Александр 258
Орбелиани Вахтанг 265
Орбелиани Григорий 273, 361
Орбелиани Дмитрий 41, 153, 262, 263
Орбелиани Тахмаз 265
Ори Исраэл 94
Орлов А. Ф., граф 237
Остерман А. И. 22
Оханашвили Кацо 253

Павел I 68, 69, 98, 100—102, 112, 281
Паллас П. С. 67
Панчулидзе И. 262
Парнаоз, царевич 111, 247, 249, 313
Паскевич И. Ф., граф 72, 207—209, 212, 213, 220—223, 226, 230, 232, 233, 235—237, 270, 272, 274—276, 330, 331, 335, 340, 341, 344
Паулуччи Ф. О. 154, 155, 158, 161, 251, 252
Паху-бикс, ханша 330
Пестель А. Б. 167, 315, 316
Петр I 20—22, 51, 52, 65, 66, 94
Петрушевский И. П. 88
Пехлеван-паша 187
Печерский, полковник 156
Пир-Кули-хан 108
Питт Вильям 171

Пицаро (Писсаро) 369
Покровский М. В. 300
Покровский М. Н. 6, 310
Полиньяк О., принц 225, 229
Пономаренко Пимен 370
Портнягин, генерал 148
Посылины, купцы 58
Потемкин Г. А., князь 35, 37, 38, 41, 65, 95
Потемкин П. С. 304
Потоцкие, помещики 36
Потто В. А. 23
Похвистнев, майор 41
Пугачевский, помещик 36
Пушкин А. С. 308, 309, 321, 355, 356, 362, 369
Пущин М. И. 29, 360
Пфуль, генерал 155
Пхеидзе Георгий 262

Раевский Н. Н. 300, 308, 309, 368, 369
Разумовский А. К. 171
Ракоци, майор 257
Раулинсон Г. 24
Ребров А. Ф. 42—46
Редедя, князь 13
Ренненкампф, генерал 259
Рейт, полковник 206, 265, 266
Риза-Гули-Мирза 102
Ришелье, дюк де- 143, 144
Розен А. Е. 357, 366
Розен Г. В. 250, 331
Ромье, французский эмиссар 171, 172
Ртищев Н. Ф. 154, 165, 166, 168, 185—187
Румянцев А. 22
Румянцев Н. Н. 150, 152, 184, 186
Румянцев П. А. 35
Руссо Ж. Ф. 170
Рыкоф, генерал 121—123, 131, 142, 143, 145, 146, 150, 153, 262
Рюффен, французский дипломат 172

Саварсамидзе, майор 262, 266
Савельев, генерал 44
Сагинашвили, капитан 262
Сайкс П. 24
Салех-паша 230, 235, 308
Салогубов, помещик 36
Самнэр Б. 34
Себастиани, французский дипломат 170, 173, 174, 177
Сеид-Ахмед-Эриб-эфенди 121, 122
Сеид-Мохаммед мунтенд 192, 196, 203, 231
Селим II 16
Селим III 126, 170, 172—174
Селим-паша Ахалцихский 111, 139, 314
Селим Химши-оглу см. Селим-паша Ахалцихский
Сен-При, граф 199
Серебров А. Г. 53
Сефевиды, династия 167
Сефер-бей Заноко 342
Симонович, полковник 138, 139, 250, 264
Синягин, генерал 270, 274
Скаржинские, помещики 36, 40, 42, 43
Скасси, купец 63, 65
Скибиневский, консул 106
Скирневский, лейтенант 78, 144
Смирнов Н. А. 27
Соломон I, царь 95
Соломон II, царь 111—116, 118, 143, 151, 249, 250, 345
Сохацкий, полковник 41
Спенсер Эдмунд 343
Сталин И. В. 91, 248
Сталь К. Ф. 296, 314
Степанов, майор 137
Столыпин, поручик 41
Стрейс Я. 19
Строганов Г. А. 188, 189
Стрэдфорд Каннинг, британский дипломат 183
Стюарт, британский эмиссар 343
Суворов А. В., генералиссимус 95, 155, 161
Сулханишвили, офицер 360
Сурхай-хан Казикумухский 129, 165, 267, 281, 317
Сурхай Стухский 316
Сухоруков В. Д. 361
Сысоев, генерал 41, 338

Таймазов Бейбулат 327, 329
Талейран Ш. М. 173, 175
Тамара, царица 14

Тарле Е. В., академик 3
Тарумов, помещик 37, 43
Татищев Д. П. 218
Таяр-паша Трапезундский 131, 143, 144
Темрюк, князь 15
Тернер Ф. 34
Тер-Саакян С. 95
Тимур, хан 322
Тироули, лорд 103
Титов П. П. 148
Толстой Л. Н. 155, 356
Толстой П. А. 21, 178, 179, 239
Томпсон Дж. 103
Тормасов А. П. 140, 141, 152—158, 181, 242, 249, 250, 264, 314
Торнау Н. 30
Тотоев М. С. 26
Требек 193
Трибодино, купец 70, 71
Тулатов Хазмурза 320

Угурлу-хан 203, 268
Уиллок Г. 278
Уркуарт Д. (Дауд-бей) 24, 342, 343
Устинов К., помещик 36
Ушаков, майор 148
Уэлси, лорд 105

Фат-Али-хан Кубинский 91, 95
Фатх-Али-шах 108, 110, 117, 118, 125, 137, 139, 167, 168, 172, 174, 185, 190—192, 196, 202, 204, 212, 213, 228, 231, 233, 234, 314, 320
Филатов А. 96
Финч Э. 102, 103
Франц, император 224
Фрейзер 193

Хаджи-Берзек 341
Хаджи-Салех-паша см. Салех-паша
Хаз-Мухаммед 327
Халдарян Григор 95
Харфорд Джонс 170, 181
Хассан-оглу, анапский паша 336, 337
Хвабулов Г. 94
Хвостиков, помещик 39
Хетагуров Коста 288, 296
Хор-Аузли 185, 186, 190, 193

Церетели, Зураб 116, 247
Церетели, князья 254, 258
Цицианов П. Д., князь 70, 108, 109, 111, 113—125, 130, 133, 135, 136, 143, 171, 242, 244, 247, 248, 304
Цицишвили Пата 109

Чавчавадзе А. Г. 29, 97, 223, 246, 278, 360, 361
Чавчавадзе Г. Р. 97
Чавчавадзе Нина 352, 360
Чавчавадзе Саломэ 360
Чарторийский А. 102
Чернышев, помещик 38, 40
Чернышев А. И., граф 240, 248 369
Чернышевский Н. Г. 370
Чичагов, адмирал 183
Чичуа Давид 262

Шаамирян Ш. 95
Шадури В. 355
Шамиль, имам 331, 333, 334
Шан-Гирей 42
Шанаев Б. 320, 321
Шафтон, купец 103
Шахназарян Д. М. 170
Шевченко Т. Г. 370
Шейх-Али-хан Кубинский 96, 165, 267
Шервашидзе Аслан-бей 149—151, 187, 255—258
Шервашидзе Гассан-бей 255
Шервашидзе Георгий (Сафар-бей) 149—151, 153, 163, 187, 255
Шервашидзе Дмитрий (Омар-бей) 255, 256, 257
Шервашидзе Келеш-бек 113, 117, 119—123, 130, 131, 143—145, 149, 150, 175, 187
Шервашидзе Константин 255
Шервашидзе Манучар 149, 263
Шервашидзе Михаил 255, 257
Шервашидзе Тамара 255
Шеретлуковы, уорки 302
Шериф-паша Ахалцихский 153, 154, 161, 262, 263
Ших-Али-хан см. Шейх-Али-хан Кубинский
Шишков А. А. 354, 355
Штедер 301
Штекль Г. 34

Щекатов А. 345

Эбердин, лорд 225, 229
Эванс Джордж 227, 228
Эдер Роберт 181
Эйхфельд, инженер 68
Элиязашвили 160
Элленборо, лорд 212
Эльтон Джон 102—104
Эмин Иосиф 95
Эмин-паша Карсский 158, 221
Эммануэль, генерал 41, 329, 330, 338
Энгельс Ф. 10, 126, 193—195
Энсгольм, капитан 30, 84
Эристави Д. 353, 360
Эристов Е. Е. 209, 258, 274
Эристовы 248, 254, 259
Эстергази, граф 224

Юлон, царевич 97, 108, 111 247, 249
Юрий Андреевич, князь 14
Юсуф-паша см. Зия-Юсуф-паша

Якуб-бек 118
Якубович А. И. 362, 363
Ярополк, князь 14
Ярослав, князь 13

УКАЗАТЕЛЬ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

(р.— река, г.— город, с.— селение, п-ов — полуостров)

Абадзехи 290, 295, 302, 338, 363

Абазины 131, 290

Аббас-Абад г. 208, 209

Абхазия 77, 87, 91, 113, 117, 119, 120, 121, 122, 130, 131, 132, 141, 143, 144, 145, 149—154, 163, 164, 169, 187, 189, 215, 254—259

Абхазские Алыы 77

Абхазское царство 14

Абхазы 63, 131, 256, 257

Авазгия см. Абхазия

Авария 283, 287, 289, 300, 331

Аварское ханство 296, 316

Аварцы 315, 316

Австралия 205

Австрия 171, 172, 179, 198, 218, 219, 224, 226, 228, 229, 239, 240

Агулы 316

Адагум р. 341

Аджария 77, 91, 130, 234, 236,263

Адрианополь г. 234, 237, 240

Адриатика 172, 198

Адыге (Адыги) 15, 283, 289, 296, 335

Адыгея 286, 289, 291, 295, 296, 300—302

Азербайджан 22, 26, 51, 52, 68, 71, 72, 78, 81, 82, 88, 91, 93, 96, 99, 102, 103, 105, 136, 137, 165—168, 174, 182, 193, 195, 197, 209, 212, 242, 260, 265, 268, 274, 279, 282, 292, 361, 373

Азербайджанцы 260

Азов г. 16, 20, 21, 23, 37

Ака (Акуа) г. см. Сухум

Аккерман г. 205, 214

Акко 18

Аксай 315

Алагирское ущелье 67

Алазани р. 79

Алашкерт г. 127

Алашкертская долина 222

Албания 240

Александровская крепость 38

Америка 205, 309, 369

Амир-Аджи-юрт укрепление 327

Анаклия с. 122, 123, 140, 151, 152, 162, 164

Анакра см. Анаклия

Анапур с. 54, 247, 313

Анапа г. 131, 140, 152, 154, 162, 164, 188, 219, 220, 230, 236—238, 257, 313, 329, 336—342, 346

Анатолия 55, 101, 174, 339
Англичане 57, 103, 104, 172, 196, 206, 209, 210, 225, 232, 300
Англия 25, 102, 105, 106, 117, 170, 171, 179, 181—183, 189, 190, 198, 200, 201, 207, 210, 216—220, 224, 225, 227—229, 240, 343
Андаляль с. 333
Андреевская крепость 38
Арагац (Алагез) гора 191
Арагва р. 53, 110, 247, 313
Аракс р. 79, 118, 137, 141, 151, 164—166, 168, 185, 201, 203, 206—213, 231, 236, 267, 268, 274, 277, 279
Арарат гора 211, 236
Ардаган г. 126, 222, 237
Ардебиль г. 213, 274
Армения 55, 74, 78, 82, 88, 126, 129, 137, 158, 173, 191, 193, 195, 209, 220, 222, 231, 235, 237, 238, 260, 270, 271, 273, 274, 277, 279, 361
Армянс 14, 94, 95, 208, 260, 262, 265, 266, 271—273, 276, 277, 279, 373
Армянская область 241, 279
Армянская республика 95
Армянское нагорье 77, 78, 235, 277
Армянское царство 95
Арпачай р. 147, 148, 168, 176
Арсианский хребет 77
Артаани см. Ардаган
Артвин г. 236
Асландуз с. 165, 185
Асландузский брод 164
Асландузское укрепление 166
Ассам 193
Астара с. 76, 168
Астрахань г. 16, 37, 48, 51—54, 62, 64, 66, 67, 102, 103, 110, 111, 134, 168
Аустерлиц с. 126, 177
Афганистан 103, 193
Афины г. 215
Афинс р. 341
Ах-оглы с. 165
Ахалкалаки г. 78, 130, 142, 146, 154, 156, 158—162, 164, 182, 222, 236—238
Ахалкалакский санджак 159, 162, 188
Ахалкалакское плато 78, 146
Ахалцихе г. 78, 114, 126—130, 154, 157, 158, 187, 237, 238, 249, 267, 276, 277
Ахалцихская область 238
Ахалцихский пашалык 114, 141, 142, 162, 188, 222, 236, 238
Ахалцихский хребет 77
Ахмета с. 250
Ацхури (Ацкури) с. 130, 222

Багдад г. 170, 194, 195
Багуляль с. 333
Байбурт 235, 237
Баксан р. 284, 307
Баку г. 22, 51, 53, 58, 64, 70, 100, 106, 110, 111, 125, 134, 141, 152, 167, 168, 175, 207
Бакинское ханство 241
Балканский п-ов 172, 198, 226
Балканы 179, 215, 223, 224, 226, 230, 234
Балкария 284, 291
Баталпашинская станица 319
Батум (Батуми) 76, 119, 130, 140, 153, 154, 158, 236, 237, 338
Башлы с. 316
Баязет г. 127, 137, 174, 222, 238, 275, 277
Баязетский пашалык 147, 230, 236
Белая Вежа г. 12, 13
Белград г. 223
Беломечетская станица 319
Бендер-Бушир г. 104, 194, 209, 230

Берда г. 142
Берлин г. 225, 226
Бесла р. 150
Бессарабия 175
Бжедухи 283, 295, 302
Бзиюк р. 302
Бзыбь р. 164, 256
Бирма 193
Битлис г. 235
Блистательная Порта см. Турция
Болгария 173
Бомборская бухта 257
Бомборы 340
Боржоми с. 130
Боржомское ущелье 129, 222, 234, 264
Борчало 129
Босния 240
Босфор 179, 240
Браилов г. 220
Британия см. Англия
Буйнак 315
Бурная крепость 307, 330
Бухара г. 53, 57, 103, 193, 322
Бухарест г. 162, 183, 187
Бушир см. Бендер-Бушир

Валахия 126, 177, 215, 220, 319
Ванский пашалык 147
Вардцихе 249
Варна г. 220
Ватерлоо с. 227
Великент с. 317
Великобритания см. Англия
Вена г. 171, 223—225
Венгрия 224
Виддин г. 173
Висла р. 163
Владикавказ г. 61, 110, 247, 280, 282, 307, 313, 321
Владимировка с. 44, 45
Внезапная крепость 307, 330
Волга р. 16, 18, 51, 54, 64, 103, 104
Волынь 157
Воронеж г. 133, 247
Воронежская губерния 35
Восточная Пруссия см. Пруссия
Восточный Тавр 78
Всесвятское 94

Гагры укрепление 189, 340, 341, 343
Галиция 224
Ганджа г. 51, 111, 115, 125, 165, 182, 206, 207, 268, 269
Ганджинское ханство 115, 241, 268
Геленджик укрепление 341, 343
Георгиевск г. 45, 61, 109, 111, 281, 313
Георгиевская крепость 38, 304
Гергель-аул с. 327
Германия 171, 226
Герцеговина 240
Гилян 54, 103
Гимры с. 329, 331
Гоние с. 140
Гори г. 78, 134, 158, 159
Горийский уезд 107, 259, 275
Горячая гора 67
Гоцатльское ханство 316
Греки 197, 215
Греция 198—200, 216, 219, 225, 226, 229, 319
Григолети р. 263
Григориополь г. 94
Грозная крепость 307, 315
Грузины 14, 53, 94, 260, 261, 266, 273, 276, 277
Грузия 21, 28, 29, 53, 54, 56, 59, 67, 68, 70, 73, 74, 76, 78, 80, 82—89, 91, 96—98, 100—102, 105—108, 110—115, 117—120, 122, 124—127, 129, 130, 132—143, 145, 147—149, 151, 152, 156—158, 163, 164, 167—169,

174—176, 181, 182, 186—189, 191, 193, 195, 204, 207, 209, 222, 223, 234, 236—238, 242—254, 258, 260, 265—268, 275, 276, 279, 282, 292, 304, 314, 335, 345, 347, 351, 352, 354, 357, 359—361, 373
Губден с. 301
Гурийцы 263
Гурия 91, 93, 113, 117, 141, 143, 154, 158, 163, 169, 187, 188, 190, 236, 238, 267, 276, 282
Гюлистан с. 167
Гюмри укрепление 127, 147, 148, 205
Гюмюшхане г. 235, 237

Дагестан 16, 17, 21, 22, 51, 52, 66, 72, 110, 125, 165, 167, 267, 269, 280, 284, 286, 287, 291—293, 295, 296, 298—300, 310, 315—318, 320, 322, 324—328, 331, 350
Далмация 172, 173
Дараут-чай р. 166
Даргинцы 316
Дарданеллы 179, 229, 240
Дарьял 313
Дербент г. 17, 22, 51, 54, 100, 110, 125, 301, 315—317, 330, 362
Дербентская провинция 317
Дербентский округ 72
Дербентское ханство 315
Дех-Карган с. 209, 211—213
Джангили с. 364
Джаро-Белаканская область 111, 267
Джаро-Белаканский округ 241
Джарская область см. Джаро-Белаканская область
Джеван-Булак р. 208
Джепгутай с. 316
Дигория 305
Днестр р. 94, 157, 173
Добруджа 220
Дон р. 12, 16, 18, 21, 33, 37, 44, 45, 94
Донская крепость 38
Думаниси с. 156, 158
Дунай р. 155, 158, 161, 164, 173, 178, 219, 220, 223—225
Дунайские княжества 140, 179, 218, 219
Душети г. 247
Душетский уезд 107

Евфрат р. 179, 195, 367
Египет 170, 240
Егорлык р. 13
Екатериноград г. 61, 321
Екатеринодар г. 45
Екатерининская крепость 37
Екатеринославское наместничество 35
Елизаветпольский округ 115, 241
Ереван г. 118, 119, 151, 154, 180, 208, 209, 247, 265, 271—273, 275, 364
Ереванское ханство 74, 124, 141, 168, 180, 191, 211, 213, 238, 241
Ея р. 16, 23

Закубанье 290
Зангезур 168, 265
Зекарский перевал 250
Зеленчук р. 319
Золотая Орда 15, 16

Изгаур с. 140
Иллирийские провинции 198
Илори с. 259
Имеретинское царство 91, 93, 117
Имеретия 56, 93, 110—116, 118—120, 122, 124, 141—143, 163, 169, 182, 187, 190, 238, 249, 250, 258, 276, 282, 345
Ингур (Ингири) р. 122
Ингушетия 290

Ингуши 291, 295
Инд р. 193, 195
Индия, Индостан 24, 25, 51—53, 56, 104, 105, 179, 183, 194, 195, 205, 209, 227, 228, 239, 273
Ионические острова 198
Иран см. Персия
Испанцы 309
Истрия 172
Исфаган 180
Италия 71, 171

Кабарда 20, 21, 23, 67, 280, 281, 290, 294, 295, 305, 312—314, 318, 335
Кабардино-Балкария 284, 292
Кабардинцы 16, 19, 23, 49, 61, 283, 305, 314, 319
Кавказская губерния 41, 69
Кавказская область 48, 62
Кавказские Минеральные Воды 67
Казанищи с. 315
Казахская область 192
Казахская провинция 264, 266
Казбек, Казбеги 247, 282
Казикумухское ханство 316
Каиилы с. 235
Какинское ханство 316
Калаус р. 36
Калдахвара с. 256
Калькутта г. 57
Карабах 36, 93, 133, 165, 169, 182, 207, 266, 279
Карабахское ханство 191, 241, 265
Карабудахкент 315
Кара-Дербентский проход 127
Каракайтаг 317
Каракайтагское уцмийство 316
Карачаевцы 290
Карачаи 284, 290
Карс г. 55, 56, 127, 129, 137, 138, 147, 220, 221, 237, 238, 277, 364
Карсский напалык 124, 127, 141, 154, 188, 191, 230, 236
Карс-чаи р. 221
Карталиния, Картлия 93, 107, 110, 111, 118, 119, 124, 129, 142, 154, 158, 247, 275
Картли-Кахетинское царство 91, 98, 100, 140, 245
Касоги 13
Каспийское море 11, 12, 21, 51, 53, 56, 59, 64, 76, 79, 103, 104, 106, 110, 111, 124, 125, 141, 168, 180, 183, 211, 213, 214, 259
Кахетия 26, 107, 111, 250—252, 268, 275, 307
Каширский уезд 35
Кельмечуро 108
Керченский пролив 13
Керчь г. 63, 110
Киев г. 12, 14
Кизляр г. 36, 37, 43, 48, 54, 60—62, 67, 70, 330
Кизлярский округ 43
Кизлярский уезд 36, 42, 70
Кисловодск г. 312, 313
Кисловодское укрепление 281
Китай 58
Коби с. 247, 313
Колхида 77
Константиногорская крепость 61, 67, 308
Константинополь г. 22, 56, 114, 117, 121, 169, 171—174, 177, 179, 181, 183, 184, 188, 189, 194, 201, 218, 220, 223, 224, 229, 235, 237
Костек с. 315
Краснодарский край 13
Крит 240
Кронштадт г. 228
Круглолесское с. 318

Крым, Крымское ханство 16, 78, 94, 101, 111, 119, 143, 145, 151, 153, 163, 164, 172, 173, 175, 228
Кубань р. 12, 16, 21—23, 48, 49, 61, 62, 64, 95, 154, 178, 238, 280, 290, 308, 313, 314, 318, 319, 335, 338, 340, 341
Кубати с. 301
Кубачи с. 293
Кубинское ханство 241
Кулевча с. 234
Кульп г. 211
Кума р. 38, 40, 43, 49
Кумух с. 317
Кумыки 19, 61, 283, 291
Кура р. 79, 125, 168, 234
Курдистан 182
Куро-Араксинская низменность 88
Курахское ханство 315
Кутаиси (Кутаис) г. 93, 143, 157, 249, 250, 264
Куртатинское ущелье 67
Кюрдамир с. 326
Кюринское ханство 315, 326

Лаба р. 49
Лазистан 77, 130
Ларс с. 281, 321
Лезгины 267, 316, 320
Лейпциг г. 57, 59, 282
Ленкоранский уезд 72
Ленкорань г. 106, 167
Лечхум (Летчгум) 68, 113, 345
Лондон г. 102, 216, 224—227, 229, 238
Лори, Лорийский уезд 107, 266
Лыхненское укрепление 257, 258
Лыхны с. 256, 257

Маджары г. 38
Мадрас г. 57
Майсор 104
Мзка р. 49, 290, 318
Малая Азия 230, 235
Малый Кавказ 76, 78, 157, 222
Малязкерт г. 230
Манглиси с. 130
Маныч р. 16, 33
Маранд г. 274
Марица р. 234
Марьинская крепость 37
Марсель г. 57
Махоши 283
Мегрелия (Мингрелия) 68, 91, 112—116, 119—122, 124, 131, 141—143, 149—153, 163, 164, 169, 187, 190, 238, 255, 262—264, 267, 282, 345
Мекка г. 306, 329
Месопотамия 179
Мескетия 91, 114
Мехтулинское ханство 316
Мешхед г. 102, 103
Миане г. 213
Миллидюз г. 235
Минская губерния 109
Миссолунги г. 215
Моздок г. 37, 60, 280, 304, 307
Молдавия 126, 175, 177, 215, 319
Молтаква р. 153, 262, 263
Морея 225, 226
Москва г. 15, 17, 51, 59, 164, 175
Московская крепость 38
Мтиулетия 247
Муганская степь 267
Муш г. 127, 230, 235
Мцхета г. 359
Мюнхен г. 34

Наваринская бухта 216
Назрановское укрепление 307
Нальчик г. 319
Натухайцы (Натхокуаджи) 295, 337, 338, 343
Наурская станица 61

Пахичеван (Пахичеванъ) 94, 151, 208, 275
Пахичеванское ханство 74, 168, 210, 213, 238, 241
Невинномысская станица 319
Нижнее Поволжье 11, 16
Новороссийская губерния 35
Новороссия 35, 36
Новочеркасск г. 78
Нуха г. 71
Нью-Йорк г. 11

Обезы см. Абхазы
Овечий брод 61
Одесса г. 144, 199
Одиши, Одишийская область см. Мегрелия
Озургети г. 188
Окоцкая слобода 18
Ольты (Олтиси) г. 126
Осетины 15, 283, 291
Осетия 53, 67, 247, 259, 282, 290—292, 295, 312, 314, 320, 321, 335
Османская империя см. Турция
Оттоманская империя см. Турция

Павловская крепость 37, 304
Памбак, Памбакская долина 142, 182, 266
Парауль с. 330
Париж г. 56, 169, 172, 179, 216, 225—227, 233
Пассинская равнина 126
Передняя Азия 76, 88, 105, 176, 183, 194, 226, 372
Персидский залив 105, 106, 181, 194, 195
Персия 9, 21, 25, 30, 51—59, 66, 71, 85, 92, 98, 100, 102—104, 106, 108, 124, 133, 136, 137, 149, 151, 152, 164, 168—171, 173, 174—176, 180—184, 186, 190—197, 202—205, 207—212, 214, 226, 230—232, 234, 238, 247, 252, 253, 260, 262, 267, 279, 326, 329, 346
Петербург г. 52, 53, 56, 62, 64, 66, 67, 78, 83, 95, 102, 103, 106, 108, 114, 119, 123, 138, 139, 141, 150, 151, 155, 170, 175, 186, 189, 190, 192, 193, 200—202, 211, 212, 218, 219, 223, 230, 232, 237, 238, 240, 255, 282, 305, 340, 345
Пицунда 340
Поволжье 16
Подкумок р. 308, 313
Подонье 11, 16
Покойное с. 69
Польское королевство 102
Понтийский Тавр 77
Порта см. Турция
Порта Оттоманская см. Турция
Португалия 227
Поти г. 105, 119—121, 130, 131, 140—142, 145, 146, 152, 153, 162, 164, 188, 219, 222, 230, 236—238, 249, 255, 262, 264, 276, 338, 340
Приазовье 64
Приднестровье 35
Прикаспье 17
Прикаспийская низменность 40, 79, 291, 292
Прикубанские степи 77
Прикубанье 45, 48, 61
Причерноморье 64
Прохладная станица 61
Пруссия 172,175,178,226,228,229
Пшавия 79, 86
Пшада р. 64
Пятигорск г. 45
Пятигорский округ 43
Пятигорье 281, 312

Рача 68
Редут-кале 56, 119, 124, 135, 145, 146, 153, 164, 188, 262
Решт г. 103, 104

Рион (Риони) р. 23, 79, 140, 141, 146, 154, 162, 164, 178, 262
Рионская равнина 77
Ростов на Дону г. 48, 110
Рутульское ханство 316
Рутульцы 316
Рущук г. 187

Саганлугский хребет 235, 236
Садзы (Джигеты) 295, 343
Сал р. 16
Сальяны с. 100
Саратов г. 103
Сардар-Абад г. 208
Саркел г. 12
Сарытюз 284
Сванетия 79, 86, 91, 113
Севан озеро (Гокча) 192
Севастополь 119, 173, 228, 258
Северная крепость 38
Сербия 179, 214, 215, 219, 240
Сибирь 255, 314, 322, 357
Сигнах (Сигнахи) г. 250, 251
Сигнахский уезд 108
Силистрия г. 220, 234
Сирия 170
Сиухское ханство 316
Слободзея г. 177
Смирна г. 52, 57
Согратль с. 317
Солдатская станица 318
Сомхетские горы 146, 156
Сомхетия 133
Средиземное море 51, 229
Средиземноморье 76, 169
Ставропольская возвышенность 38
Ставрополь, Ставропольская крепость 38, 45, 61
Ставрополье 38, 39
Стамбул см. Константинополь
Степное Предкавказье 11, 12, 15—17
Суанеты, Суанетия см. Сванетия
Судан 326
Суджук-кале 162
Сулак р. 330
Сунжа р. 15, 49, 307, 314
Сурами с. 130, 157, 264
Сурамский хребет 76, 77
Сухуми (Сухум, Сухум-кале, Сухумская крепость) 110, 117, 119, 120, 130—132, 140, 141, 143, 144, 149—151, 154, 162, 164, 188—190, 215, 255—258, 343, 344, 346, 368, 369
США (Соединенные Штаты Америки) 34
Табасаранское майсумство 316
Таврида 116, 119
Тавриз г. 56, 97, 105, 166, 180, 194, 197, 207, 209, 212, 230, 231, 249, 258
Таврическая область 153
Таврия 249
Талышское ханство, Талыш 167 168, 191, 203, 241
Таманский п-ов 13, 16
Тамань 22, 140
Тамбов г. 133
Тарки г. 330
Татарская слобода 18
Тегеран г. 105, 164, 171, 172, 174, 180, 181, 185, 190, 195, 196, 203, 204, 212, 213, 230, 231, 233, 274, 328
Телав (Телави) г. 250
Телавский уезд 107, 250
Темиргои 295
Терек р. 15—20, 36, 37, 43, 48, 49, 53, 54, 60, 66, 71, 110, 167, 190, 206, 247, 280, 290, 307, 314, 329
Терки г. 66
Терский город 17, 18
Тертер р. 142
Тигр р. 195, 235
Тильзит г. 176—179

Тифлис (Тбилиси) г. 29, 55—58, 64, 68, 70, 78, 92, 93, 100, 105, 107—111, 118, 125—127, 129, 130, 133, 134, 142, 147, 167, 169, 175, 181, 182, 206, 207, 236, 247, 249, 254, 255, 266, 267, 270, 271, 275, 280, 282, 321, 351, 357, 359—36'
Тмутаракань 13
Топоровани 156
Трам с. 308
Трансильвания 198
Трапезунд г. 130, 131, 141, 154 158, 194, 195, 226, 235, 250, 255, 336
Триалетия 129
Триалетский хребет 159
Триест г. 57
Туапсе р. 342
Тула г. 247
Турецкая империя см. Турция
Туркестан 195
Турки 16, 23, 111, 112, 119, 126, 128, 142, 143, 145, 147, 148, 154, 161, 164, 170, 177, 216, 229—231, 263
Туркманчай с. 213, 238
Турция 9, 16, 17, 21, 22, 25, 30, 32, 51, 55, 58, 74, 85, 101, 106, 112—115, 117, 121—124, 126, 128, 130, 132, 136—141, 143—145, 149—151, 158, 162—164, 169—182, 184, 186—188, 191, 195, 198, 202, 204, 211, 215, 220, 223, 228—230, 235, 236, 239, 240, 252, 253, 258, 260, 261, 276, 279, 319, 322, 323, 335, 336, 339
Убыхи 295, 343
Украина 18, 36, 48
Ульм г. 126
Ущукуль с. 332
Урмия г. 213
Уруп р. 49, 319
Усть-Лабинская 61
Утамышское султанство 316
Финкенштейн г. 176
Фландрия 227
Франция 71, 124, 125, 132, 157, 169, 171, 172, 174, 176—179, 183, 216—218, 220, 225, 226, 228, 229, 240
Французы 173
Фридланд г. 177
Хазары 13
Ханийское ущелье 250
Ханкальское ущелье 307
Хатукаи 295
Хевсуретия 86, 247
Херсонский уезд 35
Хертвиси с. 161
Хопи р. 119, 131, 164
Хорасан 193
Храми р. 159
Хунзах с. 330, 333
Хыныс г. 235
Цалка с. 7 , 130, 142, 146, 156—159, 264
Цебельда 369
Цихес-Джвари хребет 222
Цхенис-цхали р. 113
Чаладиди с. 262
Чанстия см. Лазистан
Чегем р. 284, 307
Черек р. 307
Черкасск г. 38
Черкасская слобода 18
Черкасские горы 19
Черкесия 77, 339
Черкесы 16, 49, 63, 131, 300, 309, 337, 339, 358, 359, 366
Черногория 240
Черное море 11, 12, 15, 22, 33, 35, 59, 63, 76, 79, 105, 110, 111, 122, 126, 131, 140, 141, 143, 144, 146, 151, 154, 162—164, 170, 172—174, 176, 178—180, 183, 189, 193, 194, 215, 238, 259, 340—343

Ширáз 195
Ширак 191
Ширван, Ширванское ханство, Ширванская провинция 125, 241, 267, 269, 326
Шумла г. 220, 224, 234
Шурагель, Шурагельская область, Шурагельский султанат 124, 129, 191
Шуша г. 165, 206, 207, 265, 266
Элисуйское султанство 316
Эллада 359
Эндери 315
Эпзели г. 180
Эрзерум г. 55, 56, 126, 127, 129, 137, 141, 174, 194, 227, 230, 235, 238, 277, 364
Эриванская провинция 74
Эриванское ханство см. Ереванское ханство
Эрпели с. 315
Эчмиадзин 118, 208
Яик р. 18
Яраг с. 326, 328
Черноморье 44
Черный рынок с. 40, 41
Чеченцы 49, 283, 291, 295, 303, 314, 315, 320
Чечня 267, 290, 291, 295, 307, 310, 315, 320, 322, 325—329, 331, 353
Чирах с. 317
Чорохи (Чорохи), р. 236
Шавшетский хребет 77
Шамхор г. 115, 208
Шамшадильская провинция 192, 264, 266
Шансуги 64, 283, 285, 343
Шах-даг 192
Швейцарские Альпы 161
Швеция 228
Шебше р. 341
Шека, Шекинское ханство, Шекинская провинция 54, 71, 125, 165, 241, 269
Шемаха г. 17, 51, 54, 103

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава I

Социально-экономические предпосылки активизации политики царизма на Кавказе 32

1. Колонизация предкавказских степей 32
2. Значение Кавказа для русской торговли 51
3. Кавказ как сырьевая база для русской промышленности 65

Глава II

Борьба за плацдарм в Закавказье 75

1. Присоединение к России — основная тенденция политической жизни Закавказья на рубеже XVIII—XIX вв. 75
2. Первые дипломатические успехи России в Закавказье 101
3. Судьбы Закавказья и западная дипломатия 169
4. Дальнейшее укрепление позиций России в Закавказье 205
5. Отношение народов Закавказья к внешнеполитическим событиям первой трети XIX в. 241

Глава III

Особенности включения в состав России Северного Кавказа 280

1. Активизация завоевательной политики царизма на Северном Кавказе 280
2. Антиколониальные движения кавказских горцев. . . 309
3. «Кавказская война» и русское общество 345

Заключение 372

Источники и литература 375

Список сокращений 379

Указатель имен 380

Указатель географических и этнических названий 388

Анатолий Всеволодович Фадеев

Россия и Кавказ в первой трети XIX века

Утверждено к печати Институтом истории Академии наук СССР

Редактор Издательства *А. Л. Кузовлев*

Переплет художника *А. М. Олевского*

Технический редактор *К. А. Колокольников*

РИСО АН СССР №49-5Р. Сдано в набор 3/IX 1960 г.
Подписано к печати 28/X 1960 г. Формат 84×108¹/₃₂
Печ. л. 12¹/₂ Усл. печ. л. 20¹/₂ Уч.-изд. л. 21,2 Тираж 2500 экз.
Т-12373 Изд. № 4915 Тип. зак. № 978

Цена 15 руб., с 1/I 1961 г. 1 р. 50 к.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

КОНТОРА «АКАДЕМКНИГА»

Имеются в продаже следующие книги

Волков С. И. Крестьяне дворцовых владений Подмосковья в середине XVIII века. (30—70-е гг.). 1959. 263 стр. 9 р. 40 к.

Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. (хозяйственное освоение). 1959. 279 стр., 4 вкл. 12 р. 20 к.

Егиазарова Н. А. Аграрный кризис конца XIX в. в России. 1959. 192 стр. 7 р.

Из истории империализма в России. Труды Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР. Т. 1. 1959. 485 стр. 20 р. 40 к.

Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика Иосифа Абгаровича Орбели. 1960. 527 стр. 27 р. 50 к.

Кафенгауз Б. Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. 1958. 355 стр. 16 р.

Материалы по истории СССР. Вып. VI. Из истории монополистического капитализма в России. 1959. 800 стр. 31 р. 30 к.

Мочалов В. Д. Крестьянское хозяйство в Закавказье к концу XIX века. 1958. 492 стр. 21 р.

Никифоров Л. А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. 1959, 498 стр. 30 р.

Орбели Р. Р. Грузинские рукописи. Вып. 1. 1956. 184 стр. с илл. 11 р. 15 к.

Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. 1957. 456 стр. 19 р. 45 к.

Фадеев А. В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. 1957. 260 стр. 9 р. 20 к.

Фадеев А. В. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX в. 1958. 396 стр. 17 р.

Для получения книг почтой заказы направлять в контору «Академкнига»:

Москва, Центр, Б. Черкасский пер., 2/10
Отдел «Книга — почтой» конторы «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»

Москва, ул. Горького, 6 (магазин № 1); Москва, 1-й Академический проезд, 55/5 (магазин № 2); Ленинград, Литейный проспект, 57; Свердловск, ул. Белинского, 71-в; Киев, ул. Ленина, 42; Харьков, Гоголевский пер., 4/6; Алма-Ата, ул. Фурманова, 129; Ташкент, ул. Карла Маркса, 29; Баку, ул. Джапаридзе, 12.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
36	7 св.	Скваржинское	Скаржинское
67	12 св.	заисс	панес
81	5 сн.	ЦГИА	ЦГИАГ
107	2 св.	равпые	ровные
128	6 сн.	Зия-Юсуд-паша	Зия-Юсуф-паша
137	12 св.	Баба-хана	Каджаров
178	16 сн.	Слабодзейское	Слободзейское
256	15 сн.	повышены	повешены
305	4 св.	Дигори	Дигории
307	24—25 св.	шаммала	шамхала
342	11 св.	при взятии впослед-ствии	впоследствии
379	2 св.	Археологической	Археографической
393	лев. кол. 1 сн.	Млка	Малка
Карта	(в легенде)	Аджария	Гурия

Цена 15 руб.

С 1/I 1961 г. 1 р. 50 к.